

ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет»
Центр филологических исследований

С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич

НА ЗОЛОТОМ ПОРОГЕ НЕМЕРКНУЩИХ ВРЕМЕН

*Поэтика имён собственных
в произведениях Н. Клюева*

Вологда
2006

К 1374800

Вологодская областная
универсальная
библиотека им. К. Маркса

81.411.2

+кр +кмл

ББК 81.411.2-316

С 51

81.411.2-400

Авторы:

1. Русский язык -

Смольников Сергей Николаевич, *Смольников*
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Вологодского государственного педагогического университета;

Яцкевич Людмила Григорьевна, *Яцкевич*
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Вологодского государственного педагогического университета.

Научный редактор –

Судаков Гурий Васильевич,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
русского языка Вологодского государственного педагогического
университета.

С 51

Смольников С. Н., Яцкевич Л. Г. На золотом пороге немеркнущих
времен: Поэтика имен собственных в произведениях Н. Клюева. – Во-
логда, 2006. – 262 с. – ISBN 5-87822-307-4

ББК 81.411.2-316

В книге рассматривается поэтика имен собственных в творчестве
Н. А. Клюева, исследуются основные ассоциативно-образные особенности то-
понимов, теонимов, антропонимов и мифонимов, источники клюевской онома-
стики. В приложении публикуется «Алфавитный частотный указатель имён
собственных в поэзии Н. А. Клюева».

Книга предназначается филологам, студентам, преподавателям, школь-
ным учителям, специалистам в области ономастики, а также всем любителям
поэзии Н. А. Клюева.

Книга подготовлена и издана в соответствии с постановлением Прави-
тельства Вологодской области № 877 от 22.09.2003 г. «О мероприятиях по
формированию и внедрению социально значимых направлений поддержки
русского языка в Вологодской области с 2004 по 2006 г.».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ОБРАЗНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА	9
1. Этнокультурное содержание имён собственных в творчестве Н. А. Ключева в свете исторической поэтики (Л. Г. Яцкевич, С. Н. Смольников)	9
Имена собственные в поэзии Н. А. Ключева и поэтика синкретизма	10
Влияние поэтики традиционализма на образное содержание имен собст- венных в поэзии Н. А. Ключева	30
Художественная модальность в поэтическом ономастике Н. А. Ключева	36
2. Способы образной семантизации имён собственных в художественном тексте (С. Н. Смольников)	38
Свойства имени как словесного знака	39
Прецедентные имена и их семантика на «входе» в текст	40
Автопрецедентность имен собственных в поэзии Н. А. Ключева	50
Смысловые сдвиги в семантике ИС, обусловленные новой функцией в тексте	52
Контекстуальная мотивация образной семантики ИС	58
Глава II. ТОПОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ (Л. Г. Яцкевич)	64
1. Историко-культурные зоны, представленные топонимами и этнонима- ми в творчестве Ключева	64
2. Поэтическая география Ключева	71
3. Библейские истоки поэтической географии Н. Ключева	73
4. Древнерусские истоки поэтической географии Н. Ключева	77
Этноцентричность	79
Рай-Ад	80
Восток-Запад	84
Славянство-остальной мир	88
Святая Русь-остальной мир	91
Святая Русь = Древняя Русь, Русская земля	92
Русь-племя	92
Русь-сословие	94
Русь-область	98
Русь-государственная территория	102
5. Карты	104
6. Вологодские топонимы в поэзии Ключева	106
Место вологодских топонимов в поэтической географии Н. А. Ключева	106
Этноцентричность поэтической географии Н. А. Ключева и вологодские то- понимы	113
Глава III. ТЕОНИМЫ, АГИОНИМЫ И БИБЛЕИЗМЫ (Л. Г. Яцкевич)	119
1. Материалы к словарю теонимов в поэзии Ключева	119
2. Имена Бога	120
3. Имена Богородицы	123
4. Библейские имена	127
5. Имена святых (агионимы): Святитель Николай Чудотворец	133

Глава IV. РУССКИЕ АНТРОПОНИМЫ	148
1. Мужские имена (Л. Г. Яцкевич)	148
Николай Клюев (Имена собственные лирического героя)	148
Сергей Есенин	154
Андрей Рублёв	159
Григорий Распутин	159
2. Женские имена (С. Н. Смольников)	161
Глава V. МИФОНИМЫ	173
1. Материалы к словарю мифонимов в поэзии Н. А. Клюева	173
2. Китеж (С. Н. Смольников)	175
3. Индия (С. Н. Смольников)	188
4. Китоврас (Л. Г. Яцкевич)	203
Заключение	220
Источники	223
Условные сокращения	223
Литература	226
Приложения	232
Алфавитный частотный указатель имён собственных и их производных в поэзии Н. А. Клюева	232
Список имен собственных и их производных, повторяющихся в поэзии Н. А. Клюева, по убыванию частоты	259

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение поэтических имен собственных имеет огромное значение для современной науки. На всех этапах развития поэтики человеческая культура осмысливалась посредством порожденных ею имен собственных (ИС). Без обращения к языку поэзии невозможно в полной мере представить, как изменялся концепт ИС в русской культуре, каким образом преломляется культурный опыт и культурное наследие в сознании отдельного человека, в творчестве выдающихся художников слова.

ИС в художественном тексте являются объектом изучения стилистики и лингвопоэтики, литературной ономастики (О. И. Фонакова), ономапоэтики и ономастилистики (Э. Б. Магазаник, Л. И. Ройзензон), поэтической ономастики и ономастической поэтики (В. М. Калинин). В последние десятилетия литературная ономастика и ономапоэтика изучаются очень интенсивно. В основном объектом пристального внимания исследователей является ономастическое пространство, ономастическая парадигма текста и в целом творчества писателя или поэта, а также семантическая и функциональная специфика ИС в тексте. Общие вопросы изучения имен собственных решались в трудах В. Н. Михайлова, Ю. А. Карпенко, М. В. Карпенко, Э. Б. Магазаника, О. И. Фонаковой, В. М. Калинкина, В. И. Супруна и др. исследователей. К числу нерешенных проблем до сих пор относится определение границ ономастической лексики в художественном произведении, поскольку они в индивидуально-авторской речи оказываются весьма размытыми. По-разному определяется состав собственно литературных имен. Имеются расхождения в описании их семантики и функций. Поставлена, но не решена проблема поэтики ИС в исторической перспективе [Лихачев 1958]. И наконец, методы изучения литературных онимов разрабатываются преимущественно на материале отдельных прозаических [Алейникова 1991, Альтман 1975, Горбаневский 1988, Дорогая 1985, Иванова 1987, Колоколова 1961, Рогозина 1991, Семенов 1996, Силаева 1977, 1986, Фролова 1993 и мн. др.] и драматургических [Андреева 1995] произведений. Поэтическая ономастика исследована в меньшей степени [Григорьев 1976, Некрасова 1976, Хамовникова 2000, Мартыненко 2002 и др.].

Лексикография поэтических онимов находится пока в стадии становления. Первый опыт сводного словаря ИС в русской поэзии (СИРП) охватывает творчество десяти русских поэтов (Анненский, Ахматова, Блок, Есенин, Кузмин, Мандельштам, Маяковский, Пастернак, Хлебников, Цветаева), поэзия Клюева осталась незаслуженно забытой.

Творчество Н. А. Клюева – уникальное явление, в нем отмечено более двух тысяч употреблений имен собственных. Здесь широко представлены и окказионально-авторские онимы (*Коврига, Врата Красоты, Лес лукавых размышлений, остров Знамен и Струн, Всадник Саврасый*), и переосмысленные ИС (*Ржаной Назарет, Индия-Русь, Сермяжный Восток*), и условно-поэтические имена (*Аринушка, Парасковья, Вавила, Аким* и др.). Однако основная часть поэтического ономастикона Клюева – это воплощенные реальные имена людей (*Андрей Рублев, Елеазар Анзерский, Олимпий Печерский, Иван Третий, Данте, Марк Аврелий, Сергей Есенин, Гейне, Верлен, Пушкин, Тютчев, Ахматова, Рылов, Распутин, Ленин, Маркс, Лассаль* и др.), больших и малых географических объектов (*Андома, Кулдо-оя, Волга, Нил, Китай*), космонимы (*Стрелец, Сириус, Марс*), клички животных (*Серко, Арапка, Мурка, Валетка*), названия художественных произведений (*«Царская невеста», «Белый скит»* и др.) и все другие известные разряды ИС. Художественный мир Клюева наполнен собственными именами, и поэзия Клюева в первую очередь это ономастическая поэзия, об этом красноречиво свидетельствует публикуемый в приложении к книге частотный словарь ИС.

Многие имена, употребленные Клюевым, требуют специальных разысканий, тщательного лингвокультурологического комментария. Именно в этом видят авторы настоящего издания первоочередную задачу научного описания клюевского ономастикона на начальном этапе его изучения. Грандиозная поэтическая система онимов – Словарь имен собственных в поэзии Клюева – в дальнейшем может стать самостоятельным объектом литературной ономастики.

Словарь имён собственных у Клюева составляет около полутора тысяч слов (ПСК). Среди них преобладают прежде всего теонимы, мифонимы, личные имена и топонимы. Причём многие из них используются многократно. Вот некоторые примеры. Частотны такие топонимы и родственные с ними слова, как: *Русь, Россия, Русская земля, российский, русский* – 168, *Олонецкий, олончане* – 24, *Карелия, Карела, карельский, карел* – 22, *Китеж, китежский* – 17, *Онега, Онегушко, онежский* – 17, *Ладога, ладожский* – 16, *Кама, камский* – 14 [Яцкевич, Виноградова, Головкина 2000]. Частотны такие антропонимы и родственные с ними слова, как: *Парасковья (Прасковья, Парасковьюшка, Паня, Параня, Параша, Паша, Пашенька)* – 57, *Андрей Рублёв (Андрей, Рублёв, рублёвский)* – 26, *Микола, Миколай, Миколашка, Миколушка, Микула, Микулушка, микулов* – 25, *Садко* – 18, *Сергей Есенин* – 17, *Адам* – 16, *Авакум* – 15. Частотны такие теонимы и родственные с ними слова, как: *Бог, Божье, Боженька, Божий* – 129, *Господь, Господний* – 53, *Спас, Спаситель, Спасов* – 60, *Христос, Христов* – 69 [Яцкевич, Виноградова, Головкина 2002]. Стилеобразующей функцией в поэзии Клюева обладают мифонимы, которых в его словаре ИС около семидесяти, среди них самые частотные *Китеж* (17), *Китоврас* (12).

Всё это говорит о насыщенности его художественных текстов именами собственными, обладающими большой этнокультурной значимостью.

Предполагаем, что интерес Клюева к именам собственным как могучему средству поэтического творчества не случаен. Он определяется не только тем, что в литературную эпоху Серебряного века ономастика стала актуальным изобразительно-выразительным средством, но, главное, тем общим интересом к философии имени, который возник на рубеже веков у мыслителей, деятелей культуры и искусства. О том, что Клюева глубоко волновала эта богословско-философская проблематика, свидетельствует он сам в записях разных лет. Наиболее духовно близок ему был П.А. Флоренский. Так, в 1925 году поэт записывает: ««Столп и утверждение Истины» П. Флоренского – дивная, потрясающая книга. Никогда в жизни не читал более близкого моему сердцу писания! Читая её, я очищаюсь от грехов моих» (17, 67). Поэтика имён собственных у Клюева, основанная на энергии культурного созидания, прямо соотносится с основными положениями философии имени у Флоренского. Так, знаменательно, что Флоренский определял имена как «категории бытия», как «социальные императивы». Он пишет: «<...> народных убеждений достаточно, чтобы сделать имена очагами творческого образования личности. В самом деле: человечество мыслит имена как субстанциональные формы, как сущности, образующие своих носителей – субъектов, самих по себе бескачественных. Это **категории бытия**. Но если социальная среда считает их категориями, то этого достаточно, чтобы сделать имена социальными **императивами**. Императив же <...> есть уже слово творческое (Выделено П.А. Флоренским)» [Флоренский 1990: 266].

Поэтика топонимов, антропонимов, теонимов и мифонимов Клюева имеет уникальную культурную значимость, поскольку у него эти имена не просто воссоздают географические и исторические образы России, но, самое главное, они наполнены могучей энергией созидания. В революционную эпоху начала XX века, когда всё самое дорогое и прекрасное рушилось, поэт вызывает из небытия образы Святой Руси с помощью имён собственных, так или иначе связанных с ней и являющихся её символами. Он был глубоко убеждён: *Русь нетленна, и погостские кресты – / Только вехи на дороге красоты!* Эта, характерная для Клюева, энергия культурного созидания, которая роднит поэта с автором «Слова о полку Игореве», натолкнула нас на мысль назвать нашу книгу клюевской цитатой «*На золотом пороге немержущих времён*». Ведь именно собственными именами определяется у Клюева то осевое пространство и время, вокруг которого и воздвигается его поэтический образ мира.

Изучение поэтического ономастикона предполагает два возможных пути: «от ономастики» и «от поэтики». В дальнейшем описании будут представлены возможности каждого из них. Путь «от ономастики» (то есть от ИС как средства создания образа) показан при рассмотрении топонимии и этнонимии в творчестве Клюева, а также в выделении основных разделов

внутри книги. Путь «от поэтики» мы старались учесть при исследовании отдельных ИС. Он позволяет выявить ассоциативно-образные пласты топонимии и антропонимии, обнаружить общие тенденции в использовании ИС, их общие функции.

В приложении даются «Алфавитный частотный указатель имён собственных в поэзии Н. А. Клюева» и «Список имен собственных в поэзии Н. А. Клюева по убыванию частоты», на основе которых делаются многие наблюдения и выводы, предлагаемые читателю.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ОБРАЗНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ПОЭЗИИ КЛЮЕВА

1. Этнокультурное содержание имён собственных в поэзии Н. А. Клюева в свете исторической поэтики

Имена собственные (ИС) обладают особенно прочной культурной памятью, поэтому их роль в поэзии очень велика. Этнокультурное содержание ИС в поэтических текстах формируется на основе культурных концептов, отражающих национальное сознание и самосознание народа, его ментальную картину мира. Как писал В. В. Колесов в книге «Жизнь происходит от слова», «исходным моментом экспликации концепта в словесной форме является образное представление <...> отсюда столь важной кажется интуиция философа и поэта, способного осознать и выразить адекватное концепту представление. В истории культуры роль национальной философии и поэзии весьма велика и никогда не будет неважной. Преследование национальных по идентичности восприятия философов или поэтов есть покушение на генную память народа и, безусловно, должно рассматриваться как одна из страшных форм геноцида». [Колесов 1999]. Таким образом, поэзия является и сферой формирования концептов, и источником их познания. Это можно с полным правом отнести и к поэзии Н. А. Клюева.

Несмотря на то, что поэтическая система имён собственных Клюева в целом охватывает мировую культуру в наиболее ярких своих проявлениях в пространстве и времени [Яцкевич 2000(а)], вся она ориентирована на поэтическое воссоздание христианской русской культуры. Святая Русь – это осевое пространство и время, определяющее художественную картину мира поэта. Сама эта картина необычайно сложна и многогранна [Яцкевич 1999; 2000(а,б)]. Чтобы её прочитать, необходимо учитывать, с одной стороны, сложившиеся культурные концепты, закреплённые за именами собственными, с другой стороны, – историческую и биографическую ситуацию, в которой создавалось произведение. Но и этого оказывается недостаточно, чтобы понять смысл образа, основанного на имени собственном. Необходима реконструкция метода художественного мышления, как общего, характерного для данного этапа развития поэтики, так и индивидуального, свойственного поэту. Особую сложность представляет то, что Клюев использует принципы художественного мышления, характерные для разных периодов развития исторической поэтики. Обобщая результаты исследований А. Н. Веселовского, А. А. Потебни, М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, О. М. Фрейденберг и др.,

посвящённых типам художественного мышления и периодизации исторической поэтики, С. Н. Бройтман называет следующие её этапы: поэтика синкретизма, поэтика традиционализма и поэтика художественной модальности [Бройтман 2001]. Далее в этом разделе мы будем учитывать данную периодизацию.

Рассматривая функционирование имён собственных, мы исходили из того, что процессы их образной семантизации в поэтической речи Клюева опираются на этнокультурные концепты, отражают историческую ситуацию и подчиняются определённым принципам поэтики.

История культуры тесно связана с историей имен собственных, а изменение типов поэтики отражает изменения в языковом сознании. Поэтика синкретизма, поэтика традиционализма и поэтика художественной модальности, доминировавшие на каждом новом этапе развития художественного мышления, вырастали друг из друга, наследовали многие черты древних культур, придавали им новое осмысление и новое звучание.

Имена собственные в поэзии Н. А. Клюева и поэтика синкретизма

Поэтика синкретизма тесно связана с особенностями архаического мировоззрения и древнего языкового сознания. Синкретизм мышления свойствен мифу как особому способу познания мира. В имени на данной ступени развития мировоззрения и мировосприятия отразились многие его взаимосвязанные и взаимообусловленные особенности.

Мифологический синкретизм имени проявлялся в *тождестве имени и предмета*. Архаическое сознание не проводило четкого различия «между словами и вещами» [Фрезер, 277], слово воспринималось не как произвольный и отвлеченный знак, а как материальная субстанция, составляющая неотъемлемую часть называемого предмета. Воплощенность имени, его неразрывная связь с называемым предметом являются обязательным признаком мифологического мышления и мифопоэтической картины мира [Стеблин-Каменский 1974].

Соотношение имен и вещей в сознании древних людей носило иррациональный характер, не требовало понимания, было непознаваемо. Имя воспринималось как выражение внутренней сущности предмета, наделялось свойством креативности. Акт номинации приравнивался к созданию сущности предмета или к распознаванию ее. Имяположение связывалось с различными ритуальными практиками, запретами, манипуляциями с именем [МНМ, 1, 508–509].

По словам Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, мир представлялся мифологическому сознанию как состоящий из одноранговых, нерасчленимых признаков, однократных предметов, а значение собственного имени составлял миф [Лотман, Успенский, 59–62].

Мифологическое сознание не противопоставляло общее и частное, конкретное и абстрактное. Во многом это объяснимо синкретизмом осмысления называемых явлений, нерасчлененностью понятий и представлений на отдельные частные признаки, неразграничением общих свойств предмета и их частных проявлений. Единичное и множественное, часть и целое именовались одинаково. Эту особенность мышления можно назвать *метонимическим синкретизмом*.

Мифологический объект или божество могли выступать в разных ипостасях, но при этом назывались одним и тем же словом. Например, имя древнегреческого крылатого коня Пегас (πῆγας) восходит к слову πηγή 'источник', что позволяет рассматривать его как изначальное общее обозначение и священного источника, и его хтонического воплощения. Установление причинно-следственных отношений между словом и объектом – явление более позднее. В версиях мифа, обработанного античной литературной традицией, Пегас – сын Медузы Горгоны и Посейдона, который появился из капель крови Горгоны, убитой Персеем. В поздних мифах этимология имени Пегас связывалась с тем, что это событие произошло у истоков Океана. От удара копыта Пегаса на горе Парнас начал бить родник Иппокрена (буквально – 'лошадиный источник'), дающий поэтическое вдохновение.

Мифологический синкретизм имени свойствен не только архаичным культурам, он отражается в поэтическом мышлении, которое занимает «срединное положение» между мифологическим и логико-научным познанием мира [Лотман, Успенский, 75].

Истоки синкретических образов в творчестве Н. А. Клюева – поэта XX века – можно видеть в семантическом синкретизме имени, который нашел отражение в языке древнерусской литературы, в библейском и средневековом символизме, а также в современной поэту философии (П. Флоренский и др.) и поэзии (русский символизм Серебряного века), предложивших новое осмысление символа применительно к разным формам культуры. Поэтический метод Клюева формировался под мощным воздействием старообрядческой «скрытнической» поэзии, западноевропейской (Гете, Гюго, Ницше) и русской литературы XIX и XX вв. (Пушкин, Кольцов, Тютчев, Фет, Достоевский, Толстой, Блок, Андрей Белый, Ахматова, Есенин и др.), в размышлении над которыми поэт уточнял для себя задачи поэтического языка и цели творчества.

Мифопоэтическая традиция была усвоена Клюевым через посредство мирового и русского фольклора, мифологических текстов, христианской литературы, а также русского бытового православия. *Воплощенный синкретизм* имени – следствие традиционалистских установок поэта.

В русской народной культуре, например, православный святой, его иконописное изображение, храм в честь святого, церковный праздник памяти святого сливались в один синкретичный образ и именовались одним и тем же именем. При этом имена дат народного аграрного календаря или икон

могли выступать в качестве имен святых (*Егорий Вешний, Аграфёна-купальница, Федосья-колосовица*). Такие синкретичные метонимические имена воплотились в поэме Н. Клюева «Заозерье»:

*На речке в венце сусальном
Купальница Аграфёна,
В лесах зарит огнепально
Дождевого Ильи икона.*

*Федосья-колосовица
С Медостом – богом овечьим
Велят двуперстьем креститься
Детенышам человечьим.*

*Зато у ребят волосья
Желтое зимнего льна...
В парчовом плату Федосья,
Дозорит хлеба она.*

*Фролу да Лавру работа –
Пасты табун во лесах,
Оттого мужичьи ворота
В смоляных рогатых крестах.*

(10, 472)

Использование синкретичных имен в поэтических текстах Клюева опосредовано народной традицией. Поэт не только воспроизводит закреплённый традицией внешний облик имени, но и сохраняет его семантику, отражая не личное, а народное восприятие имени:

*...сегодня солдатская матушка
Подо мною о сыне молилася:
Она кликала грозных архангелов,
Деву-Пятенку с Теплым Николою,
Припадала, как к зыбке, к валежине,
Называла валежину Ванюшкой...*

(10, 266)

В народных традициях Русского Севера сочетание *Теплый Микола* называло персонифицированный весенний праздник (*Вешний Микола* в противопоставление *Осеннему (холодному) Миколу*). У Н. А. Клюева это сочетание используется для именования святого, изображаемого в соответствии с народными представлениями о странствующем святом:

*Вы поκληйте-ка, домолады,
На Сиговец к студеному долу
Парусов и рыбаей братца,
Святителя теплого – Миколу!
Он, кормилец, в ризе сермяжной,
Ради песни младеня в зыбке,
Откушает некуражно
Янтарной ухи да рыбки!*

(12, 320)

Мышление категориями поэтики синкретизма определяет не только воссоздание, но и индивидуально-авторское моделирование новых художественных образов. В поэме «Погорельщина» образ молитвы во время поста раскрывается при помощи метафорического контекста, включающего имена *Варвары* и *Богородицы*:

*На Лопский погост (лопари, а не чудь)
Укажут кунцы да рябчики путь;
Не ешь лососины и с бабой не спи,
Берестяный пестер молитв накопи,
Волвянок-Варвар, Богородиц-груздей,
Пройдут в синих саванах девять ночей,
Десятые звезды пойдут на потух,
И Лопский погост – многоглавый петух –
На кедровом гребне воздынет кресты:
Есть Спасову печень сподобишься ты*

(12, 316).

В славянской мифологии грибы с вогнутой шляпкой связывались с женским началом (в севернорусских говорах грузди, волнушки, рыжики неправильной формы назывались *бабье ухо* – АОС, 1, 78); происхождение съедобных грибов – с остатками трапезы святых, с любимой едой святых; сбор грибов сопровождался молитвой, а освященные грибы использовались в качестве оберега (СД, 1, 548–549). Синкретизм поэтических имен обусловлен одновременно метонимией (молитва святой Варваре – *Варвара*) и ассоциативным сближением («женский» гриб волвянка – *Варвара-волвянка* – *молитва-волвянка*), реализованном в метафорическом контексте, создающем образ – *берестяный пестер молитв*, который характеризует православно-природно-языческий синкретизм мировидения «руско-лопарского» крестьянства северного Поморья. Рассмотренный пример показывает, что синкретичные образы с трудом подвергаются рациональному объяснению, переводу на язык понятий, логическому расчленению на составляющие.

Синкретизм поэтического мышления Н. А. Клюева во многом обусловлен традициями древнерусской литературы, отражающими особенности средневекового *символизирующего мировоззрения*, для которого, по словам Д. С. Лихачева, «весь мир полон символов, и каждое явление имеет двойной смысл <... > Видимое осмысливается невидимым, невидимое – видимым. Мир видимый и мир невидимый объединены символическими отношениями, раскрываемыми через Писание. В раскрытии этих символических отношений и заключается главная цель средневековой «науки» и средневекового искусства» [Лихачев 1971: 176–177].

В этом ключе определял задачи подлинной поэзии и Н. А. Клюев, в полемике с критиками отстаивая свое понимание «умного» поэтического языка:

«Критики моей поэмы «Мать-Суббота» указывают на умность этого произведения, противопоставляя ей «глуповатую поэзию» как подлинную. Конечно, если считать поэзией увядающую розу, луну и гитару, то мои критики правы.

Мой же мир: Китеж подводный, там все по-другому. Рассказывая про тайны этого мира, я со страхом и трепетом разгребаю словесные груды, выбирая самые точные образы и слова для выявления поддонной народной правды. Ни убавить, ни прибавить словесной точности я не дерзаю, считаю за грех. Самоцветный поддонный ум может быть судим только всенепесным собором» (17, 59).

В этой декларации своих поэтических принципов Клюев опирается на текст «Повести и зыскания о граде сокровенном Китеже»: «И к сему нашему уложению ни прибавити, ни убавити, ниже всяко преминити ни едину точку или запятую. Аще ли кто прибавит, или всяко пременит, да будет по святых отец преданию проклят, иже предавших сия и утвердивших. Аще ли кому невѣрно мнится, то прочти прежде бывших святых жития, и увѣсть, яко бысть много в прежняя времена сего» [Повесть о Китеже, 226]. Это обращение к древнерусскому тексту во многом показательно для творческого метода Клюева и, очевидно, для поэта принципиально: подлинная русская поэзия умна и не может быть иной, поскольку в ее основе – мудрость Святой Руси, миропонимание и мирозерцание, отразившееся в великой русской культуре.

Рассматривая специфику языка Древней Руси, В. В. Колесов отмечал, что исходный семантический синкретизм древнерусского слова обусловлен особенностями допонятийного мышления, нерасчлененностью значений слова, тесной связью слова с определенным контекстом и конкретной ситуацией речи, устноречевой формой существования словесного знака. Слово выступало знаком текста и речевой ситуации. В свою очередь художественная образность и символическая обобщенность текста были производны от семантического синкретизма составляющих его слов. В древнерусских текстах «одновременно присутствует и образность выражения, и разлитая по

тексту символичность, и – меньше всего – понятие о сказанном» [Колесов 2002: 146–152].

Это следует отнести и к совокупности имен собственных, обладающих особой культурной и национальной значимостью, поскольку они не существуют в отрыве от авторитетного или просто известного контекста, мифологической и культурной ситуации, устного или письменного текста.

Несомненно, Клюев ощущал исходный синкретизм имени, которое не мыслимо вне конкретной текстовой синтагмы, существует в неразрывной связи с ней. Слово живет в контексте культуры и этот контекст в известном смысле порождает. Поэтому «живое» имя существенно отличается от своего отражения в словаре, представляющем результаты научного препарирования слова, разложения его на дифференциальные признаки в составе понятия. Возможно, это подразумевал поэт, когда писал: *«Бедные критики, решающие, что моя география – «граммофон из города», почерпнутая из учебников и словарей, тем самым обнаруживают свою полную оторванность от жизни слова»* (17, 66). Такое ощущение слова во многом объясняет ориентацию Клюева на поэтику синкретизма, сознательный отказ от принципов поэзии нового времени. Возрождение Руси и русской культуры требует понимания ее истоков. Исконная Святая Русь может быть понята и описана только через посредство языка, ею порожденного.

Средневековая символика, которая органично вошла в поэзию Н. А. Клюева через посредство культурных текстов (литература, иконопись и светская живопись, богословские труды, народное искусство), обращена к толкованию образов Священного Писания, трактует мир как Божественную книгу, где природные явления, звери, растения – знаки Божьего Замысла, библейской мудрости. Например, символ Христа «заря» отражен в поэтических онимах *Заря, Солнце после Ночи*:

*Ты узнай меня, Братец
Не отринь меня, одноотчий,
Дай узреть Зари Твоей багрянец,
Покажи мне Солнце после Ночи.
Я пришел к Тебе без боязни,
Молоденький и бледный, как былинка,
Укажи мне после тела казни
В Отчие обители тропинку.
Божий Сын, Невидимый Учитель,
Изведи из мира тьмы наружной
Человека – брата своего!*

(12, 68)

Как и в эпоху Средневековья библейская история в произведениях поэта служит ключом к пониманию современности:

*Железный небоскреб, фабричная труба –
Твоя ль, о родина, потайная судьба!*

*Твои сыны-волхвы – багрянородный труд
Вертепу Господа иль Ироду несут?*
(12, 169)

В то же время библейские символы в творчестве Клюева получают индивидуально-авторскую трактовку:

«У избы есть корни; она как кондовая сосна: хвоя на ней ржаная, а шишки золотом сычены. Семь чаш пролито на избу: первая чаша – покой, вторая – нетление, третья – духовидчество, четвертая – мир миру, пятая – жертва Авеля, шестая – победа, седьмая – и во веки веков.

Мистерия избы – Голубая Суббота, заклание Агнца и урочное Его восхождение. Коврига – Христос избы, хлеб животный, дающий жизнь верным.

Рождество хлеба, его заклание, погребение и воскресение из мертвых, чаемое как красота в русском народе, и рассказаны в моей «Голубой Субботе».

Причащение Космическим Христом через видимый хлеб – сердце этой поэмы.

Человек-пахарь, немногим умаленный от ангелов, искупит ржаной кровью мир. Ходатай за сатану, сотворивший хлеб из глыбы земной, пахарь целует в уста древнего Змия и вводит в субботу серафима и диавола, обручая их перстнем бесконечного прощения» (17, 51).

Особенности средневековой поэтики ярко проявились в древнерусской иконописи с ее символикой цвета, формы, композиции, сюжета. Символические названия икон широко использовались Н. А. Клюевым для создания сложных поэтических образов – *Неопалимая купина, Нерушимая стена, Обрадованное небо, Заклание, Сладкое лобзание, Умягчение злых сердец, Не рыдай мене Мати* и др.

Характеризуя символ как одно из поэтических средств древнерусской литературы, Д. С. Лихачев писал: «Опираясь по преимуществу на богословские учения или на донаучные системы представлений о мире, символы вносили в литературу сильную струю абстрактности и по самому существу своему были прямо противоположны основным художественным тропам – метафоре, метонимии, сравнению и т. д., – основанным на уподоблении, на метко схваченном сходстве, или четком выделении главного, на реально наблюденном, на живом и непосредственном восприятии мира. В противоположность метафоре, сравнению, метонимии символы были вызваны к жизни по преимуществу абстрагирующей идеалистической богословской мыслью. Реальное миропонимание вытеснено в них богословской абстракцией, искусство – теологической ученостью» [Лихачев 1971: 179]. Другими словами, символы, о которых идет речь, – это результат не стихийного по-

знания мира, а сознательной и осознанной его интерпретации. Символы обладали семантическим дуализмом (называя сам предмет, и в то же время выражая его сакральный смысл), что позволяет рассматривать их как характерный признак поэтики синкретизма.

Процитированный выше ответ Ключева критикам поэмы «Мать-Суббота» обнаруживает еще одну важную установку поэта: сознательный отбор и творческое использование символов культуры Святой Руси. По древней модели поэт создает свой символический язык. Если древнерусский автор прозревает в окружающей действительности символы Священного Писания, то Ключев распознает символы самобытной русской культуры, русской духовности, русской истории. Значительное место в этом символическом языке отводится именам собственным:

- (1) *Растрепала тайга непогодные чубы,
Молодя листопад и лесные цветы, —
То горящая ростись «Судище Христово»,
Зверобойная желть и кленовый багрец,
Поселились персты и прозренья Рублева
Киноварною мглой в избяной подавец.
«Не рыдай мене Мати» — зимы горностаи,
Всплески кедровых рук и сосновых волос:
Умирая в снегах, мы прозябнем в Китае,
Где жасмином цветет «Мокробрадый Христос»...*
(11, 133)

- (2) *Статья в широченных «Известиях»,
Веющая гибелью княжны Таракановой,
Вещает о песенных бедствиях,
О смерти крестной, баяновой*
(15, 463).

По своей природе символические тексты противопоставлены мифологическим, они не порождены мифологическим сознанием, а только предполагают мифологическую ситуацию. В поэзии русских «символистов» начала XX века мифологические элементы «организуются по немифологическому принципу и, в общем, даже наукообразно» [Лотман, Успенский, 68]. Это поэзия ума, прозревающего, узнающего суть явлений и придающего им мифологический статус, основной принцип которой Н. А. Ключев сформулировал емко и лаконично: «По звенящей, тонкой наслышке / Мы Предвечное узнаем» (12, 202).

Символизм в языке XX века отличался от древнего: «Если в эпоху Средневековья основное содержание традиционных для культуры текстов заключалось в том, чтобы раскрыть данный уже символ, то современная

1374800

культура нацелена на творческое осмысление действительности – с целью воссоздания и моделирования в словесных знаках гиперонимогипонимических связей и отношений, что, видимо, приготавливает последующее создание новых символов культуры, новой культурной парадигмы» [Колесов 2002: 163–164].

Мифологический статус в творчестве Н. А. Клюева, например, приобретает ситуация гибели русской души под воздействием индустриальной культуры. Для ее изображения используются традиционные символы, выраженные нарицательными и собственными существительными: *младенец* (беззащитность, невинность), *березка* (Русь, русская природа), *лубяной кузов* (крестьянская культура, народное православие, странничество):

*На младенца-березку,
На кузов лубяной смиренный
Идут: Маховик и Домна –
Самодержцы Железного царства.
Господи, отпусти грехи наши!
Зяблик-душа голодна и бездомна,
И нет деревца с сучком родимым
И кузова с кормом-молитвой!*

(12, 204)

Имена *Маховик* и *Домна* символизируют идеологически абстрактные явления, выражают расплывчатые, четко не структурируемые представления, не сводимые к понятию детали механизма (маховик) и печи для плавки чугуна (домна). Эти образы персонифицированы и мифологизированы. Имя *Железное царство* также обладает синкретизмом, называя индустриальную культуру, царство бездушных машин, новую урбанистическую Россию, чужой мир западной цивилизации, а также мифопоэтический образ антикультуры. Изображение мифологизированной культурной ситуации строится на оппозициях *живое* (березка-младенец, зяблик-душа) – *мертвое* (маховик, домна); *природное* (березка, лубяной, зяблик, деревце с сучком, корм) – *искусственное* (маховик, домна); *духовное* (смиренный, грехи наши, душа, молитва) – *бездушное* (железный). Оно осложнено мотивами *духовного искаяния* (странствия бесприютной души-зяблика) и *искупления грехов*.

Имя в эпоху мифологического синкретизма мыслилось конкретно и предметно, поэтому отсутствовала граница между собственными и нарицательными именами.

Поэтическое мифотворчество располагает к тому, чтобы поэт использовал нарицательные имена как имена собственные. Обобщающее понятийное содержание слова при этом уступает место конкретике антропоморфных мифологических образов, синкретизму слова и предмета. Имя собственное не выделяет один предмет из ряда подобных (как это свойственно совре-

менному языку), а называет конкретное единичное по своей сути явление, которое может выступать в разных обликах, но при этом не теряет своей единичности, конкретности (*Мать-Планида, гуляка Вихрь, сестрицы Су-темки, Мороз, Зой, Заря*). Прописная буква в именах указывает на особый мифологический статус персонажей:

*Не медушник-цветик поит дрема
Павечерней сыченой росой,
И не крест – кладбищенский насельник,
Словно столпник, в тайну загляделся –
Мать-Планида на Руси крещеной
От страды келейной задремала.
Был ли сон, аль малые просонки,
Только въявь Планидушке явились
Петр апостол с Пятенкою-девой.
И рекли святые: «Мать-Планида,
Под скуфьей уснувши стопудовой,
За собой и Русь ты усыпила!
Ты вставай-ка, мать, на резвы ноги,
Повести-ка Русь о супостате.
Не бери в гонцы гуляку Вихря,
Ни сестриц Сутемок черноколых,
Ни Мороза с Зоем перекатым:
Вихрю пляс, присвистка да присядка,
Балалайки дробь – всего милее,
Недосуг Сутемкам, им от Бога
Дан наказ Заре кокошник вышить,
Рыбьи глазки с зеньчугом не спутать,
Корзным стегом выпестрить очелье.*
(6, 253)

Антропоморфизм образов, придающий им конкретику, поддерживается средствами олицетворения, включением в их ряд образов святых (*Петр апостол, Пятенка-дева*). Грань между собственными и нарицательными именами в поэтическом тексте становится нечеткой (ср. олицетворенные образы *дремы, креста*). Мифологизация поэтического образа разрушает привычную для современного человека оппозицию собственных и нарицательных слов, определяет мифопоэтический синкретизм имени.

Отсутствие четкой границы между собственными и нарицательными именами, свойственное мифопоэтической традиции, отразилось и в составе внутритекстовых парадигм в произведениях Н. А. Клюева, где нарицательные названия предметов-символов соседствуют с собственными именами-символами, обладают одноранговостью и равнозначностью:

Мужицкий лапоть свят, свят, свят!
 Взывает облако, кукушка,
 И чародейнее, чем клад,
 Мирская, потная полушка.
 Мужицкий тельник: Змий, Огонь,
 Крылатый Лев Евангелиста,
 Христа гвоздиная ладонь –
 Свирель, что тайной голосиста,
 Горыныч, Сирип, Царь Кащей –
 Всё явь родимая, простая,
 И в онемелости вещей
 Гнездится птица золотая.

(10, 351)

Данная особенность поэтического языка Н. А. Клюева находит отражение и в орфографии его произведений – использовании прописных букв в номинациях одного и того же поэтического образа в разных текстах, например: *С полатей смотрит Жуть*, *гудит, как било, Лаче*, / *И деду под кошмой приснился красный рай* (10, 182) – *В домовище матушка... Пасмурной округо / Водит мглу незрячую поводырка-жуть* (10, 278).

Собственные имена-символы следует охарактеризовать как особый тип синкретичных номинаций, по своей функции отличных и от имен нарицательных и от имен собственных, с которыми их сближает написание, а отличается от них – «расплывчатая общность денотата» [Фонякова 1990: 73]. Прописная буква в таких случаях сигнализирует, что слово обладает синкретичным или символическим значением, его не следует понимать буквально. «С помощью прописной буквы поэты как бы переводят понятия и явления из категорий обыденных и рядовых в ранг общих и высоких, вечных для жизни каждого отдельного человека» [Фонякова 1990: 74].

Вот далеко не полный перечень подобных слов, вошедших в поэтический словарь Н. А. Клюева: *Бедность* (1:10, 157); *Безвестное* (1:10, 309); *Бездна* (2:10, 282; 10, 346); *Бессмертье* (3:7, 91; 7, 92; 8, 57); *Блуд* (1:12, 147); *Братство* (1:10, 347); *Вечность* (1:7, 116); *Воля* (8:7, 232; 10, 343; 10, 344; 10, 344; 10, 345; 10, 345; 10, 381; 7, 200); *Всещедрая Сила* (1:6, 116); *Глагол* (1:10, 304); *Глас* (1:6, 238); *Глуби Глубин* (1:10, 309); *Глубина* (1:7, 244); *Глубина Глубин* (1:12, 98); *Глубь* (1:11, 107); *Голод* (1:10, 157); *Голос* (1:6, 239); *Горе* (1:12, 200); *Греть* (1:6, 239); *Громное* (1:8, 98); *Гром* (1:6, 257); *Добро* (2:10, 304; 11, 127); *Дремота* (1:8, 38); *Детство* (1:10, 361); *Душа Земли* (1:12, 165); *Жалость* (2:10, 310:10, 310); *Жизнь* (2:10, 304; 12, 130); *Жизнь Села* (1:10, 309); *Жуть* (1:10, 182); *Звук* (2:10, 311; 10, 311); *Красота* (1:12, 168); *Ледовитая Любовь* (1:11, 134); *Лихо* (3:10, 340; 12, 165; 12, 170); *Лихорадка* (1:8, 85); *Любовь* (9:5, 90; 5, 90; 7, 91; 7, 92; 7, 116; 10, 346; 10, 361; 15,383; 15,383); *Мир* (2: 5, 107, 165, 12; 12, 98); *Мирские Думы* (1:11, 87);

Могущество (1:7, 116); *Музыка* (1:10, 324); *Надежда* (1:12, 56); *Начало* (1:11, 123); *Неволя* (1:12, 165); *Непомерное* (1:9, 13); *Обида* (1:7, 200); *Оспа* (1:7, 116); *Отвага* (1:10, 375); *Оторопь* (2:10, 364; 15, 459); *Печаль* (1:11, 123); *Писк* (1:7, 125); *Победа* (1:12, 98); *Поклон* (1:12, 276); *Покой* (2:11, 128; 10, 302); *Пот* (1:10, 361); *Похоть* (1:7, 114); *Предательство* (1:13, 41); *Предвечное* (1:12, 202); *Премудрость* (1:10, 346); *Равенство* (2:10, 347; 12, 198); *Разврат* (1:10, 157); *Раздумье* (1:8, 38); *Разум* (1:7, 157); *Свобода* (3:10, 347; 12, 198; 5, 81); *Сглаз* (1:12, 165); *Седины* (1:11, 123); *Слава* (4:5, 90; 5, 111; 11, 90; 15, 383); *Смерть* (5:10, 102; 10, 143; 10, 309; 12, 130; 12, 181; 10, 310); *Совесть* (1:10, 466); *Сон* (1:8, 38); *Страсть* (1:7, 116); *Страх* (1:10, 157); *Судьбина* (1:5, 110); *Судьба* (3:10, 272; 10, 300; 15, 459); *Тайна* (1:11, 101); *Техника* (1:13, 41); *Тороп* (1:6, 239); *Труд* (4:10, 346; 10, 361; 8, 38; 10, 361); *Убийство* (1:10, 157); *Увечье* (1:10, 157); *Ум Зла* (1:6, 238); *Ум Любви* (1:6, 238); *Ум* (1:10, 465); *Упругость* (1:8, 38); *Черная Неволя* (1:10, 369); *Чужое* (1:12, 234); *Чума* (1:10, 157); *Ярость* (1:6, 256) и др.

Абстрактные понятия раскрываются в антропоморфных и зооморфных символах, названных составными именами:

*Мой стих – зыыватель в Христовы ряды
Охрип под туманами зла и беды,
Но пуст мой прилавок, лишь Дева-Любовь
Купила повязку – терновую кровь.
Придачей покупке, на вес не дробя,
Улыбчивой гостье я отдал себя.*

(7, 158)

Перечень таких имен достаточно разнообразен: *Ангел Тоски* (1:5, 110); *Ангел труда* (1:11, 132); *Волюшка-мать* (1:10, 347); *Ворон-смерть* (1:12, 177); *Дева-Любовь* (2: 7, 158; 7, 157); *Дева-благодать* (1:12, 119); *Дева-обида* (1:9, 14); *Дедушка-сон* (1:12, 146); *Демоны чумы, проказы и холеры* (1:11, 228); *Мать-Планида* (2: 6, 253; 6, 253); *Мать-красота* (1:8, 52); *Смерть-кладоискатель* (1:6, 256); *Всадник-смерть* (1:10, 143); *Счастье-Царевна* (1:3, 50); *Тишина-богомать* (1:10, 307); *Чума-потаскуха* (1:12, 147); *Электричество-вол* (1:12, 193) и др.

Можно считать, что Клюев широко использует приём онимизации абстрактных имён существительных с целью персонификации под влиянием поэтики традиционализма (ср., например, известные народные образы Доли, Правды и Кривды, Горя-Злосчастья, Лиха, болезней, лихорадок и др.): *Чернобылем цветёт Рассудок, / И пургою пляшет Порок* (15, 444). *Винтовка – моя поклажа / С Возмездьем железный брак* (15, 445). *Труд яснозубый тащит суму – Слитки бережёт рудокопу Уму, / Девушка Совесть вдевает в иглу / Нити стыда и ресничную мглу...* (10, 466).

Персонификация абстрактного понятия приводит к его конкретизации и придает образу мифологические черты. Ср., например, образ *Обиды* в «Слове о полку Игореве»: *Встала Обида в силах Дажь-Божжа внука, вступила девою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синем море у Дону* [БЛДР, 258]; – и у Клюева: *С вечевых Новгородских крылец / В Русь сошла золотая Обида. / В ручке грамота: Воля, Земля, / На груди образок Рублевский...* (7, 200); *Кукует зизгицею Дева-обида / Над слезкой России (о, камень драгий!..)* (9, 14).

Абстрактные философские, идеологические и богословские понятия могут изображаться посредством предметов-символов, многие из которых традиционны – *дерево, дуб, скала, корабль, заря, символы границ: окно, дверь, врата, порог* и др. Они отражены в составных именах: *Ворота Воскрешенья* (1:10, 303); *Дуб Покоя* (1:6, 208); *Жизни дерево* (1:7, 93); *Жизни журнал* (1:7, 127); *Заря Прощения* (1:10, 301); *Заутреня любви* (1:12, 76); *Лабиринт бранных стен* (1:10, 98); *Лапоть Исхода* (1:10, 461); *Минувшего Земля* (1:10, 92); *Могущества Двери* (1:10, 303); *Пиво Жизни* (1:6, 208); *Познания Скала* (1:10, 403); *Порог Несказанного* (1:7, 226); *Разумное окно* (1:7, 153); *Славы корабль* (1:7, 221); *Чертоги Тепла* (1:10, 460) и др.:

*Революция не открыла Врат,
Но мы дошли до Порога Несказанного,
Видели Пламенной зрелости сад,
Отрока – агнца багряного.
На отроке угли ран,
Ключи кровавые, свирельные. –
Уста народов и стран
Припадали к ним в годы смертельные.*
(7, 226)

Выступать символами и персонифицироваться могут названия отрезков времени (время суток, названия месяцев), хрононимы (имена собственные календарных дат и недель, исторических эпох и др.): *Апрель* (1:7, 157); *Великий Четверг* (1:12, 146); *Вечер* (1:10, 243); *День* (2:10, 242; 10, 243); *Заря* (2:10, 242; 10, 243); *Зорька* (1:10, 242); *Июль* (1:11, 92); *Май* (1:10, 417); *Месяц Скиний* (1:7, 129); *Ночь* (1:12, 68); *Октябрь* (5: 7, 244; 7, 245; 10, 417; 10, 428; 11, 95); *Октябрьская гроза* (1: 7, 233); *Оный День* (1:12, 282); *Пасха* (1:7, 77); *Первое мая* (1:10, 416); *Предсмертный Час* (1:10, 371); *Пятничные зори* (1:10, 281); *Рассвет* (3:10, 242; 10, 243; 10, 242); *Срок* (1:11, 123); *Суббота* (3:10, 461; 10, 466; 10, 466); *Суббота Земли* (1:10, 464); *Суббота Живых* (1:10, 461); *Февраль* (4: 7, 200; 12, 164; 12, 164; 12, 170). Персонификация образов времени приводит к использованию составных имен: *Архангел Дня* (1:6, 143); *Мать-Суббота* (2: 10, 457; 10, 467); *Пляся Кровавых Времен* (1:12, 203).

В основе поэтических имен собственных могут лежать предметные и вещественные символы, не только традиционные (*Сердце, Печень, Сталь, Хлеб, Кисть, Резец* и др.), но и авторские (*Коврига, Магнит, Радий, Савоффов ухват* и др.; см. «Указатель имен собственных» в приложении к настоящему изданию):

*Прокажённы Стих, Газета,
Лики Струн и Кисть с Резцом...
Из Ржаного Назарета
Мы в предвечность перейдем.*

(7, 145)

В поэтическом тексте символизации могут подвергаться как существительные, так и местоимения, что особенно ярко нашло отражение в поэзии А. А. Блока (*Ты, Она*) [Мысык 1988: 4–5], где имена *Ты, Она* называют загадочные образы высокого и вечного женского начала. В цикле стихотворений «Александру Блоку» (1910 г.) Клюев пытается разгадать этот символ: *О, кто Ты: Женищина? Россия? / В годину черную собрат!* (10, 125).

Символизация местоимений в поэзии Н. А. Клюева связана с обращением к мифологическому коду и связана с изображением мифологической ситуации:

*За стеною Кто и Незнаю
Закинут невод в Чужое...
И вернусь я к нищему раю,
Где Бог и Древо печное.*

(12, 234)

В русской народной культуре существовала мифопоэтическая традиция табуистической номинации сакрализованных сущностей, святой и нечистой силы, духов, умерших при помощи местоимений, слов подразумевающих, но не называющих. В поэтическом цикле Н. А. Клюева «Избятые песни» примером такого употребления местоимений служит номинация образа души умершей матери:

*Весь день поучатся правде Твоей,
Как вешнюю озимь, ждать светлых гостей,
В раю избяном, и в затишье гумна
Поплакать медово, что будет «она».
Задремлет деду, лучина замрет –
Бесплотная гостья в светелку войдет,
Поклонится Спасу, погладит внучат,
Как травка лучу, улыбнется на плат...*

(10, 275).

Однако поэзия Н. А. Клюева продолжает несколько иную традицию использования лично-указательных местоимений в качестве имен собственных. В религиозных текстах имя *Он* встречается как одно из обозначений Христа, оно зафиксировано в письменных апокрифах и народных молитвах в рукописных старообрядческих сборниках, в том числе и заонежских, где «*Он*» – грецизм (ωп – Суший, Сый) [Заговоры, 243].

*Его встречаю я во храме, на проселке,
По виду нищего, в лохмотьях и в пыли,
Дивясь на язвы рук, на жесткие иголки,
Что светлое чело короной оплели.
Ужели это «Он»? О, сердце, – бейся тише!..*

(6, 98)

*Эскимосскую кличку запомнит гагара; –
На заре океан плещет «Ленин» скалам,
Лебединая матка, драчлива и яра,
Очарована плеском гогочет: «он-сам».*

(7, 245)

Поэтическое имя *Оно* в произведениях Клюева связано с синкретичным образом эзотерического Сушего – «иноного», вечного, истинного, тайны мироздания, открывшейся поэту: *Сон живой, павлиний. / Где перловый иней / Запушил окно, / Где в углу за печью, / Чародейной речью / Шепчется Оно* (11, 90). Изображение мифологической ситуации осуществляется через обращение к мифопоэтическому метаязыку – сакральным именам, противопоставляемым профанным именам псевдосущностей – и евангельскому тексту, обуславливающему их понимание:

*Закроешь глаза и Оно
Родимую рябкой кудахчет,
Морщинистым древним сучком
С обиженной матицы смотрит,
Метлою в прозябшем углу
На пальцы ветловые дует.
Оно не микроб, не Толстой,
Не Врубеля мозг ледовитый,
Но в победы час мировой,
Когда мои хлебы пекутся,
И печка мурлычет, пьяна
Хозяйской, бобыльной лаской,
В печурке созвездья встают,
Поет Вифлеемское небо,*

Имя *Оно* входит в один ряд с такими названиями, как *Нетленное*, *Непомерное*, обозначающими мифологически опредмеченные или овеществленные абстрактные образы: *Спицы мамыны свяжут Нетленное – / Чулки для мира голопятого* (8, 70); *Зато на моем песнолиственном дубе / Бес-смертия птица и стая веков, / Варить Непомерное в черепа срубле / Сошлись колдуны у заклятых котлов* (9, 13).

В связи с кодированием языка в мифологических культурах широко представлен так называемый *плюрализм имен* [Топорова 1996: 8–9]. Способом именования богов и богинь древности в священных гимнах и жреческих текстах было нанизывание эпитетов, которые могли осознаваться как нарицательные характеристики и как имена собственные божества. Например, в древнегреческой мифологии имя богини Афины имеет догреческое происхождение и неясную этимологию. Об архаичной хтонической природе Афины свидетельствуют эпитеты «*совоокая*», «*пестровидная змея*», атрибуты Афины – змея и сова, как и сама богиня, считались воплощением мудрости. В более поздней олимпийской мифологии Афина – дочь Зевса, которую он произвел на свет, рассекши свою голову. Изображение Афины (палладий), упавшее с неба, определило ее эпитет *Паллада*. В классической мифологии Афина наделена функциями покровительства и защиты древнегреческих городов (Афин, Аргоса, Спарты и др.) – *Промехос* («передовой боец»), *Полиада* («городская»), *Полиухос* («градодержица»), как покровительница законодательства и государственности почиталась Афина – *Фратрия* («братская»), *Булайя* («советница»), *Сотейра* («спасительница»), *Проноя* («провидящая») и др. (МНМ, 1, 125–128). Легко заметить, что приведенный ряд именований включает *имена-эпитеты*, *имена-атрибуты*, *имена-функции* и *имена-ситуации*.

Многоименность – характерная черта многих древних текстов, например Библии. В качестве примера можно привести ряд именований Богородицы. Свт. Андрей Критский пишет: «Сколь величественными именами Она украшена, и как выразительно во многих местах Писания показана. Так, желая говорить о ней, оно именует Ее *Девой*, *Отроковицей*, *Пророчицей*, далее – *Брачным Чертогом*, *Домом Божиим*, *Храмом Святым*, *Второй Скинией*, *Святой Трапезой*, *Жертвенником*, *Очистилицем*, *Златой Кадильницей*, *Святым Святым*, *Херувимом славы*, *Златой Стамной*, *Ковчегом Завета*, *Иерейским Жезлом*, *Царским Скипетром*, *Диадимой Красоты*, *Сосудом с миром помазания*, *Алавастром*, *Свещником*, *Курением*, *Светильником*, *Светильницей*, *Колесницей*, *Купиной*, *Камнем*, *Землей*, *Раем*, *Страной*, *Нивой*, *Источником*, *Агницей*... и другими именами, какими знаменитые истолкователи Духа по таинственному воззрению на символы Ее именуют» (цит. по: Пра-

вославная энциклопедия, т. V: 494). Многие из этих имен – символы, формально напоминающие метафору. В. В. Колесов определил такой тип архаичного переноса как *праметафору* [Колесов 2002: 236]. Сакральный смысл и статус данных имен собственных был ситуативен, требовал определенного контекста.

Поэтика синкретизма имени собственного в поэзии Н. Клюева во многом обусловлена этими библейскими традициями, например, в назывании одного образа разными именами (*Рай, Царица, Ангел, Дева, Дух, Птица*):

*Я забуду смерти муку,
С жизнью скорую разлуку,
Прозревая,
С верой чая,
Кущи рая впереди.
Не отринь меня, Царица,
Ангел, Дева, Дух и Птица,
Одиноким не оставь!
Предавая тело Змею,
Я затишья возжелаю
Кипарисовых дубрав.*

(2, 24)

От древних эпох синкретизм имени собственного унаследовала и русская православная культура. Народное бытовое православие, в неполной мере соответствующее догматам христианства, объединившее учение Церкви с древними языческими образами, мифами, суевериями, осмысляет синкретизм образа Богородицы иначе. В русском фольклоре, особенно в духовных стихах, Богородица по своей божественной сущности часто мыслится как общая Мать (мира, богов и людей), «Владычица», отождествляется с Богом и со Святым Духом («Троица-Богородица»), а на Страшном Суде выполняет роль Судии. Образ Богоматери сливается с «низшими святыми силами женско-материнской религии народа» – *Пятницей (Параскевой Пятницей), Неделей (Воскресеньем, святой Анастасией)* [Федотов 1991: 31–32, 57]. В народной культуре почитание Богородицы как воплощения идеи космического материнства сближается с культом Матери Сырой Земли, что наиболее ярко проявляется в приуроченности важнейших событий народного земледельческого календаря к богородичным дням. К подобным образам обращается и Н. А. Клюев:

*Пролетела над Русью Жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...*

*Богородица наша Землица,
Вольный хлеб мужику уроди!*

(10, 343)

В структуре лирического сюжета стихотворений и poem Н. А. Клюева имена собственные объединяются в поэтические парадигмы различной структуры в зависимости от принципов художественного мышления.

Использование Клюевым архаичного типа мышления – поэтики синкретизма – одна из причин непонимания его творчества современным читателем, ориентированным на иные поэтические стереотипы. В соответствии с этим способом художественного мышления имена собственные объединяются в поэтическом тексте в **кумулятивные парадигмы**. Для кумуляции как способа образного мышления характерно нанизывание, присоединение семантических единиц, накопление нерасчленённой информации [Пропп 1984: 297; Бройтман 2001: 46–50].

В поэзии Н. А. Клюева кумуляция проявляется себя в организации текста – особой мозаичности изображения, нанизывании сходных по семантике образов, усиливающим эмоционально-экспрессивное воздействие текста. Кумулятивная парадигма включает имена собственные разных разрядов. Обозначение одной и той же ситуации разными символами и раскрытие ее в разных образах придают тексту целостность, а изображаемому эпическую масштабность:

*Поседела рязанская хата
Под стальным ливерпульским лучом.
Эфиопская черная рожь
Над родимую тущей взошла.
Хмура Волга и степь непогожа,
Где курганы турга замела.
Где Светланина треплется лента,
Окровавленный плата лоскут...
Грай газетный и щокот конвента
Славословят с оковами кнут.
И в глухом руднике Ломоносов,
Для Европы издевка – Ермак...
В бубенце и в напеве матросов
Погибающий стонет Варяг.*

(8, 93)

Другой прием кумуляции представлен в назывании одного и того же поэтического образа. Нанизывание разных имен в одну номинативную цепочку строится по принципу кумуляции, образуя открытый ряд кореферентных имен, выбор и сочетание которых в рамках поэтического текста обычно не

находит логического обоснования без обращения к библейским или другим сюжетам (*Отец – возждь – невеста – друг*) и не определяется идентифицирующей анафорической функцией повторных именовании (свойственной цепочкам *имя нарицательное – имя собственное – местоимение*). Использование подобных номинаций в качестве обращения сближает поэтическое произведение с сакральным ритуальным текстом:

*Ты взойди, взойди, Невечерний свет, –
Необорный меч и стена от бед!
Без тебя, Отец, возждь, невеста, друг,
Не найти тропы на животный луг.*
(6, 113)

По этой модели могут строиться и другие цепочки именовании. Например, образ красоты раскрывается в именах ее воплощений – *роза* (символ красоты и благоухания, в христианстве символ и эмблема Богоматери), *Суламифь* (в Ветхом завете имя прекрасной женщины, воспетой царем Соломоном), *Елена* (в древнегреческих мифах прекраснейшая из женщин, похищение которой Парисом послужило поводом к Троянской войне):

*Роза же в неведомых болотах,
Как лисица редкая в охотах,
Под пером не хочет увядать.
Роза, роза! Суламифь! Елена!*
(10, 447)

Кумулятивная парадигма может представлять ряд семантически равноправных ИС, обладающих общей культурной значимостью:

(а) древнерусские иконописцы: *По моленным нашим / Чирин да Парамшин / И персты Рублева – Словно цвет вербовый!* (12, 321);

(б) русские поэты: *Мы борцы, Есенин и Клюев, За ковригу возносим стяг;* в стихотворении «Где рай финифтяный и сирий...»: *Пушкин, Мей, Никитин, Кольцов, Аввакум* (10, 329); в стихотворении «Клеветникам искусства»: *Пушкин, Кольцов, Есенин, Клюев, Клычков, Ахматова, Павел Васильев* (12, 265–267);

(в) святые: *Как в смерти дивно Паше! / А горницы все краше, / Благоуханней сот. / Она пчелою дале / И Утоли Печали / В хозяйке узнает! / «Вот горенка Миколы, / Подснежники – престолы, / На лавке лапоток. / Здесь – Варлаам с Хутия / И мать слез – пустыня, / Одетая в поток. / Иона Яшезерский, / С уздечкой, цветик сельский, – / Из Веркольска Артем. / Се – Аввакум горящий, / Из свитка, меда слаще, / Питается огнем!»* (13, 19);

(г) русские богатыри: *Пусть богатырские гробы / Кроет ковыльная новь, – / Муромцы, Дюки, Потоки / Русь и поныне блюдут* (6, 235).

Как правило, такие парадигмы используются Ключевым для образного воплощения ментальных образов, то есть использование элементов поэтики синкретизма в его произведениях подчинено принципам более поздней поэтики. Кумулятивные цепочки становятся составной частью эйдетических парадигм, раскрывающих единый образ. В указанных выше примерах это этноцентричные ментальные сферы: русское иконописное искусство, поэзия (в основном называются крестьянские поэты), русское представление о рае (называются севернорусские святые и любимый святой русских – св. Николай), русская богатырская сила. Таким образом, имена собственные, объединяясь в кумулятивные парадигмы, не имеют раздельной функциональной самостоятельности, а создают один сложный символ определённой ментальной сферы.

Содержание такого символа может усложняться, если кумулятивная парадигма включает в свой состав имена собственные разных тематических групп, но с общим культурным концептом. Например, в «Сказе грядущем» в такую парадигму входят имена древнерусских князей – защитников родины, имена легендарных богатырей и героев, землепашцев и певцов, которые в целом символизируют образ Святой Руси: *Буй-Тур Всеволод, Тёмный Василько, Чурило, Садко, Александр Златокольчужный, Невский страж, Радонежские Ослябя, Пересвет, Микулушка-кормилец верный наш* (10, 341–342).

Наиболее сложной ментальностью характеризуются поэтические образы Ключева, построенные на основе кумулятивных парадигм личных имён и топонимов с различными исходными культурными хронотопами. Например, подчёркивая древнерусский фокус своего исторического видения современных ему событий, он пишет в поэме «Песнь о Великой Матери»: *Я сказкою в ином ночую, / Где златоносный Феодосий / Святителю дары приносит / И Ольга черпает в Корсуни / Сапфир афинских полнолуний <...>* (13, 34). В «Поминном причите» поэт изображает, как встречаются в раю убитых на войне русских воинов: *Правит службу им Аввакум пророк, / Читет писание Златоуст Иван, / Херувимский лик плещет гласами, / Солнце-колокол точит благовест* (6, 232–233). О духовных исканиях поэта-символиста и основателя в Поволжье религиозной секты «добролюбовцев» А. М. Добролюбова Ключев говорит так: *Александр Добролюбов – пречистая свеченька / Перед ликом Руси, перед Брамой, Буддой, / Натрудили ему богоносные плеченьки / Коромысло миров с чернокрылой бедой* (15, 459). В стихотворении «Родина, я грешен, грешен ...» (1919 г.) поэт говорит о культурной значимости традиционного крестьянского искусства и с горечью отмечает враждебное к нему отношение советской власти, однако он ещё надеется на будущее примирение: *С Зороастром сядет Есенин – / Рязанской земли жених, / И возлюбит грозный Ленин / Пестрядинный ключевский стих* (15, 437). См.

также выше: Св. Николай в ряду севернорусских святых. Во всех этих случаях для правильного понимания текста Клюева необходимо знать культурно-исторический контекст упоминаемых имён собственных, с одной стороны, и воспринимать кумуляцию как способ художественного мышления поэтики синкретизма.

Особо следует рассмотреть кумулятивные парадигмы топонимов, на основе которых поэт создаёт «словесные карты», которые воплощают реальное географическое пространство в этноцентричных ментальных образах. Данный художественный принцип Клюев унаследовал из древнерусской литературы. Как отмечает Г. В. Сумароков, «древнерусские писатели вписывали в свои произведения названия народов и земель в строгом порядке», а именно «посолонь», то есть по солнцу, а в отдельных случаях в обратном порядке [Сумароков 1983: 55]. Этноцентричность таких карт проявлялась в их неизменной ориентации на «своё пространство», которое для автора является сакральным и из которого, как из центра, происходит описание других, «чужих» и «далёких» пространств. Такую особенность имеют «словесные карты» в «Повести временных лет», в «Слове о погибели земли Русской» и в «Слове о полку Игореве» [Сумароков 1983; Теребихин 1993]. У Клюева подобные карты встречаются часто, например в «Песни о Великой Матери»: *Плыви, ершонок, на восток / Дивиться на сорочью сказку. / Она с далёкого Кавказья / На Соловки летит с оказией, / С письмом от толпника Агапа <...> / Клубок летучий ближе, ближе, / уже положется, где Кижжи, / Онего, Синий Палеостров / И Кемский берег нерпой пёстрой <...>* (13, 30). Или в поэме «Погорельщина», создавая образ Святой Руси, поэт составляет такую кумулятивную парадигму топонимов, наименований древнерусских городов – знаменитых центров православия: *Устюг, Москва, Валдай, Звенигород, Вологда, Переяславль, Новгород, Псков, Ладога, Ростов, Кострома, Киев* (12, 329).

Влияние поэтики традиционализма на образное содержание имен собственных в поэзии Н. А. Клюева

Для творчества Клюева наиболее характерна *поэтика традиционализма* (*эйдетическая поэтика*). Как известно, античный термин *эйдос* переводится с греческого и как *идея*, и как *образ* [Лосев 1969: 148–161]. С. Н. Бройтман считает эйдос, для которого характерна нерасчленённость образно-понятийных начал, порождающим принципом поэтики традиционализма [Бройтман 2001: 139]. Он пишет: «Как образ в эйдетической поэтике ещё синкретичен с понятием, так и рефлексия неотделима от канона и находится не вне, а внутри него. Канон – не внешне данная граница рефлексии, а её собственный внутренний предел. Эти отношения станут яснее на примере прямой и обратной перспективы. <...> Так вот, канон в эйдетической поэти-

ке организует рефлексию по законам обратной перспективы» [Бройтман 2001: 141].

Развитие поэтики традиционализма совпало с изменением статуса имен собственных в языке. Имя собственное стало осознаваться как знак само-бытной этнической культуры, знаменовало принадлежность его носителя к конфессионально-этническому сообществу людей. Формируются модели именования как людей, так и других объектов, принадлежащих к разным классам. Повторяемость одних и тех же имен в рамках единого социума за-креплялась традициями именования. Имя отрывалось от конкретного еди-ничного носителя, начинало жить в языке своей жизнью.

Традиционное имя – это *типичное имя типичного образа*, употреблен-ное в *типичном контексте*. Оно суггестивно, несет в себе обширную куль-турную информацию, не требующую вербализации. К этому разряду онимов в поэзии Н. А. Клюева относится большинство топонимов и антропонимов, имен собственных из фольклорных, религиозных и художественных тек-стов.

Под несомненным влиянием православной культуры в русском языке сформировалась система «развоплощенных» имен собственных, обладаю-щих общим классификационным значением, указывающим на отнесение человека к определенному конфессионально-этническому типу (*Иван* как русский православный человек). Крестьянские имена в произведениях поэта становятся богатым источником *условно-поэтических имен*.

Народные имена в поэзии Н. А. Клюева этноцентричны, отражают этни-ческие автостереотипы мужских (русский мужик-богатырь) и женских (рус-ская девица или баба-хозяйка) образов, выступают индикаторами «своей» культуры, служат средством типизации, несут положительную или отрица-тельную коннотацию:

*Кабы я не Акулиною была,
Не Пахомовной по батюшке слыла,
Не носила б пятишовки с галуном,
Становицы с оподольником,
Еще чалых кос под сборником, –
Променяла бы я жарник с помелом
На гнедого с плящим огненным ружьем,
Ускакала бы со свекрова двора
В чуждедалицину, где вражьи хутора,
Где станует бусурманская орда,
Словно выдра у лебяжьего гнезда;
Разразила бы я огненным ружьем,
Супротивника с нахвальщиком-царем.*

(4, 20)

В образе одного носителя имени отражаются типичные черты всего русского крестьянства – великое в малом, общее в единичном. Не случайно такие имена в поэзии Н. А. Клюева раскрывают образ Руси и соположены ее имени. Н. А. Клюев создает поэтический образ «столикого», «стоголового» русского народа и наделяет его типичным крестьянским именем (*Иван, Пахом, Демьян, Дарья*):

- (1) *О, жизнь! О, легкие земли,
Свежительнее океана!..
И черноземного Ивана
В зрачках пшеничные кули,
И на ладонях город хлебный!
Прибойно, фугою хвалебной,
О межи плещут конопля.
Россия, мать, ты ли? Ты ли?*
(10, 449)

- (2) *Родиться бы нивой в гремучих колосьях,
Чтоб баба могучая ярым серпом
Сразила напевы на поле мирском,
Их ждет мужичище – Столикий Пахом,
Их ждет на полатях кудрявый Васятка.*
(11, 135)

- (3) *Дагестан кукарекнул Онеге,
Литва аукнулась Якутке:
На душистой, сеновозной телеге
Отдохнет Россия за сутки.
Стоголовые Дары, Демьяны,
Узрят Жизни алое древо:
На листьях роса – океаны,
И дупло – преисподнее чрево.*
(7, 93)

В текстах Н. А. Клюева имя *Иван*, кроме прецедентных именовании (*Креститель Иван, Иван Богослов, Иван Златоуст, Иван Царевич, Иван Третий, Иван Калита* и др.), употребляется поэтом для именовании собирательного образа русского крестьянина (цикл «Стихи из колхоза») в сюжете, напоминающем народную балладу (*Красавец Иван в Катерину влюблен – Коварная пуля сразила орла – Одна Катерина чужая для слез, / Она лишь по брови надвинула плат, / И доит буренок, и холит телят – Отпраздновал осень на славу колхоз, / И прозван «Орлиным» за буйный покос*). И в этом случае поэт соотносит имя *Иван* с именем *Россия*.

*В ударной бригаде был сокол Иван.
Он крылья раскинул в октябрьский туман,
Где бури да ливни косые!
Где, выюгой на саван спрядая кудель,
В болота глядится недужная ель –
В былое былая Россия!* (10, 438).

Нередко использование того или иного имени определяется фольклорной традицией и развивает ее в авторской поэзии. Например, имя *Маруся* характерно для позднего городского фольклора («жестокое» романса), где именует обездоленную девушку, погибающую от неразделенной любви или людского коварства (один из популярных лубочных сборников городских песен начала XX века назывался «Маруся отравилась»). У Ключева оно связано с образом *новой России*, где «Радонеж, Самара, пьяная гитара свились в одно» (12, 338).

*Народное горькое счастье
Прозябло кустом павилик.
Сплести бы венок Марусе,
Но жутко пустыня межа,
И песенка уличной Руси –
Точильные скрипы ножа.*

(8, 52)

*Я недавно шутя хворал
От мальчишеской, пьяной лени. –
Тосковал, что венчальный наряд
Не приглянется крошке-Марусе..
Караул! Ведь мне шестьдесят,
Я – закладка из Книжной Руси!*

(7, 127)

Культурный «ореол» противопоставляет имя *Маруся* имени *Мария*, в поэзии Н. А. Ключева соотносимому только с образами Нового Завета: «Я остаюсь!.. Владычица!.. Мария!..» (13, 19); «Нет Марии и вифанской Марфы / Отряхнуть пушинки с ковыля, – / Чтоб постлать Возлюбленному ложе» (10, 322).

Повторяемость одного и того же имени в разных текстах при создании близких образов сближает поэтику имен собственных в поэзии Н. А. Ключева с фольклорной поэтикой, даже в том случае, если имя не принадлежит к разряду традиционных фольклорных. Поэт устанавливает собственные каноны именования. Например, образ крестьянского мальчика в разных про-

изведениях поэта последовательно именуется именем **Васятка** (10, 405; 10, 406; 10, 461; 10, 461; 11, 135; 12, 307; 12, 308; 12, 317; 12, 330):

*Свет неприкосновенный, свет неприступный
Опочил на родной земле...
Уродился ячмень звездистый и крупный,
Румяный картофель пляшет в котле.
Облизан горшок белокурый **Васяткой**,
В нем прыгает белка – лесной солнцепёк,
И пленники – грызь, маета с лихорадкой
Завязаны в бабкин залятый платок.*

(10, 405)

Характерной чертой традиционной ономастики выступает использование в художественном тексте «говорящих» имен, имен-масок, создающих типичные образы, отсылающих внутренней формой к типовым характеристикам персонажей, имен-намеков, предваряющих или завершающих создание целостного представления об образе [Фонякова 1990: 44–48]. Данная традиция, берущая начало в эпоху литературного классицизма, не нашла развития в поэзии Н. А. Клюева, за исключением редких обращений к именам-характеристикам прозвищного или фольклорного происхождения:

*Есть **Иванко Шестипалый**,
Васька Красный, **Кудеяр**,
Зауголыш, **Рямза**, **Чалый**
И Размыкушка-гусяр.
Стать негодже **Кудеяру**,
Рямзе с Васькой-яруном!»
Порешили: быть **гусяру**
Струговодом-большаком!*

(12, 234)

Типизация образов в произведениях поэта чаще всего достигается за счет прецедентных имен русской культуры:

*Ах, девки, – калина с малиной,
Хороши вы за прялкой с лучиной,
Когда вихорь синебородый
Заметает пути и броды!
Вон **Полоцкая Ефросинья**,
Ярославна – зегзица с Путивля,
Евдокию – донского ладу
Узнаю по тихому взгляду!*

*Ах, парни, – Буслаевы Васьки,
Жильцы из разбойной сказки,
Все лететь бы голью на Буяны
Добывать золотые кафтаны!
Эво, как схож с Коловоротом,
Кучерявый, плечо с накатом,*

*Видно, у матери груди –
Ковши на серебрянном блюде!*

(12, 305)

В соответствии с принципами поэтики традиционализма Клюев создаёт образ лирического героя через канонические образы соответствующей культурной традиции. Как характеризует такой метод художественного сознания С. Н. Бройтман, опираясь на М. М. Бахтина, «я» изображается для «другого» и через «другого» [Бройтман 2001: 160]. Именно этим объясняется сложная парадигма ИС, соотносительных так или иначе с именем Клюева (подробнее об этом говорится в разделе «Антропонимы» – «Николай Клюев»). Вместе с тем в эту парадигму попадают и новые, нетрадиционные имена, которые связаны уже с новым поэтическим мышлением – с поэтикой художественной модальности.

Смысловые отношения в эйдетических парадигмах ИС различны, что создаёт смысловую динамику и диалогичность системы символов, возникают стилистические фигуры:

– нарастание, амплификация: *Увы! Оборвался Дивеевский гарус, / Увял Серафима Саровского крин (5, 109);*

– противопоставление: *Инония-град, Белый скит, – не Почаев, / Они – наши уды, Почаев же – трость. / Вписать в житие Аввакумов, Мамаев, / Чтоб Бог не забыл черносошную кость. Б) Гоген Рублеву не загадка, Матисс – лишь рясно от каймы Моржовой самоедской прялки... (11, 220);*

– гипербола: *Я распят на Гималаях, / на Урале, на Машуке... (15, 445);*

– сопоставление, сравнение нового типа, разрушающего тропеический канон условного сходства [Бройтман 2001: 320]: *«Белый брат Серёжа с Китоврасом схожий, разлюбил мой сказ! Он пришелец дальний, / Серафим опальный, / Руки свитки крыл. / Как к причастью звоны, / Мамины иконы, / Я его любил» (11, 90).*

В последнем примере происходит актуализация архаического образного языка. Л. А. Киселёва понимает это буквально для данного примера и говорит о тайном языке народных религиозных верований [Киселёва 1997: 83]. Нам же представляется, что поэт избирает образный язык, который «имманентно несёт в себе архаическую семантику не условного сходства, а субстанционального единства» [Бройтман 2001: 320]. Причём это субстанциональное единство в данном случае имеет вторичный характер – культурный.

Он основан на том, что Клюев в своём творчестве включает имена Есенина и Китовраса, а также своё имя, в круг символов певцов Святой Руси [Яцкевич 2002(а): 109–128].

Художественная модальность в поэтическом ономастиконе Н. А. Клюева

Развитие поэтики художественной модальности ИС стало возможно лишь на определенном этапе развития мышления, определившего изменения в языке. Это связано и с развитием научных знаний о языке, с представлением о слове как произвольном, условном знаке. Имя уже воспринималось в отвлечении от его носителя, что создавало возможность тропеического употребления, условного перенесения имени собственного с одного предмета на другой.

В имени как языковом знаке различаются денотативное (отнесенность к классу предметов и предмету как представителю класса) и референтное (отнесенность к индивидуальному предмету), сигнификативное (совокупность семантических признаков и атрибутов) и концептуальное (отнесенность к культурным концептам) содержание. Перенос имени предполагает отрицание или другую модальную оценку, проявляющуюся на том или ином семантическом уровне.

Семантическая структура имён собственных в поэтике художественной модальности значительно усложняется и имеет следующие уровни:

- денотативное и референтное содержание (онтологическое), прототипически обусловленное его первичной номинативной функцией;
- когнитивное содержание, обусловленное его смысловой – сигнификативной функцией в семиотическом пространстве культуры;
- концептуальное содержание, связанное с символической и мифологической функцией имени в художественном тексте;
- модальное содержание имени, обусловленное его коммуникативной и аксиологической функциями в поэтической речи и типом поэтики.

Модальность поэтических онимов может быть связана с развитием предикативности, не свойственной идентифицирующим знакам. Поэтическое определение Н. А. Клюева «Я олонецкий Лонгфелло / С сердцевиной кедров уральских» (12, 183) не предполагает денотативного и референтного тождества (Клюев и Лонгфелло – разные люди), но устанавливает сигнификативное подобие (Клюев такой же поэт, как Лонгфелло). Это соотношение не предписывается канонами и традициями, оно субъективно, личностно.

Денотативно-сигнификативное содержание поэтических онимов не стабильно. Разрушение ономастического денотата лишает слово конкретной идентифицирующе-индивидуализирующей функции, превращает ИС в условную поэтическую номинацию особого типа (более подробно такие слу-

чаи употребления ИС в поэзии Н. А. Клюева рассмотрены в следующем разделе главы).

Следует учитывать, что в различные периоды исторической поэтики художественная модальность этнокультурного содержания ИС была различной.

В поэтике синкретизма, для которой характерна кумуляция как основа образного мышления [Бройтман 2001: 40–60], имена собственные включённые в предметный (лексический) ряд в тексте, имеют этнокультурное содержание особого типа. Автор текста анонимен, чувствует себя внутри этноса, не осознавая себя как отдельная личность, поэтому ИС лишены индивидуальной субъективной модальности с точки зрения говорящего лица. В силу этого, как отмечают исследователи исторической поэтики, герои не делятся на положительных и отрицательных, а ИС соответственно лишены коннотации. Важной является только модальность изображаемой ситуации, сопряжённой с архаичной метонимией, мифом, для которого характерно неразличение реального и ирреального, предметного и ментального [Лосев 1982: 407; Бройтман 2001: 44]. Основой содержания такой модальности является скрытая оппозиция «своё–чужое». Именно такой тип этнокультурного содержания наблюдается в кумулятивных парадигмах ИС в поэзии Клюева. Однако в контексте всего его творчества происходит преобразование данного типа ментальности в ментальность, характерную для поэтики традиционализма и поэтики художественной модальности.

В поэтике традиционализма, эйдетической поэтике, этнокультурное содержание ИС было связано с этническими идеями и сформировавшимся этническим самосознанием. Автор художественного текста так же, как в предшествующем периоде поэтики, находится внутри этноса, осознавая себя его частью. Принципы эйдетической поэтики сохранились у Клюева не только как художественный приём, но и связаны с его мировоззрением, которое сформировалось на основе традиций древнерусской литературы и литературы круга чтения старообрядцев.

В поэтике художественной модальности этнокультурное содержание ИС подчиняется не принципу *внутреннего этноцентризма или традиционализма*, а принципу *художественного эгоцентризма*, который, естественно, у разных поэтов проявляется по-разному. Парадоксальность творческого метода Клюева заключается в том, что в его поэзии *художественный эгоцентризм* речи проявляется в *подчёркнутом этноцентризме*, который отличается от *внутреннего этноцентризма* более ранних этапов исторической поэтики. Он имеет *определённую художественную модальность*, поскольку является не простым отражением этнокультурных реалий, а предметом разного изображения с определённым концептуальным заданием. Это мы можем наблюдать в приведённых ранее примерах эйдетических парадигм ИС с ключевыми именами *Клюев, Есенин, Рублёв*, помещённых в соответствующий контекст.

Этнокультурный компонент может присутствовать на одном уровне семантической структуры ИС, на нескольких или всех уровнях. При этом на различных уровнях этнокультурное содержание ИС может изменяться. Например, у библейских имён концептуальный и модальный уровни отличаются от денотативного и когнитивного: *Я первенец Киса, свирельный Саул, / Искал пегоухих отцовских ослиц, / И царство нашёл многоцветней златниц: / Оно за печуркой, под рябым горшком, / столетия мерит хрустальным сверчком* (10, 312). В таких случаях образная семантизация ИС происходит на основе взаимодействия разных культурных концептов, в данном выше примере – библейского и народнопоэтического.

В различных типах поэтики различается коммуникативный модус ИС. Для поэтики синкретизма характерна **ситуативная** модальность ИС (коннотации имени обусловлены ситуацией его употребления): архаичная метонимия, миф, неразличение реального и ирреального, предметного и ментального, нет оценочной модальности, поскольку нет автора, положительного и отрицательного героев. Для поэтики традиционализма присуща **концептуальная** (духовная и социальная) модальность: метафора и аллегория, нормативная модальность, различение реального и ирреального. Для поэтики художественной модальности характерна **личностная** модальность: новая метафора и символ, модальность неопределённости, амбивалентности, эгоцентризм метафоры, метаболизм. В творчестве поэтов Серебряного века, в частности у Клюева, указанные виды модальности ИС сосуществуют и взаимодействуют.

2. Способы образной семантизации имён собственных в художественном тексте

*Есть чужунное в Пуде, вифанское в Марье,
Но Христово лишь в язве, в пробитом ребре.*
(7, 233)

Художественный текст может использовать два типа имен собственных. Первая группа – именованья, искусственно созданные автором по тем или иным языковым моделям, вторая – «воплощенные» имена, реально существующие в языке для обозначения предметов окружающей действительности и использованные автором для номинации художественного образа.

Использование имени собственного в речи, его актуальная семантика в тексте могут быть обусловлены различными пресуппозициями, как внутритекстовыми, так и «затекстовыми». Семантический потенциал разных групп имен «на входе» в текст различен. Семантика окказиональных имен формируется на основе свойств имени как словесного знака, на концептуально-символическом содержании слова, мотивирующего имя собственное, и за счет семантических приращений внутри текста.

«Воплощенные» имена выполняют функцию идентификации, позволяют соотнести художественный образ с конкретным лицом, носителем имени – прототипом. Воплощенные имена также не однородны по содержанию. Среди них выделяется группа культурно значимых имен, ключевых для мировой или национальной культуры и соотносимых с определенной исторической эпохой. Ключевые имена собственные (например, *царь Давид, Андрей Рублев, Ермак, Ломоносов, Пушкин, Наполеон, Ленин*) включают информацию о референте в свое языковое значение, которое характеризуется сложностью и энциклопедичностью [Болотов 1993: 39].

Имена узкой сферы употребления и известности имеют референтную отнесенность для автора (говорящего), но для читателя (получателя сообщения) способны выражать представление о референте только при помощи контекста. Это характерно и для календарных имен, в языке обладающих только классификационным значением и характеризующихся референтной неопределенностью [Смольников 2005: 65–66]: *«О Дельвиге писал наш Александр, / О черепе выласкивал он строки»* (С. Есенин о Пушкине) (Самовитое слово, 64); *Я сказкою в ином ночую /, Где златоносный Феодосий / Святителю дары приносит, / И Ольга черпает в Корсуни / Санфир афинских полнолуний* (Н. Клюев о Феодосии Печерском и княгине Ольге) (13, 34).

Свойства имени как словесного знака

а) Классификационное (разрядное) значение. По мнению М. В. Никитина, каждый класс предметов и явлений стремится закрепить за собой свой круг имен, поэтому, зная это распределение, можно уже по имени собственному составить представление об обозначаемой вещи, о ее классе и признаках /.../ Это описание тем точнее, чем жестче закрепление определенных ИС за определенными классами вещей [Никитин 1988: 24]. Отдельные разряды антропонимов (календарные личные имена, такие, как Иван, Александр, Владимир и др.; отчества, фамилии, оформленные специальными формальными средствами) обладают классификационным значением: относят идентифицируемый объект к определенному разряду предметов (например ‘человек’, ‘мужчина’, ‘русский’) [Арнольд, Шеремет 1985; Ермолович 2001: 38 и др.]. Классификационное значение, как правило, имеет свои средства выражения, относящие слово к определенному разряду наименований [Азарх 1981: 6].

Классификационное значение имени собственного в поэтическом тексте может изменяться в результате переносного или символического употребления, сообщения имени новой номинативной функции.

б) Внутренняя форма имени, которая определяется ассоциативно-деривационными связями с другими словами русского языка.

В языке художественной литературы семантизация имени собственного за счет «прозрачной» внутренней формы проявляется прежде всего в создании и использовании искусственных «говорящих» имен, характеризующих персонаж (Ляпкин-Тяпкин, Манилов, Собакевич – у Гоголя, Разумихин – у Достоевского, Очумелов, Держи-Хватаев, Пришибеев, Гнилодушин – у Чехова), или, наоборот, противоречащих образу, создавая таким образом конфликт имени и его носителя. В стихотворении О. Мандельштама обыгрывается внутренняя форма псевдонима Горький и ее несоответствие реальным признакам носителя имени: «Алексей Максимыч Пешков – очень горький человек, / Несмотря на то, что Пешков – не есть горький человек» (Самовитое слово, 66).

Для поэтической этимологии (как, впрочем, и для «наивной» этимологии в разговорно-обиходной речи) свойственна актуализация внутренней формы антропонима, устанавливаемой на основе *ассоциативно-формальных* (омонимических, паронимических) отношений. Устанавливаемая поэтом внутренняя форма может соответствовать реальной этимологии имени, например: «Чтобы край земной не вымер / Без отчаянных дядей, / Будь, младенец, *Володимир*: / Целым миром володей!» (М. Цветаева «Маяковскому»).

В основе паронимической аттракции лежит сходство сочетаний звуков, слогов, общего звучания слов. Мастера слова, такие, как М. Цветаева, строили поэтические образы на основе звуковых ассоциаций антропонима («*Анна* / *Ахматова*! Это имя – огромный вздох». Самовитое слово, 135).

«Есть чужунное в Пуде», – писал Клюев, имея в виду «неслучайную» знаковость имени, обусловленную омонимией имени *Пуд* и названия меры веса *пуд* (7, 233). На основе омонимии (фамилия *Кириллов* – название города *Кириллов* – притяжательное прилагательное *Кириллов*, указывающее на принадлежность) и паронимической аттракции (фамилия *Кириллов* – агноним *Равноапостольный Кирилл*, учитель *Словенский*) строится образ антропонима в стихотворении Н. Клюева, посвященном Владимиру Кириллову: «*Твое прозвище – русский город, / Азбучно-славянский святой, / Почему же мольный молот откликается в песне простой? <...> Убегай же, Кириллов, в Кириллов, / К Кириллу – азбучному святому, / Подслушать малиновок перебивы, / Припасть к неоплаканному родному*» (10, 368).

Для поэтического мышления Н. А. Клюева свойственны операции с графическими образами слова, словом как графической целостностью и буквами, его составляющими. Этот прием использован для создания образа Ленина в ряде посвященных ему стихотворений.

Прецедентные имена и их семантика на «входе» в текст

На входе в текст семантику ИС могут определять *интертекстуальные* *пресуппозиции* имени, т. е. совокупность культурных текстов, используя

щих имя (включая как письменные, так и устные тексты, слухи-толки, авторитетные мнения), *известных автору*. Антропоним, осложненный таким значением, чаще всего аккумулирует в себе содержание целых текстов и может рассматриваться с точки зрения теории интертекстуальности как «точечная» цитата [Беляева 1990: 103–104], «текстовая реминисценция» [Алексеев 2003: 226], а с точки зрения феноменологии языка – как «прецедентное» имя.

Интертекстуальный подход к культурно значимым именам предполагает анализ только онимов, употребленных в различных источниках, в том числе и малоизвестных читателю клюевской поэзии, оценивает их прежде всего как *единицы текста*. Но не все ИС, употребленные Н. А. Клюевым, можно считать таковыми. Подход к поэтическим онимам только с позиций интертекстуальности не дает ответов на многие вопросы, связанные с рассмотрением ИС в поэзии Клюева.

Прецедентные имена – *ментальные единицы национальной культуры*, закрепленные в национальном языке. Выявление их основано на признаке общеизвестности, «сверхличности», что, на первый взгляд, значительно сужает круг фактов поэтического языка Клюева, подводимых под эту категорию. Но прецедентность имени в индивидуальном языке носит несколько иной характер.

Явление прецедентности в культуре и языке в последнее время все больше привлекает внимание исследователей (Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, Д. Б. Гудков, В. В. Красных и др.). Прецедентными считают «хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»), актуальные в познавательном и эмоциональном плане» вербальные (имя, высказывание) или вербализуемые (ситуация, текст) феномены, «обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного лингво-культурного сообщества» [Красных 2002: 44–45]. Все прецедентные феномены являются ментальными инвариантными единицами, входящими в когнитивную базу того или иного национального языка.

Многие прецедентные имена в языке обладают «двойной референцией» [Живоглядов 1993], в речи могут употребляться денотативно (*Ева* – о первой женщине, спутнице Адама; *Иуда* – об ученике Христа) или коннотативно (*Ева* – о соблазнительнице; *Иуда* – о предателе). Их определяют также как «коннотонимы» [Отин 1997], «полуантропонимы» (метафорические и метонимические антропонимы) [Семенова 2001: 146–188]. По словам Е. С. Отина, коннотонимами в разные эпохи становились различные имена: в XVII в. – Антон ‘жалобщик’, Мартын ‘некрасивый’, в XVIII в. – Голиаф, Цицерон, Минерва, Вольтер; в современном русском языке – Камчатка, Черемушки, Митрофан, Фекла, Голгофа, Мекка, Бродвей и др. [Отин 1997: 279, 282–283]. Будучи тесно связанными с широко известным текстом или ситуацией, такие имена задают модели поведения, выражают его оценку, то есть имеют

яркое прагматическое значение. Их употребление связано с апелляцией не к денотату (референту), а к набору его дифференциальных признаков [Красных 2002: 48], не к понятию, но к образу [Гудков 1999: 92]. В поэзии Клюева даже в переносном употреблении имени собственные не понятийны, смысл их не всегда поддается точному определению. Например, нельзя однозначно сказать, что подразумевает имя *Москва* в следующих строках Клюева: *Глядь, к тресковому чуму примчалась Москва / Табунами газетных листов! Скрежет биржи, словаки и пушечный рык, / Перед сполохом красным трепещут враги...* (10, 372). За данным словом стоит целостный амбивалентный образ московской прессы, политической шумихи, суеты столичной жизни, хаоса революционной России, гражданской и мировой войны.

Обычно к прецедентным именам в русском языке относят три группы имен собственных [Красных 2002: 50–58]. Разграничение этих групп имеет относительный характер и не всегда может быть признано однозначным:

а) общеизвестные факты и явления мировой культуры – *универсально-прецедентные феномены*; имена собственные такого типа известны разным языкам (данную группу имен в поэзии Н. Клюева представляют *Христос, Сократ, Будда, Зороастр, Иерусалим, Париж, Китай, Европа* и др.);

б) имена собственные национальной культуры – *национально-прецедентные феномены* (в русском языке и у Н. Клюева – *Новгород, Волга, Илья Муромец, Садко, Иоанн Грозный, Аввакум, Степан Разин, Пушкин, Распутин, Есенин* и др.).

в) имена прецедентные для социальной, конфессиональной, профессиональной и др. субкультуры – *социумно-прецедентные феномены* (имена, понятные мусульманам, но не понятные христианам; имена, важные для врачей, но не важные для юристов и т. п.); в поэтической системе Клюева, например, широко представлены имена, значимые для севернорусского старообрядчества: *Выго, Выга, Выгов, Анзерский скит, Анзерский Елиазар, из Веркольска Артем, Медвежья гора, Данилово, Андрей и Симеон (Денисовы), Иван Филиппов* и др.

Разряды прецедентных имен в общем соответствуют основным разновидностям языка и типам культуры (интернациональные, общенародные, социально-диалектные, профессионально-диалектные ономастиконы). Видимо, учитывая разные уровни прецедентности [Гудков 1999: 24–26], применительно к идиостилю можно говорить о прецедентном характере любого имени собственного. К названным группам следует добавить ИС узкой сферы известности и употребления:

г) имена, прецедентные в рамках малой социальной группы (социальная сфера личности, семья, группа друзей, творческий союз и т. д.); для Клюева, например, такими именами являлись *Александр Добролюбов, Николай Ильич Архипов, Ильюша, Владимир Кириллов, Анатолий (Яр-Кравченко), Толя* и др. Они отражены в поэтических посвящениях, иногда встречаются и в стихотворных текстах;

д) *автопрецедентные имена*, свойственные индивидуальному языку. «Автопрецеденты представляют собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности, связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды» [Гудков 1999: 25]. Применительно к имени в тексте автопрецедентность перекликается с понятием *автоинтертекстуальности* (интертекстуальности внутри одного идиостиля) [Фатеева 2000: 91]. Расширенное понимание прецедентности применительно к идиостилю обусловлено еще и тем, что предметом анализа в данном случае является не общезыковая система имен собственных, а индивидуально-авторская поэтическая система, в которой нет «пустых» и случайных слов, за каждым из них стоит образ фрагмента действительности, аксиологически и эстетически значимый для поэта.

Например, достаточно разнообразен и неоднороден топонимикон Н. А. Клюева, по словам Л. А. Киселевой, это «небывалая живая карта – то сверкающая ратной славой, то зловеще мерцающая самосожженным огнем, – с ожившими преданьями веков, с многоцветьем ремесел и многообразием характеров» [Киселева 1994: 10]; в нем соединяются воплощенные реальные и легендарные названия, а также топонимы, созданные поэтом. Основу топонимикона составляют географические названия, обладающие культурной семантикой (*Александрия, Багдад, Волга, Дон, Сибирь, Звенигород, Чернигов, Рязань, Кострома, Новгород, Псков, Париж, Чикаго* и др.). Топонимы связаны с ветхозаветной историей и историей христианства (*Арарат, Египет, Палестина, Вавилон, Евфрат, Нил, Византия, Афон* и др.), русского православия (*Корсунь, Москва, Киев, Радонеж, Саров* и др.), старообрядчества (*Пустозерск, Выг, Данилово, Соловки, Керженец* и др.).

Инвариант восприятия прецедентных имен включает дифференциальные признаки, атрибуты и оценку (хорошо/плохо) (т. е. сигнификативное и коннотативное значение). Дифференциальные признаки (внешность, черты характера, прецедентная ситуация) составляют ядро значения прецедентных имен, а «атрибуты имени», тесно связанные с означаемым лицом, но не достаточные для сигнификации (*халат Обломова, бакенбарды Пушкина* и т. п.), – периферию [Красных 2002: 79–99]. Например, при создании образа Есенина Клюев упоминает его «золотые кудри»: *Не Сезанны, не вазы этрусские / Заревают в восстании питерском. / Золотятся в нем кудри Есенина, / На штыхах красногрудые зяблики...* (12, 205).

а) **Дифференциальные признаки как основа образного значения ИС.** В русском языке прецедентное для национальной культуры имя Пушкина выражает *дифференциальные признаки*, связанные с высокой оценкой его поэзии (*великий русский поэт, творец, гений, талант*) [Караулов 1999: 295], благодаря которым антропоним может употребляться метафорически, обозначая вообще русского поэта, отмеченного выдающимся поэтическим та-

лантом. Н. А. Клюев называет именем *пролетарский Пушкин* образ «молотобойца» (молот – символ пролетариата-кузнеца) – поэта нового революционного времени, противопоставленный лирическому герою (в стихотворении идет речь не о самом Пушкине, а только о его подобии):

*Обернется солнце караваем,
Полумесяц – ножик застольный,
С избяным киноварным раем
Покумится молот мозольный.
Подарится счастье молотобойцу
Отдохнуть на узорной лавке,
Припасть к пеклеванному солнцу,
Позабытому в уличной давке.
Слетит на застреху Сиринь,
Вспенит сказка Баяновы кружки,
И говором московских просвирен
Разузорится пролетарский Пушкин.
Мой же говор – пламенный подойник,
Где удои – тайна и чудо;
Возжасажда, благоразумный разбойник
Не найдет вернее сосуда*

(12, 186–187).

б) **Прецедентная ситуация как основа образного значения ИС.** Прецедентной ситуацией, например, определено значение антропонима *Иван Третий* в поэме Клюева «Деревня» (объединение русских земель и борьба против монголо-татарского ига), на этой основе имя приобретает символическое значение и употребляется нереферентно: *Будет, будет русское дело – / Объявится Иван Третий / Попрать татарские плети, / Ясак с ордынской басмою / Сметет мужик бороною!* (12, 304)

Иван III – великий князь Московский, возглавивший «собираение земель», разрозненных русских княжеств в единое Московское государство. Однако речь в этом тексте идет не о конкретном реальном русском князе, который должен воскреснуть в будущем, а о другом лице, по своей роли в истории России равном Ивану III. Имя характеризуется модальностью подобию и неопределенностью.

В стихотворении «Есть в Ленине керженский дух...» ситуация, связанная с именем Иоанна используется как своеобразный эталон оценки революционных событий в ряду других символов (пламя, цветенье): *Нам красная молвь по уму: / В ней пламя, цветенье сафьяна, – / То Черной Неволи басму / Попрала стопа Иоанна* (10, 369).

в) **Прецедентный текст как основа образного значения ИС.** Семантика поэтических онимов может быть обусловлена *прецедентным текстом*.

Прецедентный текст – это когнитивная единица, мысленный образ, включающий в себя инвариантное представление сюжета в виде обобщенной ситуации, совокупность прецедентных имен персонажей и прецедентных высказываний, связанных с текстом-источником. Прецедентный текст как явление культуры может отличаться от породившего его конкретного вербального текста. В поэзию Н. Клюева прецедентные тексты входят вместе с именами собственными.

Например, в стихотворении «Наша русская правда загибла...» кумулятивная ономастическая парадигма включает имена, связанные с фольклорным текстом (*Аленушка*), литературным произведением (*Василиса Мелентьевна* – героиня одноименной пьесы А. Н. Островского и С. А. Геденова), исторической ситуацией (тверской князь *Михайло*, боярыня *Морозова*), агиографическим и иконописным сюжетом (*Феодор Стратилат*) [Гарнин 1999, 946–947]. Имена в тексте получают новое образное осмысление – символизируют русскую правду и русскую долю:

*Наша русская правда загибла,
Как Аленушка в чарой сказке...
Забодало железное быдло
Коляду, душегрейку, салазки.*

*Уж не выйдет на перёные крыльца
В куньей шубоньке Мелентьевна Василиса,
Утопил лиходеи-убийца
Сердце князево в чаре кумыса.*

*Заливай ордынским напитком,
Тверь-вдовица, кос пепелище,
Твой Михайло в шуйце со свитком
Стал вороньей гнусавой пищей.*

*И боярыни Морозовой терем
В тощей пазухе греет вьюгу,
На иконе в борьбе со зверем
Стратилат оборвал подпругу.*

Так загибла русская доля...

(12, 255)

г) Прецедентное высказывание как основа образного значения ИС. Имена, соотносимые с прецедентным текстом или ситуацией, в творчестве Клюева заметно преобладают над всеми остальными. Имена же, семантика которых исчерпывается прецедентным высказыванием (приписываемым

лицу, упоминающим лицо) – пословицей, поговоркой, расхожей литературной цитатой, «крылатым выражением» – немногочисленны: ...*И останутся от России / Кандалы с пропащей сумой. / Ни соловки, ни зелена сада, / Только шишки да бедный Макар...* (15, 503), ср.: *На бедного Макара все шишки валяются*. Православные божественные имена в поэзии Клюева нередко связаны со строками молитв и других священных текстов: *Христос воскрес из мертвых* (10,475); *Се Жених грядет* (12,203) и др.

д) Атрибуты объекта как основа образного значения ИС. В поэтических текстах Клюева отмечены имена собственные, семантика которых обусловлена прецедентностью атрибутов объекта – носителя характерных признаков и свойств.

Значение географических названий в текстах Клюева значительно шире пространственного понятия. Формирование образной семантики осуществляется за счет актуализации в тексте компонентов культурного фона топонимов. В отдельных случаях расширение семантики обусловлено метонимическим переносом на географический объект характерного атрибута его жителей – один из культурно-исторических признаков топонима абсолютизируется: *Сядет Суздаль за лазорь и вину, / Разузорит Вологда коклюшки...* (12, 257) и др. Например, семантика имени *Валдай* включает образ прецедентного атрибута – колокольчиков-бубенцов, «звонкой дуги»: *Не от песни ль пошел в присядку / Звонкодугий лихой Валдай, / И забросил в кашную латку / Многострунный невод Китай* (9, 20); *Загибла тройка удаляя, / С уздой татарская илея, / И бубенцы – дары Валдая, / Дуга моздокская лихая – / Утеха светлая твоя!* (12, 332). В последнем примере прецедентность атрибута поддерживается популярным текстом (у Клюева перефразируется строка из народной песни «Тройка» на слова Ф. Глинки: «И колокольчик – дар Валдая») [Гарнин 1999: 978].

В качестве атрибута антропонима могут выступать тексты или их цитаты, ассоциативно связанные с именем и соположенные ему в сознании автора. В стихах Клюева, как правило, в этом случае проявляется связь автора и его произведения (С. Есенин – «Радуница», «Голубень», «Иннония»; А. Чапыгин – «Белый скит» и др.): *И «Белым скитом» Чапыгин / Отпел родные безбрежья* (12, 236); *Я верю вам, братья Есенин, Чапыгин, – / Трущобным рассказам и ветру-стиху: / «Иннония-град», «Белый скит», – не Почаев, / Они – наши уды, Почаев же – трость* (5, 109); *Словесный брат, внимли, внимли / Стихам – берестяным оленям: / Олонецкие журавли / Христосуются с «Голубенем», / «Трерядница» и «Песнослов» – / Садко с зеленой водяницей, / Не счесть певучих жемчугов / На нашем детище – странице* (10, 401); *Изба – питательница слов / Тебя взрастила не напрасно: / Для русских сел и городов / Ты станешь Радуницей красной* (11, 89).

В поэтической речи Клюева прецедентные имена могут употребляться в символической функции (Ярославна, Садко, Светлана, ветка Палестины, Золотая рыбка – как символы текста; Ева, Каин, Куликово поле, Углич,

Петр Великий, Пустозерск, Смольный – символы ситуации; *Боян, Святогор, Илья Муромец, Распутин* – символы качественных признаков) или развивать переносное метафорическое или метонимическое значение.

Новое метафорическое значение топонима создается в результате персонификации: *Под скрип иудиной осины / Сидит на гнощце Москва, / Неутешимая вдова, / Скобля осолом по коростам* (11, 231); *Вращают жернов горя / С Архангельском Кавказ. / Пшеница же – суставы / Да рабы черепа* (10, 380) и др.

Все эти разные типы ИС объединяются в пределах одной внутритекстовой ономастической парадигмы: *Коломна светлая, сестру Рязань обняв, / В заплаканной Оке босые ноги мочит* (11, 229); *Из мрака всплыли острова, / В девичьих бусах заозерья, / С морозным Устюгом Москва, / Валдай – ямщик в павлиньих перьях, / Звенигород, где на стенах / Ключут пшено струфокамы, / И Вологда, вся в кружевах, / С Переяславлем белокрылым. / За ними Новгород и Псков – / Зятья в кафтанах атласных, / Два лебедя на воды ясных – / С седой Ладогой Ростов. / Изба резная – Кострома, / И Киев – тур золоторогий / На цареградские дороги / Глядит с Перунова холма!* (12, 329).

Состав прецедентных феноменов, актуальных для каждой личности, индивидуален. Но не только в этом проявляется творческое своеобразие поэта. Индивидуально-авторское обращение к прецедентному тексту может актуализировать разные составляющие исходного образа.

При предикативном использовании ИС с целью характеристики в поэтическом тексте может наблюдаться частичная актуализация дифференциальных признаков. Именем *Исавы*, например, названы Есенин и Клюев:

*Мы борцы, Есенин и Клюев,
За ковригу возносим стяг,
За цветы в ушах у малайца,
За кобылий сладкий удой,
Голубка и ржаного зайца
Нам испек Микула родной.
Оттого на песенной кровле
Воркование голубей,
Мы – Исавы, в словесной ловле
Обросли землей до грудей.
И в земле наших книг страницы,
Запятые – медвежий след,
Не свивают гнезд жаро-птицы
По анчарным дебрям газет.
На узорчатых шароварах
Прикурнуть ли маховику?
Лишь пучина из глубей ярых
Выплескивает строку.*

(12, 64–65)

В Ветхом Завете *Исав* – первенец Исаака и Ревекки, близнец Иакова. Исав родился красным, как кожа, и косматым, и поэтому его нарекли Исав, что значит ‘косматый’. Иаков (‘пятка’) вышел на свет, держась за пятку Исава (Библ. Быт. 25, 27). В Библии Исав – искусный охотник. Прецедентность образа Исава связана с известной ситуацией: Исав, вернувшись с охоты голодным, продал свое первородство Иакову за хлеб и еду из чечевицы (Библ. Быт. 25, 29–34). Далее Иаков обманом получил отцовское благословение, предназначенное для Исава (Библ. Быт. 27, 1–40). Поэтический текст Ключева актуализирует в имени *Исав* только признаки ‘косматый охотник’. Однако семантика имени *Исав* ‘тот, кто продал свое первородство за еду из чечевицы’ не утрачивается именем в контексте произведения и несколько затрудняет его понимание. Скорее всего, это подтекстовая информация (‘первенцы, лишенные своего статуса и прав’), подспудно выражающая авторскую рефлексию и делающая поэтический образ объемным и неоднозначным.

Для индивидуально-авторской системы поэтических имен прецедентными могут быть тексты и имена узкой сферы известности. В поэме «Песнь о Великой Матери» Ключев рассказывает о песне «велесовой, старой», излагает ее сюжет, упоминает имена персонажей – *Чурила* и *Снафида*.

*И пели мы стих про Снафиду,
Чтоб черную птицу обиду
Узорчатым словом заклясть:
Как цвела Снафида Чуриле власть,
Откушала зелья из чарочки сладкой,
За нею Чурила, чтоб лечь под лампадкой.
Вырастала на Снафиде золота верба,
На Чуриле яблоня кудрявая! –
Эта песня велесова, старая,
Певали ее и на поле Куликовом, –
Непомерное ведкое слово!*

(13, 36–37)

В известных, отчасти случайных, записях русского фольклора эти имена не встречаются вместе. Имя *Снафида* (вариант – *Стафида*) известно по балладе «Чурилья-игуменья», повествующей о любовных похождениях монахини-клирошанки Снафиды, ловко обманывающей строгую игуменью Чурилью [Кирша Данилов, 199–201]. Имя *Чурила* на первый взгляд соотносится с героем богатырского эпоса – Чурилой Пленковичем, хотя эта связь и не является строго обязательной (*Чурила* – народный вариант имени *Кирилл*).

Изложенный Ключевым сюжет песни повторяет известную на Русском Севере любовную балладу «Василий и Софья» (записи XIX века сделаны в Олонецкой губ. и в Карелии) [Баллады, 415–416]. Несмотря на позднее бы-

тование, баллада действительно строится на использовании архаичных мотивов. Девятая дочь бедной вдовы Софья вместо того, чтобы пойти «во спасение» (в монастырь, петь «на крылосы»), решила сойтись с возлюбленным Василием (в другом варианте – пошла с ним «под золотые венцы»). Мать Василия (в другом варианте – мать Софьи) «лиходейка была», она решила избавиться от избранницы сына, «забросалась по Кий-городам, по царевым кабакам», Василию купила «зелена вина», а Софье – «зелья лютого». Влюбленные разделили каждую чарку на двоих и «к утру-свету преставились». Василия и Софью похоронили в разных местах, но на их могилах выросли деревья, чудесным образом соединившиеся: «Разрослась на Василье золотая верба, / На Софиюшке вырос кипарисовый куст, / Листочки с листочками слипались; / Пруточки с пруточками свивались. / Старый пойдет – расплачется; / Молодой пойдет – раздвигается, / Малый пойдет – распотешится» [Баллады, 179–180].

Известно, что в фольклорном тексте именно сюжет (совокупность мотивов) является инвариантным, имена персонажей – в известной степени переменная величина. Очевидно, Клюеву был известен вариант баллады, где действующих лиц звали иначе. Кроме того, возможны и народные контаминированные варианты сюжета, например, существует баллада, где свекровью-убийцей представлена игуменья Чурилья, отравившая змеиным ядом Василия и Софью, поющих на клиросе [Балашов, 52; Пропп 1998: 101]. Нельзя исключать, что Клюев создает свой поэтический вариант песенного сюжета, контаминируя разные фольклорные образы.

Переосмысление этого сюжета дано в «Плаче о Есенине», где в образе «лихой» тещи выступает птица Удавна, протягивающая поэту не чарку зелья лютого, а петлю, приглашая его войти в загробный мир – «белую рошу»:

Здравствуй, сокол-зятюшка –

Муж Снафидин!

У Снафиды перстеньки –

На болоте огоньки!

Угоди-ка вежеством,

Сокол, теще,

Чтобы ластить павушек

В белой роще!

Ты одень на шеюшку

Золотую денежку!

(11, 179–180)

Сюжет «Василий и Софья», помогающий понять образ Снафиды в «Песни о Великой Матери», не снимает всех вопросов, связанных с одноименным образом «Плача о Есенине». Видимо, пока не обнаружен фольклорный текст-источник, клюевская Снафида будет таить в себе загадку, а

демоническая («болотная») сущность Снафиды не может быть объяснена до конца.

Автопрецедентность имен собственных в поэзии Н. А. Клюева

Автопрецедентность ИС в поэтическом творчестве может проявлять себя по-разному. Она отражается в эмпирическом и коннотативном значении ИС, концептуальном содержании, формируемом авторскими ассоциациями, находящими отражение в поэтическом тексте, в автоинтертекстуальности образов и их номинаций.

а) **Эмпирические presuppositions.** На характер художественного образа, как и на выбор лексического контекста, формирующего этот образ, в равной степени оказывают влияние и непосредственное, и опосредованное знание / восприятие автором речи свойств референта. Ср. у И. Анненского: «Вы еще были *Алиною*, / С розовой думой в очах, / В платье с большой *пелериною*» (о А. Н. Анненской. Самовитое слово. – С. 68); у М. Цветаевой: «Ах, на *гравюре полустертой*, / В один великолепный миг, / Я видела, *Тучковчетвертый*, / Ваш нежный лик. / И вашу хрупкую фигуру, / И золотые орден... / И я, поцеловав *гравюру*, не знала сна...» (М. Цветаева. «Генералам двенадцатого года»). Клюев о Есенине: *Но с Рязанских полей коловратовых / Вдруг забрезжил конопляный свет. / Ждали хама, глупца непотребного, / В спинжаке, с кулаками в арбуз. – / Даль повыслала отрока вербного, / С голоском слаще девичьих бус.* (11, 88). **Эмпирическое значение ИС** – это наглядно-чувственный образ денотата, определяемый опытом говорящего, личным познанием свойств объекта, идентифицируемого именем. По мнению лексикологов, эмпирический компонент лексического значения наиболее подвижен и индивидуален [Кузнецова 1989: 25].

б) **Индивидуально-авторские коннотации, связанные с именем.** Авторское отношение к носителю имени определяет лексический контекст антропонима, выражающий оценку (положительную или отрицательную), входящую в **модальное значение ИС**. Приведем примеры оценочно-характеризующих контекстов антропонима *Александр* <Блок> из стихотворения А. Ахматовой: *На руках во гробе серебряном / Наше солнце, в муке погасшее, – Александра, лебедя чистого* (Самовитое слово, 64); антропонима *Мариенгоф* из стихотворения Н. Клюева о Есенине: *Не с Коловратовых полей / В твоём венке гелиотропы, – / Их поливал Мариенгоф / Кофейной гущей с никотином... / От оклеветанных голгоф – / Тропа к чудным осинам. / Скорбит Рязанская земля* (10, 400). Контекст в свою очередь передает оценку читателю, формирует у него восприятие имени, заданное автором.

Оценочно-характеризующие (коннотативные) значения могут выражаться модификатами личных имен с суффиксами субъективной оценки:

*Прорастет хризопрас березынькой, / Кучерявой, росной, как Сергеюшко;
Сон березовый пригож, / На Сереженькин похож!* («Плач о Сергее Есенине») (11, 180).

в) Индивидуально-авторские ассоциативные ряды, связанные с ИС. Ассоциативный ряд раскрывается в лексическом окружении ИС в контексте произведения. Например, авторские ассоциации, связанные с именем Кнут Гамсун, не отражают непосредственной характеристики лица, но тем не менее создают поэтический портрет писателя через образы скандинавской природы и норвежского пейзажа в его произведениях, через мотив «заморской любви» и образ «озерноглазой» невесты – Норвегии:

*Кнут Гамсун – сосны под дождем,
На черни моря хлопья чаек,
Его Норвегия ласкает
Зеленым рыбьим плавником
И на утесе высекает
Мережи с гагачьим птенцом, –
Питай, поэт, лелей и пестуй
Озерноглазую невесту –
Страну родную, чей гранит
Волной косматой не сьят,
И солью парус разьедает!*

*Кнут Гамсун – в ледовитом мае
Черемуховый ветерок <... >*

*Кнут Гамсун – над пучиной скалы
В косынках снежной земляники <... >*

*Кнут Гамсун, синими цветами,
Норвежских хижин огоньками
Разрывы жгил перевязжи! <... >*

*Кнут Гамсун – в соснах дождик сыпкий,
Соленый жемчуг горстью глыбкой
Недаром плещет в темень совою,
Но чтоб заморскою любовью
Пахнуло в бороду мою,
И стих запел: люблю, люблю!*

(11, 142–143).

г) Автоинтертекстуальные употребления ИС. Многие поэтические образы в поэтических и прозаических текстах Клюева автоинтертекстуаль-

ны. Поэт словно цитирует сам себя, неоднократно возвращаясь к уже сказанному и заново переосмысливая его. Ср., например: *Солнышко-светик! Согрей мужика! / Русская песня что Волга-река! / Катится в море, где пена да синь... / Песне моей не сказать ли «аминь»? (12, 155) – Из тверского ковши-болота / Вытекает песня-река. / Это символ всерусской доли, / Черносошных, пламенных рек, / Где цветут кувшинки-мозоли / И могуч оседр-человек. / Не забыть бы, что песня – Волга, / Бурлацкий, казанный сказ! / Товарищи, ждать недолго / Солнцеповоротный час (12, 168).* Подобные примеры в поэзии Н. А. Клюева достаточно многочисленны.

Смысловые сдвиги в семантике ИС,
обусловленные новой функцией в тексте

ИС в поэтическом тексте выполняет различные функции, отличающие именно литературную ономастику. К ним относят номинативно-характерологическую, эмоционально-эстетическую, условно-поэтическую, обобщенно-символическую, локально-темпоральную и ряд других функций [Фонякова 1990]. Рассмотрим только некоторые типичные случаи нового словообразования, связанного с употреблением ИС в поэзии Н. А. Клюева.

а) Традиционное условно-поэтическое употребление ИС. Некоторые имена собственные (особенно свойственно это антропонимам) в языке могут «развоплощаться», становиться «просто именами», не соотносимыми с конкретными лицами, они не выполняют функций имен собственных. Их классификационное значение способствует тому, что в речи они используются в качестве «условных» (неиндивидуализирующих) имен, когда «ИС обозначает общую категорию людей с детализацией пола, национальности и пр. « [Шмелев 2002: 50]. Условные имена широко представлены в фольклоре: «Каков Савва, такова ему и слава», «На бедного Макара и шишки валяются», «У Мирона детки Миронычи, у Ивана – Иванычи» и т. д. При таком употреблении имена способны сочетаться с обобщающими местоимениями *все, всякий, каждый, любой* [Шмелев 2002: 126]: «Всяк Еремей про себя разумей», «У всякого Федорки свои отговорки» и др.

Несмотря на то, что поэт может создавать поэтические образы под влиянием реальных или литературных прототипов (*Вавила* – персонаж былины «Вавило и скоморохи», *Маланья* – персонаж сказки Н. С. Лескова «Маланья – голова баранья»), в тексте условно-поэтические имена не соотносятся с конкретным лицом, обладают референтной неопределенностью (*Маланья* «вообще», *Вавила* «вообще»):

*За трапезой гость пречудный –
Сермяжное солнце в крыльях...*

*Почил перезвон погудный
На Прохорах и Васильях.*

*С того ль у Маланьи груди
Брыкасты, как оленята?
В лапотном лыковом гуде
Есть мед и мучная сага.*

*Вскисайте же, хлебные недра –
Микуловы отчие жилы!
Потемки и празелень кедра
Зареют в зрачках у Вавилы.*
(10, 431–432)

Подобные условные имена в поэзии Клюева обладают свойством автопрецедентности, сообщающим им конкретику поэтического образа. Поэт в разных произведениях неоднократно возвращается к одним и тем же условным именам, называющим сквозные образы в его творчестве (*Вавила* – 13 употреблений: 10, 421; 10, 422; 13, 10; 13, 33; 13, 36; 13, 36; 12, 168; 12, 214; 11, 135; 8, 22; 11, 220; 10, 432; 13, 10; *Маланья* – 4: 10, 311; 10, 431; 11, 149; 11, 149).

б) Традиционное обобщенно-собирательное употребление ИС. Генерализация одного из признаков способствует использованию прецедентного имени для создания метафорической номинации группы сходных объектов («Мы все глядим в *Наполеоны*»; «Может собственных *Платонов* и быстрых разумом *Невтонов* земля Российская рождать» и т. п.).

Нередко они теряют связь с ономастическим денотатом и становятся именем собственным нового понятия. Фоновые признаки объекта абсолютизируются, оним выступает в качестве обобщающего названия сходных объектов: *Ах, парни, – Буслаевы Васьки, / Жильцы из разбойной сказки, / Все лететь бы голью на Буяны* (12, 305); *Нам любы Бухары, Алтай* (12, 305); *Я учусь у рябки, а не в Дерптах* (10, 326); *Не зовите нас в Вашингтоны, / В смертоносный, железный край* (12, 202).

Обобщенно-собирательное значение чаще всего выражается за счет плюрализации: *Из избы вытекают межжи, / Русские тракты, Ломоносовы, Ермаки...* (8, 93); *Нет по избам девушек-Светлан, – / Серый волк живой воды не сыщет* (12, 261). Плюрализации могут подвергаться и условно-поэтические имена: *Почил перезвон погудный / На Прохорах и Васильях* (10, 431).

в) Метонимическое употребление ИС. Метонимический перенос в сфере ИС связан, в первую очередь, с процессами семантико-синтаксического, контекстного, ситуативно-речевого плана [Василевская 1983].

В поэтических текстах Н. А. Клюева встречается как традиционная метонимия, так и авторская архаичного (синкретичного) типа. Традиционные случаи метонимического употребления, в современном русском языке являющиеся остатками древнего именного синкретизма, в поэзии Н. Клюева представлены переносом названия местности или населенного пункта на их жителей: *С Пустозерска пригонят стада бедуины, / Караванный привал узрят Кемь и Валдай* (7, 233); *Студеная Кола, Поволжье и Дон / Тверды не железом, а воском икон. / Гончарное дело прехитро зело, / Им славятся Вятка, Опошня-село* (12, 315).

К метонимическому употреблению антропонимов в русском языке обычно относят случаи переноса имени автора на его произведения (*Тургенев стоит на книжной полке. Слушаю Баха* и т. п.). Подобные примеры можно видеть и в творчестве Клюева: *Обольщённая Русь, видно рано / Прозвенел над Печорою Бах!* (8, 93). В поэтической фразе *«Гоген Рублеву не загадка, Матисс – лишь рясно от каймы Моржовой самоедской прялки...»* (11, 220) подразумеваются не личности художников, а их произведения, выступающие символами традиционного древнерусского и нового западноевропейского искусства.

Метонимический синкретизм проявляется в употреблении сочетания *персты и прозренья Рублева*: *По моленным нашим / Чирин да Парамшин / И персты Рублева – / Словно цвет вербовый!* (15, 677–678); *Поселились персты и прозренья Рублева / Киноварною мглой в избяной подавец* (11, 133), где *персты* – это одновременное обозначение манеры, стиля иконописца (ср. фразеологизм *рука мастера*) и его произведений.

Атрибутом писателя или поэта и его творчества у Клюева может выступать ставший прецедентным художественный образ: *Пушкин – «Кавказ», Лермонтов – «ветка Палестины»* (12, 249–250), *Тургенев – «усадьба»* (7, 233), *Тютчев – «мыслящий тростник»* (15, 463), *Ахматова – «Данте»* (12, 266). Эта взаимосвязь может лежать в основе синкретичного образа (например, *Тургенев* – это автор и его книги одновременно): *Пусть на полке Тургенев грустит об усадьбе, / Исходя потихоньку бумажной слезой* (7, 233).

Метонимический синкретизм проявляется и в тех случаях, когда прецедентное имя художественного образа служит обозначением поэта и его творчества в целом: *Кто за что, а я за двоперстье, / За байку над липовой зыбкой... / Разгадано ль русское безвестье / Пушкинской Золотою рыбкой!* (12, 257).

Отождествление поэта и его творчества, восприятие их в единстве отсылает к архаичным поэтикам и мифологическому пониманию поэзии: «Проблема единства поэта и создаваемого им текста может возникнуть лишь в том духовном контексте, где признается внутренняя глубинная связь Творца и творения, субъекта творчества и его объекта». Поэт сопричастен тексту, а текст поэту. Поэт – и демиург Слова, и само Слово, и медиум (шаман, жрец

и жертва), превращающий мысль в слово, а слово в дело. В мифологическом сознании у поэта и текста «одна мера и одна парадигма» [Топоров 1993(а): 25–39].

г) **Обобщенно-символическое употребление ИС.** Концептуально-символическое значение формируется через установление связи антропонима с культурными концептами и символами как общеязыковыми, так и индивидуально-авторскими. Имена в этом случае способны выступать знаками не только отвлеченных понятий, но и целых культур: *Грезит изба Гостомыслом <...> В липовом бабьем корыте / Плещет лагуною Бах* (8, 42).

О полной утрате топонимического статуса свидетельствуют случаи использования ИС в качестве символов явлений и абстрактных понятий, связанных с называемыми объектами. Топонимы при этом перестают быть собственно топонимами, полностью утрачивают связь с называемой пространственной реальией, приобретают символическое значение или, возможно, переходят в особый разряд поэтических онимов: *Запах имбиря и мяты / От парня с зелеными глазами: / Какие Припяти и Ефраты / Протекают в жилах кровями* (8, 97); *Не в чулке ли нянином Пушкин / Обрел невучий Кавказ?* (12, 249); *И стихом в родном самоваре / Закипает озеро Чад* (8, 35); *У наших мордочек, узорных татарок / В напевах Багдад и пурговый Нарым* (7, 221); *То Индия наша, таинственный ужин, / Звонящий потирами в красном углу* (10, 313); *... и яственный стол / Водрузил меж рогов Электричество-вол. / Он мычит Ниагарой, в ноздрях Ливерпуль, / А в зрачках петроградский хрустальный июль* (12, 193) и др. Названные топонимами явления персонифицируются: *Китай за чайником мурлычет, / Чикаго смотрит чулуном...* (10, 459); *Есть слухи... / Что в куньем раю гроыхает Чикаго, / И Сиринам в гнезда Париж заглянул* (10, 332). Обилие в ключевских текстах подобных топонимов-символов, вероятно, связано с определенными поэтическими традициями, выявление которых требует специального исследования.

Утрата исходного проприального значения, обусловленного соотносительностью слова с конкретным пространственным объектом, в поэзии Н. А. Клюева связана с переносом реального топонима на объекты сакрального (метафизического) пространства (*Святая Русь, нерукотворная Россия, Божий Цареград, Белая Индия, невидимый Ефрат* и др.). Обозначая объекты сакрального мира, они утрачивают связь с изначальным географическим денотатом, или, по крайней мере, для поэта эта связь не существенна: *Нилу, седым океанам / Устье – запечный Христос* (10, 328). Образные значения топонимов осложняются еще и тем, что переплетаясь в пределах даже одного текста, координаты физического и метафизического мира создают причудливое пространство, в котором существуют герои поэзии Клюева: *Уплывем же, собратья, к Поволжью, / В папирусно-тигриный Памир!* (12, 152).

См. также: [Клюев 1993: 100–101; 103–104; 106–107; 109–110; 112–113; 115–116; 118–119; 121–122; 124–125; 127–128; 130–131; 133–134; 136–137; 139–140; 142–143; 145–146; 148–149; 151–152; 154–155; 157–158; 160–161; 163–164; 166–167; 169–170; 172–173; 175–176; 178–179; 181–182; 184–185; 187–188; 190–191; 193–194; 196–197; 199–200; 202–203; 205–206; 208–209; 211–212; 214–215; 217–218; 220–221; 223–224; 226–227; 229–230; 232–233; 235–236; 238–239; 241–242; 244–245; 247–248; 250–251; 253–254; 256–257; 259–260; 262–263; 265–266; 268–269; 271–272; 274–275; 277–278; 280–281; 283–284; 286–287; 289–290; 292–293; 295–296; 298–299; 301–302; 304–305; 307–308; 310–311; 313–314; 316–317; 319–320; 322–323; 325–326; 328–329; 331–332; 334–335; 337–338; 340–341; 343–344; 346–347; 349–350; 352–353; 355–356; 358–359; 361–362; 364–365; 367–368; 370–371; 373–374; 376–377; 379–380; 382–383; 385–386; 388–389; 391–392; 394–395; 397–398; 400–401; 403–404; 406–407; 409–410; 412–413; 415–416; 418–419; 421–422; 424–425; 427–428; 430–431; 433–434; 436–437; 439–440; 442–443; 445–446; 448–449; 451–452; 454–455; 457–458; 460–461; 463–464; 466–467; 469–470; 472–473; 475–476; 478–479; 481–482; 484–485; 487–488; 490–491; 493–494; 496–497; 499–500; 502–503; 505–506; 508–509; 511–512; 514–515; 517–518; 520–521; 523–524; 526–527; 529–530; 532–533; 535–536; 538–539; 541–542; 544–545; 547–548; 550–551; 553–554; 556–557; 559–560; 562–563; 565–566; 568–569; 571–572; 574–575; 577–578; 580–581; 583–584; 586–587; 589–590; 592–593; 595–596; 598–599; 601–602; 604–605; 607–608; 610–611; 613–614; 616–617; 619–620; 622–623; 625–626; 628–629; 631–632; 634–635; 637–638; 640–641; 643–644; 646–647; 649–650; 652–653; 655–656; 658–659; 661–662; 664–665; 667–668; 670–671; 673–674; 676–677; 679–680; 682–683; 685–686; 688–689; 691–692; 694–695; 697–698; 700–701; 703–704; 706–707; 709–710; 712–713; 715–716; 718–719; 721–722; 724–725; 727–728; 730–731; 733–734; 736–737; 739–740; 742–743; 745–746; 748–749; 751–752; 754–755; 757–758; 760–761; 763–764; 766–767; 769–770; 772–773; 775–776; 778–779; 781–782; 784–785; 787–788; 790–791; 793–794; 796–797; 799–800; 802–803; 805–806; 808–809; 811–812; 814–815; 817–818; 820–821; 823–824; 826–827; 829–830; 832–833; 835–836; 838–839; 841–842; 844–845; 847–848; 850–851; 853–854; 856–857; 859–860; 862–863; 865–866; 868–869; 871–872; 874–875; 877–878; 880–881; 883–884; 886–887; 889–890; 892–893; 895–896; 898–899; 901–902; 904–905; 907–908; 910–911; 913–914; 916–917; 919–920; 922–923; 925–926; 928–929; 931–932; 934–935; 937–938; 940–941; 943–944; 946–947; 949–950; 952–953; 955–956; 958–959; 961–962; 964–965; 967–968; 970–971; 973–974; 976–977; 979–980; 982–983; 985–986; 988–989; 991–992; 994–995; 997–998; 1000–1001; 1003–1004; 1006–1007; 1009–1010; 1012–1013; 1015–1016; 1018–1019; 1021–1022; 1023–1024; 1026–1027; 1029–1030; 1032–1033; 1035–1036; 1038–1039; 1041–1042; 1044–1045; 1047–1048; 1050–1051; 1053–1054; 1056–1057; 1059–1060; 1062–1063; 1065–1066; 1068–1069; 1071–1072; 1074–1075; 1077–1078; 1080–1081; 1083–1084; 1086–1087; 1089–1090; 1092–1093; 1095–1096; 1098–1099; 1101–1102; 1104–1105; 1107–1108; 1110–1111; 1113–1114; 1116–1117; 1119–1120; 1122–1123; 1125–1126; 1128–1129; 1131–1132; 1134–1135; 1137–1138; 1140–1141; 1143–1144; 1146–1147; 1149–1150; 1152–1153; 1155–1156; 1158–1159; 1161–1162; 1164–1165; 1167–1168; 1170–1171; 1173–1174; 1176–1177; 1179–1180; 1182–1183; 1185–1186; 1188–1189; 1191–1192; 1194–1195; 1197–1198; 1200–1201; 1203–1204; 1206–1207; 1209–1210; 1212–1213; 1215–1216; 1218–1219; 1221–1222; 1223–1224; 1226–1227; 1229–1230; 1232–1233; 1235–1236; 1238–1239; 1241–1242; 1244–1245; 1247–1248; 1250–1251; 1253–1254; 1256–1257; 1259–1260; 1262–1263; 1265–1266; 1268–1269; 1271–1272; 1274–1275; 1277–1278; 1280–1281; 1283–1284; 1286–1287; 1289–1290; 1292–1293; 1295–1296; 1298–1299; 1301–1302; 1304–1305; 1307–1308; 1310–1311; 1313–1314; 1316–1317; 1319–1320; 1322–1323; 1325–1326; 1328–1329; 1331–1332; 1334–1335; 1337–1338; 1340–1341; 1343–1344; 1346–1347; 1349–1350; 1352–1353; 1355–1356; 1358–1359; 1361–1362; 1364–1365; 1367–1368; 1370–1371; 1373–1374; 1376–1377; 1379–1380; 1382–1383; 1385–1386; 1388–1389; 1391–1392; 1394–1395; 1397–1398; 1400–1401; 1403–1404; 1406–1407; 1409–1410; 1412–1413; 1415–1416; 1418–1419; 1421–1422; 1423–1424; 1426–1427; 1429–1430; 1432–1433; 1435–1436; 1438–1439; 1441–1442; 1444–1445; 1447–1448; 1450–1451; 1453–1454; 1456–1457; 1459–1460; 1462–1463; 1465–1466; 1468–1469; 1471–1472; 1474–1475; 1477–1478; 1480–1481; 1483–1484; 1486–1487; 1489–1490; 1492–1493; 1495–1496; 1498–1499; 1501–1502; 1504–1505; 1507–1508; 1510–1511; 1513–1514; 1516–1517; 1519–1520; 1522–1523; 1525–1526; 1528–1529; 1531–1532; 1534–1535; 1537–1538; 1540–1541; 1543–1544; 1546–1547; 1549–1550; 1552–1553; 1555–1556; 1558–1559; 1561–1562; 1564–1565; 1567–1568; 1570–1571; 1573–1574; 1576–1577; 1579–1580; 1582–1583; 1585–1586; 1588–1589; 1591–1592; 1594–1595; 1597–1598; 1600–1601; 1603–1604; 1606–1607; 1609–1610; 1612–1613; 1615–1616; 1618–1619; 1621–1622; 1623–1624; 1626–1627; 1629–1630; 1632–1633; 1635–1636; 1638–1639; 1641–1642; 1644–1645; 1647–1648; 1650–1651; 1653–1654; 1656–1657; 1659–1660; 1662–1663; 1665–1666; 1668–1669; 1671–1672; 1674–1675; 1677–1678; 1680–1681; 1683–1684; 1686–1687; 1689–1690; 1692–1693; 1695–1696; 1698–1699; 1701–1702; 1704–1705; 1707–1708; 1710–1711; 1713–1714; 1716–1717; 1719–1720; 1722–1723; 1725–1726; 1728–1729; 1731–1732; 1734–1735; 1737–1738; 1740–1741; 1743–1744; 1746–1747; 1749–1750; 1752–1753; 1755–1756; 1758–1759; 1761–1762; 1764–1765; 1767–1768; 1770–1771; 1773–1774; 1776–1777; 1779–1780; 1782–1783; 1785–1786; 1788–1789; 1791–1792; 1794–1795; 1797–1798; 1800–1801; 1803–1804; 1806–1807; 1809–1810; 1812–1813; 1815–1816; 1818–1819; 1821–1822; 1823–1824; 1826–1827; 1829–1830; 1832–1833; 1835–1836; 1838–1839; 1841–1842; 1844–1845; 1847–1848; 1850–1851; 1853–1854; 1856–1857; 1859–1860; 1862–1863; 1865–1866; 1868–1869; 1871–1872; 1874–1875; 1877–1878; 1880–1881; 1883–1884; 1886–1887; 1889–1890; 1892–1893; 1895–1896; 1898–1899; 1901–1902; 1904–1905; 1907–1908; 1910–1911; 1913–1914; 1916–1917; 1919–1920; 1922–1923; 1925–1926; 1928–1929; 1931–1932; 1934–1935; 1937–1938; 1940–1941; 1943–1944; 1946–1947; 1949–1950; 1952–1953; 1955–1956; 1958–1959; 1961–1962; 1964–1965; 1967–1968; 1970–1971; 1973–1974; 1976–1977; 1979–1980; 1982–1983; 1985–1986; 1988–1989; 1991–1992; 1994–1995; 1997–1998; 2000–2001; 2003–2004; 2006–2007; 2009–2010; 2012–2013; 2015–2016; 2018–2019; 2021–2022; 2023–2024; 2026–2027; 2029–2030; 2032–2033; 2035–2036; 2038–2039; 2041–2042; 2044–2045; 2047–2048; 2050–2051; 2053–2054; 2056–2057; 2059–2060; 2062–2063; 2065–2066; 2068–2069; 2071–2072; 2074–2075; 2077–2078; 2080–2081; 2083–2084; 2086–2087; 2089–2090; 2092–2093; 2095–2096; 2098–2099; 2101–2102; 2104–2105; 2107–2108; 2110–2111; 2113–2114; 2116–2117; 2119–2120; 2122–2123; 2125–2126; 2128–2129; 2131–2132; 2134–2135; 2137–2138; 2140–2141; 2143–2144; 2146–2147; 2149–2150; 2152–2153; 2155–2156; 2158–2159; 2161–2162; 2164–2165; 2167–2168; 2170–2171; 2173–2174; 2176–2177; 2179–2180; 2182–2183; 2185–2186; 2188–2189; 2191–2192; 2194–2195; 2197–2198; 2200–2201; 2203–2204; 2206–2207; 2209–2210; 2212–2213; 2215–2216; 2218–2219; 2221–2222; 2223–2224; 2226–2227; 2229–2230; 2232–2233; 2235–2236; 2238–2239; 2241–2242; 2244–2245; 2247–2248; 2250–2251; 2253–2254; 2256–2257; 2259–2260; 2262–2263; 2265–2266; 2268–2269; 2271–2272; 2274–2275; 2277–2278; 2280–2281; 2283–2284; 2286–2287; 2289–2290; 2292–2293; 2295–2296; 2298–2299; 2301–2302; 2304–2305; 2307–2308; 2310–2311; 2313–2314; 2316–2317; 2319–2320; 2322–2323; 2325–2326; 2328–2329; 2331–2332; 2334–2335; 2337–2338; 2340–2341; 2343–2344; 2346–2347; 2349–2350; 2352–2353; 2355–2356; 2358–2359; 2361–2362; 2364–2365; 2367–2368; 2370–2371; 2373–2374; 2376–2377; 2379–2380; 2382–2383; 2385–2386; 2388–2389; 2391–2392; 2394–2395; 2397–2398; 2400–2401; 2403–2404; 2406–2407; 2409–2410; 2412–2413; 2415–2416; 2418–2419; 2421–2422; 2423–2424; 2426–2427; 2429–2430; 2432–2433; 2435–2436; 2438–2439; 2441–2442; 2444–2445; 2447–2448; 2450–2451; 2453–2454; 2456–2457; 2459–2460; 2462–2463; 2465–2466; 2468–2469; 2471–2472; 2474–2475; 2477–2478; 2480–2481; 2483–2484; 2486–2487; 2489–2490; 2492–2493; 2495–2496; 2498–2499; 2501–2502; 2504–2505; 2507–2508; 2510–2511; 2513–2514; 2516–2517; 2519–2520; 2522–2523; 2525–2526; 2528–2529; 2531–2532; 2534–2535; 2537–2538; 2540–2541; 2543–2544; 2546–2547; 2549–2550; 2552–2553; 2555–2556; 2558–2559; 2561–2562; 2564–2565; 2567–2568; 2570–2571; 2573–2574; 2576–2577; 2579–2580; 2582–2583; 2585–2586; 2588–2589; 2591–2592; 2594–2595; 2597–2598; 2600–2601; 2603–2604; 2606–2607; 2609–2610; 2612–2613; 2615–2616; 2618–2619; 2621–2622; 2623–2624; 2626–2627; 2629–2630; 2632–2633; 2635–2636; 2638–2639; 2641–2642; 2644–2645; 2647–2648; 2650–2651; 2653–2654; 2656–2657; 2659–2660; 2662–2663; 2665–2666; 2668–2669; 2671–2672; 2674–2675; 2677–2678; 2680–2681; 2683–2684; 2686–2687; 2689–2690; 2692–2693; 2695–2696; 2698–2699; 2701–2702; 2704–2705; 2707–2708; 2710–2711; 2713–2714; 2716–2717; 2719–2720; 2722–2723; 2725–2726; 2728–2729; 2731–2732; 2734–2735; 2737–2738; 2740–2741; 2743–2744; 2746–2747; 2749–2750; 2752–2753; 2755–2756; 2758–2759; 2761–2762; 2764–2765; 2767–2768; 2770–2771; 2773–2774; 2776–2777; 2779–2780; 2782–2783; 2785–2786; 2788–2789; 2791–2792; 2794–2795; 2797–2798; 2800–2801; 2803–2804; 2806–2807; 2809–2810; 2812–2813; 2815–2816; 2818–2819; 2821–2822; 2823–2824; 2826–2827; 2829–2830; 2832–2833; 2835–2836; 2838–2839; 2841–2842; 2844–2845; 2847–2848; 2850–2851; 2853–2854; 2856–2857; 2859–2860; 2862–2863; 2865–2866; 2868–2869; 2871–2872; 2874–2875; 2877–2878; 2880–2881; 2883–2884; 2886–2887; 2889–2890; 2892–2893; 2895–2896; 2898–2899; 2901–2902; 2904–2905; 2907–2908; 2910–2911; 2913–2914; 2916–2917; 2919–2920; 2922–2923; 2925–2926; 2928–2929; 2931–2932; 2934–2935; 2937–2938; 2940–2941; 2943–2944; 2946–2947; 2949–2950; 2952–2953; 2955–2956; 2958–2959; 2961–2962; 2964–2965; 2967–2968; 2970–2971; 2973–2974; 2976–2977; 2979–2980; 2982–2983; 2985–2986; 2988–2989; 2991–2992; 2994–2995; 2997–2998; 3000–3001; 3003–3004; 3006–3007; 3009–3010; 3012–3013; 3015–3016; 3018–3019; 3021–3022; 3023–3024; 3026–3027; 3029–3030; 3032–3033; 3035–3036; 3038–3039; 3041–3042; 3044–3045; 3047–3048; 3050–3051; 3053–3054; 3056–3057; 3059–3060; 3062–3063; 3065–3066; 3068–3069; 3071–3072; 3074–3075; 3077–3078; 3080–3081; 3083–3084; 3086–3087; 3089–3090; 3092–3093; 3095–3096; 3098–3099; 3101–3102; 3104–3105; 3107–3108; 3110–3111; 3113–3114; 3116–3117; 3119–3120; 3122–3123; 3125–3126; 3128–3129; 3131–3132; 3134–3135; 3137–3138; 3140–3141; 3143–3144; 3146–3147; 3149–3150; 3152–3153; 3155–3156; 3158–3159; 3161–3162; 3164–3165; 3167–3168; 3170–3171; 3173–3174; 3176–3177; 3179–3180; 3182–3183; 3185–3186; 3188–3189; 3191–3192; 3194–3195; 3197–3198; 3200–3201; 3203–3204; 3206–3207; 3209–3210; 3212–3213; 3215–3216; 3218–3219; 3221–3222; 3223–3224; 3226–3227; 3229–3230; 3232–3233; 3235–3236; 3238–3239; 3241–3242; 3244–3245; 3247–3248; 3250–3251; 3253–3254; 3256–3257; 3259–3260; 3262–3263; 3265–3266; 3268–3269; 3271–3272; 3274–3275; 3277–3278; 3280–3281; 3283–3284; 3286–3287; 3289–3290; 3292–3293; 3295–3296; 3298–3299; 3301–3302; 3304–3305; 3307–3308; 3310–3311; 3313–3314; 3316–3317; 3

В отдельных случаях сложность значений поэтических топонимов в поэзии Клюева может быть объяснена их двойной референцией – одновременным онимическим (соотнесенностью с географической реальией) и новым символическим значением, поддерживаемыми контекстом: *Песнописцу в буквенное брюхо / Низвергают воды Ганг и Кама* (10, 325). Внутритекстовые ономастические парадигмы включают референтные и нереферентные топонимы: *Киеви сполох-уста / Пусть воссияют, где Мста* (10, 348).

д) Качественно-характеризующее употребление ИС (сближение с прецедентным именем как поэтический прием). На основании подобия, сходства свойств, возможно перенесение имени с одного лица на другое (трансонимизация). Сближение имен как особый прием встречается в древнерусской литературе, в ученой проповеди XVIII в. (С. Яворский, Ф. Прокопович и др.) и носит индивидуально-творческий характер. «Сближая два имени реального лица и сакрального персонажа, реальность подключают к традиции, в событиях сегодняшнего дня усматривают воспроизведение освященных этой традицией моделей поведения» [Кагарлицкий 2003: 215]. Как поэтическое средство сближение имен используется и в более поздней литературной традиции, например уподобление имен *граф Нулин – новый Тарквиний, Батюшков – Парни Российский, Ломоносов – Пиндар Холмогор, Жуковский – северный Орфей* у А. С. Пушкина [Борман 2006: 129–132], разуподобление уподобления («соревнование» – термин Ю. Кагарлицкого) имен у М. Ю. Лермонтова: *Нет, я не Байрон, я другой / Еще не ведомый избранник, / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русскою душой*. Обычно сближаются образы, сопоставимые по своим признакам (человек – человек). Выбор сближаемых имен обусловлен ориентацией автора на ту или иную культурную парадигму (античная – у Пушкина, западноевропейская романтическая – у Лермонтова). Для Н. А. Клюева – это имена исконной русской православной и в целом народной культуры, а также связанные с ними модели поведения. Поведенческие сценарии («фреймы») – особый тип языкового значения, входящий в прагматическую зону семантики ИС [Березович 2001: 13].

Нанизывание подобных имен основанное на образной амплификации создает кумулятивные цепочки имен и делает поэтический текст напряженным. Например, у Анны Ахматовой: *То меня держал ты в черной яме, / То я голову твою несла. / Оттого, что был моим Орфеем, Олоферном, Иоанном ты, / Жестокою мечтой моей лелею / И своей не зная красоты* (СИРП, 169).

В сближении имен проявляется «перенесение» названия с одного референта на другой на основе сходства их свойств, составляющее суть метафоры. Поэтому подобное употребление ИС часто называют метафорическим. Однако следует иметь в виду, что это метафора особого рода, поскольку базируется не на понятийном, а на фреймовом значении имени. В целом прием сближения имен гораздо шире метафоры и не сводится к ней. Напри-

мер, у Клюева сближение образов лирического героя и апостола Петра, может раскрываться одновременно и в метафоре и в сравнении:

*И не слышна слеза Петрова –
Огневая моя слеза...
Осыпается Бога-Слова
Живоносная бирюза.
Нет иглы для низки и нити,
Победительных чистых риз...
О, распните меня, распните,
Как Петра, – головою вниз!*

(11, 112)

Сближение имен обладает экспрессивностью, является средством оценки, субъективный характер которой предполагает разуподобление уподобленного: *Меня Распутиным назвали, / В стихе расстригой, без вины, / За то, что я из хвойной дали / Моей бревенчатой страны, / Что души печи и телеги / В моих колдующих зрачках, / И ледовитый плеск Онеги / В самосожженных стихах* (15, 353–354).

Сам Клюев понимал сближение имен как условный поэтический прием. В «Песни о Великой Матери» неслучайное «случайное» сближение имен центральных действующих лиц поэмы – Федора и Парасковьи – со сказочными Аленушкой и Микиткой послужило поводом для авторской самоиронии: *И ель смолистой едкой титькой / Поит Аленушку с Микиткой / (То бишь, Федюшу с Парасковьей. / К чему приводит цветословье!)* (13, 25).

В поэзии Клюева характеризующая функция может быть присуща и топонимам в метафорическом употреблении: *Данилово – котел жемчужин, / Дамасских перлов, слезных смазней, / От поругания и казни / Укрылось под зыбкой схимой, – / То Китеж новый и незримый, / То беломорский смерть-канал...* (11, 227).

Метафорическое использование топонимов в поэтических текстах Н. Клюева может раскрывать не только уподобление разных ИС, но и разуподобление имени самому себе. В «Стихах из колхоза» поэт называет Русь Парагваем: *Порхает в строчках попугай / И веет ветер Индостана, – / То львиная целится рана – / Твоя, мой серый Парагвай!* (10, 436).

ИС могут входить в текст и в качестве метафорической характеристики неодушевленных предметов: *Шесть сарафанов с лентой гнутой, / Расшитой золотом в Горицах, / Шугай бухарский – пава птица – / По сборкам кованый галун, / Да плат – атласный Гамаюн – / Углы отливом, лапы, меты, – / В изъёме с матери ответы* (13, 10–11).

е) **Номинативно-образная кумуляция имен.** От метафоры в современном ее понимании отличаются также переносные употребления ИС, основанные на кумуляции (сложение, совмещение различных образов). Речь

идет о составных номинациях, объединяющих два имени. В формально сходных метафорических конструкциях (*народ-Святогор*, *народ-Ломоносов*, *плот-Гамаюн*) компоненты связаны отношениями характеризуемого и характеризующего, а ИС выполняет функцию приложения. Номинативная кумуляция, создающая синкретичный образ, представляет собой объединение в одной номинации равноправных имен: *Индия-Русь*, *Русь-Китеж*. Равноправие компонентов не предполагает их смыслового отождествления. Смыслы имен *Русь* и *Индия* находятся в эквиолентных отношениях. Пересечение смыслов дает качественно новое значение: *Индия-Русь* – это и не Русь, и не Индия, а нечто совершенно иное, отличающееся от них (далее эти образы будут подробнее рассмотрены в разделе «Мифонимы»).

ж) **Эстетизация адресной функции антропонима.** Антропонимы в творчестве Н. А. Клюева могут употребляться в посвящении, предшествующем поэтическому тексту: *Александру Блоку* (10, 123); *А. Богданову* (8, 34); *Анатолию Яру* (11, 163; 11, 166); *Надежде Андреевне Обуховой* (10, 433); *Аннушке Кирилловой* (7, 112); *Николаю Ильичу Архипову* (10, 457); *Валентину Михайловичу Белгородскому* (12, 304); *Валентине Брихничевой* (2, 39); *Павлу Васильеву* (12, 274); *Владимиру Кириллову* (10, 367; 12, 178); *Сергею Есенину* (10, 400; 11, 87); *Павлу Медведеву* (11, 110) и др. Имена-посвящения задают определенный ракурс восприятия текста, а поэтический текст в целом определяет образную семантику таких имен.

Контекстуальная мотивация образной семантики ИС

а) **Синтагматические отношения имени в составе поэтической фразы.** Характерным признаком клюевского образного языка является употребление ИС в сочетании с эпитетом. Эпитеты у Н. А. Клюева нередко называют культурные *признаки-символы*. Для культуры свойственна абсолютизация признака, превращение его в символ предмета, развитие идеологических и мифологических значений. По словам С. М. Толстой, культурная семантика признаков по сравнению с языковой семантикой прилагательных является одновременно и более узкой (специализированной), и более широкой. Узость обусловлена символической одноплановостью, необходимостью отказа от других признаков и свойств объектов. С другой стороны, культурное осмысление признака вовлекает в его значение широкий круг ассоциаций, коннотаций, текстовых мотивов, делает его значительно объемнее и богаче языкового значения [Толстая 2002: 15].

В сочетании с топонимом эпитет обращает внимание на атрибут или свойство атрибута, выступающие в качестве символа: *метельный Пустозерск* (10, 329), *снежная Печора* (10, 360), *калачная Пресня* (10, 399), *талисманый Памир* (10, 403), *лимонная Ницца* (10, 410), *звездотечный Нил* (10, 328), *теплый Крым* (10, 413), *семихолмный Рим* (10, 417), *черепичная*

Рига (12, 151), *кандальный Байкал* (12, 186), *желтый Кашимир* (10, 327), *оранжевый Бомбей*, *пестрый Эрзерум* (10, 359), *узорные Кижы* (10, 386) и др.

Сочетание топонима с символическим эпитетом в поэзии Н. А. Клюева служит базой для создания новых поэтических имен-мифологем: *Ржаной Назарет*, *Сермяжный Восток*, *Белая Индия*, *Ефратная Русь*, *Книжная Русь* и др., – называющих земли, которых нет на географической карте.

В сочетании с антропонимами эпитеты раскрывают смысловой сдвиг в употреблении имени, сигнализируют о переносном (метонимическом) или обобщенно-символическом значении: *Мей яровчатый* (10, 329), *мандолинный Кардуччи* (11, 113), *хвойный Егорий* (11, 92) и др. В редких случаях клюевский текст содержит указание на метонимический перенос «автор – произведение»:

*На пути капканами книги:
Тургенев, жасминный Фет*

(8, 74)

Гораздо чаще на это указывает эпитет или другие образные средства, например:

*Лдяный Врубель, горячий Григорьев
Разгадали сонник ягелей;
Их тоска – кашалоты в поморьи –
Стала грузом моих кораблей.*

(12, 151)

Поэтические средства в совокупности актуализируют и значение лица (*разгадали сонник, их тоска*) и характеризуют творчество (эпитеты *лдяный, горячий*, метафоры-символы *сонник ягелей, кашалоты в поморьи, груз моих кораблей*), создавая синкретичный образ, в котором художник и его творчество сливаются в единое целое.

Сопоставляя употребление одного и того же имени в разных текстах можно иногда проследить, каким образом формировалось значение: *Врубеля мозг ледовитый* (12, 145) – *лдяный Врубель* (12, 151); *лагунная музыка Баха* (10, 389) – *лагунный Бах* (12, 185).

Прецедентное для русской культуры имя *Сибирь* имеет значение, определяемое признаками этого географического объекта (глухой, малоосвоенный человеком край дикой таежной природы, расположенный за Уралом) и прецедентной ситуацией (место каторги и ссылки). В сходном значении топоним воплощается в тексте Н. А. Клюева «Кареглазый жених убит...», где поэт, размышляя о смерти, противопоставляет ей другую возможную судьбу:

*Лучше б есть острожную кашу
На пути в глухой Акалуй,
На каторжной ночевке
Читать гнусавый Псалтырь...
Убегают ели-мутовки
В перассказанную Сибирь.*

(15, 465)

В сочетании с эпитетом *нерассказанная* раскрывается образ Сибири как особого *пространства-текста*, *пространства-высказывания*. Образ синкретичен – это одновременно географическая реалья и рассказ-история о судьбах людей в каторжной Сибири. В поэтическом контексте *нерассказанный* – тот, о котором умолчали. Эпитет отсылает к фигуре умолчания (предшествующее многоточие). В этих строках стихотворения поэт возвращается из мысленного путешествия в Сибирь (герой-наблюдатель стремительно движется из Сибири, поэтому «ели-мутовки убегают», оказываются позади), оставляя эту историю недосказанной, и переходит к другой теме. Текст «Кареглазый жених убит...» символичен и в силу этого допускает разную глубину его прочтения. За недосказанностью можно видеть пугающее Клюева мистическое прозрение собственной судьбы, наполняющее сочетание *нерассказанная Сибирь* особым сокровенным смыслом.

В процитированном тексте представлено и другое средство, определяющее смысловой сдвиг имени собственного – перемещенный эпитет (гипаллага): *читать гнусавый Псалтырь*, ср.: *гнусаво читать Псалтырь*. Признак действия превращается в качественный признак предмета, названного именем собственным, и создает образ Псалтири – не письменного текста, а звучащей речи.

Синкретизм образного значения может достигаться при помощи катахрезы, например, *палящий Коран*, где имя Коран обладает множественной референцией – и священная книга мусульман, и мусульманство в целом, и мусульманская Азия, и палящее азиатское солнце, азиатский зной – ср. : *палящий* ‘очень жаркий, горячий, обжигающий’ (обычная сочетаемость: *палящие лучи солнца, палящий зной*) (Сазонова, 293):

*Часослов с палящим Кораном
Поцелуйно сольют листы,
И прискачет к хвойным зырянам
Огневой Трубач Красоты.*

(10, 398)

Последнее «природно-географическое» созначение актуализируется сопоставлением образов *палящий Коран* – хвойные зыряне.

Образное значение ИМ в поэзии Н. А. Клюева нередко раскрывается в метафорическом контексте: *Сердце свое, человек, береги! / Озеро-сердце, а Русь, как звезда, / В глубь его смотрит всегда!* (12, 155); *Драконовой лапой Европа / Сплетает железную сеть: / Словлю я в магнитные верши / Громо-вых китов и белуг! / Земля же чешуйкой померкшей / Виляет за стаей под-руг* (7, 120).

б) Парадигматические связи имени в тексте. ИС в структуре поэтического произведения связано различными парадигматическими отношениями с другими словами текста. Эти отношения раскрывают значение имени и образ, стоящий за ИС.

Номинативная парадигма ИС (цепочка кореферентных наименований) в поэзии Н. А. Клюева чаще всего включает имена-обращения: *Оледенелыми губами / Над росомашными тропами / Я бормотал: « Святая Русь, / Тебе и каторжной молюсь!.. / Ау, мой ангел пестрядинный, / Явился хоть на миг единый!»* (12, 328).

Лексическая парадигма образа, помимо его названий, использует широкий круг слов и сочтаний. Например образная семантика топонимов *При-нять* и *Чудь* раскрывается при помощи средств, называющих предметы (квасные жбаны с голубой татарскою поливой, ласточки, пчелы, старая слива), типичные звуки (гомон сенокосный, пересуды пчел), время (ранним-рано), характерные действия (побродить, окунать усы, слушать), состояния (хорошо): *Хорошо под гомон сенокосный / Побродить по Прияти и Чуди, / Окунать усы в квасные жбаны / С голубой татарскою поливой, / Слушать ласточек и ранним-рано / Пересуды пчел над старой сливой* (12, 257).

Организация текста как единого образно-семантического пространства определяет связи между его элементами. Они могут рассматриваться в ключе основных разновидностей системных парадигматических отношений (тождество, включение, пересечение, исключение) и оппозиций тождества, подобия, противопоставления и др.

Отношения различных образов также определяют смысловое содержание имени собственного в поэтическом тексте:

*Грянет час, и к мужицкой лире
Припадут пролетарские дети.
Уньются озимью, солодягой,
Подлавочной ласковой сонатой,
Уж загрезил пасмурный Чикаго
О коньке над пудожскою хатой.
О сладостном соловейком чине
С подблюдными славами, хвалами...*
(12, 227)

Персонифицированный образ с именем *Чикаго* в этом стихотворении вступает в отношения пересечения с образом *пролетарские дети*, поскольку они включены в более общий образ новой урбанистической культуры, который противопоставлен символическому образу крестьянской поэзии (*му-жицкая лира, озимь, солодыга, подлабочная ласковая соната*) и традиционной русской культуры (*конек над пудожского хатой, сладостный соловецкий чин с подблюдными славами, хвалами*). Отождествление культур мыслится как желаемое (*загрезил*), возможное в будущем (*грянет час, припадут, уьются*).

Особенно значимы эти связи в формировании образной семантики ИС в составе кумулятивных парадигм, предполагающих эквивалентность отношений.

в) **Текстовые пресуппозиции ИС.** Имена собственные, как, впрочем, и другие слова, в художественном тексте «характеризуются семиотической нестабильностью, будучи разными знаками на различных участках текстового пространства. За счет приобретения ими коннотаций в конце текста имена собственные могут концентрировать в своих значениях содержание значительной части текста (отдельной подтемы, темы целого текста, идейного мотива)» [Лукин 1999: 31].

По мере развертывания поэтический текст накапливает информацию, необходимую для появления того или иного имени собственного. Так, например, именем *Коловрат* Клюев в финальных строках цикла «Поэту Сергею Есенину» называет Есенина и ту часть его творчества, где он наиболее полно раскрывается в своей истинной народно-поэтической ипостаси:

*Уж преисподняя из строк
Трепещет хвойного Егорья.
Он возгремит, как Божья рать.
Готовя ворогу расплату.
Чтоб в книжном пламени не дать
Сгореть родному Коловрату.*

(11, 92)

Употребление антропонима *Коловрат* и его новое значение в тексте обусловлено предшествующим контекстом. В первой части цикла «Оттого в глазах моих просинь...»: *Но с Рязанских полей коловратовых / Вдруг забрезжил конопляный свет* (11, 88). В четвертой части цикла: *Ты – Коловратов кладенец, / Я – бора пасмурная сила* (11, 91). (о соотношении имен *Есенин – Коловрат* см. также раздел «Антропонимы» – «Сергей Есенин».)

Подводя краткий итог сказанному, следует отметить, что обращение к поэтическому ономастикону Н. А. Клюева еще раз убеждает в том, что литературная ономастика занимает особое положение в языке и существенно

отличается от обычных топонимов, антропонимов и других привычных нам имен собственных.

Созданный Клюевым символический язык, основанный на использовании ИС, уникален, но, несмотря на широкие культурные связи, аналогии и ассоциации, в силу своей художественной индивидуальности, автопрецедентности и автоинтертекстуальности этот язык замкнут в самом себе. Это объясняет многие трудности, возникающие при прочтении клюевской поэзии.

Выявление культурной семантики имени собственного на «входе» в текст не дает полного ответа на вопрос, что же значит то или иное имя в поэтическом произведении, какой образ стоит за ним. По воле автора имя может существенно изменять свою функцию, называя не тот или не совсем тот объект, который закреплен за ним в сознании носителей языка. Новое образное значение раскрывается средствами контекста и обусловлено содержанием текста в целом. Это требует при анализе ономастики в произведениях Н. А. Клюева максимально полно учитывать все факторы, определяющие образное содержание ИС, в их комплексе.

ТОПОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ

1. Историко-культурные зоны, представленные топонимами и этнонимами в творчестве Клюева

В данном разделе исследуется полный словарь топонимов и этнонимов Н. А. Клюева [Яцкевич, Виноградова, Головкина 2000] и определяются основные принципы их организации в особую поэтическую систему. На основе ее поэт создает свою поэтическую географию, которая воспроизводит в художественных образах и символах природные и культурные ландшафты. Описание географического пространства русской поэзии впервые представлено в монографии О. А. Лавреновой «Географическое пространство в русской поэзии 18 – начала 20 вв.» [Лавренова 1998]. Работа выполнена в русле географии культуры [Веденин 1997] и является первым опытом создания научных методик описания поэтических образов географического пространства в русской поэзии.

Систему топонимов и этнонимов в творчестве Н. А. Клюева можно определить по их геокультурному содержанию как систему **топохронов**. Это типологическая классификация топонимов и этнонимов, в которой учитывается культурно-историческая константа их содержания. «Любой материальный объект, правильно интерпретированный в отношении своего культурно-исторического содержания, выступает как **топохрон культуры**, раскрывающий ее семиотическое содержание (семиотику культурного пространства), растворенное в локусах» [Основания регионалистики 1999: 42]. На основе системы топохронов, соотносительных с определенными **историко-культурными зонами (ИКЗ)**, описываются и «планетарные основы культурно-исторического процесса, выраженного в ИКЗ <...> как макрогеографическая целостность» [Основания регионалистики 1999: 92].

В центре этноцентрической модели пространства Клюева находится ИКЗ – Поморье, Олонецкий край, Русский Север. Относительно этого топохрона выявляется еще 19 топохронов, очень различных как по своему положению в мировом геокультурном пространстве, так и в поэтической географии Клюева.

Поэтическая география Н. А. Клюева построена на основе топохронов, которые связаны со следующими историко-культурными зонами (ИКЗ): 1. Поморье. Олонецкий край. Русский Север. 2. Древнерусская ИКЗ. 3. Старообрядческая ИКЗ. 4. Общерусская православная ИКЗ. 5. Славянская ИКЗ. 6. Скандинавская и финно-угорская ИКЗ. 7. Сибирь. 8. Великая Степь. Татаро-монгольская ИКЗ. 9. Кавказ. 10. Византийская ИКЗ. 11. Библейская ИКЗ.

12. Древние Греция и Рим. 13. Древний Египет. 14. Индо-иранская ИКЗ. 15. Мусульманский Восток. 16. Индокитай. 17. Африка. 18. Западная Европа. 19. Америка. 20. Австралия [Яцкевич 2000(б): 46–69].

Поморье. Олонецкий край. Русский Север: 136/393. Моря, проливы: Белое море (2). Беломорский (7). Маточкин Шар (2). **Озера:** Белозерский (1). Бело-озеро (1). Великие озера (1). Выго (3). Ладога (9). Ладужский (7). Лаче (4). Онега (14). Онегушко (1). Онежские пороги (1). Онежский (1). **Реки:** Вага (1). Ветлуга (2). Водла (1). Волга (25). Выг (4). Двина (2). Кама (13). Камский (1). Кемь (3). Кемский (2). Кола (2). Колывань (1). Мезра (1). Мезень (1). Молога (1). Нева (1). Невка (1). Невский (1). Печора (7). Сива (1). Сия (1). Суда (2). Унженский (1). **Каналы:** Беломорский смерть-канал (1). **Острова:** Вайгач (4). Валаам (2). Кижы (5). Коневец (1). О. Соловецкий (1). Соловецкий (4). Соловки (14). Соловцы (1). **Горы:** Гора Соколиная (1). Гора Медвежья (1). Кур-гора (1). Унженские горы (1). **Леса:** Вороний бор (2). Олонецкий бор (1). **Края, земли, области:** Беломорье (1). Заонежье (4). Карела (2). Карелия (1). Карельский (15). Обонежье (1). Олонецкий (16). Поморский (10). Поморье (24). Холмогорье (1). **Города:** Архангельск (1). Вологда (4). Вытегра (2). Новолодожский (1). Олонец (5). Печеньга (1). Пинега (1). Повенец (2). Пудож (1). Пудожский (4). Пустозерск (4). Соликамский (1). Сольвычегодск (1). Устьсысонец (1). Устюг (2). Устюжский (2). Холмогорский (3). Шуя (1). **Села, деревни:** Великий Сиг (2). Горницы (3). Заозерье (8). Красная Слободка (1). Красная Ягrema (1). Красная Лага (1). **Монастыри, храмы, места подвига святых:** Анзерский скит (1). Анзерский (Елиза-зар) (1). Веркольск (1). Верхотурье (1). Воскресенский монастырь (1). Горницы (3). Данилово (3). Каргополь (1). Каргопольский (6). Кижы (5). Кириллов (2). Крест (3). Лежа (1). Секир-гора (2). Соловецкий (4). Соловки (14). Соловцы (1). Тихвинская (Богородица) (1). Хутынский (Варлаам) (1). Челмогорский (Кирилл) (2). **Этнонимы и этнохоронимы:** Олончанин (1). Помор (6). Поморец (1). Поморка (1). Поморянин (3). Поморянка (1). **Финно-угры:** Зыряне (2). Зырянка (1). Зырянский (5). Карела (2). Карел (1). Лопарёв (1). Лопарец (1). Лопарский (1). Лопарки (1). Лопарский (13). Лопарь (3). Лопь (4). Марийский (2). Меря (1). Мордовка (1). Пермь (2). По-лопарски (1). Самоед (2). Самоедина (1). Самоедский (5). Угорский (1). Финн (1). Чудь (4). Чухонский (1).

Древнерусская ИКЗ: 116/35. Моря, озера, реки и другие водоемы: Белозерский (1). Бело-озеро (1). Буг (1). Волга (28). Волжские (10). Волхов (1). Вятка (12). Днепр Перунов (1). Дон (5). Донской (3). Дунай (1). Ильмень (2). Калка (1). Лаба (1). Ладога (8). Ладужский (7). Ока (4). Онега (14). Онегушко (1). Онежский (1). Припять (3). Хвалынское дно (1). Хвалынищина (1). Хвалынь (1). Черноморский (1). **Степи, поля, луга, леса:** Барабинские шляхи (1). Барабинский (1). Моздокский (9). Волжские луга (1). Косово поле (1). **Города:** Владимир (1). Владимир Залесский (1). Вологда (4). Вятка (1). За-

донск (1). Звенигород (4). Касимов (1). Касимовский (1). Кашино (1). Кашинская (1). Киев (4). Кириллов (2). Коломна (6). Корсунь (2). Кострома (7). Костромич (2). Костромской (6). Курск (1). Москва (16). Москвич (1). Московский (5). Муром (1). Муромцы (1). Новгород (4). Новгородский (5). Переяславль (1). Полоцк (1). Полоцкая (Ефросинья) (1). Псков (4). Псковская (Ольга) (1). Путивль (1). Путивльский (2). Ростов (2). Ростовский (2). Рязань (6). Рязанец (1). Рязанский (12). Суздаль (1). Суздальский (4). Тверской (7). Тверь (1). Углич (7). Устюг (2). Устюжский (2). Чернигов (2). Черниговский (1). Ярославец (1). Ярославский (4). Ярославль (2). **Центры православия. Монастыри. Скиты. Храмы и другие архитектурные сооружения:** Анзерский (2). Белгородская грядня (1). Владимира червонные ворота (1). Валаам (2). Детинцы Пскова (1). Ипатьев монастырь (1). Кижичи (5). Лавра (1). Соловецкий (4). Соловки (14). Соловцы (1). Солунь (1). Солунский (2). София (Новгородская, Киевская, Царьградская) (16). Хутынский (1). Хутины (1). Челмогорский (1). **Иконы:** Владимирская Божья Матерь (1). Владычица Одигитрия (1). Иверская (1). Нерушимая Стена (3). Обрадованное небо (1). Одигитрия (4). Оранта (1). Пирогоща (1). Спас Ярославский (1). Спасение на Водах (1). Споручница грешных (2). Спорительница хлебов (1). Тихвинская Богородица (1). Толгская (1). Троеручица (1). Анастасия Узорешительница (1). Умягчение Злых Сердец (2). Утоли Моя Печали (6). **Этнонимы и этнохоронимы:** Всеславянский (2). Вятчич (2). Вольнец (1). Печенег (3). Половецкий (3). Половчанин (2). Сербы (1). Скифский (2). Славянка (1). Славянский (5). Славяно-персидский (1).

Старообрядческая ИКЗ: 56/230. Моря, реки, озера: Анзеро (2). Белое море (2). Беломорский (7). Выг (2). Выго (2). Двина (2). Кемь (3). Кемский (2). Керженец (3). Керженский (6). Кола (2). Ладога (8). Ладожский (7). Лаче (4). Мезень (1). Онего (14). Онегушко (1). Онежские пороги (1). Онежский (1). Унженский (1). **Горы:** Гора Соколиная (1). Гора Медвежья (1). Кур-гора (1). Унженские горы (1). **Края, земли, области, города:** Беломорье (1). Заонезье (4). Керженец (3). Керженский (6). Обонежье (1). Олонецкий (16). Поморский (10). Поморье (24). Пудож (1). Пудожский (4). Пустозерск (4). Брынский (5). Дебринский (3). **Села, деревни:** Великий Сиг (2). Сиговец (12). Сиг (3). Сиговый Лоб (2). Заозерье (8). **Монастыри. Храмы:** Воскресенский монастырь (1). Данилово (3). Данилов крест (5). Лекса (1). Соловецкий (4). Соловки (14). Соловцы (1). **Этнонимы и этнохоронимы:** Каргополы (2). Лешане (1). Помор (1). Поморец (1). Поморка (1). Поморский (6). Поморянин (3). Поморянка (1). Пудожане (3).

Общерусская православная ИКЗ: 206/913. Моря: Белое море (2). Беломорский (7). Маточкин Шар (2). **Озера:** Байкал (5). Белозерский (1). Белозеро (1). Великие озера (1). Выго (2). Ильмень (2). Ладога (8). Ладожский (7). Лаче (4). Онего (14). Онегушко (1). Онежские пороги (1). Онежский (1).

Семиозерная (1). **Реки:** Вага (1). Ветлуга (2). Водла (1). Волга (23). Волжский (10). Волхов (1). Выг (2). Вятка (10). Двина (2). Днепр (1). Дон (5). Донской (3). Енисей (2). Иртыш (4). Иртышский (1). Кама (13). Камский (1). Кемский (2). Кемь (3). Кола (2). Мегра (1). Мезень (1). Молога (1). Мегра (1). Мстёра (1). Обь (3). Ока (4). Оять (1). Печора (7). Суда (2). **Острова:** Вайгач (4). Валаам (2). Кижси (5). Коневец (1). О. Соловецкий (1). Соловецкий (4). Соловки (14). Соловцы (1). Палеостров (3). Палеостровский (1). **Горы:** Гора Соколиная (1). Гора Медвежья (1). Жигулевский (1). Жигули (3). Кур-гора (1). Урал (6). Уральские граниты (1). Уральские хребты (1). Уральский (3). **Степи, поля:** Волжские луга (1). Куликово поле (1). Куликовское поле (1). **Страна:** Великороссия (1). Ефратная Русь (1). Книжная Русь (1). Матерь-Русь (2). Московская Русь (1). Поморка-Русь (1). Рассея (11). Рассея-матка (2). Рассея-теща (1). Родина (28). Российский (2). Россия (60). Русь (88). Русь-Китеж (1). Русь-персиянка (1). Русь Червоная (1). Русская земля (1). Святая Русь (2). Святорусский (4). **Края, области, земли:** Алтай (5). Беломорье (1). Валдай (10). Вятка (город, река, край) (16). Заонежье (12). Крым (2). Кубань (1). Обонежье (5). Олонецкий (22). Поволжье (4). Поморье (34). Пошехонье (1). Рязанская земля (1). Рязанский край (1). Сибирь (9). Урал (5). Холмогорье (4). **Города:** Арзамас (1). Архангельск (1). Астрахань (1). Бийск (2). Брест (1). Владимир (1). Владимирский (3). Вологда (4). Вятка (город, река, край) (16). Изюмец (1). Каргополь (1). Каргопольский (3). Калуга (9). Касимов (2). Кашино (2). Киев (4). Кострома (15). Курск (1). Петербург (1). Святой Петроград (1). Москва (22). Мурманский (1). Муром (2). Новгород (9). Новоладомский (1). Олонец (5). Переяславль (1). Полоцк (1). Псков (5). Путивль (2). Ростов (4). Рязань (19). Севастополь (1). Семеновский (1). Соликамский (1). Сольвычегодск (1). Суздаль, Суздальский (5). Тверь (8). Тобольск (1). Тульский (1). Углич (7). Усть-Сысонец, Устьсысольский (2). Устюг, Устюжский (7). Царское Село, Царскосельский (4). Чернигов, Черниговский (3). Ярославль (7). **Монастыри, храмы, места подвига святых:** Анзерский скит (1). Анзерский (Елиазар) (1). Веркольск (1). Валаам (2). Выхотурье (1). Горицы (3). Дивеево (1). Дивеевский (1). Желтые Воды (Макарий). (1). Задонск (1). Звенигород (4). Каргополь (1). Каргопольский (6). Кижси (5). Кириллов (2). Коломенский (1). Коломна (5). Кремль (1). Лавра (1). Почаев (2). Радонеж (3). Радонежский (4). Саров (4). Саровская пустыня (2). Саровский (3). Секир-гора (2). Соловецкий (4). Соловки (14). Соловцы (1). Хутынский (Варлаам) (1). Челмогорский (Кирилл) (1). **Иконы:** Владимирская Божья мать (1). Пирогоща (в Киеве) (1). Семиозерная (1). Спас Ярославский (1). Тихвинская Богородица (1). Толгская (1). **Этнонимы и этнохоронимы:** Вятчич (2). Казацкий (1). Каргопольцы (2). Костромич (2). Москвич (1). Муромцы (1). Пудожане (3). Рязанец (1). Русский (64). Сибиряк (1). Устьсысонец (1). Ярославец (1).

Славянская ИКЗ: 22/35. Реки: Дунай (1). Лаба (2). Горы: Карпаты (2). Поля: Косово поле (1). Страны, края, города: Дубровна (1). Краковский (1). Косово поле (2). Лодзь (1). Морава (1). Прага (2). Солунский (3). Солунь (1). **Этнонимы:** Белоросс (1). Белорусский (1). Всеславянский (2). Волинец (1). Сербь (2). Словак (1). Славянка (2). Славянский (7). Украинский (1). Укринец (1).

Скандинавская и финно-угорская ИКЗ: 44/115. Горы: Угорские горы (1). Страны, края: Лапландия (5). Лапландский (3). Лопский погост (3). Карела (2). Карелия (1). Карельский (15). Норвегия (5). Норвежский (1). Пермский (1). **Этнонимы и этнохоронимы:** Варяг (2). Варяжский (1). Вогул (1). Вотьяк (3). Вотяцкий (1). Зыряне (2). Зырянка (1). Зырянский (5). Карел (1). Карела (2). Лопарев (1). Лопарец (1). Лопарий (1). Лопарки (1). Лопарский (13). Лопарь (3). Лопь (4). Марийский (2). Меря (1). Мордовка (1). Остьяк (3). Пермь (2). По-лопарски (1). Самоед (2). Самоедка (1). Самоедский (5). Угорский (1). Финн (1). Черемис (1). Черемисина (4). Черемиска (1). Черемисский (2). Черемисы (2). Чудь (4). Чухонский (1).

Сибирь: 29/75. Моря, реки, озера: Тихий океан (1). Байкал (5). Енисей (2). Иртыш (4). Иртышский (1). Обь (3). Горы: Алтай (5). Памир (5). Саяны (1). Тянь-Шань (1). Урал (6). Уральские граниты (1). Уральские хребты (1). Уральский (3). **Степи:** Барабинские шляхи (1). Барабинский (1). **Края, земли:** Алтай (5). Нарым (9). Урал (6). Сахалинский (1). Сибирь (6). **Города:** Бийск (2). Ирбитский (1). Тобольский (1). **Этнонимы и этнохоронимы:** Вогул (2). Остяк (3). Тунгуз (2). Чукча (1). Сибиряк (2).

Великая Степь. Татаро-монгольская ИКЗ: 30/65. Моря, реки: Арал (4). Аральский (1). Хвалынь (1). Хвалынщина (1). Хвалынское дно (1). Каспий (1). **Пустыни, степи:** Моздокский (9). Степи Великих Бухар (1). **Страны, города, края:** Татария (1). Туран (1). Туркестан (1). Золотая Орда (2). Тамерланов Златой Сарай (1). Чарджуй (2). **Этнонимы:** Бурятский (1). Киргиз (3). Монгольский (1). Печенег (3). Половец (3). Половчанин (2). Сарацинский (1). Сарацинянин (2). Сарматский (1). Скифский (2). Татарва (1). Татарка (2). Татарский (17). Татарщина (1). Туркиня (1). Тюркский (1).

Кавказ: 16/28. Моря, реки: Черноморский (1). Каспий (1). Хвалынь (1). Хвалынщина (1). Хвалынское дно (1). Горы: Арарат (4). Кавказ (3). Казбек (3). **Степи:** Моздокский (9). **Края, города:** Дагестан (1). Карабах (1). Чечня (1). Кавказье (1). Кавказ (2). **Этнонимы:** Осетинский (1). Чеченский (1).

Византийская и раннехристианская ИКЗ: 23/80. Моря, реки, озера и другие водоемы: Средиземноморский (1). Золотой Рог (1). Черноморский (1). Горы: Арарат (4). Афон (5). Афонский (1). **Города и государства:** Алек-

сандрия (3). Багдад (5). Багдадский (3). Византийский (1). Византия (2). Дамаск (2). Дамасский (3). Египет (5). Корсунский (1). Корсунь (2). Лидда (7). Мирликийский (1). Средиземноморье (1). Солунь (3). Солунский (Митрий) (2). Царьград (8). Царьградский (2). Цареградский (5). Рим (7). Римский (1). Монастыри, храмы, места подвига святых: Афон (4). Афонский (1). Влахерн (1). Мирликийский (Николай) (1). Солунь (3). Солунский (Дмитрий) (2). София (16). **Этнонимы:** Гречески (1). Греческий (2). Грек (1).

Библейская ИКЗ: 45/76. Реки, озера и другие водоемы: Вифезда (1). Иорданский (2). Ефрат (5). Ефратная (1). **Горы:** Голгофа (3). Голгофский (2). Елеон (1). Саронские горы (1). Фавор (3). Синайский (1). Сион (3). **Долины:** Генисарет (2). Сарон (1). **Леса, сады, деревья:** Маврийский дуб (1). Сады Семирамиды (2). **Города и государства:** Вавилон (3). Вавилонский (1). Вифанский (2). Вифлемское (1). Галилейский (1). Египетский (1). Египет (4). Иерихон (1). Иерусалим (1). Кана (1). Мидийский (2). Мемфис (4). Месопотамия (1). Назарет (4). Палестина (2). Сава (1). Содом (1). Сидонский (3). Финикия (1). Харан (7). Шамаим (1). **Храмы и другие культовые сооружения:** Бык из стали (1). Великая Пирамида (1). Великий Сфинкс (2). Жертвенник Обиды (1). Могильный бык (1). Стена плача (1). **Этнонимы:** Агарянский (2). Ассирийский (2). Еврейский (1). Курдский (1). Халдейский (3).

Древние Греция и Рим: 16/22. Моря: Черноморский (1). Средиземный (1). **Горы:** Пиринеи (1). **Страны, края, города:** Афинский (1). Гречески (1). Греческий (1). Коринф (1). Коринфский (1). Корсунский (1). Корсунь (2). Рем (1). Рим (7). Римский (1). Умбрия (1). Умбрийский (1). **Этнонимы:** Грек (1). Эллинский (1). Этрускский (1).

Древний Египет: 11/37. Реки, моря: Нил (11). Нильский (2). Средиземный (1). **Города, государства, края:** Александрия (3). Египет (5). Египетский (1). Мемфис (4). Карфаген (2). Каир (3). **Храмы и другие культовые сооружения:** Великая Пирамида (1). Великий сфинкс (1).

Индонранская ИКЗ: 26/71. Моря, реки, озера: Ганг (3). Ефрат (5). Ефратный (1). **Горы:** Гималаи (6). Гималайнозубый (1). Тибет (2). **Страны, государства, края:** Индийская земля (1). Индийская страна (1). Индия (9). Индостан (1). Индийский (13). Кашмир (1). Кашмирский (1). Месопотамия (1). Мидийский (1). Персидский (2). Персидско-тундровый (1). Ширас (3). **Города:** Бомбей (5). Кокандский (1). Целебей (1). **Храмы, религиозные центры, культовые сооружения и понятия:** Буддийский (1). Брама (4). Будда (4). **Этнонимы:** Индус (1). Перс (1). Персиянка (1). Курдский (1).

Мусульманский восток: 34/83. Моря, реки: Арал (4). Аральский (1). Каспий (1). **Степи, пустыни:** Аравия (1). Аравийский (5). Гоби (1). Сахара

(4). *Степи Великих Бухар* (1). **Государства, края, города:** *Александрия* (3). *Багдад* (5). *Бухара* (4). *Дагестан* (1). *Египет* (5). *Египетский* (1). *Каир* (3). *Туркестан* (1). *Хива* (1). *Чечня* (1). *Шамаханский* (4). **Храмы, культовые сооружения. Святые места. Религиозные деятели:** *Кааба* (3). *Мекка* (2). *Магомет* (2). **Этнонимы:** *Араб* (6). *Арабский* (11). *Бедуинка* (1). *Бедуинский* (1). *Бедуины* (2). *Киргиз* (3). *Чеченский* (1). *Сарацинский* (2). *Сарацинянин* (2). *Туркия* (1). *Тюркский* (1).

Индокитай: 12/42. **Моря, реки:** *Тихий океан* (1). *Тян-Дзин (Тянь-Цзин)* (1). **Горы, пустыни:** *Тибет* (2). *Памир* (5). *Гималаи* (6). *Гоби* (1). **Города, страны, края:** *Сиам* (7). *Сиамский* (1). *Китай* (15). *Китайский* (2). *Таити* (5). **Культовые сооружения:** *Белая пагода Дракона* (1). **Этнонимы:** *Корейцы* (2). *Китайчонок* (2). *Малаец* (1). *Хмеры* (1).

Африка: 15/37. **Моря, реки, озера:** *Нил* (11). *Нильский* (2). *О. Чад* (1). **Пустыни:** *Сахара* (4). **Государства, города:** *Алжир* (1). *Марокко* (1). *Судан* (1). *Тунис* (2). *Тунисский* (1). *Каир* (3). *Нумидийский* (4). **Этнонимы:** *Бур* (1). *Нубийка* (1). *Эфиоп* (2). *Эфиопский* (2).

Западная Европа: 38/69. **Моря, реки:** *Балтийский* (3). *Атлантический* (1). *Рона* (1). *Лаба* (2). **Горы:** *Монблан* (3). *Пиринеи* (1). **Стороны света. Части света. Государства:** *Голландский* (1). *Европа* (7). *Запад* (1). *Литва* (3). *Норвегия* (5). *Норвежский* (1). **Города:** *Амстердам* (4). *Берлин* (1). *Вена* (1). *Венецианский* (2). *Ганзейские* (1). *Дерпт* (1). *Ливерпуль* (3). *Ливерпульский* (1). *Лодзь* (1). *Мадрид* (1). *Медина* (1). *Ницца* (2). *Оксфорд* (1). *Палермо* (1). *Париж* (3). *Парижский* (1). *Рига* (1). *Рим* (7). *Римский* (8). **Этнонимы, этнохоронимы, языки:** *Баварец* (1). *Мадьярин* (1). *Немец* (3). *Немецкий* (1). *Латинский* (1). *По-французски* (1). **Религия:** *Лютер-бог* (1).

Америка: 12/23. **Моря, реки:** *Тихий океан. Ниагара* (2). **Государства, города:** *Вашингтон* (3). *Парагвай* (2). *Перу* (1). *Чикаго* (4). *Чили* (2). *Чилийский* (1). **Этнонимы:** *Эскимос* (2). *Эскимоска* (2). *Эскимосский* (4).

Австралия: 1. **Этнонимы:** *Австралиец* (1).

По историко-культурному содержанию топонимическая система может быть представлена как система **хронотопов**. В этой классификации учитывается движение топохронов во времени, то есть имеется в виду событийный пласт семантики топонимов. В творчестве Клюева на этом движении топохронов во времени основаны многие поэтические темы и мотивы в лирическом сюжете его стихотворений и поэм.

Система хронотопов в творчестве Клюева обозначается следующими топонимами. Это топонимы, связанные:

- 1) со священной историей, христианством;
- 2) с событиями истории православия на Руси;
- 3) с древнерусской историей;
- 4) с историей старообрядчества и сектантства;
- 5) с событиями истории национальной культуры на Руси;
- 6) с революционными событиями;
- 7) с событиями жизни самого Клюева.

2. Поэтическая география Николая Клюева

*Нерукотворную Россию
Я, песнописец Николай,
Свидетельствую, братья, вам.*

Н. А. Клюев

Н. А. Клюев родился в деревне Коштуги Вытегорского уезда Олонецкой губернии (ныне Вытегорский район Вологодской области). Вся его жизнь связана с Русским Севером, жил он и в столицах, а закончил свой крестный путь в Сибири, в Томске. Тем удивительнее кажется такая особенность его творчества, как его поэтическая география, охватывающая весь мир, многие страны и континенты. Создается впечатление, о котором лучше всего можно сказать словами самого Клюева:

*То богоносный дух поэта
Над бурной родиной парит
<...>*

(10, 360)

Поэтическая география – это культурный ландшафт [Веденин 1997] или система культурных ландшафтов, воспроизводимых в художественных образах или используемых в качестве символов в творчестве поэта. Важную роль в создании поэтической географии играют топонимы и антропонимы, а также другие виды имен собственных, имеющих культурный компонент в своем значении. Стихотворения и поэмы Клюева насыщены такими именами. Требуются немалые усилия, чтобы разгадать замысел автора и понять скрытую закономерность его поэтической ономастики. Одними из первых исследованию этого вопроса посвятили свои статьи Н. И. Толстой [Толстой 1994: 39] и Л. А. Киселева [Киселёва 1994: 6–11].

Образный язык Клюева до сих пор многим недоступен в силу того, что современная культура утратила священные начала. Одна из главных святынь поэта – Родина. Это центральный образ его поэзии. По предварительным подсчетам в поэтических произведениях Клюева слово «Русь» упот-

ребляется 93, «Россия» – 74, «русский» – 75 раз. Таким образом, собственное имя Родины в его поэзии встречается более 200 раз, слово «родина» – 30, «родной» – 93 раза, следовательно обозначаемое этими именами понятие является ключевым в его поэтической географии.

В «Песне о Великой Матери» поэт замечает:

*Не скудному мирскому слову
Узорить отчие гроба,
Пока архангела труба
Не воззовет их к веси новой,
Где кедром в роще бирюзовой
Досплет русская судьба*

(13, 24).

Клюев ставит задачу, посильную только для духовной поэзии – воссоздать в художественных образах «нерукотворную Россию», «Русь нетленную», «Алконостную Россию», «Индию-Русь», «Китеж-Русь», то есть **Святую Русь**. Именно этой задачей определяются закономерности его поэтической географии. Каковы же они?

В творчестве Н. А. Клюева топонимы разных историко-культурных эпох помещаются в одно художественное пространство–время. Рядом с именами реальных географических объектов употребляются топонимы, обозначающие идеальные пространственные объекты. Эти топонимы создают поэтическую вертикаль в реальном или воображаемом культурном ландшафте.

Наблюдения над составом имен собственных в творчестве Н. Клюева, определение их культурно-исторического содержания и образно-символических функций позволили нам прийти к выводу о том, что его поэтическая география построена на основе нескольких принципов, которые связаны с несколькими культурно-историческими зонами: 1) библейской (ветхозаветной и новозаветной), 2) византийской и древнерусской, 3) общерусской православной, 4) старообрядческой и поморской, 5) скандинавской и финно-угорской, 7) индо-иранской. Кроме этого, рядом с книжно-христианской, мифопоэтической и литературно-художественной ономастикой используются топонимы и антропонимы Советского Союза 20–30 годов.

Далее последовательно рассматриваются все указанные выше культурно-исторические истоки поэтической географии Клюева.

3. Библейские истоки поэтической географии Клюева

*О, Божже, сладостный, ужель я в малый миг
Родимой речи таинство постиг,
Прозрел, что в языке поруганном моем
Живет Синайский глас и вышний трубный гром <...>*

Н. А. Клюев

В поэтических произведениях Н. Клюева, по нашим данным, употребляются следующие библейские топонимы, антропонимы и этнонимы: а) *Аравия* (6), *Арабат* (4), *Вавилон* (5), *Вифания* (2), *Вифлеем* (1), *Галилея* (1), *Генисарет* (2), *Иерихон* (1), *Иерусалим* (4), *Иордан* (2), *Кана* (1), *Маврикийский дуб* (1), *Мидия* (2), *Мемфис* (4), *Месопотамия* (1), *Назарет* (4), *Нил* (7), *Палестина* (2), *Сарон* (2), *Сидон* (3), *Синай* (2), *Сион* (3), *Стена Плача* (1), *Фавор* (3), *Харан* (7).

Судьбу России, ее историю поэт представляет как продолжение Священной истории, что соответствовало христианским традициям древнерусской литературы и фольклора: «Познал я, что невидимый народный Иерусалим – не сказка, а близкая и самая родимая подлинность; познал я, что, кроме видимого устройства жизни русского народа как государева или вообще человеческого общества, существует тайная, скрытая от гордых взоров иерархия, церковь невидимая – Святая Русь, что везде, в поморской ли избе, в олонечкой ли поземке или в закаспийском кишлаке, есть души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в плане Бога. И план этот – усовершенствование, раскрытие красоты лика Божия» (17, 36).

Этнографы, изучавшие Северную Русь, давно отметили употребление библейских топонимов и этнонимов для обозначения «своего», христианского, пространства, противопоставленного «чужому». Например, С. В. Максимов в книге «Год на Севере» отметил такие выражения, как «наши крайние палестины», «Коляне Господни – народ израильский» [Максимов 1997: 177]. В. Даль отмечает употребление слова «палестина» в значении «отчизна, отечество, родина, родные домашние места» (Д., 3, 11), а «Словарь русских народных говоров» указывает и многие другие значения этого слова («участок земли», «красивое место в лесу» и т. п.) в севернорусских и сибирских говорах (СРНГ, вып. 25, 167).

Именно этой укорененной традицией древнерусской культуры объясняется высокая частотность употребления в произведениях Клюева топонимов и антропонимов Ветхого и Нового Завета в сочетании с русскими именами собственными, с названиями реалий русской национальной культуры. Отражая православное духовное самосознание своих соотечественников, живущих на Севере России, Клюев писал:

(1) *С Соловков до жгучего Каира
Протянулась тропа – Божьи четки,*

*Проторил ее Спаситель Мира,
Старцев, дев и отроков подметки.
Русь течет к Великой Пирамиде,
В Вавилон, в сады Семирамиды;
Есть в избе, в сверчковой панихиде
Стены Плача, Жертвенник Обиды <...>*

(12, 176);

- (2) *От Пустозерска и до Бийска,
От Хвалыни на Багдад
Течет невидимый Ефрат, –
Его бесплотным кораблям
Притины Китеж и Сиам*

(13, 24).

Архаичная ономастика в произведениях Клюева формирует географические образы, соотносительные с Тегга Sakra, территорией «от Нила до Ганга, от Египта до Тибета» – тем пространствам, на которых «осуществляется генезис мировых религий» [Основания регионалистики 1999].

Для понимания смысла употребления многих библейских топонимов у Клюева необходима своеобразная реконструкция «археологического пространства культуры» [Теребихин 1993]. Например, обратимся к топонимам **Арарат** и **Елеон**, которые встречаются в его поэзии неоднократно:

- (1) *Чтоб от смол янтарно-пегий
Как лесной закат,
Приютил мои ковчеги
Хвойный Арарат*

(10, 357);

- (2) *И кто увертсся, что Ной
Досель на дымном Арарате
И что когда-то посох мой
Сразил египетские рати?*

(7, 85)

Неоднократно употребляя в своих произведениях название горы, на которой остановился после потопа ковчег Ноя, Клюев следует фольклорной традиции. В русских былинах Арарат – святыя горы, по которым путешествовали русские богатыри. Например: «Тут садится Святогор да на добра коня / и поехал по чисту полю / Он ко тем горам да Араратским» (15, 36). Фольклорную традицию имеет и употребление топонима «Елеон». Например: «Прискакали на гору Елеонскую, Как увидели они да чудо чудное, чудо чудное, да диво дивное: На горе на Елеонской как стоит тут да дубовый гроб...» или «Как схоронил он Святогора да богатыря на той горе на Еле-

онския...» (15, 40). Однако следует отметить, что с фольклорной традицией у Клюева связан только выбор этих топонимов в качестве обозначения «своего» сакрального пространства, по грамматической форме (у Клюева – существительные, в фольклорных текстах – прилагательные) и по смыслу они ближе к библейскому источнику. В Библии Елеон – «гора Елеонская к востоку от Иерусалима, через кедровую долину. Здесь Господь предрек кончину мира, Иерусалима и храма, – отсюда вознесся на небо» (Дьяченко). Сравните, у Клюева в поэме «Мать-Суббота»:

*Знать, что к отлету седые углы
Сорок воскреслий простерли из мглы,
И к новоселью в поморья окон
Кедровый лик окунул Елеон,
Лапоть Исхода, Субботы Живых <...>*

(10, 461)

Библейская ономастика используется Клюевым не для описания библейских времен и событий, что довольно часто встречается в русской поэзии [Ветка Палестины], а для создания образа Святой Руси – духовной наследницы Святой Земли и ее христианских святынь.

Насыщенность поэзии Н. Клюева ветхозаветной ономастикой определяется не только фольклорными и старообрядческими традициями в русской культуре. Это общерусская традиция. Еще Гоголь отмечал в русской поэзии что-то пророческое («И звуки становятся библейскими у наших поэтов»), писал о том, что через призму Священной истории и Священного писания воспринимали исторические судьбы России многие русские поэты и писатели: «Разогни книгу Ветхого Завета: найдешь там каждое из нынешних событий, увидишь яснее дня, в чем оно преступило пред Богом, и так очевидно изображен над ними совершившийся страшный суд Божий, что вострепетает настоящее».

В творчестве Н. Клюева духовный смысл истории России воплощен в образе Иисуса Христа. Имя Сына Божия в его произведениях встречается очень часто: *Христос* – 45, *Христов* – 19, *Спас* – 38, *Спасов* – 9, *Спаситель Мира* – 2, *Иисус* – 4. Для поэта Русь – «*Христова земля*» (10, 461), и живут в ней «*народы-Христы*» (10, 364):

- (1) *Снова голубь Иорданский
Над землею воспарил:
В зыбке липовой крестьянской
Сын спасенья опочил*

(10, 305);

- (2) *Низкая, деревенская заря, –
Лен с берестой и с воском солома.*

*Здесь все стоит за Царя
Из Давидова красного дома.*

(7, 199)

- (3) *И малиновка, малая птаха,
По голгофе Христу родня,
Умирает в гнезде от страха
От язвящих пуль и огня.*

(10, 386)

- (4) *Керенками вымощенный проселок –
Ваш лукавый Искаротский путь;
Христос отдохнет от терновых иголок,
И легко вздохнет народная грудь.*

(10, 364)

- (5) *Это Суббота у смертной черты,
Это Суббота опосле креста...
Кровью рудеют России уста,
Камень привален, и плачущий Петр
В ночи всемирной стоит у ворот...*

(10, 466)

К образу апостола Петра Клюев обращается неоднократно, когда описывает страдания православной России во время и после кровавой революции (12, 229; 6, 253; 10, 466; 13, 32; 11, 112):

*Вот ель – крестом с Петром распятым
Вниз головой – брада на ветре...
Ольха рыдает: Петре! Петре!*

(13, 32)

Свидетель расправы над христианской Россией, Клюев уподобляет себя апостолу Петру, плачущему в ночь предательства Иисуса Христа:

*Будет месяц, как слезка, светел,
От росы чернобыльник сед,
Но в ночи кукарекнет петел,
Как назад две тысячи лет
Вспыхнет сердце – костер привратный,
Озаряя Терновый лик...
Римский век багряно-булатный
Гладиаторский множит крик.
И не слышна слеза Петрова –
Огневая моя слеза...
Осыпается Бога-Слова*

*Живоносная бирюза.
Нет иглы для низки и нити,
Победительных чистых риз...
О, распните меня, распните,
Как Петра, — головою вниз!*

(11, 112)

Тот же мотив встречается в снах Клюева, записанных его другом Н. И. Архиповым и Н. Христофоровой-Садовой. Во сне, озаглавленном «Троицкий хлад», «Апостол Петр и его спутники раскрывают сновидцу его близость к ученикам Христа («он нашего роду»), богоизбранность его творчества («он может написать про тебя»))» (17, 80).

Поэтическая фразеология Н. Клюева («крестная слеза России», «гвоздильные раны России» и др) свидетельствует о том, что поэт видел в трагических событиях русской истории XX века христианский смысл. Поэтому духовное постижение России поэт сравнивает с Богопознанием, с Евхаристией:

*Светел запечный притин —
Китеж Мамелф и Арин,
Где словорунный козел
Трется о бабкин подол.
Там образок Купины —
Чаша ржаной глубины:
Тела и крови Руси
Брат озаренный вкуси!*

(10, 464)

4. Древнерусские истоки поэтической географии Н. Клюева

В XX веке поэзия Н. Клюева возродила традиции древнерусской литературы. Поэт сказал о себе: «Я закладка из Книжной Руси...» (7, 127). Судя по его поэтической ономастике и сакральным географическим образам, Клюев хорошо знал древние письменные источники представлений о мире: легенды из «Повести временных лет», «Александрии», «Сказаний об Индийском царстве», «Повести о Вавилонском царстве», «Сказания о Соломоне и Китоврасе», «Повести о Царьграде», «Повести об Еруслане Лазаревиче» и многое другое [Пономарева 1999]. Знал он географические представления раннехристианских источников, передаваемые из поколения в поколение на Русском Севере [Калуцков, Иванова, и др. 1998: 107; Терехихин 1993].

Клюев сознательно следует архетипам древнерусской культуры и возрождает их в новой эпохе — в новом облике и с новыми задачами:

*От иконы Бориса и Глеба
От стригольничьего Шестокрыла
Моя песенная треба
Стихов валунная сила.
Кости мои от Маргарита,
Кровь — от костра Аввакума.
Узорнее аксамита
Моя золотая дума:
Чтобы Русь, как серьга, повисла
В моем цареградском ухе...*

(12, 296)

В «Песни о Великой Матери» старец Нафанаил предсказывает матери поэта:

*До сатанинского покоса
Ваш плод и отпрыск доживет,
В последний раз пригубит мед
От сладких пасек Византии!..*

(13, 15)

Знаток «Книжной Руси», Клюев был причастен к духовному опыту раннехристианских мудрецов Востока, о С. Есенине он говорит:

*Его, не зная, где опаска,
Из виноградного Дамаска
Я одарил причастной дулей...*

(13, 38)

(Дуля — груша. В древности на Востоке иногда причащали грушей).

И в этом своем духовном знании он был одинок в послереволюционной России. Противопоставляя себя современным деятелям культуры, он пишет в «Песни о Великой Матери»:

*В художнике, как в лицемере,
Гнездятся тысячи личин,
Но в кедре много ль сердцевин
С несметного пучиной игол? —
Таков и я!.. Мне в плач и в иго
Громокипящий пар машин,
И в буйном мире я один —
Гадатель над чудесной книгой!*

(13, 22)

Поэт высоко оценивает духовное наследие Святой Руси, которое он получил от старообрядцев:

*Левые скажут: жизнь стальная пасть,
Крушит во прах народы, классы...
Родной поэзии атласы
Не износил Руси дудец, –
Взгляните, полон коробеи,
Вот объярь, штоф и канифасы!
Любуйтесь и поплачьте всласть!
Принять, как антидора часть,
Пригоршню слез не всякий сможет...*

(13, 22)

Основную особенность поэтики художественного пространства в древнерусской литературе, основанной на христианском миропонимании, Д. С. Лихачев определил так: «Подняться над обыденностью было потребностью средневекового человека» [Лихачёв 1971: 395]. Из нее вытекают и другие особенности древнерусского художественного пространства: необыкновенно широкий охват географических пределов и связанные с этим приемы его сокращения, иконографичность изображения пространства, схематизм и символизм обозначения географических объектов, сакральное осмысление сторон света (востока, юга, запада, севера) [Лихачёв 1971: 390–395, 399–403], взаимосвязь географических и религиозных представлений, когда «движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей» [Лотман 1965; Теребихин 1993].

Древнерусские основы поэтической географии Н. Клюева представляют особую концептуальную систему. Она является ключом к пониманию принципов употребления имен собственных в творчестве поэта. Далее рассматриваются основные компоненты этой системы.

Этноцентричность

По мнению исследователей сакральной географии культурных ландшафтов, принцип этноцентричности для географических представлений древних культур, о чем свидетельствуют библейские, древнегреческие и древнеиндийские описания мира и древнейшие карты [Калуцков, Иванова, Давыдова ... 1998: 107; Основания регионалистики 1999]. В соответствии с этим этнос представляет свое географическое пространство центральным, относительно него организуется все периферийное пространство как «чужое». В поэтике Клюева этот принцип является ведущим, но используется в

более сложном преобразованном виде. Этноцентричность географического пространства в его произведениях проявляется в нескольких оппозициях, выражающих идею «свое – чужое» пространство: 1) **Рай** (Родина, Святая Русь) – **Ад** (чужое пространство и антихристианская культура), 2) **Восток** (Христианская Россия, наследница Византии) – **Запад** (мир технической бездуховной цивилизации), 4) **славянство** – **остальной мир завоевателей**, 5) **Святая Русь** – **антихристианский мир**, 6) **старообрядческое Поморье** – **остальная Россия**, 7) **русская провинция** – **столицы** [Яцкевич 1999].

Рай – Ад

Наиболее архаичной и обобщенной оппозицией, в которой выражается этноцентризм, является противопоставление: **рай** (родная земля, свой мир) – **ад** (чужой враждебный мир). В русской культуре это противопоставление соединяет в себе древнейшие праславянские концепты [Топоров 1993(б): 3–18] с более поздними для нее библейскими представлениями. Клюев использует это противопоставление в символическом ключе, поэтому хронотоп РАЯ и АДА видоизменяются в его творчестве внешне, но остаются неизменными в своей сущности. В самом главном – духовном, священном поэт остается верен себе до конца жизни. Для Клюева **Рай** – Божий светлый сад и **Святая Русь** как идеал русского народа неразрывно связаны.

- (1) *Чтоб полесная ягода-песня,
Чьи цветы плащаницы духмяней,
На Руси, как веха, зеленела
И казали бы к раю дорогу!* (10, 294)
- (2) *Точит верба восковые слезы
И ведет зеленый тайный причит
Про мужицкий рай, про тир вселенский,
Про душевный град, где «Свете тихий...»* (10, 260)

Связь понятий **Рай** (свое святое место) и православный крестьянский мир определяет смысл многих необычных эпитетов рая у Клюева: «красный» (красивый), «берестяной» (светлый, русский), «запечный», «куний», «мужицкий», «избяной» (свой, сокровенный, родной), «хлебный», «сдобный» (добрый, жертвенный) [Яцкевич 1995: 67–73].

В поэтическом словаре Н. Клюева отражена библейская символика, в которой жертвенный хлеб уподобляется Иисусу Христу, а семена, зерна – Его учению об Истине. Так, например, во Второй Книге Царств в Ветхом Завете Пророк сказал Давиду, который жаждал покаяться в своих грехах и

спасти тем свой народ от Божьей кары: «Иди поставь жертвенные Господу на гумне Орны Иевусеянина». В Новом Завете в проповеди Иоанна Крестителя: «Он (Иисус Христос) будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата в руке Его, и Он очистит гумно свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (МФ, 3, 11–12; см. также ЛК, 3, 17). Поэтически переосмысливая библейскую символику, Клюев уподобляет гумно «окну в рай», изображает его сакральным местом Богообщения в мире трудовых крестьянских забот:

- (1) *Ворона – спутница ненастья, –
Не каркай голодно, гумно
Зареет, словно в рай окно,
Там полногрудые суслоны
Ждут молотбы рогов и звона;
Кто слышал музыку гумна,
Тот вечно молод, как весна!*

(10, 294)

- (2) *Чу! Перекатный стук на гумнах,
Он по заре звучит как рог.
От бед, от козней полоумных
Мой вещей ум не изнемог.
Я все такой же, как в столетях, <...>
От гумец тянет росным медом,
Дробь молотбы – могучий рог.
Нас подарил обильным годом
Сребробородый, древний Бог.*

(10, 194)

Крестьянское представление о Рае, кроме этого, воплощается в образе хлеба – «мирского каравая» как главной святыни земной жизни крестьян:

- (1) *Близок к нищим сдобный мглистый рай,
Кус сиротский гения блаженней...
Вседержитель! Можно ль стать нетленной,
Чем мирской, мозольный каравай?*

(7, 78)

- (2) *Пир мужицкий свят и мирен
В хлебом Спасовом раю <...>*

(10, 305)

- (3) *Недоуменно не кори,
Что мало радио-зари
В моих стихах – бетона, чаек,
Что о мужицком хлебом рае*

*Я нудным оводом бубню
Иль костромским сосновым звоном!*

(10, 451)

- (4) *С полатей смотрит Жуть, гудит, как било, Лаче,
И деду под кошмой приснился красный рай.
Там горы-куличи и сыченые реки,
У чаек и гагар по мисе яицо...*

(10, 182)

Родная крестьянская изба у Ключева сравнивается с раем, а рай небесный — с крестьянской избой.

- (1) *Вновь молюся, как ране,
Тишине избяной,
И к шестку и к лохани
Припадаю щекой:
О, простите, примите
В рай запечный меня!..*

(10, 319)

- (2) *Молвите: в Божьем раю
Есть ли надпечная сажка?
Есть ли куриный Царьград,
В теплой соломе яичко,
Сказок и шорохов клад,
Кот с диковинною кличкой?..*

(10, 317)

В соответствии с архаичной фольклорной традицией [Иванов, Топоров 1982: 56; Топоров 1987: 245; Терехин 1993: 11–16] ключевские герои представляют рай как вольное крестьянское царство:

*Отвезти гостей в преблаженный рай,
Где страдателям уготованы
Веси красные, избы новые,
Кипарисовым тесом крытые,
Пожни сенные – виноград-трава,
Пашни вольные, бесплатные –
Всё солдатушкам уготовано,
Храбрым душенькам облюбвано.*

(6, 233)

Раю противопоставлен Ад, которым, в соответствии с древними представлениями славян и других народов, Ключев называет чужое, враждебное пространство и время. Это первая мировая война и революция:

*И ад свирепую облавою,
 Как волк на выводок оленей,
 Идет для ран и заколений
 На Русь, на Крест неодолимый.
 Уж отлетели херувимы
 От нив и человеческих гнезд,
 И никнет колосом средь звезд,
 Терновой кровью истекая,
 Звезда монарха Николая, –
 Златницей срежется она
 Для судной жатвы и гумна!*

(13, 30)

Ад – это завоеватели и осквернители Святой Руси в различные периоды ее истории, это и чуждая крестьянской России техническая цивилизация:

*Смежила солнечные очи
 София на семи столпах.
 И сатана в мужицких снах
 Пасет быков железнорогих.
 Полесья наши, нивы, логи
 Ад истощает ясаком, –
 Удушлика языком, –
 Он прозывается машиной!
 (Слышатся удары адского молота),
 Храмина содрогается...*

(13, 25)

Противопоставление Рая как «своего пространства», Святой Руси – Аду, «чуждому враждебному пространству» связано в поморской аксиологии с понятиями «**верха**» и «**низа**». Такое особое понимание и соположение данных концептов отмечено этнографами и историками – исследователями Северной Руси. Так, Н. М. Теребихин пишет, ссылаясь на А. Подвысоцкого: «Вниз, в немецкую сторону, в шведскую сторону. Так называют поморы направление своего пути, идучи северным океаном в Норвегию или на о. Новую Землю» (Подвысоцкий) [Теребихин 1993]. Поморский поход за море, в «немецкие земли» (**на запад**) или к «острову мертвых» (**на север**) воспринимается как движение «**вниз**», в **нижний мир**, где располагается царство мертвых. И наоборот. Возвращение поморов «из-за синя моря», их выход на волю расценивается как движение, направленное «**вверх**» (**на восток**): «Когда поморы возвращаются океаном из Норвегии или с о. Новой Земли, то говорят, что идут **вверх, в Русь**» [Теребихин 1993]. Характерно, что в поморском лексиконе сохранилось весьма архаичное именование своей земли

«Русью», которая ассоциируется с «волей» [Теребихин 1993: 49–50]. Это особое географическое и аксиологическое понимание «Руси» находим мы в поэме Клюева «Песнь о Великой Матери»:

*Николенька, меня могила
Зовет, как песня, тихой сказкой, – <...>
Приземную оставя клеть,
Отчалю в Русь в ладье сосновой,
Чтобы с волною солодовой
Пристать к лебяжьим островам,
Где не стучит по теремам
Железным посохом хромец,
Тоски жалейщик и дудец.*

(13, 34)

Отношение поэта к Родине как Святыне, позволило ему отразить в своей поэзии национально русское самосознание и сохранить веру в воскресение России в будущем. Верит он и в то, что появится новый поэт («сирин»),
*Чтоб славить Крест и новый род, / Поправший смертью черный ад! / И
будет Русь как светлый сад...* (13, 25)

Восток – Запад

Как уже говорилось ранее, для древнерусской культуры характерна сакрализация сторон света. В поэтической географии Н. Клюева эта особенность также обнаруживается.

Известно, что «древнерусские писатели вписывали в свои произведения названия народов и земель в строгом порядке», а именно «посолонь», то есть по солнцу; в отдельных случаях в обратном порядке. Г. В. Сумароков обратил внимание на данную особенность составления «словесных карт» в «Повести временных лет», в «Слове о погибели земли Русской» и в «Слове о полку Игореве» [Сумароков 1983: 55]. «Словесные карты» постоянно встречаются и в произведениях Клюева:

*Плыви ершонок на восток
Дивиться на сорочью сказку.
Она с далекого Кавказья
На Соловки летит с оказией,
С письмом от столпника Агана <...>
Клубок летучий ближе, ближе,
Уже полощется, где Кижси,
Онего, синий Палеостров*

Особенностью таких «словесных карт» Клюева является перечисление топонимов «посолонь» (реже в обратном порядке), а также их этноцентричность. Она проявляется в неизменной их ориентации на «свое пространство», из которого как из центра идет описание других, «чужих» и «далеких» пространств. В указанном выше примере это следующая последовательность: **Кавказье** → **ближе, ближе** → **Киж** → **Онега** → **Палеостров** → **Кемский берег** → **Соловки**. В приведенных ниже примерах это: 1) **От Норвегии** (граница Северной Руси) → **до Китая** (граница юго-восточной России); 2) **Кола** (Северо-запад России) → **Поволжье** (юго-восточное направление от Колы, центральная Россия) → **Дон** (юго-западное направление от Поволжья, юг России):

- (1) *Болеет мать земля сырая,
И от Норвеги до Китая
Железный демон тризну правит.*
(13, 24)

- (2) *Студеная Кола, Поволжье и Дон
Тверды не железом, а воском икон.*
(12, 315)

В рассмотренных выше фрагментах текстов, представляющих собой «словесные карты», как и во многих других случаях у Клюева обнаруживается древнерусская традиция называть территории по рекам и другим водоемам, которые были сакральными и экономическими центрами этноса [Сумароков 1983: 55].

Особую значимость в поэтической географии Клюева имеет противопоставление **востока** – **западу**. Оно многопланово по символическому смыслу. Во-первых, это противопоставление **западной** и **восточных культур**, из которых должна сделать выбор Россия:

- (1) *Сгинь Запад – Змея и Блудница, –
Наш суженый – отрок Восток! <...>
Есть кровное в пагоде, в срубе –
Прозреть, окунуться в зенит...
У русского мальчика на губе
Китайское солнце горит.*
(7, 63)

- (2) *Гоген Рублеву не загадка,
Матисс – лишь рясно от каймы
Моржовой самоедской прялки...*
(11, 220)

- (3) *Не с того ль тянет ворванью книга
И смолой запятых табуны?
Вашингтон, черепичная Рига
Не вместят кашалотной волны.*
(12, 152)
- (4) *Но кто целящей головней
Спалит бетонные отеки:
Порфирный Брама на востоке
И Рим, чей строг железный крест?*
(11, 231)

Во-вторых, на первое противопоставление наслаивается второе, сакральное: Запад (Западная Европа и Америка) – ад, а Восток (Россия) – рай.

- (1) *Строгановские иконы –
Самоцветный, мужицкий рай;
Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный, железный край. <...>
Огневые рожи – иконы
Восшумят: «Се Жених грядет»...
Не зовите нас в Вашингтоны
Под губительный молот бед!*
(12, 202)
- (2) *В Заонежье, в узорных Кижях,
Где рублевский нетленный сад,
Стальноклювый гость из Парижа
Совершает черный обряд.*
(10, 386)

Слово «Восток» в некоторых произведениях Клюева приобретает особый смысл, понять который можно только учитывая библейские традиции его употребления. Речь идет о мотиве восточной ориентации России и ее православного крестьянства:

- (1) *Поморский дом плывет китом,
Ему смарагдовым копьем
В предутрия, просонки, зори
Указывает путь Егорий
Столетие, мгновенье, день –
Копье роняет ту же тень
Все на восток, где Брама спит, –
С ним покумиться хочет кит.
Все на восток, где сфинкс седой*

Встает щербатой головой...

(13, 16)

- (2) *И за мои нежданные седины
Отмщаю тягой лебединой! –
Все на восток, в шафран и медь,
В кораллы розы нумидийской,
Чтоб под ракитой российской
Коринфской арфой отзвенеть.*

(12, 267)

- (3) *Недаром за двуперстой хатой,
Таятся, ликом на восток,
Зорит малиновый садок...*

(13, 31)

Святую Русь, «нерукотворную Россию», поэт также созерцает на востоке. В поэме «Погорельщина»:

*И растворились на восток
Врата запретного чертога.
Из мрака всплыли острова,
В девичьих бусах заозерья,
С морозным Устьюгом Москва,
Валдий – ящик в павлиньих перьях,
Звенигород, где на стенах
Клюют пшено струфокамины,
И Вологда, вся в кружевах,
С Переяславлем белокрылым.
За ними Новгород и Псков –
Зятя в кафтанах атлабасных,
Два лебеда на воды ясных –
С седой Ладогой Ростов.
Изба резная – Кострома,
И Киев – тур золоторогий
На цареградские дороги
Глядит с Перунова холма!*

(12, 329)

Восточная ориентация Святой Руси объясняется тем, что по библейским представлениям Рай расположен на востоке и Мессия, Иисус Христос, называется *Востоком*. В Ветхом Завете: (1) Обращается к Тебе на *восток* света (Прем. 16, 28); (2) Славьте Господа на *восток* (Ис. 24, 15); (3) воздвиг от *востока* мужа правды (Ис. 41, 2); (4) долина... к *востоку* будет святыней Господа (Иер. 31, 40); (5) Слава Бога Израилева шла от *востока* (Иез. 43, 2).

См. также в Евангелие от Луки гимн Захарии: «и посетил нас *Восток* свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наша на путь мира» (1, 79) (Симфония, 480–481). В православном венчальном песнопении поется: «Исайя ликуй, ее Дева имеет во чреве, и роди сына Эммануила, Бога же и человека, *Восток* – имя *Ему...*» В этом библейском контексте становится понятно, почему так часто Клюев с надеждой обращается на восток:

- (1) <...> как притча Христа:
«Слепцы, различаете небо восточное,
Мои же от зорь отличите ль уста!»
(7, 110)

- (2) *То летучий Христов Лазарет*
Совершает Земли врачеванье,
И, как няня, небесный кларнет
Напевает седое сказанье:
«Утолятся твои вереды,
Раны, пролежни злые отеки;
Неневестная, будь же тверда
До гремящей звезды на востоке!»
(11, 107)

Славянство – остальной мир

Н. И. Толстой впервые обратил внимание на то, что это древнее этноцентрическое представление сохранилось в поэзии Н. Клюева. Для характеристики славянского самосознания IX – XII веков он разработал парадигму гетерогенных показателей: 1) религиозного, 2) общеплеменного, 3) среднеплеменного, 4) частноплеменного, 5) государственного. Автор считает, что «подобная шкала национального самосознания существует и реализуется в идеологии и практике отдельных представителей славянства до сих пор», и в качестве примера приводит поэму Н. Клюева «Погорельщина», в которой, по мнению Н. И. Толстого, поэт «ощущал себя причастным одновременно к нескольким духовным и в то же время географическим мирам»: 1) к миру почти вселенской правды и непротивления злу злом, 2) к миру Саронских гор, Индийского поморья, 3) Лидды–града Владычицы Одигитрии, 4) к христианскому миру, 5) к православию, 6) к старообрядчеству, 7) к славянской традиции («крепка кириллица слов»), 8) наконец, к своему кровному исконному севернорусскому, олонецкому» [Толстой 1994: 39].

Клюев осознает себя певцом славянства, представителем всеславянской культуры:

- (1) *Где тропинка к скоморошью теремку,
Где тропиночка в боярский зелен сад, –
Там под вишеньем зарыт волшебный клад –
Ключ от песни всеславянской и родной,
Что томит меня дремучею тоской...*
(10, 340)

- (2) *И сына сладкопевца
Повыпустишь из сердца,
Как Жаворонка в рожь!
Он будет нищ и светел –
Во мраке вещей петел –
Трубить в дозорный рог,
Но бесы гнусной грудой
Славянской песни чудо
Повергнут у дорог <...>*

(13, 19)

Поэт скорбит о трагической участи славянской культуры, которая испытала на себе в XX веке всю силу натиска темных враждебных сил:

- (1) *Моя славянская звезда,
Узорная и избяная,
Орлицей воспарив из рая,
Скатилась на птичий двор,
Где властелин – корявый сор <...>*
(11, 164)

- (2) *Наша русская правда загибла <...>
Так загибла русская доля –
Над речкою белые вербы,
Вновь меж трупов на Косовом поле
Узнают царя Лазаря сербы.*
(12, 255)

Славянская география Клюева построена также по этноцентрическому принципу, поскольку ее пространство организуется вокруг России с центром на северо-западе, где находится малая родина поэта:

- (1) *Русский сад – мужики да бабы,
От Норвеги и до Лабы.*
(12, 320)
- (2) *Шлет Ладого смуглой Мораве
С гусиной станицей привет.*
(10, 417)

- (3) *Лист кленовый тучно-ал,
Кроет Суду и Урал <...>
Дружным дедам, добрым бабам
От Алтая и до Лабы,
До пшеничных берегов
Короб песен и цветов!*
(10, 440)
- (4) *Хороши на Волини грабы,
Но милей васильковая рожь.*
(10, 423)
- (5) *Всеславянским брачным звоном
Встретит Новгород седой!*
(4, 29)

Продолжая древнерусскую традицию, Клюев называет, кроме Новгорода, и другой древний центр славянского мира – Киев, наследника христианской Византии:

- (1) *И Киев – тур золоторогий
На царьградские дороги
Глядит с перунова холма!*
(12, 329)
- (2) *Плачь, русская земля, потопом –
Вот Киев, по усадным тропам
К нему не тянут богомольцы,
Чтобы в печерские оконца
Взглянуть на песноцветный рай,
Увы, жемчужный каравай
Похитил бес с хвостом коровьим,
Чтобы похлебкою из крови
Царьградские удобрить зерна!*
(11, 229)

Следует, однако, заметить, что принцип этноцентричности не всегда используется Клюевым. См., например:

- (1) *Хлеб соль, Костромич и Волинец,
Олончанин, Москвич, Сибиряк.*
(10, 344)
- (2) *Хорошо под гомон сенокосный
Побродить по Припяти и Чуди. <...>
Мол, кряжисты парни на Волини,
Как березки девушки на Вятке.*
(12, 257)

- (3) *Старуха, мурманская вьюга,
Ворча, крахмалила испод,
Чтоб от Алтая и до Буга
Взыграл железный ледоход.*

(10, 413)

Во всех указанных выше примерах рисуются путем перечисления славянских топонимов необъятные просторы славянского мира, при этом происходит характерное для поэтики древнерусской литературы художественное «сокращение» пространства. Для этой цели поэт часто использует синтаксические конструкции с предлогами «от» – «до»: «*От Арарата до Поморья...*» (11, 228), «*От Дона мертвого до Лаче...*» (11, 228), «*От Печенеги до Бийска...*» (12, 268), «*От Байкала до теплого Крыма...*» (10, 342).

В поэме «Разруха», размышляя о грядущих судьбах славянства в мире, поэт также обращается к образам древнерусской культуры:

*Владимира червонные ворота
Замкнул навеки каменный архангел,
Чтоб стадо гор блюсти и водопой на Ганге,
Ах, для славянского ль шелома и коня?!*

(11, 228)

Святая Русь – остальной мир

*Ах, кто же в святорусском тверд –
В подблюдной песне, алконосте?!
Молчат могилы на погосте,
И тучи вечные молчат.*

(12, 220)

*Я бормотал: «Святая Русь,
Тебе и каторжной молюсь!..
Ау, мой ангел нестрадинный,
Явился хоть на миг единый!»*

(12, 328)

Данная оппозиция является ведущей в этноцентрической концепции географии, унаследованной Клюевым из древнерусской литературы и фольклора. Ей подчиняются рассмотренные выше оппозиции (рай – ад, восток – запад, славянство – остальной мир), а также оппозиции, которые будут рассмотрены далее.

Понятие Святая Русь связано, во-первых, с представлением о Древней Руси после ее крещения равноапостольным князем Владимиром, и, во-

вторых, с представлением о христианском национальном идеале русских. Клюев улитывает оба смысла выражения «Святая Русь». Последовательно рассмотрим их.

Святая Русь = Древняя Русь, Русская земля

В поэтической системе имен собственных Клюева история Древней Руси нашла не только свое образное отражение, но и получила определенное концептуальное истолкование, во многом соответствующее современным научным представлениям. В. О. Ключевский, мнение которого разделяю и некоторые современные историки, писал, что слово «Русь» в Древней Руси употреблялось в нескольких значениях: 1) этническом: Русь – племя, 2) социальном: русь – сословие, 3) географическом: Русь – область и 4) политическом: Русь – государственная территория. Причем историческое развитие значений шло последовательно от 1 к 4 [Ключевский 1989: 94–98; Степанов 1997: 493–510]. В поэтическом мышлении Клюева все эти значения присутствуют и синкретически связаны.

Русь – племя

Среди различных версий о первичном этническом значении слова «Русь» в творчестве Клюева получила поэтическое отражение норманнская гипотеза, в соответствии с которой это слово заимствовано в древнерусский из финского (*guotsi* – финны называли так выходцев из Скандинавии) и относилось первоначально к варягам-норманцам [Степанов 1997: 494–497]. Ю. С. Степанов указывает, что эту гипотезу в своё время разделяли Шлецер, Погодин, Соловьев, Кунин, Мачинский и Гумилёв Л. Н. [Гумилёв 1992: 29] [Степанов 1997: 494–497]. У Клюева отклик этой гипотезы отразился в романтической легенде о происхождении своего лирического героя, к которой он неоднократно обращался: 1) в стихотворении 1918 года: «Я потомок Лапландского князя, Калевалов волхвующий внук...», которое заканчивается: «В русском коробе, в эллинской вазе, Брезжат сполохи, полюсный щит, И сапфир самоедского князя На халдейском тюрбане горит» (12, 152).

По всей видимости, здесь речь идет не о финно-угорском происхождении поэта, как считает Е. И. Маркова [Маркова 1997(6): 32–44], а о древнем пути из варяг в греки. Это одна из любимых тем в творчестве Клюева, даже в последней трагической поэме «Каин» она присутствует: «Во греки ласковы дороги, Речной немеренный простор!» (14, 99). В «Песни о Великой Матери» предок лирического героя рисуется так:

*По ранне-синим половодьям,
К семужьим плесам и угодьям
Пристала крытая ладья.
И вышел воин исполин
На материк в шеломе – клювом,
И лопь прозвала гостя – Клюев –
Чудесной шапке на помин!*

(13, 34)

Легко узнаваем образ древнего викинга.

Мифологизированная биография поэта и его героев имеют этнический масштаб [Маркова 1997(6): 137–148]. Это поэтические образы истории этноса, истории России. Как справедливо отмечает Е. И. Маркова: «Лапландия Клюева – это одновременно мифологизированная страна и конкретная, хорошо узнаваемая каждым северянином земля, художественно-обобщенный образ всех северных земель и родная сторона. <...> Клюев предельно стягивает пространство, и поэтому в его Лапландии наличествуют все дорогие ему элементы северного природно-культурного комплекса: Белое море и Онежское озеро, Олония и Поморье, Киж и Выг, Соловки и Палеостров, Кемь и Валаам» [Маркова 1997(6): 138–139]. Архетип исторического национального самосознания, вмещающего в себя самые архаичные пласты, Клюев воплотил в образы «лапландского князя», «карельского князя», «зырянна с душою нумидийской». Самое сокровенное, родное в духовной жизни народа воплощается в колыбельных. Исследователи уже обратили внимание на колыбельную в «Песни о Великой Матери», которая удивляет своей «красотой, мягкостью, непосредственностью в сравнениях...» [Полякова 1997: 132]. Эта колыбельная выражает Что-то сокровенно родное, изначальное, то, что поэт философски называет «материнского вещью тьмой». Она является фоном эпического сказания о судьбах северного русского крестьянства и имеет рефрен:

*Лапландия кроткая спит,
Не слышно оленьих копыт <...>*

(13, 8)

*Лапландия кроткая спит,
За сельдью не гонится кит <...>*

(13, 9)

*Еще далеко до зари,
Лапландия кроткая спит,
Не слышно оленьих копыт <...>*

(13, 21)

*И в конце этой колыбельной:
С провидящих кротких ресниц*

*Лапландия гонит ночниц,
И дробью оленьих копыт
Судьба в колотушку стучит.*

(13, 22)

Таким образом, древнее этническое значение слова «Русь» является необходимым фоновым знанием для понимания лапландских мотивов в поэзии Н. Клюева.

Русь – сословие

По мнению историков и этимологов «первоначальное этническое содержание слова «Русь» быстро заменилось социальным, когда варяги-русь, славяне и прочие «прозвашася русью» образовали тот слой военно-торговой аристократии, во главе которой Олег, преемник Рюрика, двинулся из Новгорода по речным торговым путям на Киев и захватил его» (Степанов, 497). Князья и их дружины еще в дохристианский период проложили путь «из варяг в греки», защищали русскую землю от набегов кочевников и хазар. С этого сословия Древней Руси началась и ее христианизация. Оно стало родоначальником русскому патриотическому воинству, а в былинах – богатырству. Все эти и последующие события русской истории отразились в былинах как в зеркале народного самосознания. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский писал: «Удивительно, как неразрывно тесно сплелась народная мысль с православным мироощущением. Начиная с побудительной причины подвига и кончая бытовыми деталями, все в былине «оправославлено» и «воцерковлено». Глубоко ошибается тот, кто принимает это за дань традиции, за благочестивую риторику... И когда переживает это чувство весь народ, он оставляет неизгладимые следы своих переживаний на всем, к чему прикасается в жизни и творчестве» [Высокопреосвященный Иоанн митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский 1994: 43], см. также: [Лихачёв 1975: 221–239]. Это эпическое былинное самосознание русского народа («народа – Святогора» (10, 343)) возродилось в поэзии Клюева в целой системе поэтических образов-символов русских богатырей. В «Сказе грядущем» будущее Святой Руси поэт связывает с возрождением мира древнерусских богатырей и легендарных воинов, защитников Родины, землепашцев и певцов:

*В тихом Угличе поют колокола,
Слышны клеткоты **победного орла**:
Быть Руси в **златоузорчатой парче**,
Как **пред образом заутренней свече!** <...>
Чтоб родная **черносошная изба***

*Возглашала бы, как бранная труба:
«Солетайтесь, белы кречеты, на пир,
На честное рукобитие да мир!»
Буй-Тур Всеволод и Темный Василько,
С самогудами Чурило и Садко,
Александр Златокольчужный, Невский страж,
И Микулушка – кормилец верный наш,
Радонежские Ослябя, Пересвет, –
Стяги светлые столетий и побед!
Не забыты вы народной глубиной,
Ваши облики схоронены избой,
Смольным бором, голубым березняком,
Прикрыты алым девичьим платком!..*

(10, 341–342)

Клюев любил подчеркивать свое святорусское видение всех современных ему событий:

*Я сказкою в ином ночую,
Где златоносный Феодосий
Святителю дары приносит,
И Ольга черпает в Корсуни
Сапфир афинских полнолуний <...>*

(13, 34)

Поэтому образы защитников России в Первую мировую войну Клюев уподобляет древнерусским богатырям:

*Гей, отзовитесь, курганы,
Клады, седые кремли, –
Злым вороньем басурманы
Русский рубеж облегли! <...>
Аль булавы рукоятка
С нашей не дружна рукой?
Али шишак златолобый
Нам не по ярую бровь?
Пусть богатырские гробы
Кроет ковыльная новь, –
Муромцы, Дюки, Потоки
Русь и поныне блюдут <...>
Гром от булатных ударов
Слаще погудной струны...
Радонеж, Выгово, Саров, –*

*Ваших имен баюны.
Гей, отзовитесь, деды, –
Правнуков меч не ослаб!*

(6, 234–235)

Картины современной поэту России освещаются древнерусским светом, благодаря упоминанию легендарных древнерусских князей, родоначальников русских дружин:

- (1) *Солнце верхом на овине
Трубит в лазоревый рог.
Как и при Рюрике ныне
Много полудных дорог.
В Индию, в сказку, в ковригу...
(Горестен гусельный кус.)
Помнит татарское иго
В красном углу деисус.
Грезит изба Гостомыслом <...>*
(8, 42)

- (2) *Алексею ружит деревня,
Как Велесу при Гостомысле.*
(10, 472)

Описывая Царское Село в «Песне о Великой Матери», поэт восклицает: *Ах, посмотрел бы Рюрик, Трувор / На эту северную благость!* (13, 38).

Упоминая о событиях японской войны и революции в начале XX века, Клюев обращается к образу «Варяга», имея в виду легендарный крейсер «Варяг» (и песню о нем) как символ русских воинских подвигов: (1) *В бу-бенце и в напеве матросов / Погибающий стонет Варяг* (8, 93); (2) *В Мар-сельезе, в напеве «Варяга» / Опадает судьба-виноград* (8, 93).

Однако, следуя утверждению Святого благоверного князя Александра Невского – «Не в силе правда, а в Боге», Клюев выражает христианское отношение к мировым событиям:

*О, ладанка Божья – вселенский рычаг,
Тебя повернет не железный Варяг.*
(10, 311)

Образы былинных героев, а также образ Коловрата – древнего национального героя, борца за освобождение от иноземного ига, используются Клюевым в поэме «Деревня» для изображения здорового богатырского начала в дореволюционной русской деревне:

(1) *Лавицы – сидеть Святогорам...*

(12, 304);

(2) *Ах, парни, – Буслаевы Васьки,
Жильцы из разбойной сказки,
Все лететь бы голью на Буяны
Добывать золотые кафтаны!
Эво, как схож с Коловратом,
Кучерявый, плечо с накатом <...>*

(12, 305)

Эту же символическую функцию выполняет и повторяющийся в творчестве поэта мотив Куликова поля:

*Нам любы Бухары, Алтай –
Не тесно в родимом крае,
Шумит Куликово поле
Ковыльной залетной долей.
По Волге, по ясной Оби,
На всяком лазе, сугробе
Рубили мы избы, детищцы,
Чтоб ели внуки гостинцы,
Чтоб девки гуляли в бусах
Не в чужих косоглазых улусах!*

(12, 305)

Подвиги Коловрата, отраженные в древнерусских воинских повестях («Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о приходе Батыя на Рязань») и в фольклоре, связаны с Рязанской землей. Поэтому великого русского поэта, сына рязанской земли, Есенина Ключев называет «внуком Коловрата» (8, 93), в другом месте он пишет: *Ты – Коловратов кладенец, / Я – бора пасмурная сила* (11, 91).

Увлечение Есенина богемной суетой, опустошающей его физически и духовно, его отдаление от христианских истоков рассматривается Ключевым как беда всероссийской значимости и оплакивается:

(1) *Спозаранка знать внук Коловрата
Аду Негри дарил перстеньком...
Поседела рязанская хата
Под стальным ливерпульским лучом.*

(8, 93)

(2) *Не с Коловратовых полей
В твоём венке гелиотропы, –
Их поливал Мариенгоф*

*Кофейной гущей с никотином...
От оклеветанных голгоф –
Тропа к иудиным осинам.
Скорбит Рязанская земля <...>*

(10, 400)

Образы древнерусских князей и княжеской дружины используются также и при описании революции, связанных первоначально с ней надежд на будущее, а затем разрухи:

- (1) *И атлас с варяжскою кольчугой
Обручится вновь сольет уста...
За безмерною зырянской вьюгой
Купина горящего куста.*

(12, 190)

- (2) *Смертельны каменные обноски
На Беле-озере, где Синеус...
Облетают ладожские березки,
Как в былом, когда пела Русь.
Когда Дон испивался шелоном,
На базаре сурьмился медведь.
Дятлом – стальным ремингтоном –
Проклевана скифская медь.*

(12, 184)

Русь – область

В науке по-разному определяется, к какому географическому пространству первоначально применялось название *Русь* [Степанов 1997: 499]. «Русь–область накладывалась географически на путь «из варяг в греки» и, следовательно, это понятие возникает как следствие движения. Поскольку движение шло в обоих направлениях (с севера на юг и с юга на север), возможными оказались две гипотезы: 1) по мнению Ключевского и его последователей в наши дни, название «русь», сначала этническое, потом сословное, а затем уже географическое двигалось с севера на юг: Скандинавия – финно-угорские территории – Русский Север – Новгород – Киев и далее... [Степанов 1997: 499]; 2) следуя другой научной традиции, Б. А. Рыбаков связывает первоначальное значение этого термина с происхождением русской государственности в Киеве. По его мнению, первоначальная Русь – «сравнительно небольшой треугольник, вершиной которого был Киев, одной из сторон – Днепр от Киева до Канева, а основанием бассейн Роси» [Рыбаков 1953: 23–104]. Автор делает вывод о существовании трех географических центров, одинаково называемых Русью или Русской землей: 1) Киев

и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северная земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, то есть лесостепная полоса от Роси до верховьев Сейма и Донца; 3) Все восточнославянские земли от Карпат до Донца и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря.

Далее Б. А. Рыбаков делает вывод, что постепенное расширение областей с названием «Русь» отражает исторические этапы развития русской народности от племени к союзу племен и от союза племен к народности» [Рыбаков 1953; 66].

Клюев обнаруживает прекрасное знание истории и исторической географии России. В понимании рассмотренной выше проблемы он следует за В. О. Ключевским (исследований Б. А. Рыбакова он, естественно, не мог еще знать). Однако непосредственным источником его поэтической географии изначальной Руси была художественная география древнерусской литературы, особенно «Слова о полку Игореве», и северный фольклор, сохранивший самые древние архетипы географических представлений. Немаловажную роль играло и хорошее знание традиций использования поэтики «Слова» и др. памятников древнерусской литературы в отечественной литературе XVIII – XIX веков (у Державина, Радищева, Львова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, поэтов-декабристов и других [Прийма 1980]).

Новгородская земля, Валдай, о. Ильмень в поэзии Клюева становятся знаками Руси изначальной и Руси истинной. В «Застольном сказе»:

*Как у нас ли на Святой Руси
Городища с пригородками,
Красны села со приселками,
Белы лебеди с лебедками, <...>
Наша банища от Камы до Оки,
Горы с долами – тесовые полки,
Ковш узорчатый – озерышко Ильмень:
Святогору сладко париться не лень!*

И заканчивается сказ опять обращением к Руси изначальной:

*Сердце, сердце, русской удали жилье,
На тебя ли ворог точит лезвие, <...>
Чтобы верба за иконой не цвела,
Не гудели на Руси колокола,
И под благовест медовый в вешний день
Не приснилось тебе озеро Ильмень,
Не вздыхало б ты от жаркой глубины:
Где вы, вещице Бояновы сыны?*

(10, 339–340)

«Новгород седой» (4, 29) становится мерилom современных поэту событий как священный исток Руси:

- (1) *На преподобного Салоса*
Угодника с Большой Торговой,
Цветистей в Новгороде слово. (13, 42)
- (2) *С вечевых Новгородских крылец*
В Русь вошла золотая Обида.
В ручке грамота: Воля, Земля,
На груди образок Рублевский... (7, 200)

В поэме «Деревня», говоря о кошунствах революционеров, Ключев упоминает осквернение мощей Святителя Никиты Новгородского (XII век), в поэме «Разруха» он снова обращается к Новгородскому мотиву:

Рыдает Новгород, где тучкою златимой
Грек Феофан свивает пасмы фресок
С церковных крыл – поэту мерзок
Суд палача и черни многоглотой. (11, 228)

Центром ключевской географической карты всегда оказывается Новгородская земля, Русский Север. См. примеры выше, в предыдущих разделах, а также:

- (1) *К валдайской нищей хлевушке*
Потянутся зебры, веприцы. (7, 93)
- (2) *Из избы вытекают межжи,*
Русские тракты, Ломоносовы, Ермаки...
Убежать в половецкие вежи
От валдайской ямщицкой тоски.
Журавинная, русская тяга
С Соловков – на узорный Багдад... (8, 93)

Как и другие поэмы, «Песнь о Великой Матери» посвящена географической колыбели России – Русскому Северу, Поморью – новгородским землям. Автор начинает поэму с поэтической карты северных новгородских земель, весь поэтический строй этого начала зиждется на севернорусских топонимах. Они звучат как песня:

Эти гусли – глубь Онега,
Плеск волны палеостровской, <...>

И томит лесная нега
 Ель с карельскою березкой.
 Эти притчи – в день Купалы
 Звон на **Кижях** многоглавых, <...>
 Эти вести – рыба стая,
 Что плывет, резвясь, играя,
 Лосось с **Ваги**, язь из **Водлы**,
 Лещ с **Мегры**...

(13, 4)

В топонимической системе Ключева самой многочисленной по своему составу является топонимика Русского Севера. Ниже приводится основной их список:

1) **края, острова, города, селения и святые места Русского Севера:** Анзерский скит (2), Архангельск (4), Вайгач (4), Валаам (2), Валдай (8), Верхотурье (1), Веркола (1), Владимир (2), Владимир-Залесск (1), Вологда (4), Выгов (2), Вытегра (1), Горицы (3), Голгофа (5), Гора Соколова (1), Гора Медвежья (1), Заозерье (6), Заонежье (10), **Ипатьев монастырь** (1), Калевала (4), Карелия (17), Карельский (17), Каргополь (7), Кашин (1), Кижы (5), Кириллов (2), Колывань (1), Коневец (1), Кострома (15), Кронштадт (2), Кур-Гора (1), Лапландия (8), Лекса (1), Лопский погост (3), Новгород (8), Норвега (6), Олонец (28), Олонь (1), Обонежье (1), Палеостров (4), Переяславль (1), Пермь (3), Пинега (1), Поморье (14), Пошехонье (2), Псков (7), Пудож (8), Пустозерье (7), Ростов (6), Рязань (21), Север (4), Секир-Гора (2), Соловки (19), София Новгородская (~15), Сольвычегодск (1), Спас-на-Бору (1), Тверь (7), Тихвин (2), Толга (1), Углич (7), Устюг (3), Усть-Сысольск/лец (2), Феодоровский собор (2), Холмогорье (3), Хутынь (1);

2) **реки, озера, моря Русского Севера:** Балтийское море (3), Бело-озеро (1), Белое море (8), Беломор-Канал (1), Вага (1), Ветлуга (2), Водла (1), Волга (31), Волхов (2), Выг (9), Двина (2), Ильмень (2), Кама (15), Кемь (5), Кивач (1), Кола (1), Ладога (14), Лаче (5), Мезень (1), Молога (1), Мста (2), Ока (4), Онега (16), Печора (12), Селигер (2), Сиг (3), Суда (2).

Во многих произведениях Ключева поэтически воссоздается географическая карта Русского Севера, который становится географическим центром мира: 1) **Святая Русь, Кама, Ока, озерышко Ильмень** (10, 339–340); 2) **Онега, Палеостров, Карелия, Китеж, Вага, Водла, Мегра** (13, 4); 3) **Керженец, Бело-озеро, Ладога, Русь** (12, 184); 4) **Нил-Сорская пустынь, Русь, Ярославль, Соловки – Каир, Русь – Великая Пирамида, Вавилон, Сады Семирамиды, Стены Плача, Каргополь – Бомбей, Пустозерск** (12, 177); 5) **Россия, Багдад, Молога, Саяны, Пинега – Кашин** (12, 244); 6) **Припять – Чудь, Таттария, Волынь – Вятка, Суздаль, Вологда** (12, 257–258).

По мнению В. О. Ключевского, это значение слова «Русь» возникло позднее этнического, сословного и областного: «Кажется, уже в XI – XII вв. термин **Русская земля** усвоил и политическое значение, стал обозначать свою территорию, которой владела Русь с киевским князем во главе. Такое значение можно подозревать в термине уже по договору Олега с греками в 912 году. В этом договоре (§ 8) **Русская земля** противопоставляется земле «Грецкой» и, следовательно, обозначает все пространство, на котором действовала власть киевского князя» [Степанов 1997: 505]. Ключев возрождает древнерусскую традицию называть русскую государственную территорию – «Русской землей» и тем самым устанавливает духовную связь между изображаемыми им событиями XX века и древнерусской истории, между своим поэтическим творчеством – и древнерусской литературой, особенно «Словом о полку Игореве», с его постоянными обращениями к мысли о родине: «За землю Русскую, за раны Игоревы, удалого Святославича!», «О! Стонать Русской земле, вспоминая прежнюю годину и прежних князей!», «Бог стезю Игорю кажет из земли Половецкой в **землю Русскую**, к отчему златому престолу» и др. Ср., у Ключева в «поэме «Разруха», слышим переключку с этим произведением, а также со «Словом о гибели Русской земли»:

*Как в стужу водопад, плачь, Русская земля,
С горячим льдом в пустых глазницах <...>
Плачь, Русская земля, потоном –
Вот Киев, по усадным тропам
К нему не тянут богомольцы <...>
Плачь, Русская земля, на свете
Злосчастней нет твоих сынов <...>*

(11, 229–230)

В поэтической географии Н. Ключева нашли отражение события начальной истории становления русской государственности, которые в его произведениях сосуществуют в неразрывной связи с современной поэту историей. Это и упоминание о хазарах («Да обронил **хазарскую гривну** – побратимо-во слово...» (11, 177), «Не поскуплюсь и шейной гривной / **Хазарских** золотых рублей...» (14, 99)). Это и упоминание о древнем торговом пути из Ирана на Каму:

*Не потому ли у Абаза
Сосцы – две розы из Ширази
И пламя терпкое в кости?!
Велик Сиам и древни Хмеры,
Порфирный Сива пьет луну*

*И видит Пермскую весну
Из глудины своей пещеры.*

(13, 25)

(Кстати, топоним **Кама** – один из самых частотных у Клюева.)

Поэт воссоздает образы древнерусских городов и их святынь – Киева, Владимира, Чернигова и др. как приемников византийской культуры, а через нее – древней мировой культуры. Для поэта живо то, что «критик и газетный плут, чихнув, архаикой зовут» (13, 22). В «Песни о Великой Матери» он пишет:

*Но это было! Было! Было!
Порукой – лик нездеиной силы –
Владимирская Божья Мать!
В ее очах Коринфа злать,
Мемфис и пурпур Финикии
Сквозят берестой России
И нежной просинью Вифезды.*

(13, 22)

«Культ Богородицы на Руси как защитницы страны, города и освобождительницы пленных был прочно связан с константинопольским Влахернским монастырем» [Сергий, архиепископ 1901: 296–299]. Согласно Лаврентьевской летописи, образ Богоматери, получившей имя Владимирской, был привезен во Владимир в 1154 году. Одновременно с Владимирской Богородицей на одном корабле была привезена из Константинополя другая икона – по преданию, список с почитаемой во Влахерне иконы Одигитрии, Путеводительницы. Икона получила имя **Пирогошей**. Существует несколько этимологий этого названия [Лихачёв 1985: 27–28; Сумароков 1983]. По этой иконе был назван один из несохранившихся храмов Киева, который упоминается в «Слове о полку Игореве». Князь Игорь, возвратясь из половецкого плена, направляется поклониться именно этому образу: «Игорь едет по Боричеву ко Святой Богородице Пирогошей». В поэме Клюева «Деревня» имя этой Богородичной иконы становится собирательным символом образа Богородицы – Покровительницы России. Описывая кровавые события безбожной революции, уничтожившей христианскую государственность, он пишет:

*Ты, Рассея, Рассея-теща,
Насолила ты лихо во щи,
Намаслила кровушкой кашу –
Насытишь утробу нашу! <...>*

*Мы не знаем ныне покою,
Мама-змея одолела
Без сохи, без милого дела,
Без сусальной в углу Пирогощей...*
(12, 308)

В Северно-Восточной Руси особенно ярко проявилась связь Богородичного культа с развитием православной государственности. Главные соборы во Владимире, Суздале, Ростове, Ярославле были посвящены Успенью Богоматери. В Киевской Руси самые ранние – Киевская и Новгородская София. В поэтической топонимике Ключева это также нашло свое отражение (см. ниже списки топонимов). Идеалом – образцом русских городов был Константинополь – Царьград. Не случайно поэтому Ключев постоянно обращается к этому образу, считая его судьбоносным для русской государственности и культуры.

*Но мастера небесных матиц
Воздвигли вещему Царьград.
В тысячестолпную Софию
Стекаются зверь и человек.
Я алконостную Россию
Запратал в дедовский сусек.*
(12, 167)

В заключении приводится ключевская топонимика Святой Руси:

1) **города:** Владимир (2), Владимир-Залесск (1), Вологда (4), Киев (4), Кириллов (2), Коломна (6), Корсунь (2), Курск (1), Москва (20), Муром (4), Новгород (8), Переяславль (1), Псков (7), Путивль (1), Ростов (6), Рязань (15), Тверь (7), Углич (7), Устюг (3), Чернигов (2), Ярославль (2);

2) **святые места:** Веркола, Горицы, Гора Соколова, Дивеево, Задонск, Звенигород, Ипатьев монастырь, Кашин, Киж, Коневец, Кострома, Лавра, Повенец, Почаев, Радонеж, Саров, Саровская пустынь, Секир-гора, Софийский собор в Киеве, Новгороде, Спас-на-Бору, Тихвин, Толга, Углич, Успенский собор в Москве, Феодоровский собор, Хутынь.

Особый интерес представляют «словесные карты» Святой Руси, «выполненные» Ключевым в различном масштабе.

5. Карты

1) «Песнь солнценосца» (1917 г.) (10, 346–348): мир – океан – Монблан – нуп земной – «стобащеный, пламенный дом» – Китай и Европа, и

Север и Юг, Бездна – Зенит, Бог – Россия, Индия и Волжские луга, Назарет и Немрод, Рублевская Русь, Белая меря, Сибирь, Ладога, Волхов-гусляр, Степи Великих Бухар, «моздокский туман», Волга и Стенькин курган, Киев – Мста.

2) **«Олений гусак сладкозвучнее Глинки...»** (10, 331–332): *«карельский князь», бобровые реки, куньи леса, шамаханский узор, Чикаго, Париж.*

3) **«Песнь о Великой Матери»** (13, 22): *Владимир, Коринф, Мемфис, Финикия, Россия, Вифезда, Семеновский уезд, Светлояр, Радонеж.*

4) **«Песнь о Великой Матери»** (13, 23–25): *Соломонова пещера, Лхасы, Кемь, Афон, Валаам, Лхасы, Пустозерск, Бийск, Хвалынь, Багдад, Ефрат, Китеж, Сиам, Норвега, Китай, Петровские пути, Вороний бор, Денисов Крест, Алтай, Афон, Ветлуга, Рязань, Секира (гора на Соловках), Поморье, Корсунь, Денисов Крест, Вороний Бор, Денисов Крест, Секира, Халдей, Керженец, Поморье, Обь, Вавилон, Выг, Россия.*

5) **«Песнь о Великой Матери»** (13, 25): *Уран, София – Полесья наши, нивы, логи, остяк, араб, финны, Русь, Уран, Русь, Гималаи, Алтай, Памир, Сарон, Генисарет, Харран, Шираз, Сиам, Хмеры, Сива (Шива), Пермь.*

6) **«Погорельщина»** (12, 332–333): *Касимов, Калужская дорога, олонецкие леса, Сахалин, Ярославль.*

7) **«Погорельщина»** (12, 328–329): *Святая Русь, восток, Устюг, Москва, Валдай, Звенигород, Вологда, Переяславль, Новгород, Псков, Ладога, Ростов, Кострома, Киев, Перунов холм, Царьград.*

8) **«Русь»** (4, 28–29): *Русь, Уральские хребты, Волга, море, Карпаты, Русь Червоная, Белградская грядня, Прага, Киев, Краков, Русь, Новгород.*

9) **«Разруха»** (11, 225–231): *Арал, Украина, Моздокские ковыли, Саровская пустынь, Волга, Керженец; Арал, Украина, Север; Лаче, Выг, Занежье, гора Медвежья, Данилово. Рим, Александрия, Бомбей, Париж, Россия; Украина, Выго, Данилово, Дамасск. Китеж, Беломорский канал, Ветлуга, Веикороссия, Беломорский канал, Повенец, Рыбья Соль, Россия, Азия, Арарат, Поморье, Дон, Лаче; Новгород, Владимира червоновые ворота, Ганг, славяне; Коломна, Рязань, Ока, Касимов, Муром, Волга, Жигули, Карабах, Иртыш, Енисей; Чернигов, Курск, Киев, Цаоьград, Ярославль, Волжские нески, Золотой Рог, Москва, Константинополь, Кремль, Успенский Собор; Кама, Москва, Иван Великий, Восток, Рим, русские города.*

10) **«Из избы вытекают межи...»** (8, 93): *Русские тракты, половецкие вежи, Валдай, Соловки, Багдад, Русь, Печора, Рязань, Ливерпуль, Эфиопия, Волга, степь, курганы, Европа, Припять, Ефрат, Халдеи, арабские стоянки, Лапландия, негритянка, Ладога, Чили.*

Лингвокультурологический анализ этих и других словесных карт Ключева должен дать интересные результаты.

6. Вологодские топонимы в поэзии Н. А. Клюева

Поэтическая география Н. А. Клюева необычайно широка по охвату географического пространства и удивительно глубока по культурно-историческому и символическому содержанию [Яцкевич 2000(б): 46–69; Яцкевич, Виноградова, Головкина: 37–46]. Поэт предостерегает будущих исследователей от поверхностного взгляда на его поэтическую географию: «Бедные критики, решающие, что моя география – «граммофон из города», почерпнутая из учебников и словарей, тем самым обнаруживают свою полную оторванность от жизни слова» (17, 66) [см. об этом: Михайлов 1997: 275]. Это предостережение поэта следует учитывать и при рассмотрении вологодских топонимов Клюева, несмотря на кажущуюся очевидность их образного смысла, обусловленную их отношением к малой родине поэта.

Действительно, только в минимальном контексте вологодские топонимы имеют чисто географическое значение и этнографическую окраску («Разузорит **Вологда** коклюшки...»; «**Вологда** вся в кружевах...»; «морозный **Устюг**»; «перинный **Устюг**»; «**устюжский** закат»; «**устюжское** сканье»; «... лента гнутая, / расшитая в **Горицах**», река **Андома**, где «... в крынках кукушка ку-ку да ку-ку, / Журавль-рукомойник курлы да курлы, / И по сту годов доможирят котлы...» и т. д.). В более широком контексте, в лирическом сюжете стихотворений и в лиро-эпических сюжетах поэм, вологодские топонимы приобретают широкие поэтические возможности и участвуют в создании образа Русского Севера, России, Святой Руси как национального идеала.

В силу этого представляется необходимым рассматривать вологодскую топонимию (имена собственные – названия географических объектов, расположенных на современной территории Вологодской области) в составе поэтической системы топонимов Н. А. Клюева в целом.

Место вологодских топонимов в поэтической географии Н. А. Клюева

Вологодские топонимы участвуют в поэтическом описании основных историко-культурных зон. Далее они последовательно рассматриваются.

Общерусская православная историко-культурная зона представлена в творчестве Клюева наибольшим числом топонимов: 206 слов и 913 употреблений. Вологодские топонимы составляют в этой системе незначительную часть: 13 наименований и 23 употребления. Это следующие топонимы и производные от них слова: **Андома** (2), **белозерский** (1), **Бело-озеро** (1), **Вытегра** (2), **Вологда** (4), **Горицы** (3), **Кириллов** (2), **Мезра** (1), **Молога** (1), **Суда** (2), **Устюг** (2), **устюжский** (2), **Мариинская система** (1).

Как правило, названия вологодских городов включаются в состав поэтических парадигм, образующих в тексте цепочки названий древних русских

городов: 1) *Устюг*, Москва, Звенигород, *Вологда*, Переяславль, Новгород, Псков, Ладога, Ростов, Кострома, Киев (12, 329); 2) *Вологда*, Вятка, Псков, Кострома (11, 220). А названия вологодских рек входят в состав поэтических парадигм топонимов Северной Руси: 1) Вятка, Сиговец, *Андома* (12, 315); 2) Олон, Секир-гора, Палеостров, Красная Ягрема, *Андома*, Нижняя Кудема (6, 237). Таким образом, вологодские топонимы в поэзии Н. А. Клюева не образуют собственной системы, а включаются в другие, более широкие, топонимические системы, связанные с различными историко-культурными зонами. Это обусловлено тем, что географические названия Клюев использует в символических функциях для выражения своих историко-философских взглядов, а не для создания пейзажей, отражающих природный и культурный ландшафты Вологодского края. Следует отметить, что лаконичные пейзажные образы тоже у него есть: «*Устюжский* закат осыпает шафран», «налимьей ухой текла *Молога* синяя», «Лист кленовый тучно-ал, / Кроет Суду и Урал» (10, 439). Однако эти образы всегда являются лишь частью масштабного описания русских просторов. См. пример выше, а также:

*В алых бусах из вишен,
Из антоновки рудой
Ходит кто-то запрудой, —
Над Байкалом и Судой
Шаг серебряный слышен...*
(10, 438)

На ментальной карте поэтической географии Клюева малоизвестная река Суда изображена крупным планом вместе с такими величественными объектами, как Урал, Байкал, и тем самым тоже увеличивается в своей значимости.

Русский Север, Поморье, Олонецкий край представлены значительным числом топонимов: 136 слов и 393 употребления. В произведениях Н. А. Клюева вологодские топонимы, наряду с другими топонимами, создают образы северных просторов России. Так, в прологе к «Песни о Великой Матери» топоним *Мегра* входит в поэтическую парадигму северных (олонецких) топонимов: *Онега, палеостровский, Карельский, Кижси, Вага, Волода, Мегра* (13, 4). Топоним *Андома* также включается в подобную систему в «Скрытном стихе», стилизованном в фольклорной традиции:

*Не осенний лист падьма-падает,
Не березовый наземь валится,
Не костер в бору по моховищам
Стелет саваном дымы — пажегу, —
На Олон-реку, на Секир-гору
Соходилася нища братия. —*

*Как Верижники с Палеострова,
Возгорельщики с Красной Ягремы,
Солодаяжники с речки Андомы,
Крестоперстники с Нижней Кудамы,
Толоконники с Ершедами,
Бедны люди с Водохлебами,
Всяка сборища – Богомольщина.*

(6, 236–237)

Оба топонима (*Мезра, Андома*) обозначают реки Карелии. Во времена Ключева они не относились, как сейчас, к Вологодской области.

Родное Обонежье рисуется Ключевым как легендарная, сказочная страна:

*Пушистые, теплые тучи,
Над плесом соловая марь.
За гатью, где сумрак дремучий,
Трезвонит Лесной Пономарь.*

*Плывут вечевые отгулы...
И чудится: витязей рать,
Развеся по ельнику тулы,
Во мхи залегла становать.*

*Осенняя явь Обонежья,
Как сказка, баюкает дух.*

(10, 287)

Древнерусская историко-культурная зона представлена системой топонимов и этнонимов, включающей в своей состав 35 лексем, которые употребляются в текстах 116 раз. Как древнерусские города, оплоты Святой Руси, изображаются *Вологда, Устюг, Бело-озеро, Кириллов*. Например, в стихотворении «Республика» (1918), Ключев пишет о наступлении эпохи научно-технической цивилизации, которая грозит уничтожением древнерусской культуры. Символически эта культура обозначена топонимом *Бело-озеро*:

*Смертельны каменные обноски
На Беле-озере, где Синеус...
Облетают ладожские березки,
Как в былом, когда пела Русь.*

*Когда Дон истивался шеломом,
На базаре сурьмился медведь.*

*Дятлом – стальным ремингтоном –
Проклевана скифская медь.*

(12, 184)

Упоминается Белозерский край и в «Песни о Великой Матери», когда Клюев говорит о сохранении древнерусской книжной традиции в старообрядческой среде поморов:

*Двенадцать снов царя Мамера
И Соломонова пещера,
Аврора, книга Маргарит,
Златая Чепь и Веры Щит,
Четвертый свиток белозерский,
Иосиф Флавий – муж еврейский,
Зерцало, Русский виноград
<... >*

*Я прочитал в пятнадцать лет
Скитов и келий самоцвет.*

(15, 755)

Старообрядческая историко-культурная зона представлена в творчестве Н. А. Клюева системой топонимов, включающей в свой состав 56 слов, которые употребляются 230 раз. В «*четвертом свитке белозерском*» (по другой редакции – «*четвертом списке белозерском*» – 13, 23), как указывает Клюев, содержалось старообрядческое произведение «Веры щит». Под этим названием существуют три разных сочинения. Во-первых, «Щит веры» – «Ответы древняго благочестия любителей на вопросы придерживащихся новодогматствующего иерейства» – весьма известное и распространенное у беспоповцев обширное сочинение, содержащее ответы на 382 вопроса поповцев. Составлено в 1789–1791 годах. Автором традиционно считается Тимофей Андреев. Опубликовано со значительными сокращениями в журнале «Братское слово» за 1890 год (Старообрядчество, 314). Во-вторых, «Книга «Щит веры»» – старообрядческое сочинение начала XIX века, в котором нашли отражение наполеоновские войны и антихристом выведен Наполеон Бонапарт [Сочинения писателей-старообрядцев 1984: 220]. В-третьих, «Веры Щит» – ежемесячный журнал старообрядцев поморского согласия, выходивший с 12-го по 16-й год XX века (Старообрядчество, 314). Какое из этих сочинений имел в виду Клюев, можно установить только тогда, когда будет найден «*четвертый свиток белозерский*».

Славянская историко-культурная зона (кроме России) представлена небольшим числом топонимов: 22 слова и 35 употреблений. Однако и с этой топонимической системой вологодские топонимы соотносятся в поэзии Клюева. Так, упоминаемый выше топоним *Суда* употребляется в одном из

стихотворений Ключева не только в соседстве с *Байкалом* и *Уралом*, но и с западнославянским топонимом *Лаба*, который употребляется у Ключева два раза и служит знаком славянских земель:

*Над Байкалом и Судой
Шаг серебряный слышен <... >
Лист кленовый, тучно-ал,
Кроет Суду и Урал. <... >
Дружным дедам, добрым бабам
От Алтая и до Лабы,
До пшеничных берегов
Короб песен и цветов...*

(10, 440)

В стихотворении, посвященном пролетарскому поэту Владимиру Кириллову, Ключев подчеркивает славянские православные истоки севернорусской культуры:

*Твое прозвище – русский город,
Азбучно-славянский святой <... >*

*Убегай же, Кириллов, в Кириллов,
К Кириллу – азбучному святому,
Подслушать малиновок переливы,
Припасть к неоплаканному родному.*

(10, 38)

В словаре Н. А. Ключева значительное место занимают топонимы и этнонимы, символизирующие *скандинавскую и финно-угорскую историко-культурные зоны* (44 слова и 115 употреблений). Эта ИКЗ распространяется и на Вологодскую область, где находятся места древних поселений угрофинских народов. Соответствующие топонимы и этнонимы обычно употребляются поэтом в сочетании с ономастикой Русского Севера, как, например, в «Мирской Думе»:

*Не гуси в отлет собирались.
Не лебеди на озере скликались,
Подымались мужики-пудожане,
С заонежской кряжистой Карелой,
С каргопольской дикою летнею,
Со всею полесной хвойной силой,
Постоять за крещеную землю,
За зеленую мать-пустыню,*

За березыньку с вещей кукушкой...

<... >

Вопрошали Лазаря лешане,

Каргополы, чудь и пудожане...

(10, 259)

В других случаях скандинавские и финно-угорские топонимы и этнонимы, в сочетании с другими топонимами, служат пограничными знаками просторов России:

- (1) *И Сибирь, и земля Карела*

Чутко слушают выюжный хор.

(12, 306)

- (2) *Здравствуй, Волюшка-мать,*

Божьей Земли благодать,

Белая Меря, Сибирь,

Ладogi хлябкая ширь!

(12, 348)

- (3) *Русский сад – мужики да бабы,*

От Норвеги до смуглой Лабы.

(12, 320)

Финно-угорские мотивы творчества Н. А. Клюева подробно исследовала Е. И. Маркова [Маркова 1997(а): 32–44, 192–210].

С *библейской историко-культурной зоной* в поэзии Н. А. Клюева соотносятся 45 топонимов, которые употребляются 76 раз.

Этнографы, изучающие Русский Север, отмечают, что издавна сложилась культурная традиция обозначать «свое» пространство с помощью библейских и византийских топонимов и этнонимов [Теребихин 1993; Калущков, Иванова, и др.1998]. Клюев пишет: «Где ты, светлая Отчизна – голубиный Назарет?» (12, 80). Е. Л. Березович указывает следующие библейские топонимы, которые послужили основой для создания севернорусских топонимов: Вавилон, Голгофа, Елеон, Иерусалим, Иордан, Палестина, Рай, Синай, Сион, Содом [Березович 2000: 273–282]. Можно предположить, что эти топонимы возникли под влиянием монастырей, а также старообрядцев. В старообрядческих сочинениях именно на основе этих библейских топонимов формировались топонимы-мифологемы [Сочинения писателей-старообрядцев 1984]. Именно этой укорененной традицией объясняется частое употребление в произведениях Клюева топонимов Ветхого и Нового Завета в сочетании с русской топонимией.

Заслуживают особого внимания поэтические фразы, в которых употребляются вологодский топоним *Устюг* и ветхозаветный топоним *Харан* (*Хар-*

ран). «Поддонный Харан», близкий к образу града Китежа [Смольников 1999: 99], появляется в стихотворении «Красный Адам» (1919):

*За смертного бурей чаш якорь зацепит
Коралловый город с алмазной стеной.
С урочным отплытием на якорных лапах
Раскинет базары поддонный Харан...
Плывет от Олонца смоковничий запах,
Устюжский закат осыпает шафран.*
(12, 201)

Харран у Клюева встречается 7 раз и преобразуется в поэтический символ апокалиптического Града Грядущего – Нового Иерусалима [Смольников 1999: 98]:

*<... >
Сойдутся вятч в тюрбане,
Поморка в тунисской чадре,
В незакатном Новом Харране,
На гор лучезарной горе.*

*Переломит Каин дубину
Для жертвенного костра,
И затопит земную долину
Пылающая гора.*

(10, 409)

С Харраном у Клюева ассоциируются севернорусские топонимы и этнохоронимы (*Устюг, Олонец, поморка, вятч, Пустозерск: «Пустозерье кличет Хараном»*). В таких контекстах они приобретают особый сакральный смысл, обозначают метафизическое пространство будущей воскрешенной Руси.

В «Песни о Великой Матери» Харран и Устюг символизируют единство библейских святынь и севернорусской культуры, основанной на христианских ценностях. Вот как описывается красный угол в севернорусской крестьянской избе:

*Входящему – в углу заря
Финифти, черни, янтаря,
И очи глубже океана,
Где млечный кит, шатры Харрана,
И ангелы, как чаек стадо,
Завороженное лампадой –*

Гнездом из нитей серебра,
Сквозистей гагачья пера.
Она устюжского сканья,
Искусной грани и бранья.
<... >

(15, 713)

Этноцентричность поэтической географии Н. А. Клюева
и вологодские топонимы

Как и для географических представлений древних культур [Теребихин 1993; Калуцков, Иванова, и др. 1998], для поэтической географии Клюева характерен принцип этноцентричности. Он заключается в том, что точкой отсчета, исходной позицией, с которой автор созерцает образы земного пространства, всегда является его малая родина – Русский Север:

Сегодня звонкие капли --
Прилет касаток из Египта
На милый север. Явь иль сон?
<...>
Россия, мать, ты ли? Ты ли?
Босые ноги, плат по бровь,
Хрустальным лебедем из былей
Твоя слеза, ковыль – любовь
Плывут по вольной заводине!

(10, 448)

Этноцентричность географических образов в произведениях Клюева имеет свои особенности, обусловленные историософскими взглядами поэта, их связью со Священной историей христианства. У Клюева «свое» пространство сопоставляется с «чужим» пространством, а иногда и противопоставляется ему: 1) *Рай* (Родина, Святая Русь) – *Ад* (антихристианская чужая культура); 2) *Восток* (Православная Русь, наследница Византии; сказочная страна – «Белая Индия») – *Запад* (мир технической бездуховной цивилизации); 3) *славянство – мир завоевателей*; 4) *Святая Русь – нехристианский мир*; 5) *старообрядческие центры и края – остальная Россия*; 6) *русская провинция – столицы*.

В некоторых сопоставлениях в большей или меньшей степени участвуют вологодские топонимы, обозначающие «свое» пространство.

РАЙ (Родина, Святая Русь) – АД (антихристианская чужая культура). В клюевской поэзии Рай предстает в образах крестьянской России («мужиц-

кий хлебный Спасов рай», «пшеничный рай», «коврижный рай», «русский рай»), в образах прекрасных произведений народного искусства («рай финифтяный», «Киноварный рай», «Самоцветный мужицкий рай», «песноцветный рай»). Раю противопоставлен ад как символ чужой антихристианской культуры:

- (1) *Нам адский молот ворожит,
Что сгибнет бархат ал и рыт,
И в русский рай, где кот-баюн,
Стучатся с голодом колтун.* (13, 25)
- (2) *Но книжный червь, чернильный ад
Не для певцов любви и веры.* (11, 91)
- (3) *Строгановские иконы –
Самоцветный мужицкий рай;
Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный, железный край.* (12, 202)

В «Песни о Великой Матери» в центре поэтического описания «избяного рая», его святости и красоты изображена лампадка «устюжского сканья». Сначала взгляд поэта падает на иконы в красном углу (см. цит. выше), а затем останавливается на лампаде:

<...>

*И ангелы, как чаек стадо,
Завороженное лампадой –
Гнездом из нитей серебра,
Сквозистей гагачья пера.
Она устюжского сканья,
Искусной грани и бранья,
Ушки – на лозах алконосты,
Цепочки – скреп и звеньев до ста,
А скал серебряник Геврасий
И сказкой келейку украсил.
Когда лампаду возжигали
На Утоли Моя Печали,
На Стратилата и на пост,
Казалось, измарагдный мост
Струился к благостному раю.
И серафимов павью стаю,*

*Как с гор неожиданный снегопад,
К нам высылает Стратилат!*

(15, 713)

ВОСТОК – ЗАПАД. В поэзии Н. А. Клюева на географическое противопоставление Востока и Запада наслаиваются символические значения, обусловленные как христианскими, так и фольклорными традициями.

Согласно библейским представлениям, рай расположен на Востоке. В поэме «Погорельщина» поэт-пророк прозрел воскресшую Святую Русь именно на Востоке. Среди древнерусских городов названы *Устюг* (с него начинается перечисление) и *Вологда*:

*И растворились на восток
Врата запретного чертога.
Из мрака всплыли озера,
В девичьих бусах заозерья,
С морозным Устюгом Москва,
Валдай – ямщик в павлиных перьях,
Звенигород, где на стенах
Клюют пшено струфокамы,
И Вологда, вся в кружевах,
С Переяславлем белокрылым.
За ними Новгород и Псков –
Зятья в кафтанах атлабасных,
Два лебедя на водах ясных –
С седю Ладогой Ростов.
Изба резная Кострома,
И Киев – тур золоторогий
На цареградские дороги
Глядит с Перунова холма.
<...>*

(12, 329)

В послереволюционных стихах идеи всемирного братства поэт трактует как единение России с восточными странами на основе христианства:

*Совершилось. Иже Херувимы
Повенчали Вологду с Багдадом.*

(7, 127)

Фольклорные мотивы о прекрасных и далеких странах у Клюева прежде всего связаны с Индией [Пашко 1998]. Поэтическое геокультурное пространство Н. А. Клюева в целом обладает не европоцентрической, а индо-

центрической структурой, что характерно для древнейших (раннегородских) цивилизаций [Основания регионалистики, 92]. Эта архаика позволяет Ключеву создать сказочные образы Руси:

*На певучем огненном павлине
К нам приедут сказки и загадки.
Сядет Суздаль за лазорь и вапу,
Разузорит Вологда коклюшки...*

(12, 258)

Святой Руси и восточным странам противопоставлена западная цивилизация:

*Вот почему Сезанн и Суслов
С индийской вязью теремов
Единорогом роют русло
Средь брынских гатей и лесов.
Навстречу Вологда и Вятка,
Детищцы Пскова, Костромы...
Гоген Рублеву не загадка,
Матисс – лишь прясло от каймы
Моржовой самоедской прялки...*

(12, 220)

РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ – СТОЛИЦЫ. Это противопоставление у Ключева неоднозначно. Чаще у него провинция – это «свое», святое, сокровенное, пространство. Ему враждебно «чужое» пространство столиц (Москвы и Петербурга) [Яцкевич 1999: 38–48]:

*Питер злой, железогрудый
Иисусе посетил,
Песен китежских причуды
Погибающим открыл,*

*Петропавловских курантов
Слушал сумеречный звон,
И Привал Комедиантов
За бесплодье проклял Он.*

(7, 145)

Только в нескольких стихотворениях, написанных сразу после революции, вектор «свое – чужое» в противопоставлении провинции – столицы изменяется. Например, **Вытегра**, уездный городок Олонецкого края (ныне

районный центр в Вологодской области), предстает в двух его стихотворениях («Красный орел» и «Глухомань северного бревенчатого городка...», 1919 г.) как оплот отжившего старого мира, враждебного революции, на чьей стороне были симпатии поэта в те годы:

- (1) Глухая **Вытегра** не слышит урагана,
Сонливая, с сорочьим языком,
Она от клеветы и глупых сплетен пьяна, —
Ей не дружить с тобой — малиновым орлом.
(15, 415)

- (2) Глухомань северного бревенчатого городишка,
Где революция как именины у протопопа.
Ряд обжорный и каланчи вышка
Ждут антихриста, сивушного потопа.
(15, 422)

Но и через этот обличительный революционный пыл пробивается любовное отношение к родному краю, его приметам. Первое стихотворение заканчивается так:

*Как девушки, грустят олонецкие ивы
По красному орлу в глухих, уездных днях.*
(15, 415)

Во втором стихотворении упоминается древний собор:

*Собор же помнит Грозного, Бориса,
На створах врат Ильа громогласный...*
(15, 415)

В. П. Гарнин считает, что здесь «... имеется в виду Вытегорский погост, упоминаемый в письменных источниках XV в. Главным украшением его являлась двадцатичетырехглавая Покровская церковь — одно из чудес деревянного зодчества Северной Руси, построенная в 1708 г. и сгоревшая в 1963 г. Она находилась в селе Анхимово, в семи километрах от Вытегры. В 1914 г. Клюев отправил Ширяевцу открытку с видом этой церкви: «Всмотрись, милый, хорошенько в этот погост, он много дает моей душе, еще лучше он изнутри, а около половины марта на зорях — кажется сказкой. <... > Неизъяснимым очарованием веет от этой двадцатичетырехглавой церкви времен Ивана Грозного»» [Гарнин 1999: 912–913].

Однако можно предположить, что у Клюева речь идет о другом храме: собор, построенный в 1708 году, не может «помнить Грозного, Бориса». Эта характеристика больше соответствует Софийскому собору в Вологде, по-

строенному по приказу Ивана Грозного. Хотя это стихотворение при первых публикациях имело заглавие «Вытегра» [Там же], в нем создан обобщенный образ «северного бревенчатого городишка».

В указанных выше стихотворениях Вытегра названа «глухой», «глухоманью». Но это оценка не автора, а лирического героя, воодушевленного революцией. В другом стихотворении (1916) слово «глухомань» вкладывается в уста чужого, приезжего человека:

*Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым «молчи»,
У креста простодушного данью
Не поставил сладимой свечи.*

*В хвойный ладан дохнул папирсой
И плевром незабудку обжег.
Зарябило слезинками просо,
Сединою заиндевел мох.*

(10, 289)

Таким образом, стихи о Вытегре нельзя назвать клюевскими по духу. Обычно «*Мать – глухомань*» (12, 188) вызывает у поэта живое поэтическое восхищение:

- (1) *И на заре в глуши еловой,
Как ангелок, поет снегирь.*

(10, 212)

- (2) *Хороша лесная родина:
Глушь да поймища кругом!..*

(10, 220)

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что вологодская топонимия, отраженная в творчестве Н. А. Клюева, используется не как особая поэтическая система, а как часть более обширных топонимических систем, соотносительных с несколькими историко-культурными зонами и выполняющих функцию символического обозначения «своего» пространства – Русского Севера, славянских земель, Святой Руси. Включаясь в особую поэтическую систему, сочетающую в себе севернорусские и библейские топонимы, вологодские топонимы в творчестве Н. А. Клюева участвуют в создании образов *осевого пространства и времени*, которые поэт понимал с позиций этноцентричности.

Глава III

ТЕОНИМЫ, АГИОНИМЫ И БИБЛЕИЗМЫ

1. Материалы к словарю теонимов в поэзии Клюева

Теоним — это собственное имя божества в любом пантеоне (СРОТ, 124). В поэтическом словаре Клюева преобладают христианские теонимы, о чём свидетельствуют приводимые ниже материалы к словарю теонимов.

Имена Бога и Его икон

Альфа и Омега (2); Ангел (5); Бог (71) / Бог (Господь Бог Саваоф) (1) / Божье (11) / Бог богов (2) / Бог Сил (1) / Бог-Слово (1) / Боженька (3) / Божий (51) / Божий Дух (1) / Божий Сын (1); Владыко (3); Всевышний (2); Всепетый Божье (1); Господь (38) / Господь избяной (1) / Господь Бог Саваоф (1) / Господи (11) / Господи-Исусе (2) / Господний (16); Дух (5) / Дух и Невеста (1); Единый (1) / Единое Око (1); Жених (2) / Жених Дориносимый (2); Златоризный Сын (1); Иисус (9) / Светлый Иисусе (1) / Иисусов (4); Невидимый Учитель (1); Незримый (1); Огнезрачный (1); Око Единое (1); Отец (6) / Отче (1) / Отче Свете (1) / Отчий (1); Пресветлый (1); Пречистый Лик (1); Распятый Лебедь (1); Саваоф (4) / Саваоф (Господь Бог Саваоф) (1) / Саваофов (4); Свет (8) / Свет Невечерний (2) / Свет Незакатный (1) / Свет Незаходимый (1) / Свет Непреступный (2); Слово (8); Спас (38) / Спас Ярославский (1) / Спас на Бору (1) / Виноградный Спас (1) / Кумачневый Спас (1) / Мокробрадный Спас (1) / Мокрый Спас (1) / Мужичий Спас (1) / Озимый Спас (1) / Пречистый Спас (2) / Светлый Спас (2) / Спасов (12); Спаситель Мира (2); Создатель (1); Страстотерпец (11); Судья (1); Сущий (1); Сын (2) / Сыне Божий (1); Творец (2) / Творец Всевидящий (1); Христос (45) / Мокробрадный Христос (1) / Мужичикие Христы (1) / Народы-Христы (1) / Христов (20).

Имена Богородицы

Богоматерь (1); Богоматерь (1); Богомать (2); Богоневеста (1); Богородица (17) / Богородицын (3) / Богородичный (2); Владычица (7); Вселенская Мать (1); Всепетая (1) / Всепетая Матерь (1); Дева (3); Дух (1); Звездотечная (1); Мария (2) / Мариин (1); Мать (3) / Матерь Света (1); Надежда Ненадежных (1); Невеста (1); Неневестная Матерь (1); Пречистая (2); Птица (1); Роза (1); Тишина-Богомать (1); Царица (1).

Владимирская Божья Мать (1); *Владычица Семиозерная* (1); *Запечная* (1); *Иверская* (1); *Купина* (1); *Неопалимая Купина* (2); *Нерушимая Стена* (3); *Неупиваемая Чаша* (1); *Обрадованное Небо* (1); *Одигитрия* (5); *Оранта* (1); *Пирогоща* (1); *Семиозёрная* (1); *Спорительница Хлебов* (1); *Споручница грешных* (2); *Тихвинская Богородица* (1); *Толгская* (1); *Троеручица* (1); *Умягчение Злых Сердец* (2); *Утоли Моя Печали* (7); *Утоли Печали* (1).

Имена божеств в нехристианских мировых религиях

Алла (1); *Брама* (5); *Будда* (4); *Зороастр* (3); *Лама* (1); *Магомет* (1) / *Магомедов* (1); *Сива* (1); *Тян-Дзин* (1); *Шамаим* (1).

2. Имена Бога

С древних времён богословы утверждают, что «Божество превыше любого слова и любого познания» [Дионисий Ареопагит 1991: 19]. Святой Дионисий Ареопагит в своём труде «Божественные имена» рассуждал: «...Уразумев это, богословы и славословят Его то как безымянное, то как достойное любого имени. Безымянным они почитают Его по той причине, что само Богоначалие в одном из таинственных видений символического Богоявления, порицая вопрошающего у него: «Каково имя Твое?» (Библ. Быт. 32. 29), ответило следующее, словно отлучая себя от всего Богоименного познания: «Ну что ты спрашиваешь об имени моём? Оно ведь странно» (Библ. Суд. 13. 18). ...А многоименным они почитают Его, поскольку следуют Его же определениям: «*Я есть Сущий*» (Библ. Исх. 3. 14), «*Жизнь*» (Библ. Иоан. 14. 6.), «*Свет*» (Библ. Иоанн 8. 12.), «*Бог*» (Библ. Быт. 28. 13.), «*Истина*» (Библ. Иоан. 14. 6.)...» [Дионисий Ареопагит 1991: 20]. Далее Дионисий Ареопагит приводит и многие другие имена Бога, которые встречаются в Священном писании: *Благое, Прекрасное, Премудрое, Возлюбленное, Вечное, Сущее, Святое Святых, Бог богов, Господь господствующих, Основание веков, Податель жизни, Премудрость, Разум, Слово, Сила, Владыка, Царь царей, Знание, Старец, Спасение, Правосудие, Освящение, Искупление* ...Они славят Его также как *Солнце, Звезду, Огонь, Воду, Ветер, Росу, Облако, Камень, Скалу*, то есть как Всё сущее и как Ничто из всего сущего» [Дионисий Ареопагит 1991: 20]. Ареопагит отмечает: «...Пресветлое и сверхименное Благо богословы именуют согласно тем или иным проявлениям (Божественных) сил, и, придавая ему то человеческие черты, то огненные и лучезарные формы, воспевают, например, глаза Его, уши, волосы, лицо, руки, плечи, крылья, рамена, спину, ноги, или же представляют Его как *Венец, Престол, Чашу*, или что-либо иное таинственное

...» [Дионисий Ареопагит 1991: 21]. В приложениях к Библии указывается более 500 именовании Бога [Библ., 2278–2282].

В поэзии Н. А. Клюева, певца Святой Руси, используется более 80 именовании Бога и Его икон. Встречаются они в произведениях поэта более 400 раз. Ниже приводится список этих именовании и в скобках указывается частота употребления каждого имени:

Альфа и Омега (2), *Благо* (1), *Бог* (71), *Бог богов* (2), *Бог-Слово* (1), *Бог Сил* (1), *Боженька* (3), *Божий* (51), *Вечный День* (1), *Виноградный Спас* (1), *Владыко* (3), *Возлюбленный* (1), *Восток* (3), *Всевышний* (2), *Вседержитель* (1), *Вселюбящий* (2), *Всепетый Боже* (1), *Всецелая Сила* (1), *Глагол Жизни* (1), *Господь* (38), *Господи Иисусе* (3), *Господний* (16), *Дориносимый Жених* (2), *Дух Божий* (5), *Единое Око* (1), *Единый* (1), *Жених* (2), *Златоризный Сын* (1), *Иисус* (9), *Иисусов* (4), *Коврига* (2), *Коврига Вселенной* (1), *Коврига племён* (1), *Лебедь* (4), *Лик* (2), *Мокробрадый Спас* (1), *Мокрый Спас* (1), *Невечерний Свет* (2), *Невидимый Учитель* (1), *Незакатный Свет* (1), *Незримый* (1), *Огнезrachный* (2), *Огненный Лик* (1), *Огненный Дух* (1), *Озимый Спас* (2), *Отец* (6), *Отче Свете* (1), *Отчий* (1), *Пастырь* (1), *Предвечность* (4), *Премудрость* (1), *Пречистый Лик* (2), *Пречистый Спас* (2), *Разум* (1), *Распятый Лебедь* (1), *Саваоф* (5), *Саваофов* (4), *Свет* (8), *Свет Иисусе* (1), *Светлый Спас* (1), *Свет Незаходимый* (1), *Свет Непреступный* (2), *Слово* (7), *Создатель* (1), *Спас* (38), *Спаситель* (2), *Спаситель мира* (2), *Спасов* (12), *Сто племён в Едином* (1), *Страстотерпец* (1), *Судья* (1), *Суций* (1), *Сын* (2), *Сыне Божий* (1), *Творец Всевидящий* (1), *Творец* (2), *Терновый Лик* (1), *Хлеб* (7), *Христос* (46), *Христов* (21), *Христы* (2), *Эммануил* (2).

Далее рассматриваются основные традиции употребления Божественных имён в поэзии Н. А. Клюева. По нашим наблюдениям их пять.

1. Имя Бога употребляется в цитатах из канонических церковных текстов (Библии, церковных песнопений, молитв): «*Да воскреснет Бог...*» (12, 79); «*Христос воскрес...*» (13, 29); «*Се Жених грядет...*» (12, 203); «*Святой Боже, Святой крепкий...*» (6, 154); «*Свят, Свят Господь Бог Саваоф...*» (12, 170); «*Свете...*» (7, 77); «*Жизни Царь Дориносимый...*» (12, 81).

2. Божественные имена используются для создания образа Бога в фольклорной крестьянской традиции, которая в поэзии Клюева творчески преобразуется: «*Сребробородый, древний Бог...*» (10, 194); «*И вернусь я к нищему раю, / Где Бог и Древо печное.*» (13, 234); «*В углу с урожайным Богом...*» (12, 304); «*А Бог-те в углу с хлебной милостью, / Борода, как стог, глаза с разливностью, / По разливам, по заглазьям, лукоморьям / В светлый Град проложен путь Егорьем*» (13, 28).

3. В определённых контекстах обнаруживается художественно обработанная старообрядческая традиция, а также традиции народного духовного стиха: «*Пора и пострадать немного / За Русь, за дебренского Бога / В суровом Анзенском скиту!*» (13, 29); «*Божий Сын, Невидимый Учитель, Изведи из мира тьмы наружной / Человека – брата Твоего! / Чтоб горел он, как и*

Ты, Пресветлый, Тихим светом в сумраке ночном, Чтоб белей цветов весенней ветлы / Стала жизнь на попроще людском!» (15, 134).

Особо здесь следует выделить сектантскую мистическую традицию, например, в «Братских песнях», в поэме «Спас» и других произведениях поэта: *«Поручил ключи от ада / Нам Вселюбящий стеречь, / Наша крепость и ограда – заревой, палящий меч»* (15, 152).

4. В первые годы после Октябрьской революции Клюев написал несколько произведений, в которых Божественные имена употребляются в соответствии с традициями революционной поэзии. Поэт не сразу понял богоборческий смысл страшных событий и по-своему истолковал их в образах христианской историософии, соединённых с идеями крестьянской извечной мечты о воле. См., например, стихотворение «Красный Адам»: *«Была разлука с Единым, / На Горе Гор, у реки животной...»* (15, 424); или: *«Господи! Да будет воля Твоя, / Лесная, фабричная, пулёмётная»* (15, 413) и др.

5. В особенностях употребления Божественных имён в творчестве Клюева обнаруживается и русская литературно-художественная традиция. У многих русских поэтов есть стихотворения с названием «Молитва» (ср. стихотворения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Майкова, Блока и др.). В 1916 году Клюев написал подобное стихотворение.

Молитва

Упокой мою душу, Господь,
Во святых, где молчит всяка плоть,
Где под елью изба – изумруд –
Сладковейный родимый приют,
Там божница – кувшинковый цвет,
И шесток неостывший согрет!

Облачи мою душу, Господь,
Как зарю, в золотую милоть,
Дай из молний венец и вручи
От небесной ограды ключи:
Повелю серафимам Твоим
Я слететься к деревням родным,
Днём сиять, со всею ж мглой
Теплить свечи пред каждой избой!

О, взыщи мою душу, Творец,
Дай мне стих – золотой бубенец,
Пусть душа – сизый северный гусь –

Облетит непомерную Русь,
Здесь вспарит, там обронит перо –
Песнотворческих дум серебро,
И свирельный полёт возлюбя –
Во святых упокоит себя!

Это чисто русское по своей художественной образности и культурно-историческим реалиям стихотворение проникнуто духом древнего библейского изречения: «Имя Господа – крепкая башня: убегают в неё праведник – и безопасен» (Библ. Притч. 18, 10). А. Блок, размышляя над письмом Н. Клюева, творчество которого он считал истинно народным, отмечал, что, в отличие от русской интеллигенции, «сменившей в течение десятка лет кучу мировоззрений», русское крестьянство «с 15 века несёт одну и ту же однообразную и упорную думу о Боге» [Блок, 8, 219]. Эту блоковскую оценку Л. А. Киселёва справедливо считает основополагающей при рассмотрении вопроса о характере религиозности Клюева [Киселёва 2001: 3].

3. Имена Богородицы

В православной традиции существует очень много имён Богородицы: Дева Мария, Матерь Божия, Пресвятая Дева-Мать, Пресвятая Богородица, Пречистая, Приснодевственная Богоматерь, Благодатная, Матерь Господа, Пресвятая Учительница, Благословенная, Мать Иисуса, Царица Небес, Пренепорочная Богоматерь, Матерь Царя Небесного ... Ещё больше названий Богородичных икон. Известно более 468 русских наименований таких икон [Святая Русь 2000: 84]. Они тоже используются как личные имена Богородицы [Чудотворные иконы Матери Божией 1993].

В словаре Клюева более 40 имён Богородицы и её икон, которые употребляются в текстах поэта более 100 раз.

Имена Богородицы: Ангел (1), Богоневеста (1), Богоматерь (1), Богомать (4), Богородица (17), Богородицын (2), Владычица (7), Вселенская Мать (1), Всепетая (1), Всепетая Матерь (1), Дева (3), Дух (1), Звездотечная (1), Мария (3), Мать (3), Матерь Света (1), Надежда Ненадежных (1), Невеста (1), Невестная Матерь (1), Пречистая (2), Птица (1), Роза (1), Тишина-Богоматерь (1), Царица (1).

Имена Богородичных икон: Владимирская Божья Мать (1), Запечная (1), Иверская (1), Купина (3), Неопалимая Купина (2), Нерушимая Стена (3), Неупиваемая Чаша (1), Обрадованное Небо (1), Одигитрия (5), Оранта (1), Пирогоица (1), Семиозёрная (2), Спорительница Хлебов (1), Споручница грешных (2), Тихвинская Богородица (1), Толгская (1), Троеручица (1), Умягчение Злых Сердец (2), Утоли Моя Печали (7), Утоли Печали (1).

В творчестве Клюева имена Богородицы прежде всего связаны с образом Святой Руси. В «Песни о Великой Матери» он пишет:

*Неупиваемая чаша,
Как ласточка звенящих лет,
Я дал пред родиной обет
Тебя в созвучья перелить. ...
Авось любовь, как ветер свежий,
Загонит в сети осетра,
Арабской черни, серебра,
Чем сказка русская расшита!
Что критик и газетный плут
Чихнув, архаикой зовут.
Но это было! Было! Было!
Порукой – Лик нездешней силы –
Владимирская Божья Мать!*

(13, 22)

По православной традиции Русская Земля называется Уделом Божьей Матери. Попытки уничтожения Святой Руси в годы революционного террора Клюев мистически и поэтически осмысливает как нападение тёмных сил на Святую Землю, которая пребывает под Покровом Богородицы и которую поэтому нельзя уничтожить:

*То пресветлому князю Батый
Преподнёс поганный кумыс, –
Полонянкой тверские хаты
Опустили ресницы вниз.*

*И рыдая о милых близях,
В заряной конопельный шёлк
Душу Руси на крыльях сизых
Журавлиный возносит полк.*

*Вознесенье Матери права,
Мы за плугом и за стихом
Лик Оранты как образ славий
Нерушимой Стеной зовём*

(12, 258).

Поэт проводит исторические параллели, вспоминает страшные события разорения Святой Руси: татаро-монгольское иго, как в процитированном выше стихотворении «Нерушимая Стена» (1924–25 гг.), кровавые расправы

со старообрядцами в 17–18 веках, как, например, в поэмах «Соловки», «Погорельщина», «Каин»:

*Не забудут гуси-рыбогоны
Отрока Ивана на колу,
К дитятку слетелись все иконы,
Словно пчёлы к сладкому дуплу:
«Одигитрия» покрыла платом,
«Утоли Печали» смыла кровь*
(12, 311).

Самое страшное для русского человека — лишиться помощи Заступницы Усердной. К ней обращаются с мольбой герои поэмы «Погорельщина»:

*Неусыпающую в молитвах Богородицу
Кличьте, детушки за застолцу!
«Обрадованное Небо» —
К тебе озеро с потребой!
«Сладкое Лобзание» —
До Тебя их рыдание!
«Неопалимая Купина» —
В чём народная вина?
«Утоли Моя Печали» —
Стань берёзкой на протале!
«Умягчение Злых Сердец» —
Сядь на тёплые колобцы!
«Споручница Грешных» —
Спаси от мук крошечных!» ...
Правило веры и образ кротости,
Не забудь соборной волости! ...*
(12, 319–320)

Одна из таких молитв, наполненных мотивами фольклорного православия, повторяется у Клюева дважды. Во-первых, в поэме «Соловки» это Песня Елеазара Анзерского, события относятся к XVII веку:

*В охровой крещатой ризе
Анзерский Елеазар
Кличет ласточек и утиц сизых
Боронить пустынюшку от кар:
«Ты пустыня, мать-пустыня,
Высота и глубота!
На ключах — озёрных стынях*

*Нету лебедя-Христа!
Студены ручья коленца,
Наше сердце студеной,
Богородица младенца
Возносила от полей:»
Вы, поля, останьтесь пусты,
Без кукушки дом лесной!»
Грядка белая капуста
Разрыдалась впервой:
«Утоли Моя Печали!» –
Пред тобой виновна в мале,
Как на плаху, никнет рожь!»
Богородица прижухла,
Оперлась на локоток:
«У тебя, беляны пухлой,
Есть ли сыну уголок?» –
«Голубица, у белянки,
Лишь в стогах уснёт трава,
Будет горенка с лежанкой
Для Христова Рождества!»*

(15, 669–670)

Во-вторых, этот же текст повторяется в поэме «Каин» как «песня монаха Никиты» (14, 97), о котором Богородица начертала «тростию на свитке»: «Лесной снегирь – Никита, / Большевиком убитый / В заутреню мою».

В духовной памяти Клюева гонения на народное православие в XVII веке и расправы с духовенством в революционную эпоху в XX веке сближаются. В поэме «Каин» поэт приносит покаяние своего прозревшего и мучительно страдающего сердца за кощунственные стихи, написанные в пылу революционных настроений в 1917–1918 годах. Одно из подобных его произведений начинается с искажения известной молитвы, которая поётся во время церковной службы, «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим...». Вместо имени Богородицы он кощунственно поставил имя «Революция» (10, 375). Такое по-эстетски вольное обращение с каноническими священными текстами и образами было подготовлено ещё до революции – сектантскими и демоническими настроениями в творчестве поэтов Серебряного века, в том числе и у Клюева в «Братских песнях», в «Белой повести» и др. Однако этот грех духовного томления и временного помрачения души поэт искупал своими страданиями гонимого пророка все последние двадцать лет своей жизни. Именно поэтому он и не потерял пророческого дара. В 1924 году он с надеждой на благую помощь Заступницы-Богородицы, которая укроет и сохранит Святую Русь для будущего возрождения, писал:

Да сокрыл Пересвета с Ослябей
Голубой Богородицын плат!...

(12, 245)

4. Библийские имена в поэзии Н. А. Клюева

*Кручинюсь в избе у окошка
Кручиной библийских царей.*

Н. А. Клюев

Наряду с именами Бога и Богородицы и библийскими топонимами, в творчестве Н. А. Клюева широко представлены библийские личные имена – антропонимы: 37 мужских имён, которые употребляются 68 раз, и 10 женских, которые употребляются 15 раз.

Мужские библийские имена: Авраам (1), Адам (17), Богослов Иван (Иоанн) (1), Гавриил (5), Давид (4), Давидов (1), Елисей (5), Ерёма (Иеремия) (1), Иван (Иоанн) Креститель (2), Иоанн (Креститель) (2), Илья (6), Иона (2), Ирод (2), Исав (1), Исайя (1), Искаротский (1), Иуда (2), Иудин (42), Каин (5), Кис (1), Лазарь (6), Макавей (Маккавей) (1), Матфей (1), (Архистратиг) Михаил (2), Моисей (1), Ной (3), Петр (10), Петров (2), Саул (2), Соломонов (1), Хирам (1), Эммануил (2).

Женские библийские имена: Ева (4), Иродиада (1), Мария Вифанская (2), Марфа Вифанская (2), Саломея (1), Сара (Сарра) (1), Суламифь (1).

Преобладают ветхозаветные антропонимы (из 47 – 30 имён). Однако это число невелико, если учесть, что имена Бога (Отца, Сына и Духа Святого) и Богородицы употребляются около 500 раз. Самые частотные библийские антропонимы в произведениях Клюева – Адам (17) и Пётр (11). Имя Адам употребляется у Клюева в нескольких значениях, которые отражают разный смысл личности Адама в различные периоды Священной истории. Впервые, это первый человек, сотворённый Богом – существо, подобное Богу, живущее в раю. В этом значении поэт использует имя «Адам» как мистический символ в духовных стихах, например, в стихотворении «Святая быль»:

*Солетали ко мне други-воины
С братолюбным уветом да ласкою,
Приносили гостинцы небесные,
Воду, хлеб, виноградье Адамово,
Благовестное ветвие раево.*

(12, 97)

Имя «Адам» в значении «первый человек, живущий в раю» встречается и в произведениях Клюева, тесно связанных с фольклорной традицией, например, в «Прославлении милостыни» (Песне убогого Пафнутьюшки): *Милостыня сота – / будет душеньке вольгота, / Хозяину в дому, / Как Адаму в раю ...* (11, 71). В текстах народных песен, связанных с рождественским обходом дворов (колядках), требование обрядового подношения сопровождается крайней идеализацией хозяев дома и обещанием райского изобилия: *А хозяин во дому, как Адам во раю, / Што хозяйка во дому, как оладья на меду, / Малы детушки, как олябушки* [Обрядовая поэзия, 40]. Н. А. Клюев творчески переосмысляет фольклорный текст: милостыня – не ритуальная формальность, а труд души. Она приносит человеку гораздо больше, чем материальное изобилие, очищает, дарит душевную «вольготу». «Адам во раю» в этом контексте выступает символом чистоты, непорочности, близости к Богу.

В первые годы революции образ Адама начинает символизировать у Клюева рождение нового человека в новую революционную эпоху: *Золотой пирог новоселий / Испечёт Багряный Адам* (10, 396).

В соответствии с тем, что красный цвет является символом революции, поэт актуализирует одну из этимологий имени Адам: происхождение его от древнееврейского «адама» – красная земля. Кстати, эта этимология оспаривается богословами (Дьяченко, 5). В апреле 1919 года Клюев написал стихотворение «Красный Адам»:

*... Пёстрые жизни проплыли мимо, –
Снова зовусь я Красным Адамом.
В зрачках моих хляби и пальмы Ефрата,
Но звёздное тело застёгнуто в хаки,
И молот с серпом на печати мандата
Вещает о жертвенном, солнечном браке...*
(12, 200)

Таким образом, Клюев избирает собственные имена – символы осевого времени и пространства – для освящения революционного времени, но это был непродолжительный период в его творчестве, как известно. Время, которое поэт сначала воспринял как «адамотворящий, космический час» (5, 110), оказалось гибельным для России.

Во-вторых, имя «Адам» употребляется в смысле «ветхий человек, повреждённый грехом и не могущий спастись без возрождения духовного» (Дьяченко, 6). В данном значении это имя встречается у Клюева в мистических духовных стихах, например:

*Мы – глашатаи Христа,
Первенцы Адама.*

*Человечий бренный род
Согрешил в Адаме, –
Мы омыты вместо вод
Крестными кровями.*

(6, 76)

Используется оно и в его революционной поэзии, когда поэт мечтал о создании земного рая, чтобы «Адама возродить и Еву – жизни мать...» (12, 169). Отметим попутно, что этимологию имени «Ева» Клюев также актуализирует в этом тексте: *Ева* – в древнееврейском значит «жизнь», «матерь живущих» (Дьяченко, 164).

В-третьих, Новый Адам – это Христос Спаситель. В этом значении имя «Адам» связано в творчестве Клюева с апокалиптической темой, с образами грядущего Воскресения, когда снова явится на землю Спаситель. Фольклорная традиция и в этом случае ярко проявляется в его поэтике: *И морем сермяжным, к печным берегам / Грома-корабли приведёт ли Адам? ...* («Белая Индия», 10, 311). Или:

*Мы сеем и жнём до урочной поры,
Пока не привёл к пестрядным берегам
Крылатых баркасов нетленный Адам.*

(10, 315)

Таким образом, библейские имена используются Клюевым в христианском контексте, новозаветном, а не ветхозаветном. В целом система антропонимов в его творчестве носит православный характер, поскольку в ней преобладают имена православных святых. Этноцентричность системы агнионимов Клюева проявляется в том, что в неё в основном входят имена святых, совершавших свой духовный подвиг на Русском Севере (Нил Сорский, Антоний с Сии, Варлаам Хутынский, Иона Яшезерский, Кирилл Челмогорский, Артемий Веркольский и другие).

Стилистические функции библейских имён в творчестве Клюева очень разнообразны. Обращает на себя внимание органичное использование поэтом фольклорных традиций:

*... Просиял за дальним пряслом
Бабий ангел Гавриил,
Животворным росным маслом
Вечер жививье окротил...*

(10, 258)

Следуя традициям народной духовной поэзии, библейскую ономастику Клюев наполняет символическим смыслом и создаёт образы Святой Руси. Сравним строки из «Голубиной книги» и клюевский текст:

В «Голубиной книге»:

*Ой ты, гой еси, наш премудрый царь,
Премудрый царь Давид Евсеевич!
Прочти, сударь, Книгу Божию,
Объяви, сударь, дела Божие,
Про наше житие, про святорусское ...*

[Голубиная книга, 35]

У Клюева:

- (1) *Низкая, деревенская заря, –
Лён с берёстой и с воском солома.
Здесь всё стоит за Царя
Из Давидова красного дома.*

(7, 199)

- (2) *Господи Благослови,
Царь Давид помоги,
Иван Богослов,
Дай басеньких слов ...*

(6, 255)

Себя, певца Святой Руси, Клюев символически называет то Авраамом, то Саулом, образно переосмысливает соответствующие библейские сюжеты:

- (1) *Кручинюсь в избе у окошка
Кручиной библейских царей.
Давид убаюкал Саула
Пастушеским красным псалмом,
А мне от елового гула
Нет мочи ни ночью, ни днём.*

(15, 281)

- (2) *Три пришельца пришли и я – Авраам,
Словно ива ручью, внемлю росным словам:
«Родишь сына-звезду, алый песенный сад,
Где не властно забвенье и дней листопад,
Где берёза серьгою и лапою ель
Тиховейно колышут мечты колыбель».*

(13, 28)

- (3) *Я первенец Киса, свирельный Саул,
Искал пегоухих отцовских ослиц,*

*И царство нашёл, многоцветней златниц:
Оно за печуркой, под рябым горшком,
Столетия мерит хрустальным сверчком.*
(10, 313)

В послереволюционные годы в творчестве Ключева библейские имена наполняются новыми символическими смыслами. Во-первых, они участвуют в создании утопических картин земного рая, который теперь, после революционного переворота, утвердился в России. См., кроме указанных выше, например, стихотворение «Уму республика, а сердцу – Мать-Русь ...»:

*...Под красным знаменем рудеет белый дух,
И с крыльев Михаил стряхает млечный дух,
Чтоб в битве с Сатаной железноперым стать, –
Адама возродить и Еву – жизни мать,
Чтоб Дьявол стал овцой послушной и простой,
А Лихо чёрное – грачонком за сохой ...*
(12, 170)

В другом стихотворении «Была разлука с Единым ...» та же тема утопического земного рая: *Я – отпрыск Адама, в окопной папаше, / Улыбчивой твари даю имена...* (15, 425).

Когда пришло понимание страшной реальности, в годы уничтожения православного государства и его культуры, Ключев поэтически осмысливает библейские имена как символы христианских святынь, от которых отказались новые хозяева жизни и тем самым, подобно Иуде, обрекли себя на духовную гибель. Далее приводится текст наиболее выразительного в этом отношении стихотворения:

*Есть каменные небеса
И сталактитовые люди,
Их плоскогорья и леса
Не переехать на верблюде.*

*Гранитоглавый их король
На плитняке законы пишет;
Там день – песчаник, полночь – смоль
И утро киноварью дышит.*

*Сова в бычачьем пузыре
Туда поэта переносит,
Но кто о каменной заре
Косноязычного расспросит?*

*И кто уверится, что Ной
Досель на дымном Арарате
И что когда-то посох мой
Сразил египетские рати?*

*Хитрец и двоедушный плут –
Вот Боговидящего кличка ...
Для сталактитовых Иуд
Не нужно красного ячичка.
Им тридцать сребренников дай
На плешь – упроченные лавры; –
Не Моисею отчий край
Забьёт в хвалебные литавры.*

*Увы, и шашель платяной
Живёт в порфирном горностае!
Пророк, венчанный Купиной,
Опочивает на Синае.*

*Каменнокрылый херувим
Его окутал руд наносом,
Чтоб мудрецам он был незрим,
Простым же чудился утёсом.*

(7, 85–86)

Глубокое чувство покаяния, охватившее поэта, побуждает его неоднократно обращаться к образу апостола Петра: (1) «Камень привален, и плачущий Пётр / в ночи всемирной стоит у ворот ...» (10, 466); (2) «...И не слышна слеза Петрова – огневая моя слеза ...О, распните меня, распните, / Как Петра, – головою вниз!» (11, 112); позднее он обращается к образу Каина и создаёт поэму «Каин», дошедшую до нас в отдельных фрагментах (14).

Библейские имена связаны в творчестве Клюева также и с апокалиптическими мотивами: «...Печатью Хирама / Отмечена Русь звездоголазой судьбой. / Нам Красная Гибель соткала покровы ...» (7, 221).

Таким образом, библейские антропонимы вместе с библейскими топонимами служат не для описания библейских и раннехристианских времён, а для поэтического воплощения образа Святой Руси – духовной наследницы Святой Земли.

5. Имена святых (агионимы): Святитель Николай Чудотворец

«От Холмогор до Колы – тридцать три Николы» – гласит древняя поморская поговорка. С ней перекликаются поэтические строки Николая Клюева:

*Студёная Кола, Поволжье и Дон
Тверды не железом, а воском икон.*

(15, 672)

Творчество Н. А. Клюева, возродившего традиции древнерусской литературы в поэзии XX века, является художественным свидетельством глубокого почитания на Руси Святителя Николая Чудотворца.

В старообрядческой среде, в которой прошло детство и юность поэта, он приобщился к духовной славе этого великого святого. Крещён Клюев был в память древнерусского святого XII века Николая Святоши, черниговского князя, который, оставив семью и княжество, в 1107 г. принял иночество в Киево-Печерской обители, в трудах, молитве и бдении провел более тридцати лет (Память 14 (27) октября) [Жит. Ник. Св., 155–156].

Клюев глубоко почитал Св. Николая Чудотворца и его иконы, созданные на Русском Севере. Воспоминаниями детства навеяны его многие поэтические описания крестьянской избы с иконами Спасителя, Богородицы и Николая Чудотворца в красном углу:

*Запечных потемок чурается день,
Они сторожат наговорный кистень, –
Зарыл его прадед-повольник в углу,
Приставя дозором монашенку-мглу.*

*И теплится сказка. Избе лет за двести,
А все не дожидется от витязя вести.
Монашка прядет паутины кудель,
Смежает зеницы небесная бель.*

*Изба засыпает. С узорной божницы
Взирают Микола и сестры Седмицы,
На матице ожила карлиц гурьба,
Топтыгин с козой – избяная резьба.*

(15, 250)

С молодости Клюев был тонким ценителем и знатоком севернорусской иконографии. В записях 1919 г. он признавался: «В обиходе я тих и опрятен; горница у меня завсегда, как серебряная гривна, сияет и лоснится; лав-

ка дресвяным песком да берёстой натёрта – моржовому зубу белей не быть. В большом углу Спас поморских зелёных писем – глядеть не наглядеться: лико, почитай, в аршин, а очи как лесные озёра... Перед Спасом лампада серебряная доможирной выплавки, обронной работы.

В древней иконе сердце и поцелуи мои. Молюсь на Андрея Рублёва, Дионисия, Парамина, выгорецких и устюжских трудников и образотворцев...» (17, 29).

В поэме «Погорельщина», воссоздавая красоту севернорусского народного искусства, наряду с другими героями – крестьянскими умельцами, Клюев поэтически изображает иконника Павла и тайны его творчества:

*Иконник Павел – насельник давний
Из Мстёр великих, отец Дубравне,
Так кличет радость язык рыбацкий...
У Павла ошуть и глаз нерпячий –
Как нерпе сельди во мгле соленой,
Так духовидцу обряд иконный,
Бакан и умбра, лазорь с синелью
Сорочьей лапкой цветут под елью,
Червлец, зарянку, огонь купинный
По косогорам прядут рябины.
Доска от сердца сосны кондовой –
Иконописцу как сот медовый,
Кадит фиалкой, и дух лесной
В сосновых жилах гудит пчелой.*

*Явленье Иконы – прилет журавля, –
Едва прозвонит жаворонком земля,
Смиренному Павлу в персты и в зрачки
Слетятся с павлинами радуг полки,
Чтоб в роще ресниц, в лукоморьях ногтей
Повывесть птенцов – голубых лебедей, –
Их плески и трубы с лазурным пером
Слывят по Сиговцу «доличным письмом».
«Виденье Лица» богомазы берут
То с хвойных потемок, где теплится трут,
То с глубы озер, где ткачиха-луна
За красном янтарным грустит у окна.
Егорию с селезня пишется конь,
Миколу – с крещатого клена фелонь,
Успение – с перышек горлиц в дупле,
Когда молотьба и покой на селе.
Распятие – с редьки: как звезды креста,*

*Так редечный сок опалает уста.
Но краше и трепетней зографу зреть
На птичьих загонах гусиную сеть,
Лукавые мерды и петли ремней
Для тысячи белых кувшинковых шей.
То образ Суда, и метелица крыл –
Тень мира сего от сосцов до могил.
Студеная Кола, Поволжье и Дон
Тверды не железом, а воском икон.*

(15, 671–672)

Упоминаются в этой поэме и известные в древности иконник Прокопий Чирин (конец XVI – первая пол. XVII вв.) и серебряных и золотых дел мастер Парамшин или Парамша (XIV в.):

*В зимы у нас баско –
Деды бают сказки,
Как потемок скрины,
Сарафаны сини,
Шубы долгоклинны,
Лестовицы чинны!
По моленным нашим
Чирин да Парамшин
И персты Рублева –
Словно цвет вербовый!*

(15, 677–678)

Образ Андрея Рублёва проходит через всё творчество Клоева. По нашим данным, его имя упоминается 25 раз.

В течение всей жизни Клоев собирал древние иконы. Он не был бездушным коллекционером. Поэт горячо молился перед ними, они были частью его сокровенной жизни, поэтому даже в трудные голодные времена он не хотел с ними расставаться, за что люди неверующие его осуждали. Свою любовь к древностям православной культуры Клоев не скрывал даже в самые страшные годы гонений на церковь, поэтому его можно назвать исповедником. Крестник Клоева И. Б. Западалов, с родителями которого был дружен поэт в двадцатые годы, пишет: «Несмотря на то, что ещё не утихли слухи о суровой расправе с митрополитом Вениамином и его духовными чадами, об “экспроприации” церковных ценностей (исчез серебряный иконостас Казанского собора, ограблены могилы царей в Петропавловке), Клоев не скрывал своих симпатий и любви к произведениям русской духовной истории и культуры, мысленно не расставался со своей уникальной коллекцией до конца жизни» [Западалов 1991: 51]. Вынужден был он расстаться со

своими сокровищами только тогда, когда был арестован и сослан в Нарым, а затем в Томск. Судя по сохранившимся описям его имущества, которые недавно были опубликованы, Клюев хранил 34 деревянные иконы и 5 серебряных. В доверенности Зинаиде Павловне Кравченко на сохранение вещей, находившихся в Москве по Гранатному переулку, дом № 12, кв. 3 (2 июня 1934 г.), Клюев указал коллекцию икон, которые не раз упоминались и в его поэзии: «Неопалимая Купина, Феодоровская Божия Мать, икона корсунская, Георгий на коне, Соловецкие чудотворцы, икона явление Сергию Богоматери, икона Авраама, Исаака и Иакова, **икона Николы и Григория Богослова, изображены во весь рост на черно-синем фоне**. Все иконы размера 8 вершков. Икона Ангела Хранителя. Икона Спаса, Богородицы и Иоанна Предтечи с чашей в руке. Икона преподобного Нифонта, Казанской; **икона на серебряном фоне Никола с умилением, внизу Георгий на коне и святые, размер 5 вершков**» (17, 211). В другом перечне упоминаются «три иконы одинаковых Тихвинской Божьей Матери. <...> Четыре иконы **Никола, Георгий с копьем, Савватий и Варлаам Хутынский на тёмно-синем фоне, во весь рост** <...> Икона Спаса» (17, 412). (Сохраняется пунктуация источника – Л.Я.). 26 ноября 1934. г. он пишет из Томска В. Н. Горбачёвой: «В опись я забыл внести <...> **икону Николы с Григорием Богословом в рост. Никола в ризе чёрными крестами. Размер 6 вершков на 4 вершка, 15 век**» (17, 345–346).

И. Б. Запаладов считает, что коллекция икон Клюева бесследно исчезла. Только у него сохранился подаренный поэтом на крестины старинный образ Симеона-Богоприимца петровских времён.

Образ святителя Николая был духовной опорой больного ссыльного поэта в последний год его жизни в Томске. В письме к Н. Ф. Христофоровой в июле 1936 г. он пишет: «С марта месяца я прикован к постели. Привезли меня обратно к воротам домишка, в котором я жил до сего только 5 июля. Привезли и вынесли на руках из телеги в мою конуру. Я лежу... лежу, мысленно умираю, снова открываю глаза – всегда полные слёз. Из угла смотрит мне в сердце “Страстная” Владычица, Архангел Михаил на пламенном коне низвергает в пучину Вавилоны, **Никола Милостивый в белом омофоре с большими черными крестами, с необыкновенно яркими глазами, лилово-агатовыми, всегда спасающимися**. В своём великом несчастье я светел и улыбчив сердцем» (17, 378).

Иконы, которые хранил Клюев, часто становились героями его стихотворений и поэм. Известный исследователь творчества Н. А. Клюева А. И. Михайлов считает: «Поистине клюевский “Песнослов” можно рассматривать и как своего рода поэтические святцы, в которых представлены образы православных, византийско-русских святых, но не в их историческом, а их легендарном бытии (в изображениях на иконах, в посвящённых их памяти престольных праздниках. **Чаще всего это Никола** (как полагается “вешний и зимний”), Егорий, Пантелеймон-целитель, Кирик, Улита, Па-

раскева, Дмитрий Солунский, Аввакум, Ольга Псковская, преподобный Лазарь, Нил Сорский, Серафим Саровский и мн. др.» [Михайлов 1994: 80–81]. По данным частотного словоуказателя «Поэтического словаря Н. А. Клюева», чаще всего в его поэтических произведениях упоминаются имена таких святых: Андрей Рублёв – 25, Влас – 8, Гурий – 5, Димитрий Солунецкий (7) Димитрий-царевич – 5, Егорий – 31, Илья – 6, Лазарь – 6, Медост – 7, **Николай – 18**, Пётр – 10, Савватий – 8, Саровский Серафим – 6, Феодор Стратилат – 13 раз [Яцкевич, Виноградова, Головкина: 2002: 9–19]. В прозе Клюева имя Свяителя Николая упоминается **13 раз** [Гарнин: 2003: 665].

Таким образом, Николай Чудотворец один из самых близких поэту святых. Неслучайно его иконописный образ лежит в основе символического смысла вещей снов поэта, записанных его друзьями. Это два сна. Рассмотрим их последовательно.

Первый сон «Студёная жажда» был 14 июля 1923:

Будто двор снежный в церковной ограде. На дворе церквушка каменная, толстостенная, почитай, вся снегом занесена. В надворотном кокошнике образ Миколин, и ты, братец мой, в нищем пальтишке, голорукий, в напертные врата стучишься – иззябший и бездомный.

Под оконцем церковным ледяной колодец, а в нём вода близкая, но не нагнуться мне, пясткой не захлебнуть: норовлю я черпаком берестяным водицы испить. Только гляжу, человек передо мной бородатый на костылях по имени и отчеству меня окликнул и в церковь позвал причастной теплою мою студёную жажду погасить.

Человек на костылях и ты, братец, на снежном крыльце в одно слились, и обличье у вас стало одно и голос один.

Врата же церковные открыл Невидимый... (17, 90).

В этом сне в образно-символической форме передаётся состояние мистической оставленности и духовной жажды русского человека, лишённого своих православных истоков в послереволюционной России. «Образ Миколин» и его церковь притягивают к себе душу поэта своей спасительной духовной силой. Они воплощают Святую Русь, к которой рвётся душа поэта и без которой она обречена на гибель. Фольклорные образы преобразуются поэтом и органически включаются в духовный символизм сна. К таким образам можно отнести колодец, который, например, встречается в свадебном мотиве черпания невестой из колодца с золотом и серебром, который, по мнению А. А. Потебни, означает «девью красоту»:

*Под горой, горой высокою,
Что кипит колодезь с красным золотом,
Красны девицы расчерпывают;
Коя чарой, коя ковшичком <...>*

[Потебня 1914: 38]

Этот свадебный мотив может быть связан и с образом Николая:

Ты кипи, кипи, колодец!
Ты кипи, кипи, студёной!
Ключевою водою
Со серебряной пеной.
Тут Аннушка [имя невесты] выходила,
Свет-Ивановна выходила;
Она пену снимала,
Она ризу сливала
На икону Миколу,
А ещё-то сливала
Золотое колечко
А ещё то сливала
Два венца золотые.

[Афанасьев 1994: 290]

Холод, стужа – символы грешного состояния души (ср. этимологию слова *стыд*, которое исторически связано с однокоренными *стынуть*, *стужа*, а также представление об аде, где душа, отошедшая от Бога, стынет). Двери в храм открывает Невидимый (Бог), помиловавший сновидца и его друга. Только там они обретут желаемую теплоту красоты и любви во Христе.

Образ Николая Чудотворца явлен в этом сне в двух традициях: церковной (*В надворотном кокошнике образ Миколин ...*) и фольклорной (*человек передо мной бородатый на костылях по имени и отчеству меня окликнул и в церковь позвал причастной теплотой мою студёную жажду погасить ...*). В произведениях устного народного творчества Святой Николай нередко изображается хромоногим (без одной ноги) [Успенский 1982: 89–94], что объяснялось двоеверием, при котором образы христианских святых соотносились с языческими персонажами. По языческим представлениям, хромота представлялась как печать иного мира [Афанасьев 1994: 353; Успенский 1982: 90].

Второй сон Ключева, связанный с образом Св. Никола, был в 1931 или в 1932 г.:

Я был с маменькой в каком-то незнакомом мне храме: много молящихся, идёт торжественная служба, и вдруг у самого алтаря происходит какое-то смущение, спор между священником и диаконом. Спор усиливается – получается смятение... Маменька мне говорит: «Уйдём, Коленька. Благодарь отсюда ушла». И мы вышли с ней из храма и пошли по дороге. По обе стороны деревья, кусты – чем дальше мы шли, тем всё оголётней становилось вокруг, как-то безрадостно. Потом пошли голые скалы, а затем и песок. Камни и песок.

Маменька шла впереди, на повороте куда-то скрылась. Я старался разыскать её, но её не было. Наконец я вышел как бы к заливу морскому. У берега, вижу, стоит огромный пароход со многими ярусами, и на каждом ярусе стоят в старинных одеждах рядами русские подвижники, странники, мученики, святые – каждый на своём ярусе. Здесь же и преподобные, и великомученики, и блаженные, юродивые – по своим ярусам. На мачте – хоругвь с изображением Нерукотворного Спаса.

На носу и корме прикреплены цепи, и какие-то громоздкие существа с крыльями держат концы, стоя на земле: один у носа, другой у кормы. Этим они держали корабль. Сходни опущены к берегу. Полная торжественная тишина – все молча кого-то ждут. Раздаётся голос: «Ещё нет **Никола** и **отрока Димитрия**».

И вот из-за скалы показываются идущие святители: **святитель Николай** и **отрок убиенный Димитрий**. **Святой Николай** держит его за руку. Когда они зашли по сходням на корабль, сейчас же сходни убрали, а существа с крыльями стали на корабле один – на носу, другой – на корме, и корабль немедленно отплыл по заливу в направлении открытого моря. Я упал на колени и завопил: «А меня?.. и меня возьмите с собой!» Но никто не отвечал, а корабль набрал пару и быстро удалился <...> А я упал на колени и горько рыдал, чувствуя какой-то ужас и скорбь.

<...> Я пошел обратно той же дорогой, какой пришёл. Так же сначала камни и пески. Потом показались кусты, затем деревья – вдруг слышу голос маменьки <...>: «Владычица, у нас странники вот так носят на перевязи страннические сумки и вот такие надевают лапотки». Я понял, что все святые покинули Русскую землю. Одна Владычица осталась на земле в образе странницы <...> (17, 95–96).

В этом сне, несмотря на его соотносительное с реальными событиями символическое содержание, также чувствуются две традиции: фольклорные традиции почитания Николая Чудотворца и Богородицы на Руси и христианские предания – переключка с событиями из западно-европейской истории почитания Святителя. Так, явленный во сне отъезд Николая Чудотворца из России на корабле напоминает легенды, связанные с перенесением мощей святого из Мир Ликийских в город Бари: «В конце XI века сарацины произвели страшное опустошение в Восточных областях Римской империи: начавши от Херсона, страшные враги прошли до Антиохии и Иерусалима. Все лежащие на пути города, села, церкви и монастыри они предавали огню и мечу; жителей брали в плен, умерщвляли и разгоняли, так что все места, пройденные ими, надолго оставались дикою пустынею. Вследствие таких опустошительных сарацинских набегов древние Миры запустели... Мощи святителя были перенесены в город Бар в 1087 г.» [Жит. Ник. Чуд., 100–103]. «Неужели, – спрашивает один современный перенесению мощей летописец, – преподобный и великий архиерей не мог умиловить Господа, чтобы Он не погубил города Мир и не привёл в запустение церковь с моща-

ми Его Угодника?». «Конечно, мог», — отвечает он. «Но это бедствие, — продолжает он, — ниспослано на нас за грехи наши, которыми раздражаем долготерпение Божие, и должно было служить к нашему же уврачеванию» [Жит. Ник. Чуд., 100–103]. Как гласит предание, перенесение мощей произошло по велению самого Св. Николая, который явился во сне священнику города Бари: «Поди и скажи клиру и народу, — повелел явившийся святитель священнику, — чтобы они взяли из Мир Ликийских мощи мои и перенесли в здешний град; ибо Господу не угодно, чтобы я оставался там в пустыне» [Жит. Ник. Чуд., 104].

Таким образом, в этом пророческом сне через образы Николая Чудотворца и Богородицы Ключев передаёт духовный смысл происходящих в послереволюционной России событий и тревогу за судьбу Отечества и свою судьбу. Такая связь не случайна. История почитания Св. Николая на Руси говорит о том, что в трудные времена, когда Отечеству угрожали враги-завоеватели, народ всегда обращался к помощи своего заступника — Николая Чудотворца, и он всегда помогал. Свидетелями этого заступничества остались многочисленные чудотворные иконы святителя, церкви и монастыри, освящённые в память об этих событиях. Достаточно вспомнить здесь наиболее известные из них: Зарайский чудотворный образ святителя и соборный храм Чудотворца в Зарайске, Крупицкий Батуринский Николаевский монастырь и хранившийся в нём чудотворный образ Угодника, Можайский образ Св. Николая, Николаевский Угрешский монастырь и чудотворный образ этой обители — всё это напоминание о заступничестве святого за Русь во времена татаро-монгольского нашествия.

Поэтическим откликом на эти исторические события является вещий сон юного героя поэмы «Песнь о Великой Матери» Николеньки, прототипом которого был сам поэт. Ему снится, как в лихую годину святые храмы Русского Севера, Святая Русь, поднимаются ввысь и летят к святителю Николаю — «под Мирликийский омофор»:

*Но вот из рощи пренебесной
В тайник дохнуло фимиамом,
И ясно зримы храм за храмом,
Как гуси по излуче синей,
Над беломорскою пустыней
Святыни русские вспарили,
Все в лалах, яхонтах, берилле:
Егорий ладожский, София,
Спас на Бору, Антоний с Сии
И с Верхотурья Симеон,
Нередицы в атласном корзне
Четою брачною и в розне
Текли и таяли, как сон.*

И золотой прощальный звон
 Пошел, как грудью, напоследки
 Озера, камни, травы, ветки,
 Малиновок в дупле корявом...
 Прощайте, возопил собор,
 Святая Русь отходит к славам,
 К заливам светлым и купавам
 Под мирликийский омофор!
 Вот пронеслись, как парус, Кижси –
 Олонецкая купина,
 И всех приземистей и ниже,
 Кого, как челку, кедров лижут,
 Чтоб не ушла от них она,
 Проплыл Покров, как пелена,
 Расшитая жемчужным стёгом.
 К отлетным выперннм доро
 Мы долго простирали руки...

(15, 766)

В этом историческом контексте особенно тревожным звучит тема богооставленности России, когда даже самый главный её духовный защитник – Святой Николай оставляет её. Эта тема является основной в послереволюционном творчестве Клюева. Так, в стихотворении «Александр Добролюбов» (1919–1920 г.) поэт прямо сравнивает разные исторические эпохи, когда на Руси лилась кровь народная:

Сиротеет церквушка... Микола с Егорием
 Обернулись тучкой – слезинкой небес,
 Над израненной нивой, родимым поморьем
 Пулемётом стрекочет и каркает бес.
 <...>
 Пулемётного беса не выкурят ладаны –
 Обронила Россия моленный платок.
 И рассыпались косы грозою, пожарами,
 Лебединую грудь взбороздил броневик.
 Не ордой половецкой, не злыми татарами
 Окровавлен священный родительский лик.

(15, 459)

«Обронила Россия моленный платок» – вот главная причина безвремения, по мнению поэта. Позднее, в поэме «Песнь о Великой Матери», Клюев рисует страшные картины святотатства в безбожной стране:

*Безбожие свиной хребет
О звезды утренние чешет,
И в зыбуны косматый леший
Народ развенчанный ведет,
Никола наг, Егорий пеший
Стоят у китежских ворот!*

(15, 779)

В поэме «Погорельщина» (1928 г.), за написание и публичное чтение которой Клюев подвергся аресту и ссылке, поэт говорит о крестьянах, не утративших православной веры и умоляющих Николая Чудотворца вернуться к ним и вернуть других святых:

*Гляньте, детушки, на стол –
Он стоит чумаз и гол,
Нету Богородицы
У пустой застолыцы!*

*Вы покличьте-ка, домочадцы,
На Сиговец к студеному долу
Парусов и рыбарей братца,
Святителю теплого – Миколу!
Он, кормилец, в ризе сермяжной,
Ради песни, младеня в зыбке,
Откушает некуражно
Янтарной ухи да рыбки!*

*«Парусов погонщик **Миколае**,
Объявился змий в родимом крае,
Вороти Егорья на икону –
Избяного рая оборону!
Красной ложкой похлебай ущицы,
Мы тебе подарим рукавицы
И на ноженьки оленьи пимы <...>».*

(15, 677)

Однако трагедия неизбежна – Святой Николай не вернулся и не вернул других святых:

*Гляньте, детушки, на стол –
Змий хвостом ущицу смел!..
Адский пламень по углам –
Не пришел **Микола** к нам!*

(15, 677)

Мотив обращения с молитвой к Николаю Чудотворцу в трудную минуту пришёл в поэзию Клюева из устного народного творчества. Ср., например, в широко известных в олонечском крае народных духовных стихах о чуде святителя с Василием, сыном Агрика [Жит. Ник. Чуд., 672, 674–675], поётся:

*Благословите, братие, про чудо сказать,
Про чудо святителя Миколы,
Про святителя Миколу чудотворца.*

<...>

*Приходит Агрик в Божью церковь,
Уж он молится Миколы чудотворцу,
Он местную свечу поставляет
Пред святителя Миколу чудотворца:
«Ты святитель Микола чудотворец!
Выручь моего сына Василия
Из великия неволи со полона».*

Особенно подчёркивается Клюевым духовная близость Святителя Николая Чудотворца к северному крестьянству. В своих произведениях он всегда упоминает этого святого в тесном соседстве не только с именами раннехристианских святых Святого Георгия Победоносца, пророка Илии, Св. Дмитрия Солунского, также любимых на севере [Федотов 1991: 60], но и с именами севернорусских святых: Варлаама Хутынского, Артемия Веркольского, Ионы Яшезерского, Трифона Печеньгского, Нила Сорского, Савватия и Зосимы Соловецких, Антония с Сии. Все эти святые – подвижники Святой Руси, по мнению поэта, будут встречать русских исповедников в Царствии Небесном. В поэме «Песнь о Великой Матери» так изображается тонкий сон главной героини Парасковьи:

*Как в смерти дивно Паше!
А горницы все краше,
Благоуханней сот.
Она пчелою дале
И Утоли Печали
В хозяйке узнает!*

*«Вот горенка Миколы,
Подснежники – престолы,
На лавке лапоток.
Здесь – Варлаам с Хутия
И мать слез – пустыня,
Одетая в поток.*

*Иона яшезерский,
С уздечкой, цвѣтик сельский, —
Из Веркольска Артем.
Се — Аввакум горящий,
Из свитка, меда слаще,
Питається огнем!*

*На выструге ж в светлице,
Где будут зори шиться,
Для гостыюшки покой.
Черемухою белой
Пройдя земное тело,
В него войдешь душой!*

(15, 741–742)

Тема встречи со святым Николаем в раю повторяется в ряде произведений Клюева: как в последней поэме «Песнь о Великой Матери», так и в его ранних произведениях, например, в цикле «Избятные песни», посвящённом умершей матери поэта:

*Дохнуло молчанье... Одни журавли,
Как витязь победу, трубили вдали:
«Мы матери душу несем за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красном покое дубовы столы
От мис с киселем, словно кипень, белы, —
Там Митрий Солунский, с Миколою Влас
Святых обряжают в камлот и атлас,
Креститель Иван с ендовы расписной
Их поит живой иорданской водой!»*

(15, 233)

В этой же поэме в рассказе о колоколах — «акафисте о былом», также упоминается Св. Николай, который встречает души умерших в раю:

*Обедню служат по Сиону.
Во Благо клеветается к канону
И на отход души блаженной,
Чтоб гусем или чайкой пенной
Летела чистая к Николе <...>*

(15, 781–782)

Этот же мотив в стихотворении «Поэту Сергею Есенину»:

*Потянуло душу, как гуся,
В голубой полуённый край,
Там Микола и Светлый Иусе
Уготовят пшеничный рай!*

(297)

Мотив встречи с Николаем Чудотворце в раю также пришёл в поэзию Ключева из устного народного творчества. Например, из духовного стиха:

*Возведи нас в царство Божие к себе:
Тверду надежду мы имеем к тебе.
Во веки бы нам с тобою там жити,
Вечных благих у Христа получитьи,
Славити Его со Ангелы присно,
От всего сердца величати присно.*

[Жит. Ник. Чуд., 683]

Народное представление о том, что «ключи от неба у Николая Чудотворца» зафиксировано многими фольклористами в духовных стихах и в сказках, например, «Савелий богатый и Никола Милостивый» [Соколовы, 18–19; Богатырёв 1916: 63; Успенский 1982: 26–28]. В народных сказаниях о том, что человек видит во время «обмирания», изображается, как душа человека, отделившись от тела, странствует по раю, руководимая Николой [Успенский 1982: 26–28].

В поэзии Ключева нашли отражение и такие полужыческие поэтические формы народного почитания Св. Николая, как упоминание его имени в причитаниях по умершему. Укажем в качестве примера стихотворение, в котором от имени ели, персонифицированного образа и одновременно траурного символа, передаётся услышанный ею причет матери по погибшему сыну:

*Оттого, человеке, я выгляжу
Срубом-церковкой, в пуще забытой,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сыне молилася:
Она кликала грозных архангелов,
Деву Пятенку с Теплым Николою,
Припадала, как к зыбке, к валежине
Называла валежину Ванюшкой;
После мох, словно волосы, гладила
И казала сосцы почернелые...
Я покрыла ее епитрахилью,
Как умела родную утешила...
Слезы ж матери – жито алмазное –*

*На пролете склевала кукушица,
А склевавши, она спохватилась,
Что не птичье то жито, а Божие...*

(15, 272–273)

Любовь русских крестьян к Св. Николаю, ещё не омрачённая послереволюционными страданиями, выражена Ключевым в стихотворении «Вешний Никола» (1915 или 1917 г.), где поэт рисует Святую Русь как земной рай, по которому странствует Николай Чудотворец:

Вешний Никола

*Как лестовка, в поле дорожка,
Заполье ж финифти синей.
Кручинюсь в избе у окошка
Кручиной библейских царей.*

*Давид убаюкил Саула
Пастушеским красным псалмом,
А мне от елового гула
Нет мочи ни ночью, ни днём.*

*В тоске распахнула оконце –
Всё празелень хвой да рябь вод.
Глядь, в белом худом балахонце,
По стёжке прохожий идёт.*

*Помыслила: странник на Колу,
Подпасок иль Божий бегун,
И слышу: «Я вешний Никола», –
Усладней сказительных струн.*

*Было мне виденье, сестрицы,
В сне тонцем, под хвойный канон, –
С того ль гомонливы синицы,
Крякуши и гуль-рыбогон.*

*Плескучи лещи и сорги
В купели финифтяных вод...
«Украшенны вижу чертоги», –
Верба-клирошанка поёт.*

(15, 281)

В русском фольклоре странники («Божьи люди», «калики перехожие») наделялись особым религиозным и мифологическим статусом – они связывали удаленные друг от друга освященные локусы, наделялись сверхъестественными свойствами [Щепанская 1995: 127]. В образе странников, несущих людям Божие участие и Божию кару, нередко представляли Иисуса Христа и особо почитаемых святых. Николай Чудотворец, путешествующий по Руси, – один из популярных образов народных христианских легенд [УНТ ВК, 144–152; Пропп 1998: 292–295].

О любви русского народа к Николаю Чудотворцу говорит и шутливая фраза Н. А. Клюева в письме С. А. Есенину (28 января 1922 г. Вытегра): «Ты – Никола, а я Касьян, тебе все праздники и звоны на Руси, а мне в три года раз именины» (17, 253). Основа образного смысла этой фразы опирается на противопоставление в народном сознании св. Николая и св. Касьяна как вестников доброго и недоброго [Успенский 1982: 26]. Ср. пословицы: «Николау проси, он Богу скажет» и «Наш Касьян на что ни взглянет, всё вянет».

Таким образом, великий русский поэт Николай Клюев запечатлел в поэтической форме традиции народного почитания Святителя Николая Чудотворца на Руси. Этот святой был, по словам Св. Димитрия Ростовского, «зерцало добрых дел стаду своему» и служил, по апостолу Павлу, *образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте* (1 Тим. 4:12) [Жит. Ник. Чуд., 56].

Иконы святых покровителей России были для Клюева символом неиссякаемого источника её духовных сил. Он верил в непобедимую силу Святой Руси:

*<...> Громыхает чумазый отмычкой
Над узорчатым тульским замком.*

*Неподатлива чарая скряня,
В ней златница – России душа,
Да уснул под курганом Добрыня,
Бородою ковыльной шурша,*

*Да сокрыл Пересвета с Ослябей
Голубой Богородицын плат!..
Жемчугами из ладожской хляби
Не скудеет мужицкий ушат.*

*И желанна великая треба,
Чтоб во прахе бериллы и шёлк
Пред иконой Бориса и Глеба
Окаянный поверг Святополк!*

(15, 512)

Глава IV

РУССКИЕ АНТРОПОНИМЫ

1. Мужские имена

В творчестве Клюева поэтика мужских и женских имён значительно различается. Это обусловлено прежде всего культурно-историческими причинами: упоминаемые поэтом известные в истории имена – это в основном имена мужчин, а не женщин. Именно такие имена собственные обладают наиболее значительными стилистическими функциями в поэзии Клюева. Мужские и женские имена, не соотносительные с прототипами, имеют более однородную образную нагрузку.

Николай Клюев

(Имена собственные лирического героя)

Лирический образ поэта является сквозным для всего творчества Клюева.

Языковая и речевая структура этого образа очень своеобразна. Укажем отдельные черты этого своеобразия.

Поэт использует следующие однословные речевые номинации для своего лирического героя: *я* (всего это местоимение употребляется в его поэзии около 800 раз, большая часть употреблений соотносится с образом лирического героя), *Клюев*, *клевевский* – 10 употреблений, *Миколлай* – 1, *Микула* – 3, *Николлай* – 1, *Николенька* – 8. Кроме этого используются и многочисленные описательные речевые номинации с образно-характеризующим значением: *певец олонецкой избы*; *олонецкий ведун*, *олонецкий баян*, *песнопиец Николай*; *потомок лапландского князя*, *Калевалов волхвующий внук*; *лось, забредший через гать*; *налим в зелёной тине* и многие другие.

Поэтический миф, раскрывающий глубины личности лирического героя Клюева, требует специального изучения. Только тогда мы сможем хотя бы приблизиться к пониманию личности и судьбы самого автора. Нельзя согласиться с категорическим утверждением К. М. Азадовского о том, что «Клюев никогда не был тем, за кого убедительно выдавал себя: посланцем от народа» [Азадовский 1990: 102]. Духовная поэзия Клюева отличается неповторимой индивидуальностью. Барьер непонимания, отделяющий многие годы творчество поэта от читателей, имеет прежде всего мировоззренческие, а затем уже языковые основания. Богослов, философ и поэт о. Иоанн Шановской писал: «Ушедшие от Бога – уходят от самого себя ... Личности при-

званы быть неповторимыми, дополнять друг друга, служить друг другу своими особыми дарами и талантами. Но сколько в мире слов, в которых ничего или почти ничего нет, кроме звукоподражания. «Не своими», какими-то чужими голосами люди вступают друг с другом в спор и даже диалог и растворяют друг друга в отвлечённостях, покрывая друг друга мёртвыми лозунгами, стандартными квалификациями. Тут главная драма человечества. Только *личный голос* человека отражает правду, заложенную в самую глубину творения, в сущность человека» [Шаховской 1999: 129–130]. Клюев обладал этим высоким даром – имел свой таинственный поэтический голос.

Поэтические речевые парадигмы местоимения «я», представляющие лирического героя, формируются в произведениях Клюева как система его индивидуальных речевых номинаций. Часто такие номинации выстраиваются в цепочки, обладающие единым сложным образным смыслом:

*Кто я? Кто я невечерний,
Не рассветный, не дневной,
В Отчем Царствии последний,
На земле полусвятой?
И не станет ли, как тучке,
Мне родною синева...*

Объём и содержание указания местоимения «я» в творчестве поэта соотносится с несколькими поэтическими парадигмами и соответственно с разными поэтическими мотивами, в которых раскрывается образ лирического героя. Вопрос о лирическом герое Клюева достаточно сложен, как сложна и многогранна и сама личность поэта [Михайлов; Киселёва; Солнцева, Семёнова; Казаркин 2000: 45–56]. Сам Клюев в письме к Блоку, защищая крестьянскую культуру, неоднократно возвращался к мысли о том, что быть деревенским – не значит быть простым и примитивным: «<...> и не знает эта публика, что у деревни личин больше, чем у любого Бунина» (17, 213). Вместе с тем поэт всегда подчёркивал устойчивость, твёрдость духовных начал традиционной крестьянской культуры с её идеалом святой Руси:

*В художнике, как в лицемере,
Гнездятся тысячи личин,
Но в кедре много ль сердцевин
С несметною пучиной игол?
Таков и я!*

(15, 753)

В творчестве Клюева образ лирического героя имеет несколько смысловых вариаций, каждая из которых углубляет и расширяет его поэтические

границы. Эти смысловые вариации волощаются в поэтических парадигмах местоимения «я». Следует подчеркнуть, что речь идёт не о контекстуальной полисемии местоимения «я», а о постепенном раскрытии образа лирического героя в системе соотносительных между собой поэтических мотивов (ПМ), представленных поэтическими парадигмами речевых номинаций. Эта система мотивов является своеобразным концептуальным гнездом. Содержание объединяющего ПМ данного концептуального гнезда – *крестьянский поэт-пророк*. Этот объединяющий основной мотив воплощается в таких ведущих для поэзии Клюева ПМ, как: биографические мотивы (*рождение, детство и юность, старость, смерть*), мотив истоков (*крестьянство, древняя мировая культура, язычество, библейский исток, православие, древнерусский исток, Византийский исток, старообрядчество, русская литература и искусство, финно-угорские истоки*), духовные мотивы (*священное единение с природой, Богообщение, вечное бытие в будущем веке, иночество, странничество, грех, душа и тело, душа и сердце*), мотивы судьбы (*обездоленность, сиротство, неволя, путь пророка, гибель*), мотивы сыновства (*мать, Родина, Святая Русь, плач о гибели Русской земли*), мотивы любви (*встреча, измена, разлука, смерть*), мотивы дружбы, мотивы поэтического творчества, мотивы сна.

Ниже приводятся иллюстрации к некоторым поэтическим мотивам и соответствующим поэтическим парадигмам.

Основной мотив: лирический герой – крестьянский поэт-пророк:

- (1) *Я – посвящённый от народа,
На мне великая печать,
И на чело своё природа
Мою прияла благодать.*
(11, 103)

- (2) *Нерукотворную Россию
Я, песнописец Николай,
Свидетельсвую, братья, вам!*
(15, 684)

Биографические мотивы

Рождение:

*Я человек, рожденный не в боях,
А в горенке с муравленою печкой,
Что изразцовой пестрою овечкой
Пасется в дреме, супрядках и снах
И блеет сказкою о лунных берегах,*

*Где невозвратнее, чем в пуще хвойный прах,
Затеряно Светланино колечко!*

(12, 274)

Детство, юность:

*Мы жили у Белого моря,
В избе на лесном косогоре:
Отец богатырь и рыбак,
А мать – бледнорозовый мак
На грядке, где я, василек,
Аукал в хрустальный рожок.*

*На мне пестрядная рубашка,
Расшита, как зяблик, запашка,
И в пояс родная вплела
Молитву от лиха и зла.*

(13, 8)

Старость:

*Стариком, в лохмотья одетым,
Притащусь к домовою ограде ...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на Хлеб Христа ради!*

(12, 234)

Смерть:

*Родина, я умираю,
Кедр без влаги в корнях,
Возношусь к коврижному раю,
Где калач – засов на дверях,
Где изба – пеклеванный шолом,
Толоконная городьба! <...>*

(11, 113)

Духовные мотивы

Священное единение с природой:

(1) *Природы радостный причастник,
На облака молюся я.*

(2) *Я – бора пасмурная сила.*

(11, 91)

- (3) *Я люблю малиновый падун,
Листопад горящий и горячий,
Оттого стихи мои как тучи
С отдалённым громом тёплых стун.*
(11, 143)

Странничество:

- (1) *Я пришёл к тебе убогий,
Из отшельничьих пустынь,
От родимого порога
Пилигрима не отринь.*
(15, 143)

- (2) *Осенюсь могильною иконкой,
Накормлю малиновок кутьёй
И с клюкой, с дорожною котомкой
Закачусь в туман вечеровой.*
(11, 40)

Следует особо рассмотреть поэтическую парадигму собственных имён, соотносительных с образом лирического героя, обозначенного в тексте местоимением «я» или именами собственными **Клюев, Николай, Николенька, Микула, Миколай**. Подобная парадигма в творчестве Клюева включает такие антропонимы: Аввакум, Авраам, Архипов Николай, Ахматова Анна, Баян, Блок, св. князья Борис и Глеб, Брюсов, Васильев Павел, Верлен, Гамсун Кнут, Годунов, царь Давид, Денисовы Андрей и Симеон, царевич Димитрий, Добролюбов Александр, Достоевский, Кириллов Владимир, Кис, Китоврас, Клычков, Кольцов, Ленин, Ломоносов, Лонгфелло, Мей, апостол Пётр, Пушкин, Распутин, Рублёв, Саул, Северянин Игорь, Толстой Лев. Примеры: **Я** олонецкий **Лонгфелло** / С сердцевиной кедров уральских (12, 183). **Я** твой в рубахе пестрядиной, / Поэт посконный и овинный, / Но **Пушкину** сродни звездой, / Убит любимой рукой / И дружбой в ранах не обвязан! (15, 701). **Мои** стихи, как мох на кочке, / пригреты **пушкинской** весной (12, 187). **Меня Распутиным** назвали, В стихе расстригой, без вины, / За то, что я из хвойной дали / Моей бревенчатой страны... (12, 167). **Я пугачевскою** веревкой / Перевязал искусства воз (12, 167). Нашел **я** поющий, берестяный след / От лаптя, что сплел **Ломоносов** (10, 403). И певчей калиткою стукнет **Садко**: / «Пустите **Бояна** – **Рублевскую** Русь, / Я тайной умоюсь, а песней утрюсь» (10, 347). От иконы **Бориса и Глеба**, / От стригольничьего **Шестокрыла** / Моя песенная потреба, / Стихов валунная сила. / Кости мои от **Маргарита**, / Кровь – от костра **Аввакума**. / Узорнее аксамита / Моя золотая дума (12, 242). Жертва **Годунова**, / **Я** в глуши еловой / Восприму покой. / Буду в хвойной митре, / **Убиенный Митрий**, / Почивать, забыт... (11, 89). В составе одного текста могут объединяться в одну парадигму имена

собственные разных культурно-исторических сфер, равно связанных с образом лирического героя: *Слетит на застреху Сирин, / Вспенит сказка Баяновы кружки, / И говором московских просвирен / Разузорится пролетарский Пушкин. / Мой же говор – пламенный подойник, / Где удои – тайна и чудо; / Возжаждав, благоразумный разбойник / Не найдет вернее сосуда* (12, 187).

В общей парадигме ИС, соотносительных с именем Клюева, сосуществуют кумулятивные и эйдетические парадигмы. По принципу кумулятивной парадигмы объединяются имена собственные в большом стихотворении «Клеветникам искусства». Особо следует сказать о частных эйдетических парадигмах, воплощающих поэтические мотивы, соотносённые с определёнными культурными концептами: 1) библейскими (*Авраам, царь Давид, апостол Пётр, Саул*); 2) Древней Руси (*Баян, Китоврас, св. князя Борис и Глеб*); 3) старообрядчества (*Аввакум, Андрей и Симеон Денисовы*); 4) русской литературы (*Ахматова Анна, Блок, Васильев Павел, Достоевский, Есенин, Кириллов Владимир, Кольцов, Ломоносов, Мей, Пушкин, Северянин Игорь, Толстой Лев*); 5) западноевропейской литературы (*Верлен, Кнут Гамсун, Лонгфелло*); 6) русских царей и известных исторических лиц (*Годунов, царевич Димитрий, Ленин, Распутин*); 7) русские художники: *Льдяный Врубель, горячий Григорьев / Разгадали сонник ягелей; / Их тоска – кашалоты в поморьи – / Стала грузом моих кораблей* (12, 151). Все эти культурно-исторические парадигмы служат средством образной характеристики лирического героя и его творчества.

В основе композиции стихотворений, посвящённых поэзии, очень часто у Клюева лежат поэтические парадигмы имён собственных, предназначенные для выражения основных поэтических мотивов лирического сюжета. Вот пример такого стихотворения:

*Где рай финифтяный и Сирин
Поет на ветке расписной,
Где Пушкин говором просвирен
Питает дух высокий свой,*

*Где Мей яровчатый, Никитин,
Велесов первенец Кольцов,
Туда бреду я, ликом скрытен,
Под ношей варварских стихов.*

*Когда сложу свою вязанку
Сосновых слов, медвежьих дум?
«К костру готовьтесь спозаранку», –
Гремел мой прадед Аввакум.*

*Сгореть в метельном Пустозерске
Или в чернилах утонуть?
Словопоклонник богомерзкий,
Не знаю я, где орлий путь.*

*Поет мне **Сирин** издалеца:
«Люби, и звезды над тобой
Заполыхают красным вечем,
Где сердце – колокол живой».*

*Набат сердечный чует **Пушкин** –
Предвечных сладостей поэт...
Как яблоневые макушки,
Благоухает звукоцвет.*

*Он в белой букве, в алой строчке,
В фазаньи пестрой запытой.
Моя душа, как мох на кочке,
Пригрета пушкинской весной.*

*И под лучом кудряво-смуглым
Дремуча глубь торфяников.
В мозгу же, росчерком округлым,
Станицы тянутся стихов.*

1916[или начало] 1917 (10, 329–330)

Сергей Есенин

Поэтическая парадигма собственных имен, соотносительных с именем собственным **Есенин**, включает такие антропонимы и мифонимы: князь Ростовский Василько, Китоврас, Клюев, Коловрат, Кольцов, Магиенгоф, князь Михаил Тверской, Пушкин, Саул. Примеры: *Умереть бы тебе, как Михайлу Тверскому, Опочить по-мужицки – до рук борода!* (11, 177); *Белый цвет Сережа, / С Китоврасом схожий, / Разлюбил мой сказ!* (11, 89). И Михайло Тверской, и Китоврас – очень разные образы по своему культурно-историческому содержанию, но и то, и другое имя соотносят поэзию Есенина с образами и идеями древнерусской литературы. Князь Михайло Тверской, святой, – символ жертвенной любви к Родине, притесняемой завоевателями. Китоврас – герой отреченной древнерусской литературы, свободолюбивый, загадочный и непредсказуемый. Но особенно настойчиво Клюев

связывает образ Есенина с образом Коловрата, подвиги которого отражены в древнерусских воинских повестях («Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о приходе Батыя на Рязань»). В одних случаях Есенин сравнивается с Коловратом: «*внук Коловрата*» (8, 93); «*коловратов кладенец*» (11, 91); *Уж преисподняя из строк / Трепещет хвойного Егорья. Он возгремит, как Божья рать. / Готова ворогу расплату. / Чтоб в книжном пламени не дать Сгореть родному Коловрату* (11, 92). А иногда Клюев с горечью противопоставляет поэта легендарному герою: *Не с Коловратовых полей / В твоём венке гелиотропы, – / Их поливал Мариенгоф / Кофейной гущей с никотином... / От оклеветанных голгоф – / Тропа к иудиным осинам* (10, 400). А. И. Михайлов справедливо отмечает: «В итоге же, освободившись от всего личного и болезненного, Клюев остался высоким ценителем есенинской поэзии. Не случайно, высказываясь о живущих в нём, как в художнике, «заветах» искусства и красоты, своего меньшого песенного собрата он называет в ряду великих – *«от внуков Велесовых до Андрея Рублёва, от Даниила Заточника до Посошкова, Фета, Сурикова, Бородина, Врубеля и меньшого в шатре Отца – Есенина»* (Заявление в Правление Всероссийского Союза советских писателей», 20 января, 1932)» [Михайлов 2003: 13].

В поэме «Плач о Сергее Есенине», написанной Клюевым в 1926 после смерти Есенина, образ поэта создаётся на широком культурно-историческом фоне, который возникает благодаря употреблению имён собственных, антропонимов (св. *Василько*, князь *Ростовский*, св. *Медост да Влас*, св. *Михайло Тверской*, *московский царь Иван Золотой*, *Иуда*) и топонимов (*Рязань*, *Кубань*, *Афон* и *Саров*, *Московская Русь*, *Нева*). Этот художественный приём Клюев использует, следуя поэтике древнерусской литературы, особенно «Слова о полку Игореве», чтобы показать общерусский масштаб образа поэта, его значимость для русской истории. Смерть Есенина изображена в фольклорном ключе. Народно-поэтические мифологические образы имеют несколько функций. Во-первых, они подчёркивают кровную близость Есенина и его творчества к народным истокам. Во-вторых, они позволяют в неявной форме, что было опасно по тем временам, раскрыть тайну гибели поэта – его убийство по политическим мотивам, инсценированное как самоубийство. В поэме используются мифонимы – *лебедь белая* – символ ангельских небесных сил и имена фантастических птиц, несущих смерть, – символы inferнальных тёмных сил – *Чиря*, *Грызя*, *Подкожница*, *Удавница*. Образно-символическая семантика птиц в поэзии Клюева подробно рассматривается в книге Е. И. Марковой «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства» [Маркова 1997(а)], и в статье О. В. Пашко «Образ гуся в творчестве Николая Клюева (к анализу орнитологического кода)» [Пашко 2002], в них содержится подробный культурологический комментарий к употреблению названий птиц у Клюева. Однако их трактовка поэмы Клюева отличается от излагаемой в этой книге ниже.

Небесные ангелические силы заботятся о душе Есенина при его жизни и после его смерти. Вот как Клюев описывает время расцвета поэтического творчества Есенина, когда на него начали наступать тёмные силы, символом которых в то время был кабак, а Ангел-Хранитель пытался спасти его и оплакивал его грехи:

*Напрасно Афон и Саров
Текли половодьем из слов,
И ангел улыбок крылом
Кропил над печальным цветком.*
(11, 177)

Используя поэтику народного причета, плача по умершему, Клюев изображает в мифологических образах картины духовного мира:

*На полете летит лебедь белая,
Под крылом несет хризопрас-камень.
Ты скажи, лебедь пречистая, —
На пролетах-переметах недосягнутых.
А на тихих вспавах по озёрышкам
Ты поглядкой-выглядом не выглядела ль,
Ясным смотром-зором не высмотрела ль,
Не катилась ли жемчужина по чисту полю,
Не плыла ль злат-рыба по тихозаводью,
Не шел ли бережком добрый молодец,
Он не жал ли к сердцу певуна-травы,
Не давился ли на родимую сторонушку?
Отвечала лебедь умная:
На небесных переметах только соколы,
А на тихих вспавах — сиг да окуни,
На матерой земле медведь сидит,
Медведь сидит, лапой моется,
Своей суженой дожидается.*
(11, 178)

Далее повествуется, что видела лебедь белая во время смерти Есенина:

*А я слышала и я видела:
На реке Неве грозный двор стоит,
Он изба на избе, весь железом крыт,
Поперек дворище — тыща дымников,
А вдоль бежать — коня загнать.*

Как на том ли дворе, на большом рундуке,
Под залятой черной матицей
Молодой детинушка себя сразил.
Он кидал себе кровь поджильную,
Проливал ее на дубовый пол.
Как на это ли жито багровое
Налетали птицы нечистые –
Чирея, Грызея, Подкожница,
Напоследки же птица-Удавица.
Возлетала Удавна на матицу,
Распрядала крыло пеньковое.
Опускала перище до земли.
Обернулось перо удавной петлей...
А и стала Удавна петь-напевать,
Зобом горготать, к себе в гости звать:
«На румяной яблоне
Голубочек, –
У серебряна ларца
Сторожочек.
Кто отворит сторожец,
Тому яхонтов корец!

На осенней ветице
Яблок виден, –
Здравствуй, сокол-зятюшка –
Муж Снафидин!
У Снафиды перстеньки –
На болоте огоньки!

Угоди-ка вежеством,
Сокол, теще,
Чтобы ластить павушек
В белой роще!
Ты одень на шеюшку
Золотую денежку!»

Нарисована страшная картина. Некоторые современники обвиняли Клюева в жестокости, не понимая языка народного поэтического плача и не предполагая в этих строках политического подтекста – знания страшной правды о гибели поэта. Однако Клюев следовал правде жизни и правде поэзии. И своего друга, ученика и любимого поэта оплакивал со всей силой своей любви к нему. Об этом свидетельствует и конец поэмы, где от лица белой лебеди описываются светлые посмертные события, случившиеся с

душой Есенина, и звучит духовно просветлённая тихая песня его матери об убиенном сыне:

*Тут слетала я с ясна месяца,
Принимала душу убойную
Что ль под **правое тепло крылышко,**
Обернулась душа в хризопрас-камень,
А несу я потеряшку на родину
Под окошечко материнское.
Прорастет хризопрас березынькой,
Кучерявой, росной, как Сергеюшко.
Сядет матушка под оконницу
С долгой прялицей, с веретёнышком,
Со своей ли сиротской работушкой,
Запоет она с ниткой наровне
И тонехонько и тихохонько:
«Ты гусыня белая,
Что сегодня делала?
Баю-бай, баю-бай,
Елка, челкой не качай!*

*Али ткала, али пряла,
Иль гусеныша купала?
Баю-бай, баю-бай,
Жучка, попусту не лай!*

*На гусеныше пушок,
Тега мальчик-кудряшок —
Баю-бай, баю-бай,
Спит в шубейке горностаи!*

*Спит березка за окном
Голубым купальским сном —
Баю-бай, баю-бай,
Сватал варезки шугай!*

*Сон березовый пригож,
На Сереженькин похож!
Баю-бай, баю-бай,
Как проснется невзначай!»*

Образ Андрея Рублёва в поэзии Клюева дан обобщённо – как символ Святой Руси («рублёвской Руси») и её духовных и культурных ценностей. В поэме «Песнь о Великой Матери» мать, хранительница святорусских духовных богатств, завещает сыну, отправляя его в Соловецкий монастырь: *«Тебе дается завещанье, / Чтоб мира Божьего сиянье / Ты черпал горсткой золотой, / Любил рублевские заветы, / Как петел синие рассветы / Иль пальцы девичья игла: / Красоделатель Савватий / На голубом небесном платё / Не шьёт совиного крыла! / Поморью любви души-чайки...»* (13, 29).

Поэтическая парадигма имён собственных, соотносительных с именем собственным **Рублёв**, включает такие антропонимы и мифонимы: Боян, Вольга, Гоген, Дионисий, Клюев, Матисс, Мемелфа, Парамшин, Сезан, Сирин, Чирин. Примеры: *И певчей калиткою стукнет Садко: / «Пустите Бояна – Рублевскую Русь, / Я тайной умоюсь, а песней утрешь»* (10, 347). *А ставень дедовский провидяще грустит: / Где Сирин – красный гость, Вольга с Мемелфой старой, / Божниц рублевский сон, и бархат ал и рыт? (10, 358) В древней иконе сердце и поцелуи мои. Молюсь на Андрея Рублёва, Дионисия, Парамшина, выгорецких и устюжских трудников и образотворцев...»* (17, 29). Стилистическая роль образа Андрея Рублёва и его имени собственного в создании лирического сюжета многих стихотворений Клюева требует специального изучения, поскольку у Клюева это имя употребляется 25 раз. Здесь отметим только основную поэтическую оппозицию, в которой участвует это имя: «свое – чужое» пространство, Святая Русь – враждебный ей мир: *Гоген Рублеву не загадка, / Матисс – лишь ясно от каймы / Моржовой самоедской прялки... (11, 220). В Заонежье, в узорных Кижсах, / Где рублевский нетленный сад, / Стальноклювый гость из Парижа / Совершает черный обряд (10, 386).*

Григорий Распутин

Наибольшей смысловой сложностью в творчестве Клюева обладают имена собственные современников поэта. Именно в их образном содержании особенно ярко обнаруживается характерное для творчества Клюева взаимодействие разных принципов художественного мышления, сформировавшихся на различных этапах развития поэтики. В качестве примера приведём антропоним **Григорий Распутин**. Поэтическая парадигма ИС, связанных с этим именем в творчестве Клюева, состоит из следующих имён: *царевич Алексей, Николай Второй, Св. Ахриепископ Иоанн Новгородский, Клюев, Бессалько* (поэт петроградского пролеткульта), *Центавр*. Уже в самом составе имён обнаруживаются все три этапа исторической поэтики: 1) мифоним *Центавр*, 2) имя православного святого *Ахриепископа Иоанна*

Новгородского, 3) имена современников Распутина: Николай Второй, цареви́ч Алексей, Ключев, Бессалько. В соответствии с поэтикой синкретизма данное имя и обозначаемый им герой не имеют постоянного аксиологического содержания. Его модальность ситуативна и тематична, то есть зависит от сюжета текста, в котором это имя употребляется. Причины изменения на протяжении всего творчества Ключева аксиологической модальности этого имени довольно сложно определить, поскольку в истории России XX века существует два диаметрально противоположных мифа о Григории Распутине. Таким образом, уже на денотативном и когнитивном уровнях этнокультурное содержание этого имени раздваивается. Миф о Распутине как отрицательном герое возник в русле революционного и либерального движения и носил антимонархический характер. Миф о Распутине – положительном герое появился в охранительной монархической среде под влиянием мнения царской семьи. (В наше время оба мифа активизировались и вступили в единоборство [Платонов 2000; Миронова 2003]). Судя по всему, Ключев знал оба мифа и оба они стали предметом образного воплощения в его творчестве по законам ключевской поэтики. Прежде всего, следует отметить концептуальную и модальную многозначность образного содержания ИС *Григорий Распутин* в творчестве Ключева.

Представим далее краткую сводку его меняющегося художественного содержания в различные периоды творчества поэта.

1. Распутин отождествлялся с враждебными Ключеву, как представителю старообрядчества, царской властью и официальным православием: *И в церк-вах обугленный Распутин / Продает сусальный, тусклый рай* (7, 150). И вместе с тем в этом странном эпитете «обугленный» кроется пророчество о том, что труп Распутина будет сожжен большевиками в первые после революции дни.

2. Распутин символизирует таинственную и непредсказуемую стихию народной культуры: *Меня Распутиным назвали, / В стихе расстригой, без вины, / За то, что я из хвойной дали / Моей бревенчатой страны, / Что души печи и телеги / В моих колдующих зрачках / И ледовитый плеск Онеги / В самосожженных стихах* (12, 167). *Не мой ли «Сосен перезвон» / И «Радельных песен свирели» / Затаили распутинских икон / Сладкий морок, резьбу и синели? / В наговорной поддёвке моей / Хлябь пурги и просинь Байкала* (15, 414).

3. Распутин ассоциируется с традиционной русской культурой, которая противопоставляется новой разрушительной советской культуре: *Григорий Новых цветистей Бессалько, / В нём глубь Байкала, счётка бобров. / От газетной ваксы и талька / Смертельно выводку слов. / Пересыплют в «Известиях» Кии / Перья сиринов сулемой, / И останутся от России / Кандалы с пропащей сумой* (15, 503).

4. В «Гагарьей судьбине» Распутин представлен противоречиво: и как приверженец хлыстов, и одновременно (!) уподобляется древнерусскому

святому Иоанну Новгородскому: *Старался я говорить с Распутиным на потайном народном языке о душе, о рождении Христа в человеке, о евангельской лилии, он отвечал невпопад и, наконец, признался, что он ныне «ходит в жестоком православии».* Для меня стало понятно, что передо мной сидит **Иоанн Новгородский**, заклявший беса в рукомоинике, что стон, который я слышал за нашей молитвой перед пирогом, суть жалоба низшей плённой **Распутиным** сущности (17, 41).

5. Революционная оценка большевиков: *Тявкнула щеёчка, а смысл таков: мал установлено, что я, Николай Клюев, – анархист; что же касательно Распутина, то это ещё установить надо* (17, 86).

6. Традиционный сказочный образ злодея-колдуна в поэме «Песнь о Великой Матери»: *И сверчок по короткой минуте / выпил время, как тени закат... я тебя содрогаюсь, Распутин <...> ярым воском расплавились души / От купальских малиновых трав, / чтоб из гулких подземных конюшен / При- скакал краснозубый центавр. / Слишком тяжкая выпала ноша / За нечис- тым брести через гать. / Чтобы смог лебеденок Алеша / Бородатую ад- скую лошадь / полудетской рукой обуздать!* (13, 38)

Возникает вопрос: взаимоисключающие характеристики Распутина в творчестве Клюева – следствие изменяющегося мнения поэта о нем или это результат использования различных типов художественного мышления, и особенно древней поэтики синкретизма?

В заключение отметим, что при составлении «Поэтического словаря имён собственных в творчестве Н. А. Клюева» в словарных статьях нельзя ограничиваться только историческими справками и указанием тропов и стилистических фигур. Необходимо отразить все уровни образного содержания имени собственного, а на концептуальном и модальном уровнях рассмотреть его возможную функциональную многозначность.

2. Женские имена

*По Заонежью бродят сказки,
Что я женат на Красоте...*

Н. Клюев

В научных исследованиях творчества Н. Клюева высказывается мнение о том, что «женские персонажи вообще редкость в поэзии Клюева», а «женское начало, как правило, трансформировано в иные явления женского рода: Россия-мать, мать-изба, мать-суббота, жизнь-прамать, мать-земля, мать-природа, мать-печь, мать-дуброва» [Сепсякова 1994: 326]. В таком утверждении много справедливого, хотя вряд ли следует соглашаться с ним полностью. В этом убеждает анализ имен собственных в произведениях поэта.

Женские антропони́мы – личные имена, а иногда отчества и фамилии женщин, а также притяжательные прилагательные, образованные от них, встречаются в поэтических текстах Н. Клюева достаточно часто (частотный словоуказатель «Поэтического словаря Н. Клюева» фиксирует 245 употреблений данных слов).

Самая многочисленная группа из них – широкоупотребительные крестьянские имена и их производные (*Прасковья, Арина, Дарья, Маланья, Маша, Маруся, Акулина, Акуля, Настя, Проня, Степанида* и др.). Поэт использует и имена православных святых и мучениц, представленные, как правило, в народных вариантах (*Парасковья-пятница, Дева-Пятенка, Федосья-колосовица, Купальница-Аграфена, мученица Екатерина, Кирик и Улита, Анна с кашинских икон* и др.).

Вторую группу составляют библейские имена – *Ева, Суламифь, Саломея (Иродиада, Иродова дочь), Мария, Марфа, Магдалина*; имена фольклорных персонажей – *Василиса, Аленушка, Снафида*; «матерая мать» былинных богатырей *Мамелфа Тимофеевна*; имена литературных героинь – *Людмила, Татьяна, Светлана, Ярославна, Орина – солдатская мать*.

Достаточно разнообразны в поэтических текстах Н. Клюева именовании реальных исторических личностей (*Псковская Ольга, Ефросинья Полоцкая, Евпраксия, София Палеолог, Федосья Морозова, царевна София, София Перовская* и др.), творческих личностей (*Анна Ахматова, Кривополенова, Надежда Андреевна Обухова*).

Многие имена, одновременно соотносясь в текстах поэта и с образами крестьянок, и с образами православных святых, и с персонажами фольклорных и литературных произведений, обладают сложной семантикой, раскрывающейся в контексте всего творчества поэта.

Для создания образов русских крестьянок Н. Клюев использует широкий набор имен (*Арина, Лукерья, Катерина, Маланья, Дарья, Ненила, Устинья, Домна, Груня, Василиста, Федора* и др.). Среди них центральное место занимают имена *Парасковья (Проня, Паня, Паша, Пашенька, Парасковьюшка, Параня, Параша), Арина (Ариша, Аринушка), Настасья (Настя, Настенька)*, обладающие наибольшей частотностью. Это имена главных героинь поэм «Погорельщина» и «Песнь о Великой Матери», повторяются они и в текстах многочисленных стихотворений, создавая в творчестве поэта одни и те же сквозные образы. Наиболее сложной семантикой обладает имя *Парасковья* и его производные – имя матери поэта, употребленное в текстах 68 раз.

Повторяемость характерна и для ряда других имен: *Дарья, Маланья, Лукерья* – или, например, *Василиста* (она же *Васиха*) – имя персонажа произведения «Про Васиху» и поэмы «Песнь о Великой Матери». Образ девочки по имени *Маруся (Маша)* повторяется трижды в разных текстах и т. д. Рассмотрим женские календарные имена более подробно.

Эти имена собственные в творчестве Н. Клюева часто обладают поэтической условностью, называя не конкретное лицо, а вообще крестьянку: «Мир вам, *Ипат* и *Ненила*, / Печь с черномазым горшком! / Плеск звездотечного *Нила* / В шорохе слышен моем» (10, 327). Как правило, это обобщенный собирательный образ, что подчеркивается путем употребления имени собственного в несвойственной грамматической форме множественного числа: «Светел запечный притин – / Китеж *Мемелф* и *Арин*, / Где словорунный козел / Трется о бабкин подол...» (10, 464).

Такое использование имени во многом определяется фольклорной традицией, в первую очередь народными пословицами и поговорками, называющими личным именем предельно обобщенный образ: «В поле *Маланья* не ради гулянья, а спинушку гнет для запаса вперед» (ПД, 2, 262), «Достались по наследству перья после бабушки *Лукерья*, после старушки от курочки пеструшки» (ПД, 2, 366), «Ваша-то *Катерина* да нашей *Орине* двоюродная *Прасковья*» (ПД, 2, 96), «*Маланьины* сборы (то есть бестолковые)» (ПД, 2, 195), «Дело сделали, *Маланью* замуж выдали» (ПД, 2, 248), «Дали голодной *Маланье* олады, а она говорит: «Испечены не ладно» (ПД, 3, 302), «Какова *Маланья*, таково ей и поминанье» (ПД, 3, 51), «Велика *Федора*, да дура» (ПД, 2, 320), «Взял *Фома Лукерью*, так суд божий пришел» (ПД, 3, 152), «*Малаха Парахи* не лучше. *Аринушка Маринушки* не хуже» (ПД, 3, 290), «Не будет *Маланья* – будет другая» (ПД, 3, 290) и др.

Очевидно, именно с устойчивой отрицательной оценкой, закрепившейся за отдельными женскими антропонимами в народной традиции, связано то, что собирательный образ русской бабы, «гладкой», «дородной», «радушей», не лишенной «дурости бабьей», в поэзии Н. Клюева часто связан с именами *Маланья*, *Дарья*, *Арина*, *Лукерья*. При создании этого образа на первый план выдвигаются гиперболизированные, поистине раблезианские, телесные признаки: «А уж бабы на *Заозерье* – / *Крутозады*, *титьки* как *пни*, / Все *Мемелфы*, *Груни*, *Лукерья* / По веретнам считают дни» (10, 473); «Ломоть черносошный – то парус, то руль, / Но зубы как чайки у *Стёп* и *Акуль* – / Слетятся к обломкам и правят пиры...» (10, 315). Описывая облик «бабы-навы», поэт отражает крестьянское понимание красоты – прекрасно то, что непосредственно свидетельствует о силе, способности к тяжелому крестьянскому труду, продолжению рода. Несмотря на стереотипность образа, авторское отношение к нему иронично: «*Баба Василиста* / Хороша, грудиста, / Голова кувшином / С носом журавлиным, / Руки – погонялки, / Ноги – волчьи пялки. / Как пошла *Васиха* / Слободе на лихо / Бёрда наживати, / Самобранку ткати» (10, 238); «*Баба Василиста* / На язык речиста, / Как выжлец у сала, / Мерином заржала. / Ай да баба-нава, / Грядня забава... / Быть тебе, *Васиха*, / В терему ткачихой, / За глумство-отвагу / Трескать солодагу» (10, 239).

Образ русской женщины, бабы-хозяйки в поэзии Н. Клюева неоднозначен. Он маркирован как часть своего, близкого поэту мира, хотя и воспринимается им отстраненно:

Ночь со своднею-луной
Правят *сплетни* за стеной,
Будто я, *поэт великий*,
Заплетаю в строки *лыки*,
Скрип лаптей, *угар корчаги*,
Чтобы пахло от бумаги
Черемисиной, *Рязанью*,
Что дородную Маланью
Я лелею *пуце муз*, –
Уж такой лабазный вкус /.../

Я не серый и не сирый,
Не Маланьин и не Дарьин, –
Особливый тонкий барин,
В чьем *цилиндре*, строгом *банте*
Капюшоном веет *Данте*,
А в глазах, где синь метели,
Серебрится *Марк Аврелий*,
В перстне перл – *Александрия*,
В слове же опал – *Россия!*

(11, 149)

Н. Клюев достаточно четко расставляет акценты: *лыко*, *лапти*, *корчага*, *дородная Маланья*, *Черемисина* и *Рязань* еще не есть *Россия*. В образе Руси для него важно не бытовое, узкоместное, а духовное, общечеловеческое. Маланья и Дарья – неотъемлемая часть русской культуры, и уже только поэтому достойная внимания художника.

Регулярна связь женских образов, названных указанными именами, с прядением, ткачеством, выпечкой хлеба, которые часто интерпретируются поэтом как действия космических масштабов: «А рыбе солнце – налимя майка, / Его заманит в чулан хозяйка, / Лишь дверью стукнет – оно на прялке / И с веретёнцем играет в салки. / *Арина-баба* на пряжу дуюа, / *Соткет из солнца порты* для мужа» (12, 313); «*Замесит Орина ковригу* – / *Квашня семнадцатый год...*» (10, 377).

Мужик-крестьянин и русская баба-хозяйка в послереволюционном творчестве Клюева неперенные участники событий мирового масштаба («Весь мир насилья мы разрушим...»). Причем их действия бессмысленны, результат действий – открытая бездна, преисподняя: «*Дарья с Вавилом ка-*

чают Монблан / Каменный корень упрям и скрипуч... / Встал Непомерный, звездистый от ран, / К бездне примерить пылающий ключ» (8, 22).

В двух разных текстах антропонимы в сочетании с прилагательным *стоголовый* образуют перифразу, обозначающую собирательный образ русского крестьянства, молящегося не тем богам (ср.: «Авось – великое слово. Авось не бог, а полбога есть», «Авоське верь без задатка», «Авоська дал» – ПД, 1, 159) и совершающего роковую ошибку, ведущую к гибели, апокалипсису: «*Стоголовые Дары, Архипы / Молились Авось и Низги. / Авось и Низги – наши боги / С отмычкой, с кривым ножом, / И въехали гробные дороги / В мертвый романовский дом, / По-козьи рогат возница, / На запятках Предсмертный Час. / Это геенская страница, / Мужичьего Слова пляс!*» (10, 371). Новый мир, уготованный крестьянству, внешне грандиозен, но обманчив: «*Стоголовые Дары, Демьяны, / Узрят Жизни алое древо: / На листьях роса – океаны, / И дупло – преисподнее чрево*» (7, 93).

Русская баба в поэзии Н. Клюева положительно оценивается как хранительница традиций Святой Руси: «Светел запечный притин – / *Китеж Мемелф и Арин*, / Где словорунный козел / Трется о бабкин подол. / Там образок Купины – / Чаша ржаной глубины; / *Тела и крови Руси, / Брат озаренный, Вкуси!*» (10, 464).

Особое символическое звучание получает имя *Лукерья*, также используемое для создания собирательного образа. Данный антропоним связан с мотивами вещего сна, суеверных примет, эзотерических знаний: «Поземок-ветер в палых прутьях / Запутался крылом тетерым, / По избам *Домнам и Лукерьям* / Мерещатся медвежьи сны, / Как будто зубы у луны, / И полиняли пестрядины / У непокладистой Арины, – / Крамольницу карает Влас... / *Что ал на штофнике атлас / У Настеньки, купецкой дщери, / И Бык подземный на Печере, / Знать, к неумову берег рушит, / Что глухаринные кладуши / К осоке вывели цыплят – / К полесной гари...*» (13, 32); «Есть Звезда Квашни и Сусека, / Материнской пазушной мглы... / У пиджачного человека / Не гнездятся в сердце орлы. / За резцами не вязнут перья / Пеклеванных драчливых стай... / Не магнит, а стряпка *Лукерья / Указует дорогу в рай*» (11, 124); «...А в хлевушке, где дух вымян, / За удоем кривая *Лукерья / В явь прозрела Индийских стран / Самоцветы, парчу и перья*» (7, 200).

В поэме «Каин» образу Руси – «суздальской бабе в аксамитном сарафане, монистах», воплощению и хранительнице истинной культуры, русской старины, – противопоставлен новый женский тип революционного времени. Символично, что создание этого образа целиком связано с использованием нового имени собственного *Октябрина*. Такое противопоставление реализует антитезу: старая истинная культура – новая постреволюционная, индустриальная псевдокультура: «Граждане – это отсталость – / *Шамать и ложки облизывать, / Надо звезды, как гайки нанизывать! / Работать в мировом масштабе, / Забыв о суздальской бабе, / В аксамитном сарафане, монистах!*» / «Поведайте, кормильцы-машинисты, / Куда запропастилась

скотина?.. « / «Посмотри в словаре, Октябрина, / Что это за новая машина!» (14, 97).

Существенно отличаются от образа бабы-хозяйки образы русских девушек-крестьянок, созданные поэтом и названные именами собственными. Образы эти также собирательны: «Осмынадцать с двадцатью смуглы – / Пролетных васильков охапка, / Где вьется белый мотылек – / Веселый жницы голосок, / Аленушки или Любаши» (12, 270); «Много б Устеш и Акуль / Кудри мои полонили. / Только не сбыться тому, – / Берег кувшинке не сносен...» (10, 186).

Наиболее частотны в поэтических текстах автора имена девушек *Настенька, Аленушка, Светлана, Любаша*. Их использование определяется фольклорными и литературными прототипами, переосмысливаемыми поэтом как воплощение русской культуры, святости, красоты.

Образ девушки Настеньки в поэзии Клюева формируется под влиянием христианского прототипа – великомученицы Анастасии Узорешительницы. Узорешительницей она названа как освободительница от зол либо как врачевательница болезней (ХС, 1, 72). В народных преданиях святая Анастасия – олицетворение воскресного дня. В воображении народа Анастасия сливается с образом Богородицы, в некоторых легендах выступает бабкой Христа. Видимо, на формирование образа Настеньки оказал влияние и искаженный народный эпитет святой – Узорешительница. Вышивка, понимаемая как сотворение красоты – характерный атрибут Анастасии в поэзии Клюева: «Только мне горюну – горюнь-траву... / Овдовел я без тебя, как печь без помяльца, / Как без *Настеньки* горенка, где шелки да канва / Караулят пустые, нешитые пальца!» («Плач о Сергее Есенине» – 11, 176). С другой стороны, Клюев включает имя собственное *Узорешительница* в один ряд с именами Богородицы: «Вышли бы устрет все богородицы. / Семиозерная, Толгская, Запечная, / Нерушимая Стена, Звездотечная, / Сладкое Лобзание, Надежда Ненадежных, / Спасение На Водах безбрежных, / *Узорешительница*, Споручница Грешных...» (13, 28). «В фольклоре героиня по имени Настя – Настенька символизирует цветение и плодоношение, саму мощь Русской Земли» [Маркова 1997(а): 220].

Святая девушка Настенька в поэме «Песнь о Великой Матери»: «Для Настеньки заря – икона, / А лестовка – калины ветка – / Оконца росная насадка. / Вся в бабку, девушка в семнадцать / Любила платом покрываться / По брови строгим, уставным» (13, 42) – отчетливо противопоставляется образу русской бабы: «Все реже полесья, безрыбнее губы, / Селенья ребрасты, обглоданы срубы, / Бревно на избе не в медвежий обхват, / И баба пошла – прошалыжный обряд, – / Платок не по брови и речью соромна, / Сама на Ояги, а бает Коломной» (13, 37).

Красота в поэзии Н. Клюева – сложное и емкое понятие, которое трудно определить однозначно. Оно несомненно связано с представлениями о Древней Руси, старой вере.

Гибель Красоты – одна из главных тем поэзии Н. Клюева – в первую очередь гибель старой веры, святости, чистоты: «Святые девушки России – / Купавы, чайки и березки, / Вас гробовые давят доски, / И кости обглодали волки, / Но грянет час – в лазурном шелке / Вы явитесь, как звезды, миру» (13, 42).

Образ Красоты является ключевым для творчества поэта. Он имеет разные воплощения и называется разными именами. Одним из них является *птица красота*: «Глубина ты, глубота морская, / Зыбка месяца, царя-кита, / По тебе скучает *пестрядная* / *Птица, что зовется красота!* / Гей ты, *птица*, отзовись на песню – / Дерево из капель кровавых!» (12, 310).

Красота в поэзии Клюева многоименна: *роза*, *Суламифь*, *Елена* («*Роза* же в неведомых болотах, / Как лисица редкая в охотах, / Под пером не хочет увядать. *Роза, роза! Суламифь! Елена!*» – 10, 447); *кольцо Светланы* («Навыючен жизненной поклажей, / Я все ишу *кольцо Светланы*» – 12, 274); *Сирин*, *краса Любаши* в стихотворении, посвященном Н. А. Обуховой, и др.

Образ Красоты связан с мотивом поэтического брака. Красота представляется как *девушка-невеста*, *девушка-улыба*, *девушка-Светлана*: «По Заонежью бродят сказки, / Что я *женат на Красоте*. / Что у меня в суставе – утка, / А в утке – *песня-яицо*... / Сплелась с кометой *незабудка* / В брако-искусное кольцо» (12, 168). «Нет по избам *девушек-улыб*, / *Томных рук и кос в рублях татарских*; / Отсыяли в горницах боярских / *Голубые девичьи светы*. / ... / Где же ты, *невеста – павья стать*, / В *аравийских наволоках дева?* / Старикам отжинки да посевы, / Глаз поречья и бород туман. / Нет по избам *девушек-Светлан*, – / Серый волк *живой воды* не сыщет. / Теремное светлое кладбище / Загляделось в медный океан» (12, 261).

Воплощением Красоты являются и героини русских былин и сказок, и многие другие образы, названные именами известных исторических личностей: «Ах, девки, – калина с малиной, / Хороши вы за прялкой с лучиной, / Когда вихорь *синебородый* / Заметает пути и броды! / Вон *Полоцкая Ефросинья*, / *Ярославна* – зегзица с Путивля, / *Евдокию* – донского ладу / Узнаю по тихому взгляду!» (12, 305). Изображая Россию, потерявшую старую веру отцов, свой исторический облик, поэт пишет: «И нет *Ярославны* поплакать зегзицей, / Прекрасной *Евпраксии* низринуться с чадом... / Я – ворон, кружусь над великой гробницей, / Где челюсть осла с Менделеевым рядом» (12, 228).

Утрата красоты ведет к искажению человека и мира. Метаморфозой Матери Земли Святорусской, потерявшей красоту, является образ «неприкаянной России», «землищи-Дарьи», вскармливающей поэта подобно русской бабе-хозяйке: «И сосцом землища-Дарья / Смыла плесень с языка, / Чтоб текла стишков река!» (11, 153). Метаморфозе подвергается и поэтическое творчество, часто уподобляемое поэтом Слову Божьему, Христу («предвечный, вечный, струнный» сын, «сын-звезда, алый песенный сад» – «стишков река»).

Гибель Красоты – это гибель русской правды, святости, благочестия, девушки как воплощения непорочности, гибель матери, преображение всего живого (*люди обезлюдены, звери обеззверены*): *«Хороша была Настенька у купца Чапурина, / За ресницей рыбица глотала глубь глубокою, / Аль опоена, аль окурена, / Только сгибла краса волоокая. / Налетела на хоромы преукрашенны / Птица мертвая – поганый вран, / Оттого от Пинеги до Кашина / Вьюгой разоткался Настин сарафан, / У матерой матери Мамёльфы Тимофеевны / Сказка-печень вспорота и сосцы откушены, / Люди обезлюдены, звери обеззверены...»* (12, 244); *«Хмура Волга и степь непогожа, / Где курганы турга замела. / Где Светланина треплется лента, / Окровавленный плата лоскут...»* (8, 93); *«Наша русская правда загибла, / Как Аленушка в чарой сказке... / Забодало железное быдло / Коляду, душегрейку, салазки. / Уж не выйдет на перённые крыльца / В куньей шубоньке Мелентьевна Василиса, / Утопил лиходеи-убийца / Сердце князево в чаре кумыса»* (12, 255).

Гибель красоты связана с мотивами «разграбления», «растления», «купли-продажи». Метаморфоза Святой Руси приводит к превращению ее в «уличную Русь», культурному наследию Руси, истинной русской поэзии противопоставляется «сорочий язык», «песенка», «точильные скрипы ножа»: *«Свершилась смертельная кража, / Развенчана Мать–красота! / Слепящий венец и запястье / В обмен на сорочий язык... / Народное горькое счастье / Прозябло кустом павилик. / Сплести бы веночек Марусе, / Но жутко пустыня межа, / И песенка уличной Руси – / Точильные скрипы ножа»* (8, 57). Метаморфозы Святой Руси в творчестве поэта многочисленны и разнообразны, как правило в их изображении участвуют имена собственные: *«Всепетая Матерь сбежала с иконы, / Чтоб вьюгой на Марсовом поле рыдать, / И с Псковскою Ольгой, за желтыя боны, / Усатым мадьярам себя продавать. / О, горе! Микола и светлый Егорий / С поличным попались: отмычка и нож... / Смердят облака, прокаженные зори / На Божьей косице стоногая вошь. / И вошь – наша гибель. Завишело солнце, / И яростно чешет затылок луна. – / Рубите ж Судьбину на баню с оконцем, / За ним приносущих небес глубина! / Смотрите в глубинность, там рощи – смарагды, / Из ясписа даль, избяные коньки, – / То новая Русь – совладелица ада, / Где скованы дьявол и Ангел Тоски»* (5, 110).

Великая Мать–Красота – центральный персонаж «Песни о Великой Матери». Образ Великой Матери раскрывается в поэме в колыбельных и снах Николеньки: в одном из них скуфий Абаз на «соборе отцов» повествует о том, как рождается матереубийца: воплощение ада, дитя женщины и змеи – «кот, лобато-рыжий и смердящий», «С нетопырем заместо сердца, / Железо – ребра, сталь – коленцы, / Убийца матери великой!», в другом – «ворог-змея котобрыса» пытается и убивает Красоту (*«беляну с распрекрасной Василисою», «зарю, всем зарницам мать», «невесту», «деву Русь», «Ярославну»*).

Гибель красоты не означает ее физического уничтожения, для «великой матери» – это превращение красоты («огнепального клада – песни») – «рас-

прекрасной Василисы») в свой антипод – «аржаное чучело», «шлюху пьяную да охальную»: «...Полонит их ворог котоврысы! / Аксамиты, объяри разграбит, / Чистоту лебязью распахобит. / Приволочит красоту на рынок: / За косушку – груди-пара свинок, / А за шкалик – очи-сине море, / Маргариты, зерна на уборе! / За алтын – в рублях арабских косы, / Песню-сокола, плеч снежные заносы, / На закуску сердце – рыбник свежий, / Глубже звезд, певучей заонежий! / Ах, ты клад заклыйтый, огнепальный, / Стал ты шлюхой пьяной да охальной, / Ворон, пес ли – всяк тебя облает: / «В октябре родилось чучело, не в мае...» (13, 27). Воплощение культуры, лишенной «древлей» Красоты – «сермяжное, овчинное» чучело, «печь с развалом», «А ши-те костромские ядреные, / Котлы-те черемисиной долбленные, / А полати-те – пазуха теплущая, / А баба-те гладкая радушая» (13, 28), это – виновная в гибели Красоты баба Федора, которой Святой Егорий указывает путь в «светлый Град», навстречу которой готовы «выйти устрет все Богородицы»: «Мол, кровинушка наша, Федора, / Ждет тебя Микола у собора, / Петр, Алексей, Иона, – / Для тебя сошли они с иконы. / Сергей с Пересветом да Ослябей / Не помянут твоей дурости бабьей. / Варвара, Парасковья-пятница / С чашой, что вовек не убавится, / Ефросинья – из Полоцка письмовница, / А за ними вся небесная конница! / Да не сподобил Господь, чтобы чучело / Купиною розвальни навьючило, / Натпустил змею котоврысую / На беляну с распрекрасной Василисою» (13, 28).

Воплощением истинной «древлей» красоты и святости является образ матери поэта, материнское слово, материнская песня: «Родительница моя была садовая, а не лесная, по чину серафимовского православия. Отроковицей виденье ей было: дуб малиновый, а на нем птица в жемчужном оплечье с ликом Пятницы Параскевы /.../ С того часа прилепилась родительница моя ко всякой речи, в которой звон цветет знаменный, крюковой, скрытный, столбовой...» [Азадовский 1990: 19]. «Все, что я писал и напишу, я считаю только лишь мысленным сором и ни во что не почитаю мои писательские заслуги. /.../ Тысячи стихов моих ли или тех поэтов, которых я знаю в России, не стоят одного распевца моей светлой матери» [Азадовский 1990: 22]. Не случайно поэт дает имя Парасковья «великой матери», тем самым объявляя себя единственным наследником и хранителем исконной русской культуры, «церковно-народной красоты»:

Я не сталь, а хвойный изумруд,
Из березовой коры сосуд,
Налитый густой мужицкой кровью,
И, по пяди косы, Парасковью
На базар не вывожу, как плут!
Ах, она болезная, родная,
Ста пятидесяти миллионов мать,
Про нее не хватит рассказать

Ни степей моздокских, ни Китая.
 Только травы северного мая
 Знают *девичью любовь и стать*.
 Я – **Прасковья** сын, из всех любимый,
 С лебединым выводком в зрчках,
 С заячьей порошей в волосах,
Правлю первопутек в сталь и дымы,
 Кто допрежде, принимайте Клима,
 Я – **Прасковья** сын, цветок озимый!

(5, 148)

Красота-Парасковья – это и девушка, и мать, и Русь, и сказка, и песня, и старая вера, и дедовский «огнепальный клад». Имя *Парасковья* обладает той же синкретичностью значения, которая свойственна и слову *мать* в поэзии Н. Крюева [Головкина 1999: 18].

Утрата красоты, святости приводит к метаморфозам человека. Образы-метаморфозы называются в поэзии Крюева тем же именем. Но при тождестве имени наблюдается изменение сущности на противоположную. Невеста, «святая девушка России» Настенька в поэме «Погорельщина» превращается в свой антипод – «*гнузавую, каторжскую девчонку*», «*без чести, без креста, без мамы*»:

Как у **Настеньки** женихов –
 Было сорок сороков,
 У **Романовны** сарафанов –
 Сколько у моря туманов!..
 Винограде мое со калиною,
 Выпускай из рукава стаю лебединую!
 Уж как лебеди на Дунай-реке,
 А **свет-Настенька** на белой доске,
 Не оструганной, не отесанной,
 Наготу свою застит косами!
 Винограде мое, винограднице,
 Где зазнобино *цветно платьице?*
Цветно платьице с аксамитами
 Ковылем шумит под ракетами!
 На ракете зозулит зозуля:
 «Как при батыре-есауле...»
 Ты, зозуля, не щemi печонки
 У *гнузавой каторжной девчонки!*
 Я без чести, без креста, без мамы
 В Звенигороде иль у Камы
 Напилась с поганого копытца.

*Мне во злат шатер не воротиться!
Ни при батыре-есауле,
Ни по осени, ни в июле,
Ни на Мезени, ни в Коломне,
А и где, с опитухи не помню,
А звалася свет-Анастасией!..*

(12, 318)

Метаморфоза Настеньки лаконично определяется при помощи фольклорной мифологемы, определяющей превращение вследствие нарушения запрета: «напилась с поганого копытца». Поэт не уточняет, что конкретно случилось с Настей, и это, видимо, не важно, поэтому вряд ли следует принять однозначное утверждение Е. И. Марковой о том, что «поганое копытце», «из которого испила «Анастасия – Россия», есть мертвая вода «неверов». В стародавние времена под ними подразумевались язычники и инославные вороги, затем приверженцы реформ Никона, теперь – атеисты» [Маркова 1997(а): 224]. Случайной кажется и другая интерпретация: «У героини отчество, как у любимой жены Ивана Грозного, тем самым она олицетворяет саму российскую государственность. Таким образом, в лице Настасьи растлена земля русская» [Маркова 1997(а): 220].

Покидая мир людей, красота превращается в неодоушевленные явления природы: «казнобино цветно платице» «ковылем шумит под ракитами», «Настин сарафан» «фазоткался вьюгой» от Пинеги до Кашина.

Утрата Красоты человеком – это необратимое изменение внутренней сущности, которое не может исправить внешняя искусственная «псевдокрасота»: «В узорной каргопольской бабе / Провижу богов красоту. – / Глядь, баба в парижской тальме, / Напудрен лопарский нос...» (8, 32); «И «Орина, солдатская мать», / С помадным ртом, в парике рыжем... / Тихий Углич, брынская гать / Заболели железной грыжей...» (12, 182); «Напудрен нос у Парасковьи, / Вавилу молодит Оксфорд. / Ах, кто же в святорусском тверд – / В подблюдной песне, алконосте?! / Молчат могилы на погосте, / И тучи вечные молчат» (11, 220).

В результате искажения духовных ценностей человеческого общества в свою противоположность превращается и сама Мать-Красота: «Тридцать третий год високосный / Вздует ночи ветрило. / Здравствуй шкипер из преисподней! / Я – кит с гарпуном в лапу, / Зову на пир новогодний / Дьяволицу-красоту. / Нам любо сосать в обнимку / Прогорклый собственный хвост, / Пока и нашу займку / Хлестнет пургою погост» (8, 87). Дьяволица-красота – одна из составляющих перевернутого мира в поэме «Каин». В данном контексте закономерной и понятной становится метаморфоза Анастасии: *Сестра дракона – Анастасья / Гремит кимвалами беды* (14, 97).

В связи с невозможностью воскрешения древней красоты в русском человеке «краса Любаша» превращается в «чернокожую Любу»: *В зрачках*

чернокожей Любы / Заплещет душа поэта... / И заплачут шишками сосны / Над моей пропащей могилой... (8, 86).

Сохранение и воспевание истинной Красоты – главная задача поэта. В колыбельной «лосенку» «медвежий дед»-поэт – лирический герой «Песни о Великой Матери» – скажет о своем творчестве: *Сказка длится, длится, длится! / Села ближе к очагу – / Я, мол, клад устерегу!* (13, 27). Поэт воскрешает красоту в своих произведениях: *Струнным тесом крытая и из песен рублена / Видится хоромина в глубине страниц. / За оконцем **Настенька** в пялцы душу вляпила – / Вышить небывалое кровью да огнем...* (12, 245). Эта же задача, по мнению Н. Клюева, стоит и перед другими поэтами: *Кнут Гамсун, синими цветами, / Норвежских хижин огоньками / Разрывы жил перевяжи! / Чтoб васильком в росистой ржи / Моя **Аленушка** вернулась – / Влюбленность – с земляничкой тус...* (11, 143).

Поэт выражает уверенность в том, что *Русь нетленна, и погостские кресты – / Только вехи на дороге красоты!* (10, 340). В его произведениях звучит надежда на преобразование мира, на то, чтобы сбылись «огнепальные сны»: *И бабка **Маланья**, всем ранам сестра, / Повысила бы в поле ясней серебра / Навстречу Престолам, Началам, Властям, / Взывающим солнцам и трубным мирам!...* (10, 311).

Подводя краткий итог всему сказанному, отметим, что женские образы в поэзии Н. Клюева достаточно значимы, а женские имена (*Парасковья, Настенька, Дарья, Маланья, Арина, Лукерья* и др.) – ключевые для творчества поэта. В то же время женщина в поэзии Клюева часто собирательный, предельно обобщенный образ. Использованные поэтом имена реальных женских прототипов подвергаются в текстах поэта метафоризации, новому образу осмыслению, приобретают символическое звучание.

Употребления одного и того же имени в разных поэтических текстах раскрывают, как правило, один и тот же сквозной образ, что способствует циклизации произведений и восприятию творчества Н. Клюева как единого целостного художественного текста.

МИФОНИМЫ

1. Материалы к словарю мифонимов в поэзии Н. А. Клюева

Поэтический словарь Клюева насыщен мифонимами. Эта стилистическая особенность его творчества роднит его с произведениями древнерусской литературы. Воспитываясь в старообрядческой среде, Клюев с детства приобщился к древней словесности, к народному преданию. Известно, что на Русском Севере в крестьянских семьях долго хранились уникальные старообрядческие библиотеки. Это обстоятельство, а также обширные знания в области мировой культуры позволили поэту свободно обращаться к мифологическому языку в своей поэзии.

Мифонимы — это мифологические имена собственные. Они могут обозначать богов, действующих героев, животных, антропоморфных существ, волшебные предметы и растения, время, пространство в мифах, легендах, былинах, сказках, заговорах и других видах народно-поэтического творчества. Мифонимы называют вымышленные, реально не существующие объекты, другими словами, соотносятся с «нулевым» референтом.

В поэзии Н. Клюева представлены разные виды мифонимов, выделяемые по характеру называемого объекта:

1) славянские мифонимы — имена атропоморфных и полуантропоморфных существ: *Велес, Велесов, Кащей, Кащев, Кереметь, Китоврас, Кострома, Купало, Лада, Лель, Лихо, Макоша-Морок, Перун, Перунов, Пододонница, Сварог, Стрибог, Стрибожгий*;

2) мифонимы — имена атропоморфных существ в культуре других народов: *Ай-кюмерки, Ваал, Вельзевул, Венера, Зерефер (Верефер), инкуб, кентавр, Кува, Левиафан, Лембэй, Лемура, Молох, Пан, Удилена, центавр, Эрот*;

3) мифонимы — имена зооморфных существ: *Алконост, Габучина, Гамаюн, Грызья, Естрафиль, Жар-птица, Паскарага, Подкожница, Птица-Обида, Сирин, Струфокадил, Феникс, Финист, Фьюист-птица, Чиряя*;

4) мифонимы-топонимы (традиционные и индивидуально-поэтические): *Ад, Арахлин-град, Багряного Льва ворота, Белая Индия, Белый скит, Божий Царьград, Божий Вертоград, Божья земля, Врата Красоты, Глуби Глубин, Глубина, Глубь, Гора Гор, Господне подножье, Дева-суша, Ерусланова слободка, Ефратная Русь, Железное царство, Изба, Индийская земля, Индия, Инония-град, Кааба, Каяла-река, Китеж, Китеж-град, Книжная Русь, Лабиринт бранных стен, Лапландия, Лебяжьи дороги, Ленинский рай, Лешева*

Находка (село), Материк, Материк желанной суши, Мать-вод, Мать-земля, Мать-природа, Могущества двери, Море-морей, Непомерное, Нетленное, Нива, Океан, Олимп, Отчие обители, Отчие сады, Отчий дом, Перская земля, Пламенной зрелости сад, Познания скала, Поморка-Русь, Порог Несказанного, Преисподняя, Прохладный вертоград, Разумное окно, Рай, Ржаной Град, Ржаной Назарет, Русь-Китеж, Саваофово подножье, Светлояр, Светлый град, Святая Русь, Сердце-мыс, Сермяжный Восток, Скимен-град, речка Смородина, Соловецкая Белая Русь, Спасово поморье, Финифтяный рай, Христова земля, Царьград, Чертова гора, Чертоги Тепла, Четвёртый Рим, Эдем.

Граница, отделяющая мифонимы от других разрядов имен собственных, условна, поэтому состав каждой группы в поэзии Н. А. Клюева определен приблизительно. Трудность в описании ИС-мифонимов связана с тем, что мифологическое мышление не разграничивало собственные и нарицательные имена. В состав клюевских мифонимов входят, например, народные названия болезней-лихорадок, воспринимаемые как имена собственные (*Грызея, Чирея, Подкожница*). Состав мифонимов может быть существенно расширен за счет традиционных (*Мать-Планида, Дева-Обида, гуляка Вихрь* и мн. др.) и авторских персонафицированных образов, созданных по фольклорной модели (*Белая Индия, Книжная Русь, Нива* и др.).

Мифонимы могут представлять собой имена библейских персонажей, мифологизированных в фольклоре (*Каин, Иродиада*). В народных заговорах *Каин* – «бесица, горящие глаза, железные руки, верблюжьи волосы – Каина виденье» (Юдин, 220). Образ Каина как безымянного бесовского отродья создается Клюевым в «Песни о Великой матери»: *На роженческое мяу / Ад вышлет нянюшку – змею / Питать дитя полынным жалом, / И под неслышным покрывалом / Котенка выхолит рогатый... / Он народился вороватый, / С нетопырем заместо сердца, / Железо – ребра, сталь – коленицы, / Убийца матери великой!..* (13, 26). Свое имя образ обретает в поэме «Каин»: *Вот почему зовется «Каин» / Поэма бедная моя. / Я знаю, был он не случаен, / Жених с крылом нетопыря* (14, 96). Вместе с тем образу Каина у Клюева присущи и черты библейского персонажа (Каин – первый сын Адама, убивший своего брата Авеля, символ коварства и братоубийства): *Братоубийце не нужны / Горящий плат и слез озера / Неопалимой Купины!* (14, 95).

Подобный синкретизм свойствен и фольклорному образу *Иродиады*. Образы Иродовых дочерей-трясавиц отражены в народных заговорах, апокрифической литературе и русской иконописи [Усачева 2000: 63]. В народной культуре двенадцать сестер-лихорадок (Иродовы дщери, девы-иродиады) – дочери дьявольского царя Ирода, старшая из сестер – *пласовица (пласея)*: «сестра старшая пласовица, усекнула главу Иоанну Предтечу; которого человека изоимет, тот человек не может жив быть» (Юдин, 254). Согласно евангельским текстам, Иродиада не дочь царя Ирода, а его жена – внучка Ирода Великого, жена своего дяди Филиппа, впоследствии взятая в

жены Иродом Антипой. Искусством танца владела не Иродиада, а падчерица Ирода Антипы – Саломея, потребовавшая в плату за свой танец голову Иоанна Крестителя (Библ. Матф. 14, 6–12; Мк. 6, 21–29; Афанасьев (а), 464). В поэзии Клюева *плясея* – *Иродиада* – *Иродова дочь* (12, 333–334) – образ, заимствованный не из Священного Писания, а из народной культуры, он сочетает в себе черты иродиады-лихорадки (*плясеи*) и библейской Саломеи. Демоническая природа Иродиады у Клюева раскрывается и в имени inferнального образа Плясеи Кровавых Времен: *Захмелеют камни и люди, / Кедр и кукуший лен, / И восплачет с головой на блюде / Плясея Кровавых Времен* (12, 203).

В словаре Клюева преобладают славянские мифонимы, однако в него входит большое число мифонимов других этнокультурных сфер, а также мифонимы, созданные самим Клюевым. Попадая в контекст клюевской поэзии, все мифонимы семантически и стилистически преобразуются и становятся неотъемлемой частью его уникальной образной системы.

В данном разделе подробно рассматриваются в лингвокультурологическом аспекте ключевые мифонимы в поэзии Клюева: **Китеж**, **Индия** и **Китоврас**.

2. Китеж

Русь не вместить в человечесь слова...

Н. А. Клюев

В поэзии Клюева многие ключевые образы названы именами собственными. Одним из них является **Китеж-град** или **Китеж**. По данным частотного словаря поэтического языка Н. Клюева, топоним **Китеж** употребляется в текстах поэта 7 раз, **Китеж-град** – 6, форма множественного числа **Китежи** – 1, прилагательное **китежский** – 3, слово **китежане** – 1 (ПСК).

Образ Китежа является ключевым, сквозным для всего творчества Н. А. Клюева. Мотивы, связанные с топонимом, по-разному преломляются в произведениях поэта. Они обусловлены прежде всего информацией, традиционно сопутствующей данному ИС.

Топоним обладает широким культурно-историческим содержанием, которое требует более пристального рассмотрения, хотя следует отметить, что подобный комментарий не преследует цели дать исчерпывающую характеристику значения топонима в текстах.

Имя собственное – прототип поэтического онима – **Китеж**, или **Большой Китеж**, возникший в марийском языке. Относительно его этимологии высказываются различные точки зрения. Согласно первой, значение слова, от которого образован топоним – ‘сохраненный, хранимый’, ‘сторожевой’. Согласно другой – топоним имеет этимологическое значение ‘свойственный

руке' и связан с именем основателя (ср. : «сын Мономахъ Юрьи Долгая Рука»). Возможно, это марийская калька несохранившегося древнерусского топонима, либо название, перенесенное с другого объекта (село Кидекша под Суздалем) [Русинов 1994: 105]. Согласно легенде, город основан князем Юрием Долгоруким или его внуком – князем Георгием. Во время нашествия Батыя полчища врагов хотели захватить Китеж, но Бог не допустил поругания православного русского города, сделал его невидимым и скрыл на дне заволжского озера Светлояра. Невидимый подводный город считался воплощением праведности и социальной справедливости. Предания описывают колокольные звоны над Светлояром, слышимые лишь избранным. Легенда о Китеже, по мнению исследователей, восходит к устным преданиям эпохи ордынского ига [Чернецов 1995: 223]. О трагических событиях, в действительности происходивших в этих местах, свидетельствуют найденные археологами в окрестностях Светлояра остатки древнерусской крепости и народное название дороги к озеру – Батыева тропа [Русинов 1994: 105].

Однако следует признать, что сюжет легенды инвариантен. Для русских исторических преданий не только о Китеже, но и о врагах-захватчиках на Русском Севере чудесное погружение поселения и его жителей в воду или в землю – излюбленный способ избавления от антагониста (Н. А. Криничная. Предания Русского Севера, СПб, 1991 – 12 текстов). Чудесная невидимость, слепота врага – тесно связаны с мотивом поругания святыни (дерева, часовни, иконы и т. п.) – 13 текстов. По замечанию Н. А. Криничной, «представления о городе, погруженном в озеро и осмысляемом как средоточие определенной жизни, с последующими поколениями людей, напоминают тотемический центр» [Криничная 1991: 259] и, видимо, основаны на более ранних, языческих верованиях. В то же время легенда о Китеже является своеобразным исключением из общего правила – русская устная традиция не знает других социально-утопических легенд о затонувших или провалившихся городах [Чистов 1967: 320].

Легенда о Китеже-граде, хранимой Богом праведной земле, воплощавшая народные хилиастические идеи, пользовалась большой популярностью в старообрядческой среде, «причем Китежу придавался характер убежища последователей старой веры. В утопических легендах Китеж считался населенным праведниками, нечестивцы туда не допускались, в городе царила социальная справедливость» [Чернецов 1995: 223]. Особое религиозное осмысление история Китежа получила в «Китежском летописце», в течение долгого времени переписываемом и распространяемом в народе. «Китежский летописец», по представлениям крестьян, имел божественное происхождение и упал на землю вместе с Голубиной Книгой. Легенду об этом излагает М. М. Пришвин в повести «У стен града невидимого (Светлое озеро)»: «Турка скакал, ... скакал по версте шаг. Господь и пожалел город из-за праведников, скрыл от турки. Есть об этом летопись, защита она в книгу Голубиную. Та книга весом полтора пуда, запирается винтами и лежит про-

меж Нижнего и Козмодемьянска. Никто из простых людей той книги не видел. А видел ее один Максим Иванович из деревни Шадрино. Он списал летопись и теперь пишет и продает по полтиннику» [Пришвин, 429]. В названном памятнике Китеж описывается как невидимая праведная земля, даются поучения о том, что должен делать верующий ради спасения от антихриста в чудесном граде. Озеро Светлояр, на дне которого находился легендарный Китеж, являлось святыней, местом паломничества старообрядцев. На берегу озера, возле предполагаемых невидимых ворот, в праздник Ивана Купалы (вероятно, отсюда и сочетание «купальская вера» у Клюева) собирались раскольники всех толков и согласий для традиционных споров о вере. Один из таких праздников подробно и живописно изображен в повести М. М. Пришвина.

Китеж в поэтических текстах Н. А. Клюева осмысливается как *воплощение истинной культуры, символ старой дониконовской веры, ценностей старообрядчества*. В одном контексте с топонимом Китеж упоминаются лица, предметы и символы, связанные с «древлим» православием, среди них имена старообрядческих святых, названия литературных сочинений, святых реликвий, вечных и значимых в любую эпоху, а также символы древнерусской культуры (Сирин, Китоврас, Рублев) и имена деятелей Раскола, выполняющие функцию хронотопов (Аввакум, первые учителя поморцев-беспоповцев братья Андрей и Симеон Денисовы, основатели Выговского общежительства в Повенецком уезде Олонецкой губернии, авторы многих литературных произведений, среди которых наиболее известны «Поморские ответы» (1723 г.), в подлиннике называемые «Ответы пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита», подписанные девятью выговскими старцами и др.).

В «Песни о Великой Матери» (13, 23 – 24) топониму Китеж сопутствуют упоминания книг, которые герой поэмы «прочитал в пятнадцать лет / Скитов и келий самоцвет», среди них «*Аврора*» – философское сочинение Якова Беме; «*книга Маргарит*» – книга Иоанна Златоуста «Маргарит»; «*Веры Щит*» – известные и распространенные среди беспоповцев «Ответы древняго благочестия любителей на вопросы придерживащихся новодогматствующего иерейства», составленные в 1789–1781 годах и содержащие ответы на 382 вопроса попавцев; «*Иосиф Флавий – муж еврейский*» – очевидно, имеется в виду книга Иосифа Флавия «Древности иудейские» либо «История Иудейской войны»; «*Зерцало*» – «Великое Зерцало», сборник нравоучительных легенд, составленный в 1605 году ученым иезуитом бельгийцем Иоанном Майором; «*Русский виноград – / Сиречь Прохладный вертоград*» – сочинение Семена Денисова о святых новомучениках, пострадавших за старую веру (в примечаниях к поэме «Погорельщина» Клюев называет автором данной книги Ивана Филипова); «*Список Вед*», «*Из Лхасы Шолковая книга*», «*Гороскоп – Будды верига*» и другие произведения, вероятно, входившие в старообрядческую библиотеку. *Крест великой маяты, / Который с*

прадедом горел / И под золой заматорел, – / По тайникам, по срубам келий, / Пред ним сердца, как свечи, рдели (13, 24) – очевидно, имеется в виду известная реликвия старообрядцев-беспоповцев поморского согласия (Выговское общежитие), распятие из красной меди, принадлежавшее Аввакуму. По беспоповскому преданию, крест был приобретен за бесценок Андреем Денисовым у неизвестного московского стрельца и в 1714 году привезен в Выговскую обитель «на вечное поклонение», о чем свидетельствует сделанная на распятии надпись (Старообрядчество, 8).

Атрибутам Святой Руси, Китежа сопутствуют эпитеты **брынский, дебренский** (*Пора и пострадать немного / За Русь, за дебренского Бога / В суровом Анзерском скиту!* (13, 29); *позапечные брынские тропинки* (12, 182) и др.), указывающие на связь их со старообрядчеством. «Бrynская вера» – традиционное уничижительное название старообрядчества, впервые употребленное митрополитом Димитрием Ростовским, происходит оно от искаженного названия Рымских лесов (Костромская губ.), сопредельных керженским лесам, известных большим количеством раскольничьих скитов и проживавших там иноков (Старообрядчество, 58).

После раскола старообрядчеством, не принявшим новой церковной иерархии (ср. у Ключева: *К дувану адскому, не к славе, / Ведут Петровские пути!.. / В церковной мертвенной груди / Гнездится змей девятиглавый...* – 13, 24), была выдвинута главная идея-вопрос: «исчезла ли благодать из мира вследствие того, что вся церковная иерархия впала в ересь, или же православная церковь все-таки существует и иерархия может быть восстановлена? Подразумевалось при этом: без церкви благодати быть не может» [Рябушинский, 53]. «Когда священники дораскольного постановления за древностью лет все умерли, произошло принципиальное разделение всех старообрядцев на два толка» (Старообрядчество, 47), получивших собирательные названия «поповцы» и «беспоповцы». Поповцы принимали священников, переходивших в старообрядчество из господствующей церкви, а в 40-х годах прошлого века восстановили и епископат. Беспоповцы предпочли остаться вовсе без священства, – «это не было отрицанием священства; это был эсхатологический диагноз, признание мистического факта или катастрофы: священство иссякло» [Флоровский, 69], – хотя надежды на обретение церковной иерархии древнего постановления, по преданиям, сохранявшейся где-то в непроходимых лесах или пустынях Востока, долгое время сохранялись и в их среде. Андрей Денисов, один из учителей поморцев-беспоповцев, считал, что таинство священства прекратилось в господствующей церкви, хотя формально и существует, но русские старообрядцы-беспоповцы имеют надежду на восстановление у себя священства, так как истинное священство где-то во вселенной существует и сохраняется до скончания света (Старообрядчество, 86). Одним из мест, где сохраняется древняя церковь, является Китеж-град. Как свидетельствует «Китежский летописец», «сокровени бяху оба град же и монастырь», это «благоутишное

пристанище» «преподобных отец наших», которые «трудятся день и ночь непрестанно, от уст их молитва яко кадило благоуханно» [Китеж. летоп., 478]. В своей повести М. М. Пришвин пересказывает разговор со стариком-бегуном о невидимой церкви – Китеже: «Церковь божия невидима... Покрыл ее господь дланью своею от неверных мира сего. И до пришествия Христова будет невидима (...) Хотя и невидимая церковь, а все-таки церковь. Вот под большим холмиком скрыто Знаменье, а где мы сидим – Здвижение животворящего креста господня, а подальше – там Успение божьей Матери (...) Понимаю белого старика: церкви под холмиками Светлого озера такие же, как и видимые. Но только там все правильно: иконы старинные, от зачатия века стоят, верующие, в длинных староверских кафтанах, крестятся двумя перстами, попы ходят посолонь, служат на семи просфорах. И звон там, чудесный колокольный звон» [Пришвин, 443–444]. У Клюева Китеж, как и Церковь, является Невестой Христа: *Приходи, Жених Дориносимый, / Чиста скатерть, прибрана светелка!... / Есть в хлевушке, в сумерках проселка, / Золотые Китежи и Римы* (12, 128).

Открытие беспоповцами духовного Антихриста в церкви, государстве, социальном быте привело к отказу от мирского, странничеству. Наиболее яркое воплощение эта идея нашла у бегунов или странников. Именно им, по мнению исследователей русского старообрядчества XIX в., принадлежит главная роль в создании легенды о Китеже [Чистов 1967: 249]. Не случайно в «Песни о Великой Матери» упоминание Китежа связано с описанием бегунов: *От Пустозерска и до Бийска, / И от Хвалыни на Багдад / Течет невидимый Ефрат, – / Его бесплотным кораблям / Притины – Китеж и Сиам* (13, 24). Связь Китежа с Ефратом закономерна: в Библии Ефрат определяется как одна из четырех рек Эдема – рая Божьего на Земле. Стремление найти заветное царство на востоке характерно и для других русских утопий. Например, в районе Тигра и Ефрата пытались искать «город Игната» старообрядцы-некрасовцы [Чистов 1967: 320].

С образом Китежа-града перекликается загадочный образ Белой Индии: *На дне всех миров, океанов и гор / Хоронится сказка – алмазный узор, / Земли талисман, что всевышний носил / И в Глуби Глубин, наклонясь, обронил («Белая Индия»)* (10, 309); Но нерушимы *Гималаи* – / Блаженных сеней покрывало. / Под океан, тропинкой малой, / Отбудем мы в алмазный город, / Где роковой не слышен молот, / Не польхает саван злой, / Туда жемчужною тропой/ К святым собратиям в соседи / Нас поведут отцы-медведи! (13, 25). Ср.: Чу! Скрипит мережный ворот, / Знать известье рыбакам, / Что плывет хрустальный город/ По калиновым волнам! (13, 35).

Алмазный (хрустальный, жемчужный) город сочетает в себе черты легендарного Китежа и апокалиптического Града Грядущего – Нового Иерусалима. Ср. с описанием Небесного Иерусалима в «Откровении Иоанна Богослова» (Откр., гл. 21): «Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены

всякими драгоценными камнями: основание первое – яспис, второе – сапфир, третье – халкидон, четвертое – смарагд, пятое – сардоникс, шестое – сардолик, седьмое – хризолит, восьмое – вирилл, девятое – топаз, десятое – хрисопрас, одиннадцатое – гиацинт, двенадцатое – аметист. А двенадцать ворот – двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города – чистое золото, как прозрачное стекло» (ст. 18–21); «Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою» (ст. 24); «И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (ст. 27). Аналогичные рассуждения о Китеже содержит «Китежский летописец». Таким образом, в народной старообрядческой мифологии Китеж являлся Градом Божиим на земле, доступным праведникам в их земной жизни. Сходные суждения высказываются и Пришвиным: «И так, само собой, без всяких усилий вспоминается, что город невидимый, скрытый у Светлого озера, называется Китеж. Он и есть тот град Иерусалим, который спускается к людям за чертою всего земного» [Пришвин, 398].

Образ подводных нерукотворных городов «за гранью стынувшей зари» рисуется Николаем Клюевым в стихотворении «Пловец» (1908 г.), имеющем эпиграф из Данте: «Нужны цари из Истинного Града, / Умеющие Башню различать».

*Но сон угас, как зори мая,
Надводным холодом дыша,
И с той поры о дивном крае
Томится падшая душа.
Ей снятся солнечные стены
Нерукотворных городов,
И в солнечном мерцанье пены
Сиянье чудится венцов.
Как будто в сумраке далеке,
За гранью стынувшей зари,
Пловцу отважному навстречу
Идут пророки и цари.*

(12, 47)

Близок образу Китежа-града в других текстах образ подводного «кораллового города с алмазной стеной», «поддонного Харана», возникающий в стихотворении «Красный Адам» (1919 г.):

*Ефратия Русь в черемисском совдепе,
В матросской цигарке Аравии зной!
За смертную бурей наш якорь зацепит
Коралловый город с алмазной стеной.*

*С урочным отпыльем на якорных лапах
Раскинет базары **поддонный Харан**...
Плывет от Олонца смоковичный запах,
Устюжский закат осыпает шафран.*

(12, 201)

Другой вариацией образа Китежа, по мнению исследователей творчества поэта [Филиппов 1969: 134; Семенова 1997: 51; Маркова 1997(а): 237], является Лидда-град, сказочной повестью о которой завершается поэма «Погорельщина». Лидда – название библейского города в Палестине – перенесено на легендарный город, основанный русскими поморянами, возглавляемыми князем Онорием на «славном Индийском помории»: *Срубил князь Онорий Лидду-град, / На синих лугах меж белых стад. / Стена у города кипарисова, / Врата же из скатного бисера. / Избы во Лидде – яхонты, / Не знают мужики туги-пахоты* (12, 336). Сказочная индийская Лидда противопоставляется реальному миру погибающей Руси: *Радонеж, Самара, / Пьяная гитара, / Свились в одно... / Мы на четвереньках, / Нам мычать да тренькать / В мутное окно!* (12, 338). Недостигаемость сближает Лидду-град с Китежем: *Лидда с храмом белым, / Страстотерпным телом / Не войти в тебя!* (12, 338).

Понятия Русь и Китеж в произведениях поэта тесно связаны, предполагают одно другое. Полное отождествление их наблюдается в стихотворении «Русь-Китеж», где прошлое, настоящее и будущее соотносимы с тремя эпохами: эпоха Древней Руси, дониконовской веры, эпоха Антихриста, поругания Святой Руси и грядущая эпоха. Историческое прошлое – эпоха Древней Руси, «древляго» благочестия, старой веры. С ним в поэзии Н. А. Клюева связан мотив непоправимой утраты.

Русь-Китеж

*Обернулась купальским светляком,
Укрылась крестиком из хвоинок.
Больше не будет сказки за веретеном,
Позапечных брынских тропинок.
На лежанку **не сядет дед**
В валенках-кораблях заморских,
С бородицей – пристанью лет,
С Индией узорною в горстках.
В горенке Сирин и Китоврас
Оставили помет да перья.
Не обрядится в шамаханский атлас
В карусельный праздник Лукерья...*

Как и для большинства старообрядцев, настоящее для поэта – эпоха «неприкаянной», «пригвожденной» России, начавшаяся правлением «тишайшего» царя Алексея Михайловича и реформами патриарха Никона. «История впредь перестает быть священной, становится безблагодатною. Мир оказывается и остается отселе пустым, оставленным, Богооставленным. И нужно уходить, – из истории, в пустыню. В истории побеждает кривда. Правда уходит в пресветлые небеса. Священное Царствие оборачивается царством Антихриста» [Флоровский, 69]. Время Раскола и современное поэту постреволюционное время – единая эпоха. В стихотворении «Псалтирь царя Алексия...» (1920–1921, 1924) реалии исторического прошлого и нового революционного мира объединены общим временным планом: *Псалтирь царя Алексия, / В страницах убрусы, кутья, / Неприкаянная Россия / По уставам бродит кряхтя* – символ нового церковного обряда; *в воздухе порох и гарь, От Бухар до лопского чума / Полыхает кумачный май* – символ революции, уподобляемой костру, на котором был сожжен Аввакум – *Не заморскую ль нечисть в баньке / Отмывает тишайший царь? / Не сжигают ли Аввакума / Под вороний несметный грай?...* (12, 222).

Настоящее – гибельная предапокалиптическая индустриальная и урбанистическая действительность, антикультура: *Черный уголь, кудесный радий, / Пар-возница, гулеха-сталь / Едут к нам, чтобы в Китеж-граде / Оборвать изюм и миндаль, / Чтобы радужного Рублева / Усадить за хитрый букварь* (11, 117); *Где же петухи на полотенцах, / Идолище-самовар? / «Ах, вы сени» обернулись в бар, / Жигули, лазурный Светлояр / Ходят, неприкаянные, в немцах!* (11, 157). *Орина, солдатская мать», / С помадным ртом, в парике рыжем... / Тихий Углич, брынская гать / Заболели железной грыжей. / В Светлояр изрыгает завод / Доменную отрыжку – шлаки... / Светляком, за годиною год, / Будет теплиться Русь во мраке* (12, 182). Истинная Русь в настоящем – это скрытый невидимый Китеж. Несмотря на то, что топоним связывается с реалиями прошлого, само понятие, заключенное в нем, существует как бы над временем. Названия же современных поэту русских городов как обозначения святынь, напротив, соотносятся с планом прошлого: *Вы умерли, святые грады, / Без фимиама и лампы / До нестареющих пролетий* (11, 230); *Нет русских городов-невест / В запястьях и рублях мидийских* (11, 231). Функция топонима **Китеж** в поэзии Н. Клюева чаще всего не локально-темпоральная, а скорее обобщенно-символическая.

Важно отметить, что понятие о культурном явлении у Клюева нередко связывается именно с образом града: *Есть град с восковою стеной, / С палатой из титл и заставок, / Где вдовы-ресницы живут / С привратницей – Родинкой доброй, / Где коврик моленный расшит / Субботней страстною иглою, / Туда меня кличет Оно* (12, 146); *О, скопчество – венец, золотоглавый град* (7, 116). Выше уже отмечалось, что поэзии Клюева свойственно название абстрактного понятия при помощи топонима. Ср. также употреб-

ление слова Светлояр: *Самоцвет и пестрядь Светлояра / Взбороздила ирифтная река* (12, 189).

В стихотворении «Посол от медведя» (1918 г.) поэт рассматривает топоним *Китеж* в ряду других слов-символов, соотносенных с абстрактными понятиями: *Я – посол от медведя / К пурпурно-горящему Льву, – / Малиновой Китежской медью / Скупаю родную молву. / Китеж, Тайна, / Финифтяный рай, / И меж них ураганное слово, – / Ленин – кедрово-таежный май, / Где и солнце, как воин, сурово...* (11, 101).

Обобщенно-символическое значение топонима лежит в основе метафоры «Китеж-град» – «цветок купальской веры» в стихотворении «На божнице табаку осьмина...» (1917 или 1918 г.). Мир духовного Антихриста – «*На божнице табаку осьмина / И раскосый вылуценный Спас*», «*Древо песни бурею разбито, / Не триодь, а Каутский в углу*», «*Грезит парень стачкой и Палермо, / Президентом, гарком кастаньет*», «*Кто-то черный, с пастью яро-львиной, / Встал на страже полдней и ночей*» – получает метафорическое осмысление в обращении к святому Егорию: «*Страстотерпец, вызволь цветик маков! – / Китеж-град ужалил лютый гад...*» (12, 172). Развернутая метафора реализует антитезу реального царства духовного Антихриста и праведного православного мира – метафизического Китежа.

В поэтическом настоящем Китеж-град существует в мечтах лирического героя: *Теперь бы в сенцах скамейка, / Рассказы про Китеж-град. / На столе медовые пышки, / За тыном успенский звон... / Зачураться бы от наслышки / Про железный неугомон, / Как в былом, всхрапнуть на лежанке...* (12, 222). Мотив мечты связан и с названием озера Светлояр: *Ночной комар – далекий звон, / На Светлояре белый сон, / От пугал темени заслон, / И от кладбищенских ворон / Мечте, как лебедю, затон: / Дон-дон!* (11, 157).

«Раскол не старая Русь, но мечта о старине. Раскол есть погребальная грусть о несбывшейся и уже несбыточной мечте..., – отмечал прот. Г. Флоровский. – Раскол весь в воспоминаниях и в предчувствиях, в прошлом или в будущем, без настоящего. Весь в истоме, в грезах и в снах. И вместо «голубого цветка» полусказочный Китеж... Раскол можно назвать социально-апокалиптической утопией» [Флоровский, 67]. Однако Китеж для Клюева не просто красивая греза, поэт разделяет народную веру в реальное существование недостижимого, невидимого града: *Нерукотворную Россию / Я, песнописец Николай, / Свидетельствую, братья, вам* (12, 327).

В поэтической картине мира Н. А. Клюева Китеж связывается с планом прошлого и настоящего, в будущем Руси-Китежу нет места, он останется только в воспоминаниях: *И «в нигде» зазвонит Китоврас, / Как муха за зимней рамой. / Заслудеет память-стекло, / Празелень хвой купальских...* (12, 183). Представление поэта о будущем пессимистично. Сравнивая поповцев и беспоповцев, В. П. Рябушинский называет последних религиозными пессимистами: «Религиозный пессимизм – настроение очень опасное: оно делает душу человека легкой добычей всякого соблазна и прелести, поэтому случаи

перехода из старообрядчества, уже не говоря про нетовщину – религию отчаяния, и все же как-то связанную с православием – в хлыстовство, баптизм, любую секту и веру, для беспоповцев много более часты, чем для приемлющих священство» [Рябушинский, 83]. Не является исключением в этом отношении и путь духовных исканий Н. А. Клюева. Мотивы религиозного пессимизма свойственны многим его произведениям, написанным после революции.

В апокалиптической «Песни Гамаюна» (1934 г.), состоящей из трех частей, центральное место занимает образ нового Китежа. Революционная Россия воспринимается поэтом как царство Антихриста: *От Лаче-озера до Выга / Бродяжил я тропой опасной, / В прогалах брезжил саван красный / Кочевья леших и чертей* (11, 226). Вопреки ожиданиям, судьба «пригвожденной России» представляется духовному взору поэта рядом фантазмагорических картин, среди которых жертва ада – уродливый человек-рыба – *Их было тысяча на суше / И гатями в болотной води!* Вместо Града Грядущего новый революционный мир, в котором «Выго сукровицей плещет о пленный берег», явил новый Китеж-град: *Данилово, где Неофиту/ Андрей и Симеон, как сыту, / Сварили на премноги леты/ Необоримые «Ответы» / ... / «От поругания и казни/ Укрылося под зыбкой схимой, – / То Китеж»* новый и незримый, / *То беломорский смерть-канал, / Его Акимушка копал, / С Ветлуги Пров да тетка Фекла, / Великороссия промокла/ Под красным ливнем до костей/ И слезы скрыла от людей, / От глаз чужих в глухие топи* (11, 226–227). Использованный в данном произведении топоним-метафора выполняет образно-характеризующую функцию и развивает сквозную для многих стихотворений тему скрытой, ирреальной в настоящем Святой Руси, которой в данном тексте противопоставлена «пригвожденная Россия», Великороссия.

На основе представлений о Китеже как праведной, райской земле у Клюева строится образ мужицкого рая: *Оку Спасову сумрак несносен, / Ненавистен телец золотой; / Китеж-град, ладан Саровских сосен – / Вот наш рай возделенный, родной* (10, 344). *Моя слеза, мой вздох о Китеже родном, / О небе пестрядном, где звезды – комары, / Где с аспидом дитя играют у норы, / Где солнечная печь ковригами полна / И киноварный рай дремливей челна...* (12, 169). *Уму – республика, а сердцу – Китеж-град, / Где щука пестует янтарных окунат, / Где нянюшка-Судьба всхрипнула за чулком / И покумился серп с пытливым васильком. / Где тайна как полей синеющая таль...* (12, 170).

Наиболее полно образ Китежа-Руси раскрывается в одном из лучших произведений поэта «Песни о Великой Матери». Топоним Китеж-град употребляется в тексте трижды. Китеж в поэме – *обиталище святых и праведников, умерших предков.*

В поэме функционально отождествляются **Русь, Китеж-град и Божий Цареград** как особое сакральное пространство, алмазный или хрустальный город, святой мир «древлей» веры, обиталище праведных душ. *Николенька, меня могила / Зовет, как няня, тихой сказкой / ... / Приземную оставя клеть,*

/ Отчалию в Русь в ладье сосновой, / Чтобы с волною солодовой/ Пристать к лебяжьим островам, / Где не стучит по теремам / Железным посохом хромец, / Тоски жалейщик и дудец... (13, 34). Представление о Руси на лебяжьих островах напоминает легенды о Беловодье.

Образ Святой Руси – обители святых и праведников – связан с образом мистического града Китежа: «Там в белой роще дед и мама!», которую охраняет «крылатый страж на гребне скал» и где героя встречают «Хутынский Варлаам, / С ним Сорский Нил, с Печеньги Трифон, / Борис и Глеб – два борзых грифа – / Зареет утро от попон, / И Анна с кашинских икон – / Смирненное тверское поле» (13, 41). Ср. с описанием Святой Руси в «Погорельщине» Я бормотал: «Святая Русь, / Тебе и каторжной молюсь!... / Ау, мой ангел пестрядинный, / Явися хоть на миг единый! (...) Но не откинулась веревя, – / Лишь страж, кольчугой пламенея, / Сиял на башне самоцветной (12, 328). В другом тексте («Уму – республика, а сердцу Китеж-град», 1917 г.) образ Китежа-града реализуется и словосочетаниями *сад белый, восковой, златобревный дом, берестяный придел*, «где отрок Пантелей / На пролежни земли льет миро и елей» (12, 169). В плаче схимника Савватия употребляется прилагательное *китежский*: *Никола наг, Егорий пеший / Стоят у китежских ворот* (13, 31).

Представление о Святой Руси в поэме перекликается с описанием Царьграда: «Утечь бы солнопеком, / Доколе видит око, / В лазоревый **Царьград** – / Там лапушку приветит / В незаходимом свете Феодор Стратилат!» (13, 18), легендарный **Царьград** перенесен «в **индийский край** далекий, / Где зори шьет весна» (13, 18), «Черемухою белой, / Пройдя земное тело, / В него войдешь душой!» (13, 19). Именно в Индию отправляется Прасковья на поиски Царьграда. Город, увиденный Парашей во сне, описан ей хозяйкой – Утоли Печали, Владычицей Марией: «Вот горенка Миколы, / Подснежники – престолы, / На лавке лапоток. / Здесь – Варлаам с Хутыня/ И мать слез – пустыня, / Одета в поток. / Иона ящезерский, / С уздечкой, цветик сельский, – / Из Веркольска Артем. / Се – Аввакум горящий, / Из свитка, меда слаще, / Питается огнем!» (13, 19).

Образ Китежа-града появляется в поэме и в описании внучки Прасковьи – Насти, избравшей духовный путь бабушки и предназначившей себя иконописному небесному жениху:

Вся в бабу, девушка в семнадцать
Любила платом покрываться
По брови, строгим, уставным,
И сквозь келейный воск и дым,
Как озарение опала,
Любимый облик прозревала.
<...>
Так две души, одна земная,

И живописная другая,
Связались сладостною нитью,
Как челн, готовые к отплытью,
В живую воду, где **Китеж-град**.
И спеет слезный виноград,
Куда фиалкой голубой
Уйдешь и ты, любимый мой!

(13, 42–43)

Всего один раз в поэме, как и во всем творчестве поэта, – в описании «усупения» матери – употребляется слово *китежане*. Оно называет предков (в том числе остяков и ороченов), явившихся «*чтоб гробом праведным, иконой, / Как полным ульем, подышать*» (как известно, Ключев поэтизировал свою родословную, ведя ее от лопарей и саамов):

*Дымилась водь, скрипела гать,
Все прибывали китежане, –
От Ясных Ляг, где гон кабаний.
Из городища Турий Лоб,
И от Печер, где узел троп
Подземной рыбы пачераги,
Что роет темные овраги,
Бездонный чарус, родники...
Явились в бусах остяки,
В хвостах соболей орочены,
Услышав росомашьи стоны,
Волыночный лосиный плач...*

(13, 35)

Китеж-град для поэта – это и *тайный, скрытый «запечный» мир, сохраняемый русским крестьянством*. Представляя крестьянскую избу как модель мира, Ключев связывал Китеж с потайным местом за печью: *Слышите ль, братья, поддонный трезвон – / Отчие зовы запечных икон?! (10, 459)*. Образный ряд «Китеж – Русь – Индия» пополняется новым пространственным обозначением – *запечный притин*. *Светел запечный притин – / Китеж* Мемелф и Арин, / *Где словорунный козел / Трется о бабкин подол. / Там образок Купины – / Чаша ржаной глубины; / Тела и крови Руси, / Брат озаренный, вкуси!* (10, 464).

С образом Китежа в творчестве поэта тесно связывается и образ Рима: *Есть в хлевушке, в сумерках проселка, / Золотые Китежи и Римы* (12, 128). Рим для поэта, как и Китеж, – вечный город, колыбель культуры христианства, русского православия: «Песни мои Олонекские журавли да болотные гагары – летите за синее море, под сапфирное небо прекрасной Италии! Поклонитесь от меня вечному городу Риму, страстотерпному праху Колизея, гробнице чудного во святых русских Николы Милостивого, могилке сладчайшего брата калик переходных Алексия – человека Божьего, соснам Умбри и убрису Апостола Петра! Расскажите им, песни, что заросли русские поля плакун-травой невылазной» и т. д. (Из посвящения «Этторе Ле Гатто – Светлому брату») [Ключев, т. 1, 1969: 209]. «Китежи и Римы» – обобщенный символический образ, имеющий в тексте и другую номинацию: *Уврачуйте, черные увечья, / О святые грады, в слезном храме!* (12, 128).

Другие вариации общего инварианта образа – *адамантовый бор, царство*. На дне всех миров, океанов и гор / Цветет, как душа, *адамантовый бор*, – / Дорога к нему с Соловков на Тибет, / Чрез сердце избы, где кончается свет (...) Я первенец Киса, свирельный Саул, / Искал пегоухих отцовских ослиц / И *царство* нашел многоценней златниц: / Оно за печуркой, под рябым горшком, / Столетия мерит хрустальным сверчком (10, 311).

Итак, подводя итог всему сказанному, отметим, что легендарные и реальные топонимы, обозначающие сакрализованное физическое пространство, используются Н. А. Клюевым для называния сакрального метафизического пространства, развивают абстрактное значение, которое подвергается символизации и метафоризации. Культурно-исторический комментарий позволяет понять причины употребления топонима в том или ином контексте.

Религиозно-утопические идеи Раскола вызвали в начале XX в. большой интерес у многих русских писателей и поэтов. Понятие странничества: «Странники града своего не имеют, они града грядущего ищут» – распространяется уже и на интеллигенцию, и целиком на русский народ. Н. А. Бердяевым, например, странничество связывается с духовной активностью русской души: «Русской душе не сидится на месте, это не мещанская душа, не местная душа. В России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома» [Бердяев 1990: 17]. Несмотря на это, поэзия Н. Клюева сохраняет традиционное, старообрядческое и народно-поэтическое, представление о Китеже.

В поэтическом наследии Н. А. Клюева топоним *Китеж (Китеж-град)* имеет сложную символическую семантику, которая вносится данным словом в текст и обуславливает смысловое наполнение контекста. В разных произведениях поэта топоним *Китеж (Китеж-град)* семантически и функционально не тождествен (обозначение сакрального «поддонного» пространства, символ абстрактных понятий, метафорическая характеристика объекта или явления и т. д.). Каждое употребление названия реализует целый комплекс мотивов, формирующих образ праведной земли. Инвариантное значение топонима включается в семантику других имен собственных (Русь, Материк, Индия, Индийская земля, Божий Цареград, Лидда-град и др.) и апеллятивных сочетаний (хрустальный город, адамантовый бор, белая роща, лебяжьи острова и др.). В ряде случаев указанные топонимы являются функциональными эквивалентами, обозначают одно понятие. Топониму Китеж свойственна не локально-темпоральная, наиболее характерная для поэтических топонимов, а обобщенно-символическая (Китеж – Тайна, Финифтяный рай, купальская вера и т. п.) функция. Образная семантика топонима сохраняется и производными от него словами (*китежский, китежские*).

3. Индия

*Журавиная, русская тяга
С Соловков – на узорный Багдад...
(8, 93)*

Рассмотрение системы топонимов в творчестве Н. А. Клюева обнаруживает индоцентричность поэтического образа пространства в его произведениях [Яцкевич 2000(6)]. Вместе с тем индоцентричность – это отражение клюевской этноцентричности, мифологема *Индия* – одно из воплощений многоликой русской культуры: *Индия-Русь – глубина пододонная* (15, 471). Клюев создает свой поэтический образ пространства русской культуры и дает этому образу имя *Белая Индия*:

*Осеньет Словесное дерево
Избяную, дремучую Русь!*

*Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древословный навес,
И страна моя, **Белая Индия**,
Преисполнена тайн и чудес!*

(11, 88)

В топонимии оппозиция *белый – черный – красный* связана с ориентацией по сторонам света, заимствованной у азиатских народов (*Белое море – Черное море, Белая Русь – Черная Русь – Червоная Русь*), с противопоставлением вольного, свободного («белого») и зависимого социального пространства (*Белая Русь – Черная Русь – Червоная Русь*) [Агеева 2002: 174–183], ср. у Клюева: *Можно б вспять, поправши злобу, / Да покинешь ли одну / Русь Червоную – зазнобу / В басурманском полону!* (4, 29).

Белый цвет в русской православной культуре – традиционный символ святости и ее проявление (П. А. Флоренский. «Столп и утверждение истины»), форма и суть святости (*свят–свет*) [Топоров 1995: 544]. Сакрализация белого цвета отражена в библейских текстах и древнерусской литературе. В. И. Даль отмечает сочетания *Белая Русь* и *Святая Русь* как тождественные. В культуре Серебряного века белый цвет начинает занимать доминирующее положение и как символическое цветообозначение встречается в поэзии А. А. Блока, К. Бальмонта, М. Цветаевой, А. Белого и др., широко представлен в названиях поэтических произведений (А. А. Ахматова «Белые четки», «Белая стая», А. Чапыгин «Белый скит», М. Булгаков «Белая гвардия» и др.), в живописи (К. Малевич «Белое на белом», П. Филонов «Белая картина» и др.) [Злыднева 2002: 426–431]. Эпитет *белый* – одно из самых частотных цветообозначений в поэзии Н. Клюева (149 употреблений).

Как и у других поэтов, у Клюева символика белого противопоставлена символике красного и черного. Сакрализация белого в поэтических текстах Клюева проявляется в сочетаниях *белый брат*, *соловецкая белая Русь* и др. Традиционная семантика эпитета *белый* связана с символикой новизны (*белые срубы*, *белые холсты*), чистоты (*белые крылья*, *белые росы*), свободы, открытого пространства (*белый свет*). Фольклорной традицией определено использование эпитета *белый* (*белое лицо*, *белый цвет*) для обозначения идеального, прекрасного, красивого. Антитеза *красное–белое*, ключевая для революционной и постреволюционной эпохи, у Клюева (*Белая Индия – красная Коммуна*) носит религиозный и культурно-идеологический характер (*Под красным знаменем рудеет белый дух*), но не политический. Характерно, что «белое движение» воспринимается поэтом как черное: *Ваши черные белогвардейцы умрут / За оплевание Красного бога* (10, 365). Таким образом, в составе имени *Белая Индия* синкретичный эпитет выражает семантику святости, свободы, чистоты, обновления, служит целям идеализации изображаемого явления.

Индия – традиционное европейское название государства Бхарат на полуострове Индостан. Историческое (оно же и современное индийское) название *Бхарат* связано с древнеиндийским племенем бхаратов, согласно «Ригведе», жившем в долине Ганга (Бхаратаварша), древний этноним отражен в названии эпической поэмы «Махабхарата» [Агеева 2002: 221–223]. Название *Индия* (от *хинду* ‘индус’) известно в Европе из персидского языка, как и название полуострова Индостан (в восточных языках *-стан* ‘земля, территория’ – элемент, образующий названия этнических территорий от имен этносов – Татарстан, Афганистан и др.). По аналогии получило огласовку название крупнейшей индийской реки *Инд* (искаженное *синдху* ‘река’, заимствовано через посредство персидского языка). Сходство звучания позволяло некоторым ученым высказывать версию, согласно которой государство названо по реке (Поспелов, 76). Европейская традиция усвоила различные производные топонимы с корнем *Инд-*: *Индийское море* (у Александра Македонского – *Индикон-Пелагос*, у арабов – *Бахр-эль-Хинд*), *Индийский океан* (*Океанус-Индикус* у Плиния) (Поспелов, 76). Названия стран на *-ия*, *-ика*, образованные от этнонимов, были характерны латинскому языку, особенно активно оформлялись названия стран при помощи таких финалей в позднесредневековой латыни (*Россия*, *Грузия*, *Якутия*, *Моравия*, *Болгария* и др.) [Агеева 2002: 235–236].

Древние представления европейцев об Индии не были географически определенными. Во многом это было обусловлено ее особым расположением: на севере полуостров отрезан от материка трудно проходимыми горными массивами (караванные пути были не известны европейцам), а морской путь был слишком дальним и сложным. Как известно из всемирной истории, величайшие географические открытия были связаны с поисками путей в Индию. Чудесная земля, изображенная Клюевым, так же недоступна:

*Меж тучных, глухих и скудельных земель
Есть мать-земля, бытия колыбель,
Ей пестун судьба, вертоградарь же – бог,
И в сумерках жизни к ней нету дорог.*

(10, 296)

Русский образ Индии во многом сформировался под влиянием античных источников. Представление о Востоке, сложившееся еще у античных географов, всегда было евроцентричным (ср. Ближний Восток и Дальний Восток). К восточным странам относили земли от северной Африки (Марокко, Тунис, Египет) до Китая. Римские авторы I в. н. э. под «Индией» понимали земли, лежащие на побережье Красного моря, Персидского залива и далее на Восток вплоть до Китая [Агеева 2002: 225]. Причем Красным (Эритрейским) морем называли сперва весь Индийский океан, а гораздо позднее только малую его часть. Древнерусский «Физиолог», описывая птицу Феникса, говорит о ее обитании «близъ Индѣя, близъ Солнечна града» и тем самым определяет местоположение Индии в Африке, связывает его с Гелиополем в Египте [ПЛДР XIII, 476, 614 (прим.)].

В поэзии Клюева объединение в один ряд топонимов: *Индийская земля, Египет, Палестина* – / *Как олово в сосуд, отлились в наши сны* (10, 300) – на первый взгляд, выглядит поэтически условным. Однако этот ряд вполне соответствует древней топографии, средневековому европейскому представлению о Востоке, и Индии в частности.

Мифологический образ чудесной страны в русской культуре сформировался под влиянием книжной традиции. С XIII века на Руси известно переводное «Сказание об Индийском царстве» [ПЛДР XIII, 467–473]. Произведение, возникшее на византийской почве в XII в., представляет собой послание «индийского царя-попа Иоанна» византийскому императору Мануилу с призывом подчиниться его власти: «Я – Иоанн, царь и поп, над царями царь; под моей властью три тысячи триста царей. Я поборник православной веры Христовой». Сказочная Индия богато украшена православными храмами, царю служит сонм благочестивого духовенства (сотни епископов, попов, дьяконов). Двор и палаты «царя-попа» возведены из золота и драгоценных камней [ПЛДР XIII, 471]. В Индии живут необыкновенные полулюди с песьими головами, с глазами на плечах и груди, фантастические животные (птица Феникс, извергающий огонь крокодил и др.). Посреди царства течет из рая река Эдем, в которой добывают драгоценные камни: «гиацинт, сапфир, памфир» и др.

«Православная» Индия – это византийский миф-утопия о близкой к раю сказочно богатой земле, где царит социальная справедливость: «...и нет в моей стране ни вора, ни разбойника, ни завистливого человека, потому что земля моя полна всякого богатства» [ПЛДР XIII, 469].

В 1474 году тверской купец Афанасий Никитин, ограбленный на Волге, «от многих бед» отправился в Индию, потому что на Русь «идти было не с чем». «Бесерменская» страна, описанная им в «Хождении за три моря», существенно отличалась от сказочной райской страны, какой представляли себе Индию его современники: «В Ындийской земли княжат все хоросанцы, и бояре все хоросанцы, а гундустанцы все пешеходы, ...ходят борзо, а все наги да босы... А земля людна велми, а сельскыя люди голы велми. А бояре силны добре и пышны велми». Реальная Индия была чрезвычайно далека от идеала православного рая на земле. С XIII в. индийские земли были захвачены мусульманскими завоевателями. Иноземцу Никитину угрожала опасность насильственного обращения в магометанство, поэтому он был вынужден идти на многие компромиссы. Исследователи спорят о том, смог ли Афанасий Никитин остаться верным православию или же чужбина сломила его [Лурье 1986]. «Ино, братие русстии християня, – восклицал он в отчаянии, – кто хошет пойти в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да пойти в Гундустанскую землю» [Афанасий Никитин, 8].

Важно отметить, что Афанасий Никитин, в покаянных строках из осторожности смешивавший слова христианских и мусульманских молитв, тем не менее воспринимал Индию при помощи православных мировоззренческих категорий: «Расспрашивал я их [индейя] о вере, и они говорили мне: веруем в Адама, а буты [т. е. идолы, боги индийского пантеона], говорят и есть Адам и весь род его» [Афанасий Никитин, 48], «а молятся они на восток, как русские» [Афанасий Никитин, 49], «а Цейлон – пристань немалая на Индийском море. И там на горе высокой лежит праотец Адам» [Афанасий Никитин, 51]. Путешественник упоминает гору Серендиб (Пик Адама), которая, согласно мусульманской легенде, была первым пунктом, куда ступила нога Адама после изгнания из рая, а впоследствии стала местом паломничества индийских христиан (несториан), буддистов и мусульман (в отличие от ислама, в индуизме культа Адама не было). Легенда об Адаме поддерживает миф об Индии как земле, близкой к раю.

Из древнерусских литературных источников образ Индийского царства был перенесен в фольклор, где он зажил своей жизнью. В былине о Волхе Всеславьевиче Индийское царство вытеснило более ранний традиционный образ татарской Орды и изображено противником Киевской Руси. Именно туда отправляется Волх (Вольга), обернувшись туром-золотые рога, ясным соколом. Связь Индии с Волхом не случайна: чудесное царство оказывается доступным только богатырю-чародею. Индийское царство в былине описывается как город-посад с узорными воротами из слоновой кости – «рыбьего зуба» (в языке Северной Руси XV–XVII вв. *зуб* – бивень слона или моржа, *рыбий зуб* – моржовый бивень (СПЛ, 1, 238); в былине слоновая и моржовая кость отождествлены):

*«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Не время спать, пора вставать,
Пойдем мы ко царству Индейскому».
И пришли оне ко стене белокаменной;
Крепка стена белокаменна,
Ворота у города железные,
Крюки да засовы все медные,
Стоят караулы денны-ночны,
Стоит подворотня дорог рыбий зуб,
Мудрены вырезы вырезаны.*

[Былины, 32]

В былине обращение к образу Индии целиком подчинено осмыслению истории чудесной богатой земли и ее чудесного царя:

*И тут Волх сам царем насел,
Взявши царицу Авзяковну,
А и молодую Елену Александровну;
А и та его дружина хоробрая
На тех девушках переженилися;
А и молодой Волх тут царем насел,
А то стали люди посацкие.
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячечей.*

[Былины, 33]

Фольклорный образ Индии наследует характерные черты облика древнерусской Индийской земли и ее оценку. Индийская земля – обозначение «чужого» культурного пространства на Востоке, вместе с тем близкого и удивительного. Е. С. Березкина, исследовавшая этнонимы в беломорских былинах, отмечала, что на Руси Индия всегда воспринималась как тридевятое царство, тридешатое государство, край света. Индийская земля, ее царь и царица осмыслились с помощью русских национальных стереотипов и оценивались положительно [Березкина 1998: 11–12].

Былинная и сказочная Индия – это чужое пространство, ставшее своим, это свое посюстороннее «иное». На роль этого иного царства Индия (Индия) идеально подходила благодаря не только своему сказочно-легендарному культурному фону, но и народной этимологии названия. О. Пашко обратила внимание на близость звучания топонима *Индия* и наречия *инде* (*инди*) ‘в другом месте’, ‘в другой раз’ в олонекских говорах: «Индия по сути своей не название, а указание» на иное место, иное царство [Пашко 1998: 131–132].

Именно такую внутреннюю форму слова *Индия* раскрывает и сам Клюев в поэме «Кремль»:

*Я прошлым называю гать
Своих стихов, там много дупел
М дятлов с ландышами вкупе...
Опять славянское слово!
Но что же делать беззакону,
Когда карельскому Олонцу
Шлет Кострома «досель» да «инде»
И убежать от пестрых индий
И Маяковскому не в пору?!
Или метла грустит по сору,
Коль на стихи дохнул Багдад
И липовый загложивший сад
Темнозеленою косынкой?...*

(16, 208–209)

В русском фольклоре близкий образ «иноного» царства находим в былинне «Вавило и скоморохи», исполнявшейся М. Д. Кривополеновой, – *Инищее царство*, с которым состязались скоморохи в игре на гудках и где сел царствовать победитель Вавило со своей матерью Ненилой [Былины, 482–488].

Внутренней форме имени *Индия* у Клюева, определяемой народной и поэтической этимологией, соответствует поэтический топоним *Инония* у С. Есенина: *Обещаю вам град Инонию, / Где живет божество живых! / Плачь и рыдай, Московия! Новый пришел Индикоплов. / Все молитвы в твоём часослове я / Прокляю моим клювом слов* (СИРП, 169). В этом есенинском контексте обращает на себя внимание связь мифонима *Инония* и имени Косьмы Индикоплова – византийского купца и путешественника VI в. («плаватель в Индию»), а впоследствии – александрийского монаха, автора «Христианской топографии». Очевидно, что образы Белой Индии у Клюева и Инонии у Есенина могли иметь общие мифопоэтические истоки.

Образ Белой Индии у Клюева перкликается с народными утопическими легендами о праведных и вольных («белых») землях, особенно актуальными в старообрядческой среде. Известна легендарная страна Беловодье, Беловодское царство, «где, по народным представлениям, распространенным среди старообрядцев XVIII–XIX вв., сохранилось древлеправославное благочестие в первозданном виде: с благоверным государем и святейшим патриархом во главе <...> с сонмом благочестивого духовенства» (Старообрядчество, 44). Предполагалось, что Беловодье находится на Востоке, в горах Тибета или в «Опоньском царстве» (Япония). В социально-утопических легендах, созданных бегунами, «Беловодье мыслится как страна, заселенная выходцами из России и из западных стран; и те и другие бежали от религиозных преследо-

ваний; от папы... или от “никониан”». Это сельская, крестьянская страна, расположенная на 70 островах [Чистов 1967: 258]. Легендами о Беловодье навеян образ чудесного Материка в поэзии Н. Клюева: *К Материку желанной суши / От бурных странствий отдохнуть* (10, 97); *«И всем, кого томит тоска, / Любовь и бrenные обеты, / Зажгу с высот Материка / Путеводительные светы»* (10, 129); *До чудесного материка / Не доедешь на слепых колесах* (10, 446).

Легендарная Индия не знаменита православными святынями, но как Беловодское царство она стала местом паломничества старообрядцев. Клюев упоминает «жемчужную тропу сладости и искусства духовного, что вьется невидимо от Печенеги до индийских тысячестолпных храмов, некогда протоптанная праведными лапоточками мучеников народных, светоискателей и мужицких спасальцев» (17, 126). Своеобразная старообрядческая мифология подкреплялась письмами и рассказами лиц, побывавших в тайной восточной стране. Поиски Беловодья продолжались и в начале XX в. [Чистов 1967: 261–273]. Маршруты поисков Беловодья закреплялись письменными источниками (письмами, «Путешественниками»), создаваемыми бегунами. Существует севернорусский памятник – «Путешественник» Марка Топозерского, созданный в Олонецкой губернии [Чистов 1967: 255]. Подобные источники, очевидно, были известны Клюеву, поскольку фраза «От Пустозерска и до Бийска, и от Хвалыни на Багдад» является реминисценцией беловодских маршрутов. В поэтической автобиографии Клюев писал: «Знаю Русь – от Карелы и Пинеги до сапфирных гор Китайского Беловодья» (17, 47).

Координаты «Индийской земли» определяются в текстах Клюева разными топонимами (*Тибет, Гималаи, Памир, Сиам* и др.), например, в «Песни о Великой Матери»: *Но нерушимы Гималаи – / Блаженных сеней покрывало. / Под океан, тропинкой малой, / Отбудем мы в алмазный город, / Где роковой не слышен молот, / Не полыхает саван злой, / Туда жемчужною тропой / К святым собратиям в соседи / Нас поведут отцы-медведи!* (13, 25).

Райский город Индия, древнейший оплот православной культуры, в поэме Н. Клюева «Песнь о Великой Матери» отождествляется с Царьградом – столицей Византии:

*Написано в Прологе,
Что встретил по дороге
Отроковицу мних.
Кормил ее изюмом,
И вторя травным шумам,
Слагал индийский стих.*

*Узорно бает книга,
Как урожаем рига,*

Смарагдами полна,
Уйду на солнопеки,
В **индийский край** далекий,
Где зори шьет весна!
И снится холмогорке
В хлеву зеленый сон.

В **котах**, сума коровья,
Повышла Парасковья
На деревенский зад
И в голубые насты,
Где жуть да ельник частый,
Отправилась в **Царьград**,

Бегут навстречу елки –
«К нам гостя из светелки», –
И тянут лапы ей.
Ой, пенышки, макушки,
Не застите кукушке
На **Индию** путей!

(13, 18–19)

На формирование народно-утопического образа Индии повлияли воспоминания о древнейшей христианской церкви на индийском поморье, хотя индийская христианская церковь была далекой от православия. Древнейшая церковная организация, по преданию, была основана в Индии апостолом Фомой, но уже к XIII в. находилась «в состоянии упадка и одичания» (ХС, III, 171–172). Достаточно рано индийские христиане примкнули к несторианству, в VI–XI вв. распространившемуся из Персии в Среднюю Азию и Китай, а в XVII в. к монофизитам (ХС, III, 172). У Клюева несториане изображаются как тайные противники, враги православия:

«Николенька, на нас мережи
Плетутся лапою медвежьей!
Китайские несториане
В поморском северном тумане
Нашли улыбчивый цветок,
И метят на тебя, дружок!
Кричит орлица Валаама,
Из звездоликой Лхасы Лама
В леса наводит изумруд...
Крадутся в гагачий закут
Скопцы с дамасскими ножами!..

*Ах, не веселыми руками
Я отдаю тебя в затвор –
Под соловецкий омофор!»*

(13, 23)

Клюевская «Индия» очень мало связана с реальной Индией. Индийские атрибуты условны и народно-поэтически обобщены: *Ой вы, други, гости званные, / Сапожки на вас сафьянные, / Становой кафтан – индийская парча, / Речь орлиная смела и горяча* (10, 339); *Вот почему Сезанн и Суслов / С индийской вязью теремов / Единорогом роют русло / Средь брынских гатей и лесов* (11, 220). Все это также свидетельствует о том, что образ Индии в поэзии Клюева основывается главным образом на сказочных и легендарных мотивах. Белая Индия подчеркнута отстранена Клюевым от Индии исторической и географической.

Мотив «хождения» в Индию у Клюева звучит не только в «Песни о Великой Матери», но и в стихотворениях. Чтобы увидеть «красный рай», нужно «Как в сказке, задремать на тридевять столетий, / В Садко оборотясь иль в вешнего Вольгу» (10, 182). Это мысленное путешествие поэта-гуслира в сказочную райскую страну, поэтическое паломничество:

*Солнце верхом на овине
Трубит в лазоревый рог.
Как и при Рюрике ныне
Много полудных дорог.*

*В Индию, в сказку, в ковригу...
(Горестен гусельный кус.)*

(8, 42)

Клюевский поэт-гуслир напоминает былинного героя Садко. Хотя в новгородских былинах и не говорится о путешествии Садко в Индию, эти образы в русской культуре взаимосвязаны. Например, индийская тема заявлена в опере Римского-Корсакова «Садко». Можно это объяснить и тем, что в поэзии Клюева Вольга и Садко сливаются в один былинный образ: *Кропилом дождевым смывается со ставней / Узорчатая быль про ярого Вольгу, / Лишь изредка в зрачках у вольницы недавней / Пропляшет царь морской и сгинет на бегу* (15, 371). Поэтический дар открыл новгородскому гуслиру путь в «пододонный мир». Для Клюева это мир потаенной, скрытой Руси, града Китежа, далекого мифического Беловодья, Индии-Руси.

Индия изображается Клюевым как место, где скрылось народное счастье, где безвестно обретается истинная вера, оставившая Русь: *Владимира червонные ворота / Замкнул навеки каменный архангел, / Чтоб стадо гор*

блюсти и водопой на Ганге, / Ах, для славянского ль шелом и коня?! (11, 228).

Образ Индии в европейской культуре испытал влияние научно-романтических концепций (Ф. Шлегель и др.), определивших Древнюю Индию как колыбель индоевропейской цивилизации, а санскрит как праоснову европейских языков. Древнеиндийские истоки русских народных образов прослеживали представители мифологической школы XIX в. (А. Н. Афанасьев и др.). Но для Клюева Индия – это не только мир исторического прошлого. В большей мере это апокалиптический или, скорее, хилиастический образ тысячелетнего царства справедливости в конце веков. Характеризуя поэтический сборник «Львиный хлеб», Клюев писал: *Львиный хлеб это в конце концов – Судьба Запада и Востока. Россия примет Восток, потому что она сама Восток, но не будет уже для Европы щитом. Вот это обретение родины-Русью своей изначальной родины – Востока и есть Львиный хлеб* (17, 54).

Особое понимание Индии у Клюева связано с верой русского народа, а точнее, с многоверием и безверием: «в русской светелке» – «все разноверья и толки», в качестве альтернативы которым Клюев выдвигает своеобразную поэтическую религию – Индию, аккумулирующую в себе культурные мифы, начиная с легенд о «пресвитере Иоанне» и заканчивая научными концепциями начала XX в.:

*Об Индии в русской светелке,
Где все разноверья и толки,
Поет, как струна, карандаш.
Там юных вселенных зачатки –
Лобзаний моих отпечатки –
Предстанут, как сонмы богов.
И ели, пресвитеры-ели,
В волхвующей хвойной купели
Омоют громовых сынов.*

(10, 308)

Разработка «индийской» темы в поэзии Клюева осуществляется путем общего осмысления, контаминации разных образов (Русь, Китеж, Алконостная Россия, Лидда, Золотая Орда, Царьград, Заозерье, Заонежье, Соловки, Четвертый Рим, Арахлин-град, Царское Село) [Пашко 1999: 133–134]. Вместе с тем Индия-Русь в поэзии Клюева – не только поэтическая контаминация образов, но и своеобразное представление мифологического «сжатого» пространства и времени [Цивьян 1999], которое у Клюева в рамках архетипа может сжиматься до пределов избы; образ культурного пространства, которое сгущается, «стягивается» вокруг святых мест [Щепанская 1995: 111]:

Дышу восковиной, медынью цветов,
Сжигающих Индий и Волжских лугов! ..
 Верстак – *Назарет*, наковальня – *Немврод*,
 Их слил в песнозвучье родимый народ:
 «Вставай, подымайся» и «Зелен мой сад» –
 В кровавом окопе и в поле звучат...

(10, 347)

Русские и индийские топонимы объединяются в пары, раскрывающие единый синкретичный образ:

- (1) *Простираюсь перед укладкою*
И слезам, и хохоту рад,–

Там, Бомбеем и Ладогой веющий,
Притаился мамин платок...
О твердыни ларца, пламенеющий,
Разбивается смертный поток.

И над Русью ветвится и множится
Вавилонского плата кайма...
Возгремит, воссияет, обожится
Материнская вещь тьма!

(11, 111)

- (2) *Товарищи, ждать недолго*
Солнцеворотный час.

От Пудожья до Бомбея
Расплеснется злат-караван,
Приведет Алисафия Змея,
Как овцу, на озимь полян.

(12, 180–181)

Святое (освященное) пространство именуется Ключевым топонимом *Индия*, обобщенно-символическое значение которого способствует его плорализации:

Мы с радужных Индий дождемся парома,
Где в звездных тюках поцелуи и звон.
То братьев громовых бесценный подарок.
Мы ранами Славы корабль нагрузим.
У наших мордовок, узорных татарок

Клюевский культ Белой Индии имеет свое предание, свои символы, свой обряд. Предание об Индии изложено в поэтических произведениях «Белая Индия», «Белая повесть», «Погорельщина», «Песнь о Великой Матери». В новом ключе рассматривается история раннего христианства, у Клюева она связана с Индией:

*Как на славном Индийском поморьи,
При ласковом князе Онории
Воды были тихие, стерляжие,
Расстилались шелковою пряжею.
Берега — все ониксы с лалами,
Кутались бухарскими шаями,
Еще духом чаиц с загарятами,
Тафтяными легкими закатами.
Срубил князь Онорий Лидду-град
На синих лугах меж белых стад.
Стена у города кипарисова,
Врата же из скатного бисера.
Избы во Лидде — яхонты,
Не знают мужики туги-пахоты.*

(12, 335–236)

Традиционные имена собственные из религиозных текстов в русской символистской литературной традиции, оказавшей огромное влияние на становление поэта Клюева, входят в один ряд с названиями ключевых понятий философской литературы, как классической, так и новой экзистенциальной (философии жизни и смерти). В стихотворении Н. Клюева «Белая Индия» творимый миф XX века охватывает традиционные имена обожествляемых народной традицией космических и природных субстанций (*Месяц, Солнце, небо, Земля* и др.), имена из религиозных текстов (*Глуби глубин, Всевышний, Саваоф, Господа сердце, Предвечность, Гавриил, таинственный ужин* и др.), имена абстрактных экзистенциальных понятий, овеществляемых согласно мифопоэтическим законам (*жизнь, смерть, жалость, мирская душа*), имена философов (*Сократ, Будда, Зороастр, Толстой*):

*На дне всех миров, океанов и гор
Хоронится сказка — алмазный узор,
Земли талисман, что Всевышний носил
И в Глуби Глубин, наклонясь, обронил.
За ладанкой павий летал Гавриил*

И тьмы громокрылых взыскующих сил, —
 Обшарили адский кромешный сундук
 И в **Смерть** открывали убийственный люк,
 У **Времени-скряги** искали в часах,
 У **Месяца** в ухе, у **Солнца** в зубах;
 Увы! Схоронился «в нигде» талисман,
 Как **Господа сердце** — немолчный таран!..
 Земля — **Саваофовых брашен кроха**,
 Где люди ютятся средь терний и мха,
 Нашла потеряшку и в косу вплела,
 И стало **Безвестное — Жизнью Села**.
 Земная морщина — пригорков мозоли,
 За потною пашней — дубленое поле,
 За полем лесок, словно зубья гребней, —
 Запуталась тучка меж рябых ветвей,
 И небо — **Микулов** бороздчатый глаз
 Смежает ресницы — потемочный сказ;
Реснитчатый пух на деревню ползет —
 Загадок и тайн золотой приворот.
 Повыйди в потемки из хмарой избы —
 И вступишь в поморье **Господней губы**,
 Увидишь **Предвечность** — коровой она
 Уснула в пучине, не ведая дна.
 Там ветер молочный поет петухом,
 И **Жалость** мирская маячит конем,
 У **Жалости** в гриве овечий ночлег,
 Куриная пристань и отдых телег:
Сократ и Будда, Зороастр и Толстой,
 Как жили, стучатся в тележный покой.
 Впусти их раздумьем — и въявь обретешь
Ковригу Вселенной и Месячный Нож —
 Нарушай ломтей, и **Мирская душа**
 Из мякиша выйдет, крылами шурша.
Таинственный ужин разделите вы,
 Лишь **Смерти** не кличьте — печальной вдовы...
 (10, 309–310).

В творчестве Ключева с Индией связан мотив обретения эзотерического знания:

- (1) *Кто несказанное чаёт,
Вера в тулупную мглу,*

*Тот наяву обретает
Индию в красном углу.*

(10, 328)

(2) *А в хлевушке, где дух вымян,
За удоем кривая Лукерья
В явь прозрела Индийских стран
Самоцветы, перчу и перья.*

(7, 200)

Приобщение к эзотерическому знанию как своеобразная инициация раскрывается при помощи мотива причастия. Мотив Евхаристии – сквозной для поэзии Н. А. Клюева, трактуемый им достаточно широко (от вкушения Ковриги, Евхаристии шаманов до вкушения народами-Христами солнца) [Киселева 1999].

*Мужицкая душа, как кедр зелено-темный,
Причастье божьих рос неутолимо пьет:
О, радость – быть простым, носить кафтан посконный
И тельник на груди, сладимей диких сот!*

*Индийская земля, Египет, Палестина –
Как олово в сосуд, отлились в наши сны.
Мы братья облаков, и савана холстина –
Наш верный поводырь в обитель тишины.*

(10, 300)

Образ Индии в красном углу раскрывается через символическое обращение к образу «таинственного ужина» – тайной вечери, на которой Спаситель явил воплощение тела и крови Христа в хлебе и вине и установил таинство причастия: *То Индия наша, таинственный ужин, / Звенящий потирами в красном углу* (10, 313). Индия в поэтическом микрокосме-избе (сжатом пространстве) противопоставлена запечному миру Китежа, к которому поэт также причащен и причастен: *Светел запечный притин – / Китежс Мамелф и Арин, / Где словорунный козел / Трется о бабкин подол. / Там образок Купины – / Чаша ржаной глубины: / Тела и крови Руси / Брат озаренный вкуси!* (10, 464). Оппозиция запечный Китеж – Индия в красном углу, обозначает своеобразную временную ось избы-мироздания, где Китеж – *Русь ушедшая*, Индия – *Русь грядущая*.

Ключевая для русской культуры оппозиция Востока–Запада раскрывается Клюевым через мотив брака и брачного выбора, причем Запад связывается с женским порочным началом, а Восток – с мужским духовным: *Сгинь Запад – Змея и Блудница, – / Наш суженый – отрок Восток!* (7, 63). Клюевская трактовка этого мотива соотносится с образом России как воплоще-

ния вечной женственности в философии В. С. Соловьева и в поэзии А. А. Блока.

В осознании Ключевым исторической неизбежности обновления, возрождения Руси развиваются идеи христианского хилиазма (Индия-Русь – это чаемое грядущее царство справедливости и праведности, которое должно открыться миру со вторым пришествием Христа), классической философии, учившей о неизбежном воплощении абсолютной идеи в мире.

После Октябрьской революции идеи мирового интернационализма обещали всеобщее единение и породнение народов и культур. Но эта мечта столкнулась с суровой реальностью послереволюционной России (*Городские, предбольничные березы / Захворали корью и гангреной. / По ночам золотарей обозы / Чередой плетутся неизменной. / В пухлых бочках хлюпает Водянка, / На Волдырь пеняет Золотуха*). В стихотворении «Городские, предбольничные березы...» поэт вкладывает слова о предвосхищении брака Руси и Востока в уста цыганки, которая в мертвецкой ворожит крючнику: *Совершилось. Иже Херувимы / Повенчали Вологду с Багдадом* (7, 125).

Единение русской и восточной индийской культуры раскрывается потом через мотив кумления (народный обряд установления духовного родства, свойства, сопровождаемый взаимными поцелуями):

- (1) *Кто раз заглянул в ягеля моих глаз,
В полесье ресниц и межбровья,
Тот видел чертог, где берестяный Спас
Лобзает шафранного Брамун...*
(10, 403)

- (2) *Поморский дом плывет китом,
Ему смарагдовым копьем
В предутрия, просонки, зори
Указывает путь Егорий.
Столетие, мгновенье, день –
Копье роняет ту же тень
Все на восток, где Брама спит, –
С ним покумиться хочет кит.*
(13, 16)

- (3) *Покумится Каргополь с Бомбеем,
Пустозерск зардеет виноградно,
И над злым похитчиком-Кашеем
Ворон-смерть прокаркает злорадно.*
(12, 177)

Заметим, что индийские атрибуты становятся знаками Индии в том смысле, в каком понимал ее Клюев: *О родина, ужели в папироске / Больше ласточек, чем в твоих полях? / Иль в бумажной, кислой манишке / Озаренье индийской парчи?* (12, 184); *А в хлевушке, где дух вымян, / За удоем кривая Лукерья / В явь прозрела / Индийских стран / Самоцветы, парчу и перья* (7, 200). Индийские образы (парча, узорочье, драгоценные камни, раджа на слоне), напоминающие народный лубок, для поэта выступают символами грядущей культуры: *И раджа на слоне священном / Посетит зырянский овин* (10, 389); *В растисном бизоньем вигваме / Новоладожский править пир, / Угостить раджу солодягой, / Баядерку сладким рожком!.. / Как с Россией, простясь с бумагой, / Киммерийским журчу стихом* (11, 122).

Индия-Русь для поэта источник поэзии: *Песнописцу в буквенное брюхо / Низвергают воды Ганг и Кама* (10, 325) и сама поэзия: *...ковер индийских строк, / Рязанский лыковый уток, / С арабским бисером – до боли!* (12, 268).

Таким образом, Индия-Русь – это ключ к пониманию поэзии Н. А. Клюева, ее глубинных смыслов и средоточий поэтической мысли. Масштабность изображения, культурная значимость вводит клюевскую Белую Индию в один ряд не только с народно-поэтическими утопическими образами (Китеж, Беловодье), но и с известными литературными утопиями (Атлантида, Офир, Утопия, Город Солнца). К. В. Чистов отмечает, что «утопизм – неотъемлемая составная человеческого мышления, органическое для человека стремление сопоставить действительность с идеалом, с представлениями о возможности улучшить, усовершенствовать человеческое общество. Отсюда известное выражение О. Уайльда «Карта, на которой не обозначен остров Утопия – не верна» [Чистов 2003: 22]. Белая Индия, описанная Клюевым, также не отмечена на географических картах. Но без нее вряд ли можно считать поэтическую картину русской действительности в его творчестве целостной и завершенной.

4. Китоврас

*Золотые столбы России,
Китоврас, коврига и печь,
Вам в пески и устья чужие
Привелось, как Волге, истечь.*

Н. А. Клюев

1

Имя собственное *Китоврас* имеет интересную историю появления в русском языке, его семантика глубоко связана с историей русской и миро-

вой культуры, а поэтические образы, созданные на его основе, поражают своей таинственной неопределённостью.

Исторические и этимологические словари говорят о том, что имя *Китоврас* появилось в древнерусском языке на основе греческого *Kéntauros* (*Kentauros* | *Kentaurus*) – *Кентавр* в результате контаминации с *кит* (Срезн. М. 1, 1210; Фасмер, III, 88 и сл.; Преобр. 1, 348). Как известно, в древнегреческой мифологии Кентавром называли получеловека-полулошадь. В латинском это имя звучало как *Centaurus* – *Центавр*. Но первоначально этим именем называли древних жителей Вессалии /Фессалии, по предположению историков, людей, впервые открывших искусство управлять лошадью (Бурдон и Мехельсон 1871, 280).

В древнерусских текстах имя *Китоврас* встречается с XIV века в двух значениях: во-первых, как имя нарицательное, называющее мифическое животное, в апокрифической литературе; во-вторых, как имя собственное персонажа в апокрифическом сказании о Соломоне и Китоврасе. Известно, что «эти русские апокрифы восходят к легендам о царе Соломоне и его противнике **Асмодее**, которого в славянских легендах заменил *Китоврас*» [Чернецов 1995: 224–225]. В словаре О. В. Беловой «Славянский бестиарий» представлен материал, свидетельствующий о том, что имя *Китоврас* в древнерусских текстах включалось в целую систему вариантов: *Китоврась* / *Киторась* / *Кентавр* / *Кенавр* / *Кекентавр* / *Некентоукр*, / *Неноконтар* / *Инокентавр* / *Иноцентавр* / *ноцентавр* / *Инокентаур*, / *Инокентакр* / *Ипнокентавр* / *Ипакентовран* / *Иппокенавран* / *Ипнокентавронь* / *Ипнокетавронь* / *Ипнокетаврось* / *Ипнокетвро* / *Онокентавр* / *Анокентавр* / *Анокентаврь* / *Инокентакра* / *Инокетаоур* / *Онекентавр* / *Онокентаврис* / *Онокентавр* / *Онокентандр* / *Онокентар* / *кнокентавр* / *неноконтар* / *нокенур* / *Кекентакр* / *Некентоукр* / *нокентвар* (Белова, 132, 135, 141, 142–143, 192–193). Кроме этого, с данной системой номинаций соотносятся по своему содержанию такие имена, как *Иподесы* / *Поподесы* / *Иподесы* / *Ипподоны* – мифические люди с конскими ногами (Белова, 135), *Сатир* / *Сатирь* / *Сатыр* / *Сатур* / *Сатырь* / *Сатоур* – мифическое существо, получеловек-полукозёл; *Сатыри* / *Сатары* / *Сатири* / *Сатуры* / *Катыри* / *Ятыри* / *Исатыри* (Белова, 222–223).

А. Н. Афанасьев сближает кентавров с **Гандхарвами**. В древнеиндийской мифологии это «группа полубогов, которые осмысляются как вредоносные духи воздуха, лесов и вод. Гандхарвы являются мужьями и возлюбленными апсар, они также певцы и музыканты» [Афанасьев 1994]. А. А. Бычков в «Энциклопедии языческих богов. Мифы древних славян» считает, что кентавр – «то же самое существо, что и **Железотелый Ариман**, о существовании которого на севере России сообщает Низами в “Искандер-Наме”» (Бычков, 140, 100). Говоря о Китоврасе, А. А. Бычков не отождествляет его с Кентавром, а только передаёт сюжет сказания о Соломоне и Китоврасе и добавляет, что он – одна из ипостасей **Асмодея** / **Ашмодея**, царя

бесов, «исполнен мудрости и провидения» (Бычков, 141) . Ю. Беляев в книге «Зверобог древности. Мифологическая энциклопедия» упоминает также **Кентавротритона** – морского кентавра.

Следует отметить также, что в сказании о Соломоне и Китоврасе Китоврас совмещает в себе роль двух различных по культурным истокам героев – **Хирона** – кентавра греческой мифологии и **Хирама** – библейского строителя Иерусалимского храма Соломона.

Таким образом, только один перечень имён, формально и семантически соотносительных с именем *Китоврас* в мировой культуре, свидетельствует о древнейшей и многослойной истории развития культурного архетипа, положенного в его основу.

Развитие античного архетипа *Кентавр* пошло разными путями в западноевропейской и восточнославянской культурах средневековья и привело к появлению новых, часто противоречивых архетипов. Это связано с тем, что исходный архетип был создан на основе поэтики эпохи синкретизма. С. Н. Бройтман определяет границы этой эпохи: с палеолита до VII–VI вв. до новой эры в Греции и первых веков н. э. на Востоке [Бройтман 2001: 25]. Рассматривая специфику архаичного слова, С. Н. Бройтман опирается на М. М. Бахтина, который считал, что оно «сущности почти не имеет значения, оно всё – тема; его значение неотделимо от конкретной ситуации его осуществления. Это значение так же каждый раз иное, как каждый раз иной является ситуация. Здесь тема, таким образом, поглощает, растворяет в себе значение, не давая ему стабилизироваться и хоть сколько-нибудь отвердеть. Применительно к имени *Кентавр* – *Китоврас*, тематизм его значения обнаруживается в том, что функции героя с этим именем целиком определяются сюжетом. Поэтому с точки зрения современного сознания этот герой проявляет себя то как положительный, то как отрицательный.

Второй особенностью имени *Кентавр* является то, что в нём, как в архаичном слове, «предельно ощутима и значима его внутренняя форма – этимологическое значение, в котором жива связь с тем представлением, которому обязано возникновение слова» [Потебня 1914: 3]. Тем не менее в словарях русского языка и иностранных словарях обычно этимология этого слова не даётся или указывается, что «первоначальное значение не восстановлено». Только в одном из словарей иностранных слов сделано такое предположение: «Кентавры, гр. *Kentauros*, от *kíneo* – изменять и *tauros* – бык (Бурдон и Михельсон, 280). Используя данные исторической поэтики, мы предлагаем несколько иную этимологию. Слово *Кентавр* в греческом *Κένταυρος* этимологически включает в свой состав *Κέν-*, по нашему мнению, выражающий значение подобия, и *ταυρος* – бык, тур. Следует особо остановиться на семантике элемента *Κέν-*. Он соотносится с прилагательным *Κένος* – пустой, тщетный, напрасный, не имеющий, лишённый чего-либо (Вейсман, 702). Это отрицательное значение является первичным, а значение сравнения и подобия развилось позже. Такой вывод можно сделать, исходя

из существования в древних языках следующей семантической универсалии, отмеченной О. М. Фрейденберг и С. Н. Бройтманом: сравнительные частицы генетически связаны с отрицательными, поскольку сравнение (как троп) произошло из отрицательного параллелизма. Исследователи приводят в пример древнегреческое *иt*, литовское *neu* [Фрейденберг 1978: 192–193; Бройтман 2001: 56].

Осознание внутренней формы и тематизма имени Кентавр различно в разные исторические культурные эпохи и в разных видах искусства. Более ярко это осознание в живописи: в античном изобразительном искусстве широко распространены сцены кентавромахии (южные метопы Парфенона, рельефы западного фронтона храма Зевса в Олимпии, западного фриза Гефестейона в Афинах и др.; произведения вазописи и мелкой пластики) (МНМ, 1, 639).

Но постепенно «ошутимость внутренней формы, как и тематизма, снижается по мере развития естественного языка» [Бройтман 2001: 430] и в связи с переходом архетипа в иные системы поэтики. Так, «в средневековом искусстве изображения Кентавра рано появляются в миниатюрах арабских и европейских космологических трактатов, среди знаков Зодиака (Кентавр – традиционный символ созвездия Стрельца)» (МНМ, 1, 639). В эпоху поэтики традиционализма Кентавр становится символическим архетипом. Как отмечают исследователи исторической поэтики, «символ по своему генезису принадлежит к синкретическому типу образа и этим принципиально отличается от позднейших тропов» [Бройтман 2001: 54]. Имя *Кентавр* приобретает новые символические функции в соответствии с христианской традицией. Складываются новые архетипы этого образа. В энциклопедии «Мифы народов мира» отражена западнохристианская традиция символизации кентавра: «Кентавра изображали в качестве служителя ада наряду с бесами (фреска Нардо ди Чоне в капелле Строцци церкви Санта-Мария Новелла во Флоренции, середина XIV в., соответствующая эпизоду с Хироном, Фолом и Нессом у Данте, “Ад”, XII, 55–75). В произведениях эпохи Возрождения Кентавры также порой выступают носителями греха, олицетворением животных страстей, похоти (картина С. Боттичелли «Паллада и кентавр»)» (МНМ, 1, 639).

Образы-архетипы Кентавра в поэтике синкретизма и в поэтике традиционализма можно определить, используя характеристики А. Ф. Лосева, который писал: то, что в мифе было «действительностью в буквальном смысле слова, то есть действительными событиями и во всей реальности существующими субстанциями», в сфере позднейшей поэтической образности оказалось «феноменально и условно трактованным» [Бройтман 2001: 44; Лосев 1982: С. 407].

Образ кентавра привлекал своей экспрессией и символической насыщенностью многих художников от Микеланджело до Рубенса, а также художников XIX–XX вв., например, О. Родена, П. Пикассо (МНМ, 1, 639). В искусстве нового времени, построенном на принципах новой поэтики – «по-

этики художественной модальности» [Бройтман 2001], архетип *Кентавр* отражает рефлексирующее авторское сознание, становится психологически мотивированным образом. Этот новый архетип отражает новый тип образности, основанной на иной модальности. В эпоху новой поэтики, с XVIII в. по наши дни [Бройтман 2001], развивается аналитизм образного мышления, предполагающий присутствие автора. Это обусловило появление нового архетипа *Кентавр* в поэтике нового времени. В качестве примера можно привести современный роман Д. Апдайка «Кентавр», в котором главный герой – учитель (ср., в греческой мифологии кентавры были воспитателями героев, например наставник Ахилла – Хирон), а ночью – кентавр. В поэтике эгоцентризма образ кентавра становится сильным экспрессивным средством психологического анализа.

2

Славянский образ-архетип *Китоврас*, наряду с некоторыми унаследованными от Кентавра чертами, имеет свои особенности. Во-первых, стирается первоначальная этимология имени и появляются новые: народная этимология, сближающая *Китовраса* с *китом* < греч. *Κῆτος* 'морское чудовище' (см. ЭСРЯП, I, 310; ЭСРЯФ, III, 88), и описательная номинация: *Кони челоуѣчьи головы* – мифические существа, сходные с кентаврами, например: «Пробань есть остров индѣиских земель, а родятся кони чѣлвчѣи главы» (Белова, 146).

Многие апокрифы о Соломоне, в состав которых включалось и сказание о Соломоне и Китоврасе, восходили «к античным и средневековым восточным источникам – некоторые из них имеют параллели в талмудической литературе.

Уже в XIV в. «О Соломоне цари басни и кощюны и о Китоврасе» включались в южнославянские и русские *Списки отреченных книг* [СККДР, 66; Пыпин 1855: 262–284; Веселовский 1872; Ярошенко-Титова 1974: 260–261; ПЛДР XIV–XV в., 66–86]. По сравнению с *Кентавром*, архетип *Китоврас* является новым и более сложным. Он имеет несколько культурных истоков: древнегреческий, индийский, библейский, талмудический и славянский. Эти культурные архетипы причудливо переплетаются в образе Китовраса, а сам этот образ интересен тем, что в нём нашли отражение и поэтика синкретизма, и поэтика традиционализма, и даже поэтика художественной модальности.

От древнегреческого истока, от Кентавра, Китоврас получил имя (правда, значительно преобразованное по звучанию и внутренней форме, о чём шла речь выше) и внешний облик (также значительно преобразованный и варьирующий от текста к тексту). Ср., например, разные описания Китовраса: (1) «головы челоуѣчьи, власы женския»; (2) «звѣрь борзъ ... стан члвчъ. А ноги корови...»; (3) «Онокентавръ, звѣрь неякий, ѿт головы якъ

члкъ, а ѿ ногъ якъ осель, по словенску китоврасъ»; (4) «Онокентаврисъ, звѣрь китоврас от главы до пояса по всему члкъ, от пояса кон...» (Белова, 142–143, 192, 193); (5) «человек с двумя головами, живший под землёй» (СККДР, 66).

К античному образу восходят и поведение Китовраса, и его обитание в местах пустынных. Это «дивий зверь», могучее свободолюбивое существо, не признающее над собой никакой власти. В апокрифических сказаниях о Соломоне и Китоврасе, в одном из сюжетных вариантов – в «Повести об увозе Соломоновой жены» (XVII в.) – видоизменён античный сюжет о том, как Кентавр Евритион хотел похитить молодую жену Пирифою – Гипюдамию.

От **индийского истока** следует повторяющееся во многих текстах (см. указ. ранее «Славянский бестиарий» О. В. Беловой) указание на то, что Китоврас живёт в Индии. Я. С. Лурье предположил, что генетически образ Китовраса восходит к **гандавр**у – индийскому духу (СККДР, 67).

К **библейскому истоку** восходит сюжет о том, как Соломон строил Иерусалимский храм. Китоврас заменил в сказании библейского Хирама. В Библии имя **Хирам** имеют два, по-видимому, разных мастера, участвовавшие в строительстве храма Соломона. Во-первых, Хирам – это царь Тирский, друг Давида и Соломона, который по просьбе Соломона привёз «дерева кедровые и дерева кипарисовые» для строительства храма (Библ., 2 Цар. 5, 11; 3 Цар. 5, 1–12; 3 Цар. 9, 11–28). Во-вторых, это искусный мастер Хирам, о котором в Библии сказано: «И послал царь Соломон, и взял из Тира сына одной вдовы. Из колена Неффалимова. Отец его, Трянии, был медник; он владел способностью, искусством и умением выделывать всякие вещи из меди. И пришёл он к царю Соломону, и производил у него всякие работы» (3 Цар. 7, 13–14). Далее перечисляются все предметы культа и убранства храма, сделанные Хирамом из меди (3 Цар. 7, 15–45). Образ Китовраса ближе к первому Хираму, поскольку в особой версии о Соломоне и Китоврасе, помещённой в сборнике книгописца конца XV в. Ефросина сказано, что он был **сыном Давида**, следовательно, **братом Соломона**: «глаголют его, яко царев сын Давидов» (СККДР, 67–68). Я. С. Лурье отмечает, что «эта подробность сюжета связывает рассказ с изображением на Васильевских вратах XIV в. из Новгородской Софии (перенесённых Иваном IV в Александрову слободу), в надписи к которому указано, что Китоврас бросил «братом своим на обетованную землю» (СККДР, 67–68). В отличие от своего прототипа Хирама, Китовраса не приглашают строить храм, а обманным путём пленяют: узнав, из каких колодцев пьёт Китоврас, «Соломон же велѣлъ налити ихъ единъ вина, а други меду. Он же тѣ оба кладязя, прискоча, испилъ. Туто его пьяного съ сна поймали и сковали крѣпко» [О Китоврасе, 72]. По мнению исследователей, Китоврас генетически связан и с **талмудическим демоном Асмодеем**, царём бесов. Это одна из его ипостасей. Ночью Китоврас царствовал над зверями и растениями (Бычков, 141).

Рассмотрев всё многообразие истоков **славянского Китовраса**, можно сделать вывод, что образ Китовраса, его внешний облик и поведение, создан на основе поэтики синкретизма, значительно отличающейся от поэтики традиционализма и поэтики художественной модальности. Следовательно, хотя сказания о Соломоне и Китоврасе получили широкое распространение на Руси в эпоху развития христианской культуры, они отражают языческое сознание и языческую поэтику, не одухотворённую Духом Божиим. Именно поэтому «уже в XIV в. “О Соломоне цари басни и кощюны и о Китоврасе” включались в южнославянские и русские *Списки отреченных книг* <...> В XVI в. апокрифы, по-видимому, специально исключались (вырезались) из рукописей Палеи. В XVII в. интерес к ним вновь возрождается в русской письменности – появляются новые сказания о Соломоне, его жене и Китоврасе» (СККДР, 66). И это не случайно: XVII в. – время Смуты, время религиозного раскола.

Вместе с тем следует отметить, что все вариации сказания о Соломоне и Китоврасе подчинены характерной для средневековья **поэтике литературного этикета**, которую Д. С. Лихачёв определил так: «...не жанр произведения определяет собой выбор выражений, выбор формул, а предмет, о котором идёт речь. Именно предмет, о котором идёт речь, требует для своего изображения тех или иных трафаретных формул» [Лихачёв 1971: 96]. Д. С. Лихачёв отмечает, что эти формулы подбираются в зависимости от того, что говорится о герое, о каких событиях идёт повествование. Рассматривая древнерусские и старорусские тексты, можно сделать вывод о том, что образ Китовраса по своему содержанию соотносится с поэтикой синкретизма и язычества, а по форме словесного повествования – с поэтикой традиционализма. Это явление можно осмыслить только в общем контексте той культурной ситуации, которая сложилась в Древней Руси после её Крещения. Прот. Георгий Флоровский характеризует её так: «Язычество не умерло и не было обессилено сразу. В смутных глубинах народного подсознания, как в каком-то историческом подполье, продолжалась своя уже потаённая жизнь, теперь двусмысленная и двоеверная. И в сущности слагались две культуры: дневная и ночная. <...> В подпочвенных слоях развивается «вторая культура», слагается новый и своеобразный синкретизм, в котором местные языческие «переживания» сплавляются с бродячими мотивами древней мифологии и христианского воображения. Эта вторая жизнь протекает под спудом и не часто прорывается на историческую поверхность. Но всегда чувствуется под нею, как кипящая и бурная лава» [Флоровский 1991: 3]. Очень важно для наших последующих наблюдений над развитием архетипа *Китоврас* то, как определил отец Георгий Флоровский различие между этими двумя культурами: «“Дневная” культура была культурой духа и ума, это была «умная» культура; и «ночная» культура есть область мечтаний и воображения... Впоследствии в этой вольности народного воображения усмот-

рели одну из основных черт русского народного духа» [Флоровский 1991: 3]. К этой теме мы вернёмся далее.

В «Славянском bestiarii» О. В. Беловой предложены материалы, свидетельствующие о том, что в других памятниках древнерусской и старорусской письменности (напр. в «Физиологе») слова *кентавр*, *китоврас* и их фонетические варианты (см. выше) встречаются также и как имена нарицательные. В прямом значении они обозначают зооморфных существ (получеловек – полуконь, получеловек – полуосёл, получеловек – полукозёл и др.). А их символические значения связаны с христианской этикой: 1) инокентавр – обозначение лицемерных людей (Тако и всьахъ члкъ двоіедшнъ. Недѡстатъчъ їес въ всѣхъ поутѣхъ своихъ. И соуть. И соуть нѣцїи сбирающеисъ въ цркви. Образъ бо имоуше блгочстїю, сілы бо їего ѡтметаюшесе. И въ цркви яко и члвци соуше. Да вѣнїегда изыдоуть. Бывають лоучшее скота. Таковїи сиринское. И инокиентовровѡ лице приїемлюшей. Физ. А, Александров 1893, 3: 58–59); 2) онокентавр 1, икентавр – обозначение нетвёрдых в вере людей (Тако же и икентавръ. Поль его есть члвка а поль ѡсляте. Тако и члвкъ весь не сотворенъ въ всѣхъ поутехъ своихъ. Боудоуть нѣцїи собрани въ цркви ѡбразъ имоуши благочстїя. А силы его ѡтмѣтаюшися. И въ цркви яко члвци соуть а егда излезоуть то погибноуть. Таци же соуши сиринъ и инокентаоуръ лице вземлють. С противныхъ силъ». Физ. Л., Карнеев 1890: 252–243) (цит. по Беловой).

3

В русской литературе XIX в. образ Китовраса не встречается, а имя Кентавра употреблялся только в античном контексте. Согласно «Словарю языка Пушкина», в творчестве А. С. Пушкина это имя используется только три раза, например: «Покров, упитанный язвительною кровью, Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью Алкиду передан. Алкид его приял» (СЯП, 312).

В начале XX в. в поэзии Серебряного века, в связи с пробудившимся интересом к античности, к русской архаике, фольклору и древнерусской литературе, имя Кентавра – Китовраса вновь появляется. Так, в творчестве Н. А. Клюева слово *кентавр* употребляется 2 раза, *полукентавр* и *центавр* – 1, а *Китоврас* – 12 раз (ПСК). В конце XX в. образ Кентавра использует И. Бродский в квартете «Кентавры». В новой поэтике художественной модальности этот архетип значительно преобразуется под влиянием авторской аксиологии, его содержание во многом определяется уникальным мировоззрением обоих поэтов. Но и здесь много архетипического.

На связь между творчеством этих очень разных поэтов на основе «одной классической поэтической метафоры» (Кентавра) впервые обратил внимание Дэвид Макфэйден (Галифакс, Канада) [Макфэйден 1998: 206–226]. Однако автор не обратил внимание на имя *Китоврас* и слово *центавр* у Клюева и основывался только на одном употреблении в его стихах слов *кентавр*

и *полукентавр*, соотносил их образный смысл с именем *Пегас*. В силу этого он учитывает в своих рассуждениях только античный культурный контекст, а исторический контекст русской культуры выпал из его поля зрения, что привело к чрезмерной (и не всегда справедливой) политизированности этой очень интересной статьи.

Прежде чем рассматривать образ *Китовраса* у Клюева, сравним значения образа *Кентавра* у Клюева и Бродского, учитывая, конечно, результаты анализа, проведённого в указанной выше статье Дэвида Макфэйдена. Он отмечает, что образ кентавра (метафора кентавра) Бродского основан на «межтекстуальной цепи, или эволюции влияния» [Макфэйден 1998: 207]. Далее он пишет: «Произведения, о которых идёт речь: «Я гневаюсь на вас и горестно браню...» Николая Клюева (1932–1933), «Соляной бунт» Павла Васильева (1933), «Поэма без героя» Анны Ахматовой (1940–1962) и квартет Бродского, который до известной степени суммирует тему **варварского существования на пределе империи**, тему «порога», которая присуща всем этим произведениям» [Макфэйден 1998: 207–208]. Внимательное прочтение стихотворения Клюева «Клеветникам искусства» не позволяет нам согласиться с интерпретацией этого произведения Д. Макфэйденом. В стихотворении Клюева русский *Пегас* символизирует классическую русскую поэзию (указываются имена Пушкина, Кольцова и, что интересно, Есенина в тексте стихотворения), а *Кентавр* – только современную поэзию – поэта Павла Васильева. Ср.:

Пегасу русскому в каменоломне

Нетопыри вплетали в гриву

И пили кровь, как суховеи ниву,

<... >

Чтобы гумно, где Пушкин и Кольцов,

С Есениным в венке из васильков,

Бодягой поросло, унылым плауном,

В разлуке с песногрым скакуном,

И с молотбой стиха свежее борозды

И непомернее смарагдовой звезды,

Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское,

Рождая струнный плеск и вещей сказок рои!

(11, 145)

Далее, утверждая, что русский Пегас – русская поэзия жива, Клюев последовательно характеризует в символических образах свою поэзию (образы дуба с кладом и Сирином, осетра), Клычкова (образы дубленых пахот, лесного анютика, еловых шишек), Ахматову (сравнивает с жасминным кустом, с облачком сквозящим), и только Павла Васильева сравнивает с **кентавром**, подчёркивая неукротимую стихию его поэтического слова:

*Полыни сноп, степное юдо,
Полуказак, полукентавр,
В чьей песне бранный гром литавр,
Багдадский шёлк и перлы грудой,
Васильев – омуль с Иртыша.
Он выбрал шуку и ерша
Себе в друзья, – на песню право,
Чтоб цвести в поэзии купавой, –
Не с вами правнук Ермака!*

(11, 145)

Поэзию Павла Васильева Клюев характеризует целой цепочкой сравнений, соотносительных с образами русского фольклора. Это полностью снимает, нейтрализует античный культурно-исторический контекст слова *полукентавр* и приписываемый ему Д. Макфэйденом символизм порога. Тем более нет здесь темы «варварского существования на пределе империи», о которой он пишет. Наоборот, здесь видится нам беспредельная сила русского духа, воплощённая в вольных степных и водных просторах, в героическом прошлом русского казачества. «Не с вами правнук Ермака!» – ясно говорит клеветникам искусства Клюев. Поэт пишет о Павле Васильеве как о своём ученике, а о себе как о его духовном наставнике:

*На стук степного батожка,
На ржанье сосунка кентавра
Я осетром разинул жабры,
Чтоб гость в моей подводной келье
Испил раскольничьего зелья,
В легенде став единокором,
И по родным полынным логам,
Жил гривы заревом, отгулами копыт –
Так нагадал осётр и вспенил перлы кит!*

(11, 146)

Своё поэтическое творчество Клюев считает общерусским (в пространстве и времени) [Яцкевич 2000(а): 154–195]. Когда клеветники искусства сослали его в Сибирь и обрекли его на «варварское существование на пределе империи», то и тогда он не сломился, и вся сокровенная Русь была в его сердце, о ней он хотел петь и после окончания земной жизни в раю:

*«Приди, дитя моё, приди!» –
Запела лютня неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.*

*И первой песенкой моей,
Где брачной чашею лился,
Была: «Люблю тебя, Рассея,
Страна грачиных озимей!»*

(11, 175)

О духовном родстве поэзии Павла Васильева и своей поэзии пишет Клюев и тогда, когда предсказывает, что Васильев в будущем прославится, «в легенде став **единорогом**» (см. ранее процитированный текст). А этот символ – один из ключевых в его творчестве и связан он с образным определением истинного самобытного искусства:

*Мне революция не мать, –
Подросток смуглый и вихрастый,
Что поговоркою горластой
Себя не может рассказать!
Вот почему Сезанн и Суслов
С индийской вязью теремов
Единорогом роют русло
Средь брынских гатей и лесов.
Навстречу Вологда и Вятка,
Детинцы Пскова, Костромы...*

(11, 220)

Единорог – одно из мифических существ, описываемых в древнерусских легендах. По данным «Славянского бестиария» О. В. Беловой (с. 99), это слово – калька с греческого, оно обозначало мифическое существо, схожее с конём (ослом, оленем), имеющее во лбу большой рог. Особо выделяется мотив «сиротства» единорога. Символические значения у этого имени очень противоречивые: 1) обозначение человека, не забывающего о Боге, 2) обозначение Христа, помогающего возродиться падшему человеку, 3) обозначение человека, побеждённого «женскими прелестями», 4) обозначение беса, одолевающего человека. У Клюева формируется в образном контексте новый (вторичный по семантике) поэтический символ: единорог – символ духовной силы истинного искусства. Не случайно наиболее полное на сегодняшний день издание произведений Клюева названо «Сердце единорога» (СПб., 1999).

Рассматривая употребление слов *кентавр*, *Китоврас* в контексте всего творчества Клюева, можно составить ассоциативно-смысловую парадигму имён мифологических зооморфных существ, в которую это слово включается. По нашим наблюдениям, у Клюева эта поэтическая парадигма состоит из следующих слов: *Алконост* (14), *Единорог* (4), *Кентавр* (1), *полукентавр* (1), *Китоврас* (12), *Пан* (2), *Пегас* (2), *Сири́н* (29), *Феникс* (1), *Финист* (7).

Все эти имена в творчестве Клюева выражают идею о мистической природе поэтического творчества. Эта мысль очень характерна для поэзии Серебряного века. В связи с этим, следует отметить, что *кентавры* И. Бродского *Софа* и *Муля* совсем не похожи на *кентавра* и *Китовраса* у Клюева, в чём пытается нас убедить Д. Макфэйден в указанной выше статье. Так, например, он пишет: «Физический состав кентавров раскрывается в образах отдалённо напоминающих о Пегасе, кентаврах, сатирах, нимфах и фавнах в рассмотренных произведениях Клюева, Васильева и Ахматовой:

*Наполовину красавица, наполовину софа, в просторечии – Софа,
По вечерам оглашая улицу, чьи окна отчасти лица,
Стуком шести каблучков <... >
На две трети мужчина, на одну легковая – Муля –
Встречает её рычанием холостых оборотов
И увлекает в театр».*

[Макфэйден 1998: 217]

Далее Д. Макфэйден, продолжая пересказ содержания «Кентавров» Бродского, пишет: «Эти получеловеческие кентавры в магическом контексте символизируют ещё один, “эволюционный” шаг, ближе к накоплению безликого сброда будущего ...». Затем он продолжает: «В квартете это только одна из многих метаморфоз, которые превращают кентавров в мутантных животных – или “муу-танки”, в адский, раздираемый войной союз скота с машиной, который сравнивается с единорогом, т. е. со старой русской пушкой и с геральдическим зверем, имеющим кривой рог, оленьи ноги, козлиную голову и львиный хвост. Игнорируя своё, неизбежно адское будущее, кентавры торопятся в театр...» [Макфэйден 1998: 218–219].

Отчасти можно согласиться с мнением Д. Макфэйдена о том, что кентавры Бродского по своей смысловой символике напоминают кентавров Данте, а те, в свою очередь, заимствованы у Овидия [Макфэйден 1998: 219–220]. Следует только отметить, что кентавры Бродского – это их метафоры по сходству внешнего облика: кентавры (получеловек-полуконь) > Муля и Софа (получеловек-полулегковая и получеловек-полусофа). А метафорический сдвиг во внутренней форме приводит неизбежно и к значительному изменению семантики образа: кентавры Данте и Овидия – образы более обобщённые, более грандиозные и более синкретичные, по сравнению с кентаврами Бродского, привязанными к определённой исторической эпохе и определённому мировоззрению поэта. Квартет «Кентавры» Бродского был издан впервые в эпоху холодной войны в эмигрантском журнале «Континент» в 1988 году [Макфэйден 1998: 207].

При сравнении кентавров Бродского с Китоврасом Клюева выясняется, что это образы-антагонисты. У Бродского – это разрушители культуры и невольные агрессоры, существа с адским будущим. У Клюева Китоврас –

это символ певца, а значит, и творца культуры, существо с райским будущим. В качестве доказательства приведём стихотворение Клюева, написанное в страшные годы гражданской войны в России (1920 или 1921 гг.), в эпоху, когда рушились культурные основы России, в эпоху культурного исхода России в эмиграцию. Тем не менее это стихотворение насыщено светлыми, благодатными образами русской культуры. Поэт осмысливает её значение во вселенском масштабе:

*В шестнадцать – кудри да посиделки,
А в двадцать – первенец, молодица, –
Это русские красные горелки,
Неопалимая феникс-птица.*

*Под тридцать – кафтан степенный,
Пробор, как у Мокрого Спаса, –
Это цвет живой, многоценный,
С луговин певца-Китовраса.*

*Золотые столбы России,
Китоврас, коврига и печь
Вам в пески и устья чужие
Привелось, как Волге, истечь.*

*Но мерцает в моих страницах,
Пеклеванных созвездий свет.
Голосят газеты в столицах,
Что явился двуглаз – поэт.*

*Обливаясь кровавым потом,
Я несу стихотворный крест
К изумрудным Лунным воротам,
Где напевы как сонм невест.*

*Будет встреча хлебного слова
С ассирийской флейтой-змеёй,
И Великий Сфинкс, как корова,
На Сахару прольёт удой.*

*Из молочных хлебей, как озимь,
Избяные взойдут коньки,
Засвирелит блянием козьим
Китоврас у райской реки.*

*И под огненным баобабом
Закудахчет **навлин-изба** ...
На помин олонецким бабам
Эта тигровая резьба.*

При чтении этого стихотворения возникает вопрос, почему *Китоврас* попадает здесь в один образный ряд с такими далёкими от него, на первый взгляд, символами, как *коврига*, *печь*, *хлебное слово*, *навлин-изба* ? Л. А. Киселёва, известный киевский исследователь Клюева, объясняет это тем, что для Клюева и его учеников-поэтов был характерен «своеобразный “цеховой” язык». Она отмечает: «Не зря “олонецкий знахарь” писал о мужицком “тайнознении”, о магии народной речи, о “потайных”, “зарочных”, “отпускных” словах бытового народного факиризма <... > Код создавался и за счёт особых «подтекстов» в привычных, общеизвестных именах и символах (таких, к примеру, как: *коврига*, *изба*, *поле*, *Голгофа*, *Китеж*, *Китоврас*...)» [Киселёва 1997: 183]. Представляется, что в этих символах нет языческого мистицизма, а их тайна – это тайна сокровенного сердца поэта, оплакивающего катастрофическую русскую историю XX в. Это тайна трагическая и **живая**, а не книжная:

*Ты катися слеза, роковая, горелая,
Побратайся с былинкой, с ночным светляком!
Схоронись в буреломе, с дремучим валежником,
Обернись алмазом, подземной струей,
Чтоб на братской могиле прозябнуть подснежником,
Сочетая поэзию с тайной живой.*

(15, 459–460)

Анализируя фразу из одного стихотворения Клюева, посвященного С. Есенину (*Белый цвет Серёжа, / С Китоврасом схожий ...*), Л. А. Киселёва рассматривает весь спектр устоявшихся архетипов, соотносительных с этим образом в древнерусской и старорусской культуре, и делает вывод: «Однако следует помнить, что при столь широком спектре значений преобладающим в имени *Китовраса* у Клюева является значение **волшебной силы и непредсказуемости**... (выделено нами. – Л. Я.)» [Киселёва 1997: 183–184]. Есенин «Разлюбил мой сказ», т. е. поэзию Клюева, потому что «с Китоврасом схожий», то есть переменчив, непредсказуем? Автор приводит раздражённый есенинский отклик на эту фразу в письме к Иванову-Разумнику: «Я больше знаю его, чем Вы, и знаю, что заставило написать его <эти строки>» [Киселёва 1997: 183; автор ссылается на Савченко 1990: 47]. Однако отрицательному толкованию образа Китовраса в этом стихотворении («Елушка-сестрица») противоречит весь его смысл: образы опального поэта, пророчество о гибели Есенина, смерть которого Клюев провидчески

сравнивает со смертью убиенного царевича Дмитрия, а также ближайший контекст:

*Белый цвет Серёжа,
С Китоврасом схожий,
Разлюбил мой сказ!
Он пришелец дальний,
Серафим опальный,
Руки – свитки крыл.
Как к причастью звоны,
Мамины иконы,
Я его любил <...>*

(11, 89–90)

Видимо, субъективное, пусть и есенинское, восприятие этой фразы следует отличать от того символического содержания, которое сформировалось у имени *Китоврас* в контексте всего творчества Клюева: это символ сказочной крестьянской Руси, Китежа, и её певцов – Есенина и Клюева. Поэт сравнивал себя с Китоврасом в полемическом стихотворении «Меня Распутным назвали...»:

*Потомок бога Китовраса,
Сермяжных Пудов и Вавил,
Узнал с Олимпа я Пегаса
И в конокрады угодил.*

(11, 94)

Продолжая высказанные в статье мысли Л. А. Киселёвой, определим основные направления символизации этого имени. Прежде всего, следует отметить, что количество употреблений и образные значения слов *Китоврас* (12), *кентавр* (1) и *полукентавр* (1), *центавр* (1) у Клюева очень отличаются. Значение живой, непредсказуемой, стихийной молодой силы поэзии появляется у слов *кентавр* и *полукентавр* в том фрагменте стихотворения «Клеветникам искусства», в котором речь идёт о поэте Павле Васильеве (см. об этом выше). Значение страшной, тёмной инфернальной силы, несущей гибель России, царскому дому Романовых и царскому наследнику Алексею, имеет слово *центавр* в «Песни о Великой Матери». Этим именем Клюев называет Распутину:

*И сверчок по короткой минуте
Выпил время, как тени закат...
Я тебе содрогаюсь, **Распутин**,
Домовому я облачку брат!*

*Не за истовый крест и лампадки,
Их узор и слезами не стёрт,
Но за маску рысиной оглядки,
Где с дитятей голубится чёрт.*

<... >

*Ярым воском расплавились души
От купальских малиновых трав,
Чтоб из гулких подземных конюшен
Прискакал краснозубый центавр.*

*Слишком тяжёлая выпала ноша
За нечистым брести через гать.
Чтобы смог лебедёнок Алёша
Бородатую адскую лошадь
Полудетской рукой обуздать!*

(13, 38)

Совсем иное истолкование, противоположное по аксиологическому содержанию, получает в творчестве Клюева имя **Китоврас**, о символических значениях которого говорилось уже выше. Этот образ прежде всего связан с образом сказочного Китеж-града – символа исконной сокровенной Руси. Этот топоним поэт упоминает в своих произведениях 18 раз (ПСК). Данная мифологема-топоним в творчестве Клюева подробно рассмотрена выше (см. также Смольников 1999: 88–107). Здесь мы ограничимся только некоторыми замечаниями о соотносительности мифологем **Китежа** и **Китовраса** в стихотворении «Русь-Китеж». Китоврас вместе с **Сирином** предстают в этом стихотворении как символы Китеж-града, его певцы, которые исчезают вместе с ним в годину гибели русской крестьянской культуры: *Больше не будет сказки за веретеном, / Позапечных, брынских тропинок <...> В горенке **Сирин** и **Китоврас** / Оставили помёт да перья. / Не обрядится в шамаханский атлас / В карусельный праздник Лукерья* (12, 182). Поражает в этом стихотворении и сила пророческого предвидения грядущих судеб народного искусства, когда оно станет предметом изображения и мёртвой стилизации на телевидении и в Интернете:

*Из космических косных скорлуп
Забрезжит лицо Исполина:
На челе прозрачный топаз –
Всемирного ума панорама,
И «в пизде» зазвонит **Китоврас**,
Как муха за зимней рамой.
Заслудеет память-стекло,*

Оценивая положение народного искусства в современной России, Г. Свиридов, выдающийся композитор современности, писал: «Итак, огромное большинство людей знают о культуре не по её образцам, а по информации газет, радио, TV, журналов и т. д. < ... > Бездарный, плоскомыслящий сотрудник органов общественной пропаганды сеет невежество, прививает людям низменные вкусы, низменное представление о жизни. Они воспитывают людей без чувства прекрасного, без чувства возвышенного, без чувства уважения к истории своего народа, к «преданию», как говорил Пушкин» [Свиридов 2002: 531].

Клюев – один из тех, кто в жестокий двадцатый век глубоко осознал и воплотил в своём творчестве красоту народного искусства, его неиссякаемое тепло и свет.

*Но эта серость, соль, сермяга,
Как в зной ручей на дне оврага,
Который год пленяют нас!
То окунув в струи копытца,
Не может сказке надивиться
Родной овечий Китоврас!*

(10, 436)

Заключение

Поэтическая ономастика Н. Клюева обнаруживает особенности мифопоэтического мышления. В науке предлагалось различать культуры, ориентированные на мифологическое мышление, и культуры, ориентированные на немифологическое мышление. «Первые можно определить как культуры, ориентированные на собственные имена» [Лотман, Успенский, 69]. Общую систему первого типа воплощает поэзия Клюева.

В целом система ИС у Клюева глубоко традиционна, она обнаруживает многочисленные связи с литературными текстами разных эпох и культурных ориентаций. Использование поэтом имен, принадлежащих разным культурам, разным традициям, отражает особенности мировоззренческого синкретизма, характерного для древнерусской книжности и народного бытового православия, специфически проявившегося в старообрядческой среде, воспитавшей Клюева-поэта. Мифопоэтический синкретизм свойствен и отдельно взятому имени собственному, что можно видеть на примере топонимов, теонимов и антропонимов, творчески переосмысливаемых поэтом.

Изучение поэтического ономастикона с позиций двух возможных путей: «от ономастики» и «от поэтики» – позволяет сделать общие выводы о специфике имен собственных в поэтическом языке Клюева.

Поэтическое геокультурное пространство Н. А. Клюева в целом обладает не европоцентрической, а **индоцентрической структурой**. Это обусловлено историософскими взглядами поэта. Как отмечают исследователи: «Сравнительно-исторический материал древнейших (раннегородских) цивилизаций позволяет говорить об общей индоцентрической парадигме мировой культуры в целом» [Основания регионалистики 1999: 97].

Система топонимов Н. А. Клюева участвует в создании поэтических образов *Terra Sacra*, т. е. единой территории «между Нилом в Египте и Гангом в Индии» [Основания регионалистики 1999:105]. Это пространство, «в пределах которого – не всегда ясными, но требующими внимания взаимосвязями и взаимодействиями – осуществляется процесс генезиса мировых религий» [Основания регионалистики 1999:105].

Этнографы, изучающие Северную Русь, отмечают, что издавна сложилась культурная традиция обозначать «свое», христианское пространство с помощью библейских и византийских топонимов и этнонимов. Именно этой укорененной традицией древнерусской культуры объясняется высокая частотность употребления в произведениях Клюева имен собственных Ветхого и Нового Завета в сочетании с именами, называющими реалии русской национальной культуры. Отражая православное самосознание своих соотечественников, живущих на Севере России, Клюев писал:

*С Соловков до жгучего Каира
Протянулась тропка – Божьи четки,*

*Проторил ее Спаситель Мира,
Старцев, дев и отроков подметки.
Русь течет к Великой Пирамиде,
В Вавилон, в сады Семирамиды,
Есть в избе, в сверчковой панихиде
Стены плача, Жертвенник обиды. <...>*
(12, 176)

Библейская и византийская ономастика используется Клюевым не для описания библейских и раннехристианских времен, а для создания образа Святой Руси – духовной наследницы Святой Земли.

Как и для географических представлений древних культур [Теребихин 1993; Калуцков, Иванова, и др. 1998], для сакральной географии Н. А. Клюева характерен также принцип этноцентричности. Этноцентричность географических представлений в его произведениях проявляется в нескольких опозициях, выражающих «свое–чужое» пространство: 1) **Рай** (Родина, Святая Русь) – **Ад** (чужое пространство антихристианской культуры), 2) **Восток** (Православная Русь, наследница Византии) – **Запад** (мир технической бездуховной цивилизации), 3) **славянство** – **мир завоевателей**, 4) **Святая Русь** – **нехристианский мир**, 5) **старообрядческое Поморье** – **остальная Россия**, 6) **русская провинция** – **столицы**.

Исследование ономастикона в творчестве Клюева с позиций поэтики показывает, что имена собственные составляют образно-символическую основу поэтического мира Н. А. Клюева. Центром этого мира является Святая Русь как национальный идеал, как земля обетованная, как время чаемое. Этим определяется состав имён собственных, их частота употребления, а также их образно-символические и мифологические функции в поэзии Клюева.

Осевое время и пространство является не только философско-богословской, но и лингвопоэтической категорией [Яцкевич 2002(6): 7]. Эта категория имеет семиотическую структуру, предполагающую план содержания (означаемое) и план выражения (означающее). В плане содержания отражается поэтическая концепция времени и пространства, то есть их осмысление в образах конкретным автором. Поэтическое осевое время и пространство – это тот концептуальный, аксиологический исток, из которого разворачивается органическое единство пространственно-временных образов в творчестве поэта (заметим, что в латинском языке слово *axis* значит «ось», а слово *axios* – «ценный, достойный»). План выражения этой категории формируется в художественном тексте Клюева прежде всего системой имён собственных, а также символов-архетипов, мифологем, темпоральных и пространственных метафор. Особую роль здесь играют также термины родства [Головкина 1999; 2000].

Для поэтики имён собственных в творчестве Клюева характерен художественный метод, который применительно к живописи П. А. Флоренский определил как *обратная перспектива* [Флоренский 1990: 43–108]. Создаваемая Клюевым с помощью имён собственных поэтическая картина мира отличается иконографичностью. Принцип обратной перспективы, характерный для изображения на иконе, в поэтическом тексте Клюева применительно к поэтике имен собственных преобразуется, хотя и сохраняет свою семиотическую модель создания образа. Этот принцип обнаруживается у Клюева в том, что удалённые в историческом времени субъекты и объекты, обозначенные топонимами и антропонимами, изображены крупнее, весомее, а современные реалии – мельче, без особого акцента. Тем не менее те и другие синтезированы в единый поэтический образ. Даже образ Сергея Есенина создан Клюевым по принципу обратной перспективы.

Этот художественный метод в его творчестве служит созданию образа осевого пространства и времени, о котором речь шла выше. Глубина обратной перспективы у Клюева определяется библейским временем и пространством и носит сакральный характер. Масштабность его поэтической картины мира, воплощённая в грандиозной образной системе имён собственных, свидетельствует о том, что Клюеву удалось творчески возродить в XX веке традиции поэтики древнерусской литературы.

Все воплощаемые в поэзии Н. А. Клюева имена собственные семантически нагружены культурными, концептуальными, символическими или эмпирическими значениями. Образная семантизация преобразует языковой ономастикон в поэтическую систему ИС, которая имеет свою особую структурно-системную организацию. Принципы организации этой системы требуют дальнейшего изучения.

Источники

1. Клюев Н. Сосен перезвон. М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и К°», 1912.
2. Клюев Н. Братские песни. Кн. 2. М.: Изд-во журнала «Новая земля», 1912.
3. Клюев Н. Лесные были. Кн. 3. М.: Изд-во К.Ф. Некрасова, 1913.
4. Клюев Н. Мирские думы. Пг.: Издание М.В. Аверьянова, 1916.
5. Клюев Н. Медный кит. Изд. Петроградского Совета Рабочих и Крестьянских депутатов. 1919.
6. Клюев Н. Песнослов. Кн.1. Пг.: Литературно-издательский отдел народного комиссариата по просвещению, 1919.
7. Клюев Н. Песнослов. Кн.2. Пг.: Литературно-издательский отдел народного комиссариата по просвещению, 1919.
8. Клюев Н. Львиный хлеб. М.: Изд-во «Наш путь», 1922.
9. Клюев Н. Четвертый Рим. Петербург. Изд-во «Эпоха», 1922.
10. Клюев Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1977.
11. Клюев Н. Песнослов. Стихотворения и поэмы. Петрозаводск: Карелия, 1990.
12. Клюев Н. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1991.
13. Клюев Н. Песнь о Великой Матери // Знамя. 1991. № 11.
14. Клюев Н. Каин // Наш современник. 1993. № 1.
15. Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999.
16. Клюев Н. «Кремль». Поэма // Кравченко Т.А., Михайлов А.И. Наследие комет. Незвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре. М., 2006.
17. Клюев Н. Словесное древо. СПб., 2003.

Условные сокращения

1. Словари и справочники

- АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып.1–11. М., 1980–2001.
- Афанасьев (а) – Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Справочно-библиографические материалы. М., 2000.
- Белова – Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2001.
- Беляев – Беляев Ю. Зверобог древности. Мифологическая энциклопедия. М., 1998.
- Бурдон и Мехельсон – Бурдон И. Ф. и Мехельсон А. Д. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней. Изд. 3-е. М., 1871.
- Бычков – Бычков А. А. Энциклопедия языческих богов. Мифы древних славян. М., 2001.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1991.
- Вейсман – Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Русский язык, 1978. Репринтное издание 1880–1882 гг. Т. 1–4.
- Дьяченко – Прот. Г. Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
- Имена и названия Господа нашего Иисуса Христа в Священном Писании // Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового завета в русском переводе с приложениями. Брюссель, 1989.
- МНМ – Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х томах. М., 1980. Т.1–2.
- МС – Мифологический словарь. М., 1991.
- ПД – Даль В.И. Пословицы русского народа в 3-х томах. М., 1994.
- Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его быто- и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Поспелов – Поспелов Е. М. Школьный топонимический словарь. М., 1988.

ПЭ – Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. «Православная энциклопедия» (М.), 2002.

Преобр. – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. Т. 1–2.

ПСК – Поэтический словарь Н.А. Клюева. Частотный словоуказатель. Вологда. Машинопись.

Сазонова – Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы: Толково-грамматический словарь. М., 1989.

Самовитое слово – Самовитое слово: Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: А – А-ю-рей. М., 1998.

СВГ – Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская (вып. 1983, 1985, 1987, 1989, 1990, 1993, 1997), Л. Ю. Зорина, Т. Г. Паникаровская (вып. 1999). Вологда, 1983–2002. Вып. 1–9.

СВНЗ – Симфония на Ветхий и Новый Заветы в 2-х частях. СПб., 1994.

Святая Русь – Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / Составитель О. А. Платонов. М., 2000.

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. В 5 томах. Т. 1. М., 1995. Т. 2. М., 1999.

Симфония – Симфония или Словарь-указатель к священному писанию Ветхого и Нового Завета / Под ред. митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Том первый. А–Г. Издание Московской патриархии, 1988.

СИРП – Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М., 2005.

СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в. Часть 1. А – К. Отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л., 1988.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–26. М., 1975–2002.

СМ – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

СО – Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.

СПЛ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Под ред. Ю. И. Чайкиной. Вып. 1–2. СПб., 2003–2005.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–5. СПб., 1994–2005.

Срезн. М. – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1883–1902.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Соколетов (вып. 24–35). М., Л.; СПб.: Наука, 1965–1999. Вып. 1–35.

СПОТ – Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / 2-е изд. М., 1988.

Старообрядчество – Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.

Степанов – Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

СЯП – Словарь языка Пушкина. М., 1957.

Трессидер – Трессидер Джек. Словарь символов. М., 1999.

Унбегаун – Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачёва. - 2 изд., стер. - М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1-4.

ХС – Христианство. Энциклопедический словарь в 3-х томах. М., 1993.

Юдин – Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.

Якуевич Л. Г., Виноградова С. Б., Головкина С. Х. Словарь топонимов и этнонимов Н. А. Клюева. Алфавитный частотный словоуказатель // Клюевский сборник. Вып. 2. Вологда: Легия, 2000. С. 37–46.

2. Литературные и фольклорные источники

Афанасий Никитин – Хождение за три моря Афанасия Никитина (Серия «Литературные памятники»). Л., 1986.

Балашов – Народные баллады. Вст. ст., подготовка текста и прим. Д. М. Балашова. М., Л., 1963.

Баллады – Баллады / Сост., подгот. текстов и коммент. Б. П. Кирдана, вступ. ст. А. В. Кулагиной (Б-ка русского фольклора. Т. 6). М., 2001.

Библия. – Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового завета в русском переводе с приложениями. Брюссель, 1989.

БЛДР – Библиотечка литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1998.

Блок – Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963.

Былины – Былины / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова (Б-ка русского фольклора. Т. 1). М., 1998.

Ветка Палестины – Ветка Палестины. Стихи русских поэтов об Иерусалиме и Палестине. М., 1993.

Голубина книга – Голубиная книга. Русские народные духовные стихи 11–19 веков. М., 1991.

Есенин – Есенин С. Собрание соч. в 2-х т. М., 1992.

Жит. Ник. Св. – Житие преподобного отца нашего Николая Святоши, князя Черниговского // Киево-Печерский Патерик, или сказания о житии и подвигах Святых Угодников Киево-Печерской Лавры. Киев, 1903.

Жит. Ник. Чуд. – Житие и чудеса Св. Николая Чудотворца Архиепископа Мирликийского и слава его в России. М., 2001.

Заговоры – Заговоры и молитвы из коллекции Корниловых (Подготовка текстов и комментари А. В. Пигина) // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002.

Кириша Данилов – Древние российские стихотворения, собранные Кирешем Даниловым / Подг. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977.

Китеж. летоп. – Книга глаголемая летописец повесть и зыскание о граде сокровенном Китеже // Николай Клюев. Сочинения. Т. 2. А. Neimanis: Buchvertrieb und Verlag, 1969.

Клюев 1–2 – Николай Клюев. Сочинения. Т. 1–2. [Мюнхен] A. Neimanis: Buchvertrieb und Verlag, 1969.

О Китоврасе – О Китоврасе от Палси // Памятники литературы Древней Руси. XIV–середина XV в. М., 1981.

Обрядовая поэзия – Обрядовая поэзия. М., 1989.

ПЛДР XIII – Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.

ПЛДР XIV–XV в. – Памятники литературы Древней Руси. XIV–середина XV в. М., 1981.

Повесть о Китеже – Повесть и зыскание о граде сокровенном Китеже // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.

Пришвин – Пришвин М. М. У стен града невидимого (Светлое озеро) // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. Произведения 1906 – 1914 годов. М., 1982.

Соколовы – Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

УНТ ВК – Устное народное творчество Вологодского края: Хрестоматия. Вып. 1: Былины. Духовные стихи. Легенды. Вологда, 2002.

- Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 2002.
- Азадовский К. М.* Николай Клюев: Путь поэта. Л., 1990.
- Азарх Ю. С.* О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика. – М., 1981.
- Алейникова Н. В.* Закономерности функционирования антропонимов в художественном произведении (На материале английской литературы XX в.). Автореф. канд. дисс. М., 1991.
- Алексеев М. А.* Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на реке XX-XXI веков: Человек и его дискурс. М., 2003.
- Альтман М. С.* Достоевский по векам имен. Саратов, 1975.
- Андреева Л. И.* Специфика имени собственного и возможности ее использования в художественном тексте (На материале системы собственных имен в творчестве А. Н. Островского). Автореф. канд. дисс. Саратов, 1995.
- Арнольд И. В., Шеремет Л. Г.* Типы сем и структура лексического значения личных имен // Лексическое значение в системе языка и в тексте. – Волгоград, 1985.
- Артёменко Е. Б.* Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж, 1988.
- Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979.
- Афанасьев А. Н.* Древо жизни. М., 1982.
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х томах. М., 1994 (Репринт издания 1865 года, с исправлениями).
- Афанасьев А. Н.* Народ-художник. М., 1986.
- Бакастова Т. В.* Семантизация имени собственного в целом художественном тексте (На материале английского языка). Автореф. канд. дисс. Одесса, 1987.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Беляева М. Ю.* Собственные имена как точечные цитаты // Шоста республиканська ономастична конференція 4-6 грудня 1990 року: Тези доповідей і повідомлень. Вип. 1. Одесса, 1990.
- Беме Якоб.* Аврора или Утренняя звезда в восхождении. СПб., 2000.
- Бердяев Н. А.* Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.
- Березкина Е. С.* Этнонимы в русском эпосе (на материале «Беломорских былин» А. Маркова) // Фольклорная лексикография. Вип. 14. Сб. научных трудов. Курск, 1998.
- Березович Е. Л.* К построению комплексной модели топонимической семантики // Известия УрГУ. № 20. Екатеринбург, 2001.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Издательство УрГУ, 2000.
- Богатырёв П. Г.* Верования великоруссов Шенкурского уезда [Архангельской губернии] // Этнографическое обозрение. 1916. № 3-4.
- Болотов В. И.* Лингвистический статус имени собственного и его функционирование в тексте // Материалы к серии «Народы и культуры». Вип. XXV. Ономастика. Ч. 1. Имя и культура. М., 1993.
- Борман Ж.* Переносные значения антропонимов в художественном тексте (на материале поэмы А. С. Пушкина) // Русская филология. 17: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2006.
- Бройтман С. И.* Историческая поэтика. Учебное пособие. М., 2001.
- Василевская Л. И.* Синтаксические возможности имени собственного (метонимический перенос у антропонимов) // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.
- Веденин Ю. А.* Очерки по географии искусства. СПб., 1997.
- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.
- Веселовский А. Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872.
- Гарнин В. И.* Примечания // Николай Клюев. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: Издательство Российского Христианского гуманитарного института, 1999.

- Гарнин В. П. Указатель имён // Клюев Н.А. Словесное древо. СПб., 2003.
- Головкина С. Х. Образ своего пространства в поэзии Н. Клюева: метафорическое использование имен родства // Клюевский сборник. Выпуск 2. Вологда, 2000.
- Головкина С. Х. Термины родства в поэзии Н. Клюева (в лексикографическом аспекте). Автореф. канд. дисс. Вологда, 1999.
- Горбаневский М. В. Имена собственные в художественной литературе. М., 1988.
- Григорьев В. П. Ономастика Велимира Хлебникова (индивидуальная поэтическая норма) // Ономастика и норма. М., 1976.
- Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: МГУ, 1999.
- Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Дионисий Ареопagit. Божественные имена // Мистическое богословие. Киев, 1991.
- Дорогая В. Б. Имя собственное и нарицательное в системе именований персонажа (Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина»). Автореф. канд. дисс. JL, 1985.
- Евзлин М. Космогония и ритуал. М., 1993.
- Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. М., 2001.
- Живоглядов А. А. Механизмы двойной референции в образовании культурных антропонимов и топонимов // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Ч. 1. Имя и культура. М., 1993.
- Западалов И. Б. Мой крестный – Клюев Николай // Вытегорский вестник. Вытегра, 1994.
- Зыдынева Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века // Признаковое пространство культуры. М., 2002.
- Иванов Вяч., Топоров В.П. Исследования в области славянских древностей. М., 1982.
- Иванова Е. Б. Стилистические функции собственных имен (На материале произведений К. Г. Паустовского). Автореф. канд. дисс. Одесса, 1987.
- Иоанн, высокопреосвященнейший митрополит Санкт-Петербургский и Ладозжский. Самодежавие духа: Очерки русского самосознания. СПб, 1994.
- Кагарлицкий Ю. В. Риторика уподобления и риторика соревнования: Фигуры сближения имен в русском духовном красноречии XVIII века // Именослов. Заметки по исторической семантике имени / Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2003.
- Казаркин А. П. Игровое и трагедийное в поэмах Клюева // Николай Клюев: Образ мира и судьба. Томск, 2000.
- Калинкин В. М. Поэтика онима. Донецк, 1999.
- Калуцков В. П., Иванова А. А., Давыдов Ю. А., Фадеева Л.В., Родионова Е.А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М., 1998.
- Караулов Ю. Н. Пушкин в повседневной памяти нашего современника // Res linguistica. Сборник статей. К 60-летию профессора В. П. Нерознака. М., 1999.
- Карпенко М. В. Русская антропонимика: Конспект лекций спецкурса. Одесса, 1970.
- Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4.
- Киселева Л. А. Есенин и Клюев: Скрытый диалог (попытки частичной реконструкции) // Николай Клюев: Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997.
- Киселёва Л. А. Мифология и «реалии» старообрядчества в «Песни о Великой Матери» Николая Клюева // Православие и культура. № 1. Украинское Православное Братство святых Кирилла и Мефодия, 2001.
- Киселёва Л. А. Поэма Николая Клюева «Мать-Суббота», 1922 год // Studia Polono-Slavika. 3/ Sow. Warszawa. 1999.
- Киселева Л. А. Семантические поля клюевской топонимики (К постановке вопроса) // Вытегорский вестник. № 1. Вытегра, 1994.
- Ключевский В. О. Терминология русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 6. М., 1989.
- Колесов В. В. Жизнь происходит от слова. СПб., 1999.
- Колесов В. В. Философия русского слова. СПб, 2002.

- Колоколова Л. И. Имена собственные в раннем творчестве А. П. Чехова. Киев, 1961.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.
- Криничная Н. А. Предания Русского Севера, СПб., 1991.
- Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. – М., 1989. – С. 25.
- Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М., 1988.
- Лавренова О. А. Географическое пространство в русской поэзии 18 – начала 20 вв. (геокультурный аспект). М., 1998.
- Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985.
- Лихачев Д. С. От исторического имени литературного героя к вымышленному // Человек в литературе древней Руси. М.; Л., 1958.
- Лихачев Д. С. Повесть о разорении Рязани Батыем // Великое наследие: Классическое произведение литературы Древней Руси. М., 1975.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.
- Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969.
- Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3-х томах. Том 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992.
- Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.
- Лурье Я. С. Русский «чужеземец» в Индии XV века // Хожение за три моря Афанасия Никитина (Серия «Литературные памятники»). Л., 1986.
- Максимов С. В. Год на Севере. М., 1997.
- Макфэйдэн Дэвид. Ключев, Васильев, Ахматова и Бродский: Метаморфоза одной классической поэтической метафоры // Ритуально-міфологічний підхід до інтерпретації тексту. Збірник наукових праць. Київ, 1998.
- Маркова Е. И. Карельский князь: Финно-угорские корни русского поэта Николая Ключева // Николай Ключев: Исследования и материалы. М., 1997(б).
- Маркова Е. И. Творчество Николая Ключева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск, 1997(а).
- Мартыненко Ю. Б. Антропонимы в поэзии В. Хлебникова и О. Мандельштама. Авторсф. канд. дисс. М., 2002.
- Миронова Т. Оболганная жизнь, оболганная смерть // Молодая Гвардия. 2003. № 9.
- Михайлов А. И. К истокам поэтического феномена Николая Ключева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997.
- Михайлов А. И. Николай Ключев и мир его поэзии // Ключев Н. Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999.
- Михайлов А. И. О прозе Николая Ключева // Ключев Н. Словесное древо. Проза. СПб., 2003.
- Михайлов А. И. Поэтический космос Николая Ключева // Вытегорский вестник. Вытегра, 1994.
- Михайлов В. Н. Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи. Симферополь, 1981.
- Михайлов В. Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филологические науки. 1966. № 2.
- Мысык С. Г. Ономастика А. А. Блока (Смыслообразующие функции номинации персонажей). Авторсф. канд. дисс. Одесса, 1988.
- Некрасова Е. А. Некоторые наблюдения над употреблением имен собственных в поэзии А. Вознесенского // Ономастика и норма. М., 1976.
- Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб., 1999.

- Отин Е. С. Развитие коннотативности русского языка и его отражение в словаре // Отин Е. С. Избранные работы. Донецк, 1997.
- Пашко О. В. «Индия» в творчестве Н.А.Клюева (К определению границ мифопоэтического пространства) // Ритуально-міфологічний підхід до інтерпретації тексту. Збірник наукових праць. Київ, 1998.
- Пашко О. В. Образ гуся в творчестве Николая Клюева (к анализу орнитологического кода) // Клюевский сборник. Вып. 3. Вологда, 2002.
- Платонов О. Жизнь и смерть Григория Распутина // Платонов Олег. Терновый венец России. Заговор царсубийи. М., 1996.
- Полякова С. В. Колыбельная в поэме Клюева «Песнь о Великой Матери» // Николай Клюев: Исследования и материалы. М., 1997.
- Пономарева Т. А. Проза Николая Клюева. М., 1999.
- Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.
- Прейма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980.
- Пропп В. Я. Поэтика фольклора. (Собрание трудов В. Я. Проппа) / Сост., пред. и коммент. А. Н. Мартыновой. М., 1998.
- Пропп В.Я. Русская сказка. М., 1984.
- Пропп В.Я. Язык былин как средство художественной изобразительности // Пропп В.Я. Сказка. Эпос. Песня. М., 2001.
- Пытин А. Н. Старинные сказки о царе Соломоне: Исторические чтения о языке и словесности. СПб., 1855.
- Рогозина В. И. Антропонимическая номинация в русском историческом романе. Автореф. канд. дисс. Одесса, 1991.
- Русинов Н. Д. Китеж, или Большой Китеж // Русская ономастика и ономастика России: Словарь. М., 1994.
- Рыбаков Б. А. Древние русы // Советская археология. 1953. Вып. XVII.
- Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. Москва-Иерусалим, 1994.
- Савченко Т. К. Сергей Есенин и его окружение. М., 1990.
- Свиридов Г. Музыка как судьба. М., 2002.
- Семенов А. Т. Функционирование онимической лексики в художественном тексте и лексикографическое описание ономастикона романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Автореф. канд. дисс. М., 1996.
- Семенова С. Г. Поэт «пододонной» России (Религиозно-философские мотивы творчества Николая Клюева) // Николай Клюев: Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997.
- Семенова Т. Н. Антропонимическая индивидуализация: когнитивно-прагматические аспекты: Монография. М., 2001.
- Сепякова И. Языческое, старообрядческое и христианское начала в поэзии Н. Клюева // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3. М., Петрозаводск, 1994.
- Сергий, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Т. II. Владимир, 1901.
- Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми: Материалы по психологии колдовства. СПб., 1997.
- Силаева Г. А. Антропонимия художественных произведений Л. Н. Толстого. Рязань, 1986.
- Силаева Г. А. Фамилии в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Русская ономастика. Рязань, 1977.
- Смольников С. Н. Ленин: пресуппозиции и актуальная семантика антропонима в поэзии Клюева // Клюевский сб. Вып. 3. Вологда, 2002.
- Смольников С. Н. Мифологема-топоним «Китеж» в поэтической системе Н.А. Клюева // Клюевский сборник. Вып. 1. Вологда, 1999.
- Соловьев В. С. Философия и искусства и литературная критика. М., 1991.
- Сочинения писателей-старообрядцев. Описание рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Т. 7. Вып. 1 / Сост. Н. Ю. Бубнов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984.

- Стеблин-Каменский М. И. Древнеславянская топонимика как материал к истории имени собственного // Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974.
- Сумароков Г. В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М., 1983.
- Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000.
- Теребихин Н. М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993.
- Толстая С. М. Категория признака в символическом языке культуры (вместо предисловия) // Признаковое пространство культуры. М., 2002.
- Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Наш Современник. 1994. № 5.
- Топоров В. Н. Об «экзотическом» пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского. М., 1993(а).
- Топоров В. Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре ... svēt // Язык культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
- Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mir-) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993(б).
- Топоров В. Н. Святость и святыне в русской духовной культуре. М., 1995.
- Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Усачева В. В. Контакты человека с демонами болезней: способы защиты и избавления от них // Миф в культуре: человек – не-человек. М., 2000.
- Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Изд. Московского ун-та, 1982.
- Фатеева И. А. Контрапункты интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М., 2000.
- Федотов Г. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.
- Филиппов Б. А. Погорельщина // Николай Клюев. Сочинения. Т. 2. А. Neimans: Buchvertrieb und Verlag, 1969.
- Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Флоренский П. А. Сочинения: в 2 томах. Т. 2. М., 1990.
- Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
- Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.
- Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980.
- Фрейденоберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978.
- Фролова Е. А. Номинация персонажей в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» (функционально-стилистический аспект). Автореф. канд. дисс. М., 1993.
- Хамовникова Н. Е. Антропонимы как интертекстуальные аллюзии в поэтическом тексте. Автореф. канд. дисс. СПб., 2000.
- Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999.
- Чернецов А. В. Китеж // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.
- Чернецов А. В. Китоврас // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
- Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.
- Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003.
- Чудотворные иконы Матери Божией / Сост., вступит. ст., оформление, макет Свято-Троицкого Ново-Голутвина женского монастыря. Т. 1–11. Коломна, 1993.
- Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.
- Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв. // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974.

Яцкевич Л. Г. «Тверды не железом...» (Отражение национального самосознания в поэзии Н.А. Крюева) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000.

Яцкевич Л. Г. Китоврас: Имя. Архетипы. Поэтические образы // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвузовский сб. научных работ / Отв. ред. Ю. И. Чайкина. Вологда, 2002(а).

Яцкевич Л. Г. О предпосылках создания словаря поэта: Пути и средоточия поэтического слова Н. Крюева // Материалы по истории литературы и поэтике. Вологда, 1995.

Яцкевич Л. Г. Осевое пространство и время в поэзии М. И. Цветаевой и Н. А. Крюева // Век и вечность: Марина Цветаева и поэты XX века. Сб. научн. раб. Вып. 1. Череповец, 2002(б).

Яцкевич Л. Г. Поэтическая география Николая Крюева // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000(а).

Яцкевич Л. Г. Поэтическая система топонимов и этнонимов Н. А. Крюева // Крюевский сборник. Вып. 2. Вологда, 2000(б).

Яцкевич Л. Г. Структура поэтического текста. Вологда, 1999.

Алфавитный частотный указатель имён собственных и их производных в поэзии Н. А. Клюева

А

- «Аминь» 1:15,253;
 «Ах, вы сени» 1:11,147;
 Абаз 4:13,25; 13,25; 13,24; 13,34;
 Авва 2:13,30; 13,29;
 Аввакум 13:6,232; 10,329; 12,326; 13,17;
 13,19; 13,34; 12,222; 12,242; 14,95; 13,14;
 13,24; 5,109; 15,247;
 Авдей 1:10,461;
 Авдотья 1: 15,600;
 Апель 1:15,351;
 Аверкий 2:10,244; 11,71;
 Авива 1:12,311;
 Авось 2:10,371; 10,371;
 Авраам 1:6,208;
 Апрель (Марк Аврелий) 1:11,150;
 Аврора 1:13,23;
 австралиец 1:11,100;
 Агап 1:13,30;
 агарянский 2:13,11; 15,509;
 Агаг 2:13,24; 7,152;
 аглицкий 1:13,8;
 Агнчий 1:6,109;
 Аграфена 1:10,472;
 Ада ключи 1:10,282;
 Ада Негри 1:8,93;
 Адам 11:7,77; 10,311; 10,315; 10,398; 12,200;
 6,76; 12,169; 12,201; 6,76; 12,200; 11,71;
 Адамант 1:10,149;
 Адамов 3:12,56; 12,97; 6,237;
 Адамова трава 2:13,23; 13,23;
 Адамотворящий час 1:5,110;
 Аз 3:7,127; 10,304; 11,90;
 Азия 1:11,228;
 Ай-кюмерки 1:10,372;
 Акатуй 1:15,464;
 Аким (Аким Зяблецов) 6:13,6; 13,6; 13,7; 13,7;
 13,6; 13,7;
 Акимушка 2:11,227; 13,12;
 Аксаков 1:15,459;
 Аксен Ачкасов 1: 15,473;
 Акулина (Акулина Пяхомовна) 1:4,20;
 Акуля 2:10,186; 10,315;
 Але 1:14,98;
 Александр Блок 1:10,123;
 Александр Златокольчужный 1:10,342;
 Александрия 3:11,150; 11,226; 13,27;
 Александровский зал 1:13,38;
 Алексей 9:10,471; 10,473; 10,476; 13,18; 13,23;
 13,23; 10,472; 10,475; 13,38;
 Алексей 3:13,28; 12,323; 12,222;
 Аленушка 6:11,143; 12,255; 13,8; 12,270;
 13,25; 15,699;
 Алеша 3:14,99; 13,38; 12,323;
 Алешенька 1:4,21;
 Алжир 1:10,359;
 Али-Баба 1:12,230;
 Алисафия 2:12,181; 13,10;
 Алконост 14:12,314; 12,323; 14,95; 10,359;
 12,167; 5,91; 11,231; 12,236; 10,331; 11,164;
 11,220; 11,123; 13,9; 13,10;
 алконостный 1:12,167;
 Алконост-птица 1:11,137;
 Алла 1:9,23;
 Алтай 5:12,305; 10,413; 10,440; 13,24; 13,25;
 Альфа и Омега 2:6,116; 7,143;
 Аляска 1:15,696;
 амстердамский 2:12,210; 12,210;
 Анастасия 1:12,318;
 Анастасья 3: 12,318; 13,42; 14,97;
 Анатолий 4:12,268; 10,448; 15,697; 15,605;
 Анатолий Яр 2:11,163; 11,166;
 Ангел 5:2,25; 12,146; 6,237; 12,146; 10,312;
 Ангел Тоски 1:5,110;
 Ангел труда 1:11,132;
 Ангел-истребитель 1:10,365;
 Андома 2:12,315; 6,237;
 Андрей (Денисов) 1:11,226;
 Андрей (Рублев) 3:11,132; 11,133; 15,226;
 Андрей Денисов 1:12,317;
 Андрей Рублев 2:13,22; 15,522;
 Анзерский Елеазар 1:12,311;
 Анзерский скит 1:13,29;
 Анисим 1:12,334;
 Анна 3:13,8; 13,41; 13,8;
 Анна (Ахматова) 1: 12,266;
 Аннушка Кириллова 1:7,112;
 антихрист 2:12,198; 13,33;
 Антоний с Си 1:13,26;

Антроп 2:11,148; 9,20;
 Апокалипсис 1:10,105;
 аполлоновский 1:15,375;
 Апрель 1:7,157;
 араб 6:10,353; 8,35; 10,359; 10,360; 13,25;
 10,398;
 арабский 11:12,194; 12,336; 10,409; 13,22;
 13,27; 13,34; 12,268; 8,23; 8,86; 8,97; 15,460;
 аравийский 5:11,132; 12,190; 12,261; 13,23;
 8,22;
 аравитянка 1:15,599;
 Аравия 1:12,201;
 аракчеевский 2:12,179; 12,198;
 Арал 4:11,225; 11,225; 13,26; 13,26;
 аральский 1:7,124;
 Аралка 2:10,325; 10,326;
 Арарат 4:10,357; 11,228; 12,271; 7,85;
 Арахлин-град 1:5,107;
 Арзамас 1:10,377;
 Арина 4:13,16; 13,17; 10,464; 13,32;
 Арина-баба 1:12,313;
 Аринин 1:13,13;
 Аринушка 10: 12,211; 13,10; 13,16; 13,16;
 13,16; 13,17; 13,17; 13,42; 13,42; 13,10;

Б

«Белый скит» 1:12,236;
 «Блажен муж» 1:6,208;
 баварец 1:8,74;
 Багдад 5:7,221; 8,93; 13,24; 7,125; 12,227;
 багдадский 3:10,391; 12,244; 12,266;
 Багряный Адам 1:10,398;
 Багряный Лев 2:10,370; 10,371;
 Байкал 7:11,134; 9,19; 10,344; 12,186; 10,438;
 15,503; 15,414;
 Байрам 1:15,457;
 балтийский 1:12,266;
 Балтийское море 2:10,362; 10,415;
 Бальмонт (К. Бальмонт) 1:10,157;
 Барабинские шляхи 1:11,133;
 барабинский 1:12,225;
 Барбос 1:15,224;
 Барыба 1:11,123;
 Батый 3:12,250; 14,97; 13,31;
 Бах 5:8,42; 8,93; 12,185; 10,389; 15,463;
 Бахметьев 1:15,524;
 бахметьевский 1:15,525;
 Баязет 1:14,98;
 баян (баснослов-баян) 1:3,19;
 баянов 2:12,187; 15,463;
 Баяновы кружки 1:12,187;
 Бебель 1:15,533;

Ариша 5:13,16; 13,12; 13,15; 13,24; 13,24;
 Армия Красная 1:10,416;
 Арский 1:15,473;
 Артем 1:13,19;
 Артемий 1:10,436;
 Архангел 1:6,244;
 Архангел Дня 1:6,143;
 Архангельск 1:10,380;
 Архангельский 3:10,404; 12,334; 13,6;
 Архип 2:10,371; 7,125;
 Архипов (Николай Ильич Архипов) 3:10,457;
 11,124; 9,8;
 Архипов 1:9,12;
 Архипов (Н.И. Архипов) 1:11,134;
 Архистратиг 2:10,105; 10,305;
 ассирийский 2:12,213; 13,32;
 Астрахань 1:10,197;
 атлантический 1:10,425;
 Афон 5:11,177; 13,21; 13,23; 13,24; 15,699;
 афонский 1:13,11;
 Ахматова 1:12,266;
 Ачкасов (Аксен Ачкасов) 1: 15,473;

Бедность 1:10,157;
 Бедный Демьян 1:11,101;
 бедуинка 1:8,86;
 бедуинский 2:10,391; 15,501;
 бедуины 2:10,365; 7,233;
 Безвестное 1:10,309;
 Бездна 2:10,282; 10,346;
 Белая Индия 2:10,309; 11,88;
 Белая Меря 1:10,348;
 Белая пагода Дракона 1:13,24;
 Белградская гридня 1:4,29;
 Беловежье 1:15,612;
 Белогородский (Валентин Михайлович Бело-
 городской) 1:12,304;
 Белое море 2:13,5; 13,8;
 белозерский 1:13,23;
 Белозерье 2:15,697; 15,700;
 беломорский 6:7,244; 11,87; 9,14; 11,227;
 10,224; 13,26;
 беломорский смерть-канал 1:11,227;
 Беломорье 1:10,168;
 Бело-озеро 1:12,184;
 Белый брат 2:12,68; 12,69;
 Белый скит 1:5,109;
 Березка 1:15,226;
 берендеевский 1:13,41;

Берлин 1:12,189;
 Бессалько 1:15,503;
 Бессмертное 2:15,451; 15,452;
 Бессмертье 3:7,91; 7,92; 8,57;
 библейский 1:15,231;
 Библия 5: 12,180; 8,32; 10,172; 10,301; 10,321;
 Бийск 2:12,268; 13,24;
 Благо 1:13,31;
 Бледный Конь 1:12,148;
 Блок (Александр Блок, А. Блок) 2:10,123;
 12,47;
 Блуд 1:12,147;
 Блудница 2:7,63; 12,334;
 Бова 1:13,37;
 Бог богов 2:14,99; 14,99;
 Бог 71:5,109; 7,116; 7,154; 7,199; 10,194;
 10,304; 11,70; 11,71; 8,70; 12,79; 12,188;
 12,228; 12,234; 12,249; 12,304; 12,316; 13,16;
 13,30; 13,28; 12,170; 1,15; 5,107; 6,253; 12,180;
 12,304; 13,29; 13,29; 10,97; 12,207; 12,214;
 12,304; 12,321; 12,198; 13,31; 5,81; 7,152;
 10,101; 10,303; 10,304; 13,22; 13,22; 6,154;
 7,145; 10,296; 10,314; 10,346; 10,474; 7,232;
 10,277; 10,304; 6,173; 10,273; 10,290; 10,372;
 14,99; 14,99; 13,38; 10,423; 12,168; 10,365;
 10,472; 13,41; 10,90; 6,251; 5,82; 10,238; 13,10;
 13,10; 15,445; 15,133; 15,133;
 Бог сил 1:7,91;
 Богданов (А.Богданов) 1:8,34;
 Богданов-Бельский 1:12,251;
 Боговидящий 1:7,86;
 Богоматерь 1:14,98;
 Богомать 2:6,173; 10,291;
 Богомольщина (сборица-Богомольщина)
 1:6,237;
 Богоневеста 1:14,95;
 Богородица Землица 1:10,343;
 Богородица 16:12,312; 12,312; 12,323; 12,337;
 14,98; 14,98; 12,316; 13,6; 13,31; 12,236;
 12,319; 13,38; 12,320; 12,337; 13,34; 13,28;
 Богородицын 3:10,279; 10,285; 12,243;
 Богородично (Рождество Богородично)
 1:13,42;
 Богородичный 1:13,23;
 Богослов (Иван Богослов) 1:6,255;
 Бог-Слово 1:11,112;
 Боженька 3:12,146; 12,157; 10,357;
 Божий вертоград 1:6,143;
 Божий Дух 1:6,233;
 Божий 51:13,21; 6,233; 12,68; 13,35; 7,153;
 6,243; 6,75; 6,246; 5,110; 10,347; 6,108; 6,143;
 7,60; 12,176; 12,98; 6,232; 7,62; 12,177; 12,324;
 8,99; 6,244; 6,245; 11,92; 13,22; 10,319; 10,344;
 10,364; 10,344; 10,364; 10,314; 10,314; 10,316;
 10,365; 10,357; 10,365; 10,357; 10,311; 10,267;
 10,263; 10,247; 13,29; 13,29; 10,299; 10,300;
 7,232; 10,255; 8,70; 12,129; 10,185; 10,283;
 15,281;
 Божий странник 1:6,238;
 Божий Сын 1:12,68;
 Божий Цареград 1:13,35;
 Божье дерево 1:6,245;
 Божьи воздуха 1:12,98;
 Божья дань 1:8,99;
 Божья Земля 1:10,347;
 Божья рать 1:11,92;
 Больница 1:12,281;
 Большая торговая 1:13,42;
 Бомбей 5:10,359; 11,226; 11,111; 12,177;
 12,180;
 Борис 6:10,369; 13,41; 12,198; 12,242; 12,243;
 13,36;
 Борнео 1:12,230;
 Боян 1:10,347;
 Боянов 1:10,340;
 Бразилия 1:15,533;
 Брама 5:7,130; 13,16; 11,231; 10,403;
 15,459,440,24
 Братец 1:12,68;
 Братские Песни 1:11,87;
 Братство 1:10,347;
 Брест 1:13,30;
 Брики 1:12,205;
 Брихничева (Валентина Брихничева) 1:2,39;
 Брюсов 1:11,126;
 брюсовский 1:11,125;
 Брюссель 1:15,547;
 Буг 2:10,413; 15,504;
 Будда 4:10,310; 11,100; 13,23; 15,459;
 буддийский 1:13,23;
 Буй-Тур 1:14,99;
 Буй-Тур Всеволд 1:10,342;
 Буки 2:7,127; 11,90;
 бур 1:10,405;
 бурятский 1:10,131;
 Бусласв 1:11,119;
 Буслаевы Васьки 1:12,305;
 Буслаи 1:15,508;
 Бухара 4:10,327; 12,305; 12,222; 10,348;
 бухарец 1:15,223;
 бухарский 8:11,175; 12,274; 12,275; 12,335;
 13,23; 13,11; 13,35; 15,621;
 Буян 2:10,192; 12,305;
 Бык из стали 1:11,229;

- «Варяг» 1:8,93;
 «Виденье Лица» 1:12,315;
 «Война и мир» 1:10,361;
 «Вселися в ны и обожги» 1:10,351;
 «Всемирная слава» 1:12,158;
 «Вставай, подымайся» 2:10,347; 10,347;
 Ваал 1:10,360;
 Вавила 12:10,421; 10,422; 13,10; 13,33; 13,36;
 13,36; 12,168; 11,135; 8,22; 11,220; 10,432;
 13,10;
 Вавилин 1:12,214;
 Вавилон 3:7,143; 12,176; 13,25;
 вавилонский 2:10,453; 11,111;
 Вага 1:13,4;
 Вайгач 4:10,413; 11,134; 13,16; 13,34;
 Валаам 2:10,360; 13,23;
 Валдай 6:7,233; 9,20; 12,329; 12,332; 12,333;
 6,257;
 валдайский 4:10,392; 13,28; 7,93; 8,93;
 Валентин Михайлович Белогородский
 1:12,304;
 Валентина Брихничева 1:2,39;
 Валетка 1:15,565;
 Валуны Валдая 1:6,257;
 Ванюшка 1:10,266;
 Ваня 2:13,19; 13,19;
 Варвара 2:13,28; 12,316;
 Варлаам 3:13,19; 13,41; 13,41;
 варяг 1:15,375;
 Варяг 2:10,311; 8,93;
 варяжский 1:12,190;
 Василий 4:10,431; 15; 15,450; 15,450;
 Василий Грошников 1:15,449;
 Василиса (Мелентьевна Василиса) 1:12,255;
 Василиса 3:13,13; 13,27; 13,28;
 Василиста 4:10,238; 10,239; 13,16; 15,572;
 василистин 1:13,16;
 Васильев (Павел Васильев) 1:12,274;
 Васильев 2:12,266; 12,276;
 Василько 3:11,134; 10,342; 11,175;
 Васиха 4:10,238; 10,239; 13,16; 10,238;
 Васька 3:10,411; 10,197; 10,197;
 Васька Красный 1:10,197;
 Васька-ярун 1:10,197;
 Васьки (Буславы Васьки) 1:12,305;
 Вася 5:12,307; 15,450; 15,450; 15,450; 15,450;
 Васятка 8:11,135; 12,317; 10,461; 12,307;
 12,308; 10,405; 10,406; 12,330;
 Васяткин 2:10,461; 12,330;
 Вашингтон 3:12,152; 12,202; 12,203;
 вдовы-Ресницы 1:12,146;
 Ведаю 1:10,304;
 Веди 1:11,90;
 Велес 3:11,122; 12,218; 10,472;
 Велесов 2:10,329; 13,37;
 Великая Мать 1:13,4;
 Великая Пирамида 1:12,176;
 Великие озера 1:11,87;
 Великий Единорог 1:5,107;
 Великий Сиг 2:12,331; 12,331;
 Великий Сфинкс 2:12,213; 10,373;
 Великий Четверг 1:12,146;
 Великороссия 1:11,227;
 Вельзевул 1:10,332;
 Вена 1:11,118;
 Венсра 1:14,97;
 веницейский 2:13,10; 13,18;
 Верефер 1:13,28;
 Верижники 1:6,236;
 Веркольск 1:13,19;
 Верлен 4:10,331; 10,332; 11,147; 11,148;
 Вероника 1:10,466;
 Верхарн 2:7,233; 8,71;
 Верхотурье 1:13,26;
 Веры Щит 1:13,23;
 Веспасиан 1:11,230;
 ветер-Алконост 1:10,359;
 Ветлуга 2:11,227; 13,24;
 Вечер 1:10,243;
 Вечность 1:7,116;
 Вечный День 1:15,226;
 византийский 1:13,39;
 Византия 3:13,29; 13,15; 15,584;
 Вильгельмше 1:6,250;
 Виноградный Спас 1:7,149;
 Висла 3:15,253; 15,253; 15,253.477,27;
 Вифанская Марфа 1:10,322;
 вифанский 2:10,322; 7,233;
 Вифлеемский 1:12,145;
 Вифлеемское небо 1:12,145;
 Вихрь 3:6,239; 6,253; 6,253;
 Владимир 1:11,228;
 Владимир Кириллов 2:10,367; 12,178;
 Владимир червонные ворота 1:11,228;
 Владимир-Залесск 1:10,358;
 Владимирская Божья Мать 1:13,22;
 владыка-Блуд 1:7,116;
 Владыко 3:12,326; 14,97; 13,6;
 Владычица 6:13,17; 13,19; 13,32; 12,336;
 12,337; 13,26;
 Владычица Одигитрия 1:12,337;
 Владычица Семизёрная 1:13,33;

Владычная Ладья 1:7,128;
 Влас 8:10,271; 10,280; 12,327; 13,32; 11,230;
 10,236; 11,176; 12,326;
 Власов 1:15,545;
 Власть 1:10,311;
 Влахерн 1:12,219;
 вогул 2:9,15; 15,452;
 Водла 1:13,4;
 Водохлеб 1:6,237;
 Волянка 1:7,124;
 Возгорельщик 1:6,236;
 Возлюбленный 1:10,322;
 Возмездье 2:15,445; 15,445;
 Волвянка-Варвара 1:12,316;
 Волга 25:4,28; 6,244; 10,342; 10,343; 10,348;
 11,117; 11,132; 11,225; 8,93; 12,180; 13,26;
 12,155; 10,198; 12,212; 12,305; 11,229; 10,371;
 10,379; 12,273; 6,244; 11,138; 12,225; 6,252;
 15,514; 15,253;
 Волдырь 1:7,124;
 Волжские луга 1:10,347;
 Волжский 10:12,220; 11,229; 8,52; 12,226;
 12,337; 13,27; 15,523; 6,257; 10,347; 12,338;
 Волжский шебень 16,257;
 Вологда 4:11,220; 12,258; 12,329; 7,125;
 Володарский 1:10,416;
 Волхов-гуслиар 1:10,348;
 Волчок 1:10,443;
 Вольнец 1:10,344;
 Вольнь 2:10,423; 12,257;
 Вольга 3: 10,182; 10,358; 10,358;
 Вольгов 1:10,407;
 Вольф 1:10,325;
 Волюшка 1:10,344;
 Волюшка-мать 1:10,347;
 Воля 9:7,200; 7,232; 12,164; 10,343; 10,344;
 10,344; 10,345; 10,345; 10,381;
 Вороний бор 2:13,24; 13,24;
 Вороноград 1:13,23;

Ворон-смерть 1:12,177;
 Ворота Воскрешенья 1:10,303;
 Воскресенский монастырь 1:13,15;
 Воскрешенье 1:13,9;
 Воскресни 1: 15,501;
 Восток 3:7,63; 10,327; 11,133;
 вотяк 4:12,230; 15,451; 8,34; 8,74;
 вотяцкий 1:11,162;
 Враг 1:6,76;
 Врата 1:7,226;
 Врата Красоты 1:15,403;
 Время-скряга 1:10,309;
 Врубель 2:12,151; 12,145;
 Всадник Саврасый 1:7,60;
 Всадник-Смерть 1:10,143;
 Всеволод (Буй-Тур Всеволод) 1:10,342;
 Всевышние пригичи 1:10,281;
 Всевышний 2:12,156; 10,309;
 Вседержитель гумна 1:10,464;
 Вселенная 1:15,376;
 Вселенская Мать 1:12,193;
 Вселюбящий 2:5,109; 10,149;
 Всепетая 1:13,11;
 Всепетая Матерь 1:5,110;
 Всепетый Боже 1:7,145;
 всерусский 2:12,180; 6,117;
 всеславянский 2:10,340; 4,29;
 Всещедрая Сила 1:6,116;
 Выга 4: 10,465; 11,134; 12,317; 13,20;
 Выго 3: 11,226; 11,227; 13,25;
 Выгов 2:11,117; 6,235;
 Выгово 1:15,247;
 Выдро оя 1:13,42;
 Вытегра 1:15,415;
 вятчи 2:10,409; 10,423;
 Вятка 16:11,220; 12,315; 12,315; 14,96; 11,164;
 11,166; 12,257; 12,261; 12,263; 12,264; 12,264;
 13,40; 12,249; 15,570; 15,570; 15,700;
 вятский 2:12,216; 15,564;

Г

«Голубень» 1:10,401;
 «Горнотайка» 1:12,205;
 Гааз 1:12,229;
 Габучина 3:6,243; 6,243; 6,245;
 Гавриил 5:10,258; 10,309; 10,451; 12,156;
 13,18;
 Газета 1:7,145;
 Гамаюн 13:10,319; 10,322; 10,446; 13,11;
 13,35; 13,20; 11,225; 10,320; 12,216; 11,95;
 11,123; 15,698; 15,698;
 Гамаюн-платок 1:13,20;

Гамсун (Кнут Гамсун) 5:11,142; 11,142;
 11,142; 11,143; 11,143;
 Ганг 3:10,325; 14,97; 11,228;
 Ганзейский 1:13,34;
 Ганс 1:11,221;
 Гаруны 1:7,124;
 Гастев 2:10,367; 15,473;
 Гейне 1:15,443;
 Генисарет 2:13,25; 6,116;
 Гервасий 1:13,9;
 Гермоген 1:11,100;

Гете 1:15,464;
 Гималаи 7:10,308; 10,405; 12,225; 13,25;
 10,452; 15,450; 15,445;
 Гималайнозубый 1:5,108;
 Глагол 1:10,304;
 Глаголь 1:11,127;
 Глаз 1:15,501;
 Глас 1:6,238;
 Глеб 4:13,41; 12,242; 12,243; 13,36;
 Глинка 3:12,172; 10,331; 10,332;
 Глуби Глубин 1:10,309;
 Глубина Глубин 1:12,98;
 Глубина 1:7,244;
 Глубь 1:11,107;
 Гоби 1:11,128;
 Гоген 1:11,220;
 Гоголиный ручей 1:13,42;
 Гоголь 1:11,128;
 Годунов 1:11,90;
 Голгофа 1:10,386;
 голгофа 2:10,400; 6,110;
 голгофский 3:10,320; 12,75; 15,473;
 голландский 1:12,210;
 Голод 1:10,157;
 Голос 1:6,239;
 Голубая Суббота 1:10,463;
 Голубиная книга 1:7,121;
 Голубь 1:13,24;
 Голубь Иорданский 1:10,305;
 гора Медвежья 1:11,226;
 Гора Соколиная 1:10,168;
 горбун Низги 1:9,9;
 Горс 1:12,200;
 Горницы 3:13,11; 13,16; 13,35;
 Гороскоп 1:13,23;
 Гороховая 1:12,192;
 Горыныч 2:10,351; 12,331;
 Господи Иисусе 2:13,12; 13,11;
 Господи межд. 1:15,699;
 Господнее подножье 1:6,77;

Господний 7:12,154; 6,77; 7,61; 7,143; 6,208;
 13,9; 15,520;
 господний 6:10,320; 10,345; 10,310; 10,314;
 13,34; 10,295;
 Господь изыбной 1:10,464;
 Господь 38:1,50; 7,103; 12,47; 12,128; 12,170;
 14,99; 13,19; 13,21; 13,28; 13,36; 13,43; 12,170;
 12,56; 12,169; 7,94; 7,226; 7,227; 12,129;
 12,169; 12,204; 12,282; 13,14; 13,11; 13,12;
 10,309; 10,301; 10,143; 10,311; 10,459; 10,464;
 6,255; 10,320; 11,227; 12,228; 13,18; 13,37;
 15,287; 15,287;
 Гостомысл 2:10,472; 8,42;
 Град 1:13,28;
 Гранатный 1:11,162;
 Гребешков 2:14,95; 14,97;
 Грск (Максим Грек) 1:13,23;
 грск 1:14,99;
 Грек Феофан 1:11,228;
 Гремя 1:6,239;
 Григорий 3:13,39; 13,39; 13,40;
 Григорий Новых 2: 15,414; 15,503;
 Григорьев 1:12,151;
 Грицько 2:11,225; 13,26;
 Гришка 1:12,168;
 Гришутка 1:10,429;
 Грозный 1:12,198;
 Грозный Иоанн 1:12,199;
 Гром 1:6,257;
 Громное 1:8,98;
 Грошников (Василий Грошников) 1:15,449;
 Грузия 2:15,621; 15,611;
 Груня 1:10,473;
 Грызая 1:11,179;
 Гуриев 1:10,293;
 Гурий 5:13,7; 13,7; 10,293; 13,8; 15,226;
 Гурий Никитин 1:15,226;
 Гурий-Свет 1:10,293;
 Гюго 1: 15,464;

Д

«Днесь весна» 1:12,158;
 «Достойно» 1:13,31;
 Давид 5:6,255; 7,200; 10,433; 10,434; 15,281;
 Давидов 1:7,199;
 Давидов дом 1:7,199;
 Дагестан 1:7,93;
 Дамаск 2:11,154; 13,40;
 дамасский 3:11,227; 13,23; 14,98;
 Даниил (князь Московский) 2:11,133; 11,230;
 Данилово 3:11,226; 11,227; 11,134;

Данте 4:11,150; 12,47; 12,266; 15,700;
 Дарья 6:8,22; 11,153; 12,313; 7,93; 10,371;
 11,149;
 Два Плача 1: 15,226;
 Двина 2:10,185; 13,13;
 Дебрнская земля 1:11,230;
 дебрнский 3:13,29; 13,11; 11,230;
 Дева - суша 1:8,32;
 Дева 1:2,25;
 Дева-благодать 1:12,119;

Дева-Любовь 2:7,158; 7,157;
 Дева-обида 1:9,14;
 Дева-Пятенка 1:10,266;
 Дева-Свобода 1:15,518;
 девушки-Светланы 1:12,261;
 Дед (Светлый Дед) 1:15,225;
 Дедеря 1:10,260;
 Дедеря Храбрый 1:10,260;
 Дедушка-сон 1:12,146;
 Девисус 1:8,42;
 Демоны чумы, проказы и холеры 1:11,228;
 Демьян (Бедный Демьян) 1:11,101;
 Демьяны 1:7,93;
 Деникин 1:15,445;
 Денисов (Андрей Денисов) 1:12,317;
 Денисов 4:13,24; 13,24; 13,11; 13,24;
 Денисов крест 3:13,24; 13,24; 13,24;
 День 2:10,242; 10,243;
 Дерево 1:15,451;
 Дерево Борьбы 1:15,415;
 Дерево Муч 1:15,451;
 Дерпт 1:10,326;
 Детинцы Пскова 1:11,220;
 Детство 1:10,361;
 Дивеево 1:14,95;
 Дивеевский 1:5,109;
 Димитрий (Угличский) 2:12,272; 11,89;
 Димитрий (Солунский) 1: 13,10;
 Димитрий (Великий князь Дмитрий Романов)
 1: 13,39;
 Димитрий-царевич 1:11,89;
 Днепр 1:10,342;
 Днепр Перунов 1:10,342;

До 1:11,127;
 Добро 2:11,127; 10,304;
 Добрыня 1:12,243;
 Домна 3:12,204; 13,32; 10,321;
 Дон 6:12,184; 12,315; 6,256; 11,228; 12,308;
 15,253;
 донской 3:12,305; 6,219; 13,33;
 Дориносимый (Жених Дориносимый)
 1:12,128;
 Дориносимый "Жизни Царь Дориносимый"
 1: 12,81;
 Дорофей 1:12,319;
 Достоевский 3:10,392; 10,392; 10,393;
 Дребедза 3:6,243; 6,243; 6,245;
 Древний Змий 1:12,181;
 Дерево Зла 1:12,130;
 Дерево 1:12,234;
 Дерево Коммуны 1:15,439;
 Дремота 1:8,38;
 Другой 1:10,296;
 Дружка-Прага 1:4,29;
 Дуб Покоя 1:6,208;
 Дубравна 1:12,314;
 Дунай 1:12,318;
 Дунай-река 1:12,318;
 Дух и Невеста 1:10,459;
 Дух 5:2,25; 6,256; 10,462; 5,111; 15,460;
 Душа Земли 1:12,165;
 Дьявол 1:12,170;
 Дьяволица-красота 1:8,87;
 Дюк 1:6,234;
 дятел-Маята 1:7,116;

Е

Ева 4:12,169; 7,129; 7,143; 12,223;
 Евангелие 1:1,50;
 Евдокия 2:13,18; 12,305;
 Евпраксия 1:12,228;
 еврейский 1:13,23;
 Европа 7:7,120; 10,346; 11,148; 9,20; 13,39;
 8,93; 15,225;
 Евстигней 6:13,11; 13,11; 13,11; 13,12; 13,33;
 13,33;
 Египет 4:10,300; 10,382; 10,417; 10,448;
 египетский 1:7,85;
 Египтоокая Россия 1:15,571;
 Егор 1:12,198;
 Егорий 28:5,110; 10,280; 10,458; 10,471;
 12,319; 13,12; 13,16; 13,26; 13,31; 13,31;
 12,211; 12,315; 12,210; 11,136; 11,137; 13,28;

10,476; 13,7; 11,92; 11,131; 11,228; 12,172;
 12,320; 13,10; 13,12; 13,18; 15,459; 15,526;
 Егорка 1:12,330;
 Егорьев 3:10,471; 10,268; 10,313;
 Единая заря 1:8,74;
 Единый 1:12,200;
 Екатерина 2:7,83; 7,83;
 Елеазар (Анзерский Елеазар) 2:12,311; 13,29;
 Елена 2:10,447; 15,443;
 Елеон 1:10,461;
 Елиазаровские святцы 1:13,29;
 Елисеев 1:12,244;
 Елисей 4:13,31; 13,20; 13,21; 13,20;
 Елматея 5:13,24; 13,26; 13,24; 13,26; 13,26;
 Енисей 2:11,229; 12,317;
 Епископ 1:8,57;
 Ерёма (пророк Иеримия) 1:6,233;

Ерема 1:7,142; 6,233;
Еремей 1:7,142;
Ермак 4:8,93; 12,220; 12,266; 8,93;
Еруслан 3:10,178; 10,198; 13,31;
Ерусланов городок 1: 3,6;
Ерусланова слободка 1:10,198;
Ершеед 1:6,237;
Еры 1:10,374;
Есенин (Сергей Есенин) 5:9,9; 12,235; 11,175;
10,400; 11,87;

Есенин 12:5,109; 11,88; 8,64; 12,237; 11,163;
11,175; 12,205; 12,210; 12,228; 12,275; 12,265;
15,437;
есенинский 1:10,400;
Естрафиль 1:11,133;
Есть 2:10,304; 10,374;
Ефрат 5:8,35; 13,24; 12,200; 7,143; 8,97;
Ефратная Русь 1:12,201;
Ефрем 1:13,18;
Ефросинья (Полоцкая Ефросинья) 1:12,305;
Ефросинья 2:13,28; 12,305;

Ж

Жалость 2:10,310; 10,310;
Жар-птица 1:10,343;
Железное царство 1:12,204;
Железный Змий 1:6,238;
Железня 1:10,421;
Желтые Воды 1:11,133;
Желудок 1:7,129;
Жених Дориносимый 1:12,128;
Жених 2:10,126; 12,203;
Жених-Покос 1:15,438;
Женщина 1:10,124;
Жертвенник Обиды 1:12,177;
Животворящий Крест 1:13,11;

жигулевский 1:11,164;
Жигули 3:10,198; 11,147; 11,229;
Жизни Глагол 1:15,430;
Жизни древо 1:7,93;
Жизни журнал 1:7,127;
Жизни сосуд 1:15,466;
Жизни Царь Дориносимый 1:12,81;
Жизнь 2:10,304; 12,130;
Жизнь (Книга Жизни) 1:15,415;
Жизнь Села 1:10,309;
Жуть 1:10,182;
Жучка 1:11,149;

З

«Заклание» 1:13,6;
«Зачатия Образ» 1:11,134;
«Звезда на Востоке» 1:11,133;
«Зелен мой сад» 1:10,347;
Задонск 1:14,95;
заозерье 2:11,132; 12,329;
Заозерье 6:10,471; 10,472; 10,473; 10,474;
10,471; 10,475;
Заонежский 4: 10,259; 10,407; 11,118; 12,226;
Заонежье 8:10,386; 11,226; 10,465; 11,99;
12,168; 10,450; 13,27; 13,16;
Запад 1:7,63;
Запечная 1:13,28;
Запечная Кааба 1:12,202;
Заря 4:10,242; 10,243; 6,253; 12,68;
Заря Прощения 1:10,301;
Заугольш 1:10,197;
Заутреня любви 1:12,76;
Захар 1:10,258;
Звезда 1:6,76;
Звезда Квашни и Сусека 1:11,124;
Звездная Москва 1:10,360;
Звездотечная 1:13,28;

Звездотечная Коляда 1:15,450;
Звенигород 4:11,132; 12,329; 12,310; 12,318;
Звук 2:10,311; 10,311;
землища-Дарья 1:11,153;
Земля 18:7,111; 7,143; 7,200; 10,309; 7,232;
11,127; 7,157; 10,304; 11,107; 12,148; 12,156;
12,164; 10,343; 10,344; 10,344; 10,345; 10,345;
10,381;
Зенит 1:10,346;
Зеркало 1:7,116;
Зерцало 1:13,23;
Зимний 1:10,394;
Зингер 2:12,236; 12,237;
Зиновьев 2:12,211; 15,443;
Златая Чепь 1:13,23;
Златой Сарай 1:12,221;
Златокольчужный (Александр Златокольчуж-
ный) 1:10,342;
Златоизный Сын 1:7,153;
Златоуст Иван 1:6,233;
Змей 4:2,25; 2,25; 7,63; 12,181;
Змиев 1:6,239;
Змий 1:6,238;

Знамена (остров Знамен и Струн) 1:15,419;
Зодиак 1:10,109;
Зозуля 1:11,227;
Зой 3:6,254; 6,253; 6,254;
Золотая Орда 2:10,312; 11,177;
Золотая рыбка 1:12,257;
Золотой Рог 1:11,230;
Золотуха 1:7,124;
Зороастр 3:7,130; 10,310; 15,437;

Зорька 1:10,242;
Зосим 2:12,322; 13,29;
зыряне 2:10,399; 13,34;
зырянин 1:9,20;
зырянка 1:8,35;
зырянский 5:10,359; 10,377; 12,190; 10,389;
10,402;
Зюлейка 1:7,125;
Зяблцов (Аким Зяблцов) 2:13,6; 13,7;

И

«Известия» 1:15,463; 15,464; 15,503;
«Изобразительное искусство» 1:10,394;
Иван (Златоуст Иван) 1:6,233;
Иван (Кольцо-Иван) 1:12,220;
Иван (Креститель Иван) 2:10,271; 10,462;
Иван Богослов 1:6,255;
Иван Великий 2:11,231; 10,369;
Иван золотой 1:11,178;
Иван 19:10,276; 10,377; 10,436; 10,437;
10,437; 10,438; 6,255; 11,231; 10,459; 10,460;
12,304; 12,317; 11,178; 12,220; 10,449; 12,311;
10,402; 10,369; 13,15;
Иван Калита 2:10,459; 10,460;
Иван Третий 2:12,304; 13,15;
Иван Филиппов 1:12,317;
Иванко Шестипалый 1:10,197;
Иван-царевич 1:10,402;
Иверская 1:12,176;
Игорь 1:11,87;
Иерихон 1:12,267;
Иерусалим 1:12,200;
Иже 1:10,374;
Иже Херувимы 1:7,125;
Изба 2:10,395; 15,514;
Изба соборная 1:8,71;
Изосим 1:12,311;
Изумруд 2:7,151; 7,152;
Изюмец 1:11,117;
Иисус 4:12,164; 7,145; 15,224; 15, 225; 15,254;
Иисусов 4:12,59; 6,110; 7,157; 15,176;
Иконы 1:12,315;
Ильинская лампада 1:13,31;
Ильич (Николай Ильич Архипов) 3:10,457;
11,124; 9,8;
Ильмень 2:10,339; 10,340;
Ильюша 2:15,520; 15,520;
Илья 6:6,233; 10,314; 10,458; 12,198; 10,459;
10,472;
Индийская земля 1:10,300;

Индийские страны 1:7,200;
индийский 13:13,39; 10,300; 7,200; 12,335;
12,336; 10,339; 11,220; 12,184; 13,39; 13,18;
13,18; 13,39; 12,268;
Индикт 1:13,7;
Индия 9:10,313; 12,182; 10,308; 14,96; 7,220;
10,347; 10,328; 8,42; 13,19;
Индия-Русь 1: 15,471;
Индостан 1:10,436;
индус 1:12,214;
Инония-град 1:5,109;
Иоанн (глава Иоанна) 1:11,133;
Иоанн 3:10,369; 12,199; 12,272;
Иоаннов 2:13,29; 14,97;
Иона (пророк) 2:10,281; 12,314;
Иона (Яшезерский) 1: 13,19;
Иона (митрополит) 1: 13,28;
иорданский 2:10,271; 10,305;
Иосиф Флавий 1:13,23;
Ипат 3:10,327; 10,236; 10,236;
Ипатушка 1:10,236;
Ипатьев монастырь 1:13,41;
Ирбитский 1:10,474;
Иринарх соловецкий 1:11,133;
Ирод 1:12,169;
Иродиана 1:12,334;
Иродова дочь 1:12,333;
Иртыш 4:10,162; 11,229; 12,276; 12,266;
Иртышский 1:12,276;
Исав 1:8,64;
Исайя 1:14,95;
искариотский 1:10,364;
Исполин 1:12,183;
История 1:15,405; 15,431;
Исус 5:10,402; 13,11; 13,12; 11,87; 10,466;
Иула 2:11,177; 7,86;
иудин 4:10,400; 11,230; 11,231; 13,31;
Июль 1:11,92;

«Каин» 2:14,96; 14,96;
 «Кири слейсон» 1:12,322;
 «Кит меднобрюхий» 1:15,460;
 «Кобыльи корабли» 1:10,400;
 «Коль славен наш» 1:13,39;
 «Красная газета» 2:7,227; 10,364;
 «Кресту Твоему» 1:6,208;
 Кааба 3:12,202; 12,230; 8,71;
 кабардинский 1:15,525;
 Кавказ 3:10,380; 12,249; 15,223;
 Кавказье 1:13,30;
 Казанка 1:12,221;
 Казбек 3:11,118; 11,124; 15,430;
 Казбек-коврига 1:11,118;
 Казуар 1:12,230;
 Каин 5:10,409; 14,94; 14,97; 14,95; 15,351;
 Каир 3:11,122; 12,230; 12,176;
 Калевала 4:12,152; 5,111; 12,151; 10,378;
 Калистрат 3:13,13; 13,16; 13,20;
 калистратов 1:13,17;
 Калистратыч (Федор Калистратыч) 1:13,14;
 Калита (Иван Калита) 2:10,459; 10,460;
 Калка 1:15,509;
 Калуга 6:10,433; 11,100; 14,96; 5,111; 11,91;
 7,121;
 калужский 3:11,147; 12,332; 14,96;
 калуцкий 2:11,159; 13,37;
 Кама 14:10,162; 10,325; 10,381; 11,221;
 11,231; 12,266; 13,41; 12,250; 12,225; 6,256;
 10,339; 11,221; 12,318; 15,514;
 Камское сердце-громада 1:7,244;
 Кана 1:10,467;
 Капарулин 1:13,42;
 Карабах 1:11,229;
 каргополы 2:10,259; 10,260;
 Каргополь 1:12,177;
 Каргопольский Бегун 1:5,107;
 каргопольский 6:12,214; 12,307; 5,107; 10,259;
 8,32; 8,71;
 Кардуччи 1:11,113;
 карел 1:12,230;
 Карела 3:12,306; 12,261; 12,165;
 Карелия 1:14,96;
 карельский 17:13,31; 13,4; 13,42; 7,200; 7,233;
 10,331; 12,251; 13,35; 13,35; 10,359; 10,404;
 10,415; 11,134; 11,135; 12,214; 15,546; 15,621;
 Карпаты 2:12,154; 4,28;
 Карфаген 2:5,108; 11,119;
 Касимов 1:11,229;
 касимовский 1:12,332;
 Каспий 1:12,221;

Катерина 2:10,437; 10,437;
 Каутский 1:12,171;
 Кафр 1:8,42;
 Кашино 1:12,244;
 кашинский 1:13,41;
 Кашмир 3:10,327; 15,525; 15,526;
 кашмирский 1:7,125;
 Кашеев 2:10,394; 11,136;
 Кашей 3:10,351; 12,177; 10,351;
 Каял-река 1:13,28;
 Кемский берег 2:13,30;
 кемский 1:10,238;
 Кемь 3:7,233; 12,276; 13,23;
 Кереметь 2:14,99; 14,99;
 Керженец 3:12,184; 11,225; 13,26;
 керженский 6:10,369; 12,158; 11,122; 12,157;
 13,24; 13,26;
 Кивач 1:10,381;
 Киев 4:11,229; 12,329; 10,348; 4,29;
 Кижы 5:10,465; 13,26; 13,30; 10,386; 13,4;
 Кий 1:15,503;
 Ким 1:12,334;
 киммерийский 1:11,122;
 киргиз 3:10,435; 10,435; 9,15; 10,423;
 Кирие 1:13,15;
 Кирик 1:6,143;
 Кирилл (Челмогорский Кирилл) 2:11,133;
 10,368;
 Кирилл 1:11,133;
 Кириллов (Владимир Кириллов) 2:10,367;
 12,178;
 Кириллов 1:12,237;
 Кириллова 2:10,368; 10,368;
 Кириллова (Аннушка Кириллова) 1:7,112;
 Кис 1:10,312;
 Кисть 1:7,145;
 Китай 15:7,62; 10,346; 10,359; 10,435; 9,20;
 10,406; 10,435; 11,133; 11,148; 13,24; 15,225;
 15,602; 15,602; 15,546; 15,522; 15,560;
 китайский 2:13,23; 7,63;
 китайчонок 2:12,226; 15,438;
 Китеж 13:10,464; 11,101; 11,227; 13,24;
 10,344; 12,170; 12,172; 12,222; 13,43; 11,117;
 12,182; 12,169; 12,128;
 китежане 1:13,35;
 Китеж-град 6:10,344; 12,170; 12,172; 12,222;
 13,43; 11,117;
 китежский 3:13,31; 7,145; 11,101;
 Китоврас 12:10,436; 12,182; 12,183; 12,212;
 12,213; 12,249; 11,123; 12,168; 12,212; 11,89;
 8,64; 15,463;

Кишки 1:7,129;
 Кладбище 1:12,281;
 Клим 3:11,148; 12,304; 15,564;
 Клин 1:15,570;
 Клычков 1:12,266;
 Ключев (Н. А. Ключев) 1:12,282;
 Ключев 7:10,445; 11,168; 8,64; 9,22; 12,266;
 13,34; 15,562;
 Ключева Прасковья 1:13,23;
 клеовоцвет 1:15,473;
 ключевский 1:15,437;
 Книга Жизни 1:15,415;
 Книжная Русь 1:7,127;
 Кнут Гамсун 5:11,142; 11,142; 11,142; 11,143;
 11,143;
 князь Ростовский 1:11,175;
 Коврига Вселенной 1:10,310;
 Коврига 2:10,460; 11,134;
 Коврига племен 1:15,430;
 козельский 1:15,508;
 кокандский 1:8,98;
 Кола 3:12,315; 13,32; 15,281;
 Коловрат 4:11,92; 12,305; 13,31; 8,93;
 Коловратов 3:11,91; 10,400; 11,88;
 Коломенский 1:10,241;
 Коломна 6:11,229; 12,318; 12,266; 13,37;
 13,39; 15,456;
 Колтун 1:7,116;
 Колчак 1:10,413;
 Колывань 1:12,276;
 Кольцов (А.В.Кольцов) 8:10,329; 11,113;
 12,265; 12,168; 12,168; 1,15; 1,39; 1,39;
 кольцовский 1:12,179;
 Кольцо-Иван 1:12,220;
 Колюша 1:15,573;
 Коляда 1:15,450;
 Комедиант (Привал Комедиантов) 1:7,145;
 Коммуна 8:5,81; 5,82; 10,379; 12,189; 12,229;
 12,236; 15,438; 15,450; 15,504;
 Комсомол 1:10,416;
 Кондраг 2:13,32; 13,33;
 Кондратий 3:12,307; 13,33; 13,36;
 Кондратушко 1:13,32;
 Коневец 1:10,370;
 Конец 1:7,245;
 Константин 1:11,230;
 Константинополь 1:15,604;
 Конь 1:12,148;
 Коран 2:7,143; 10,398;
 корейцы 2:8,52; 10,365;
 Коринф 1:13,22;
 Коринфский 1:12,267;
 Корсаков 1:12,172;
 корсунский 1:13,24;
 Корсунь 1:13,34;
 Косово поле 1:12,255;
 Костолом 1:8,85;
 Кострома 7:5,111; 7,232; 12,329; 13,41;
 10,218; 11,159; 11,220;
 костромич 2:10,344; 13,31;
 Костромской край 1:10,434;
 костромской 5: 11,118; 12,331; 13,28; 13,41;
 10,451;
 Кравченко (Яр-Кравченко) 1:10,448;
 Краков 2:15,439; 15,452;
 краковский 1:4,29;
 Красная Газета 1:12,189;
 Красная Гибель 1:7,221;
 Красная горка 1:10,391;
 Красная ляга 1:10,321;
 Красная Пресня 1:11,165;
 Красная Слободка 1:10,239;
 Красная Ягrema 1:6,236;
 Красное золото 1:15,439;
 Красные Казармы 1:5,110;
 Красный Адам 2:12,200; 12,200;
 Красный бог 1:10,365;
 Красный Волок 1:10,281;
 Красный Государь Коммуны 1:5,81;
 Красный олень 1:7,233;
 Красный Содом 1:15,445;
 Красота 1:12,168;
 кремлевский 1:11,230;
 Кремль 1:11,100;
 Крест 5:10,459; 13,25; 10,109; 10,466; 12,80;
 Креститель Иван 2:10,271; 10,462;
 Крестоперстники 1:6,237;
 крещенский 1:12,333;
 Кривополенова 1:8,71;
 Кронштадтский мол 1:11,100;
 крошка-Маруся 1:7,127;
 Крупп 1:12,182;
 Крым 2:10,413; 10,344;
 Кряква 1:13,32;
 Кто 1:12,234;
 Кубань 1:11,177;
 Кува 1:6,257;
 Кудам (Нижняя Кудам) 1:6,237;
 Кудам 1:6,237;
 Кудеяр 2:10,197; 10,197;
 Кудрявич (Митя-Кудрявич) 1:12,154;
 Кудрявич Митяй 1:12,154;
 кукуйский 1:13,33;
 Кулда оя 1:13,42;
 Куликово поле 4:13,12; 12,305; 13,33; 13,37;
 Куликовское поле 1:13,39;

Кумачневый Спас 1:5,110;
 Купава 3:12,334; 15,699; 15,699;
 Купала 1:11,162;
 Купало 5:10,391; 10,411; 13,6; 12,336; 13,4;
 Купальница 1:10,472;
 купальский 9:13,28; 11,1926; 12,182; 11,107;
 12,183; 13,38; 12,171; 11,231; 15,430;
 Купариха 1:10,260;
 купина (любовь-купина) 1:11,133;

Купина (Неопалимая Купина) 2:12,319; 14,95;
 купина (церковь-купина) 1:12,326;
 Купина 1:10,464;
 Кур-гора 1:6,254;
 курдский 1:9,22;
 Куропь 3:6,243; 6,243; 6,244;
 Куропь-птица 1:6,246;
 Курск 1:11,229

Л

Ленин 4:7,245; 10,369; 10,371; 7,245;
 «Лучинушка» 1:12,205;
 «Люблю» 1:10,168;
 «Люди» 3:7,233; 7,245; 10,168;
 Лаба 2:10,440; 12,320;
 Лабиринт бранных стен 1:10,98;
 Лавра 1:10,472;
 Лада 2:12,334; 14,99;
 Ладло 1:11,231;
 Ладога 9:10,417; 8,22; 10,348; 10,379; 11,111;
 12,205; 12,329; 14,95; 15,514;
 ладожский 7:10,415; 12,184; 10,360; 8,97;
 12,243; 8,34; 13,26;
 Лазарь 6:6,143; 10,259; 10,259; 10,260; 10,259;
 12,255;
 Лама 1:13,23;
 Лапландия 5:13,8; 13,9; 13,21; 13,21; 13,22;
 лапландский 3:10,417; 8,97; 12,151;
 Лапоть Исхода 1:10,461;
 Лассаль 1:15,526;
 Лаче 3:10,182; 10,182; 11,228;
 Лаче-озеро 1:11,226;
 Лебединый 1:13,11;
 Лебедь 4:12,189; 13,31; 13,31; 13,31;
 Лебязь дороги 1:13,7;
 Лев – голубая звезда 1:11,100;
 Лев 4: 13,24; 11,100; 11,101; 11,101;
 Лев четырех ветров 1:12,156;
 Левиафан 2:10,360; 13,12;
 Левкой 1:15,699;
 Ледовитая Любовь 1:11,134;
 Лекса 1:11,134;
 лель 2:13,8; 14,96;
 Лель 6:10,192; 11,159; 10,192; 14,95; 15,547;
 15,613;
 Лембэй 1:6,255;
 Лемур 1:5,107;
 Ленин 17:7,233; 7,233; 7,244; 10,426; 11,101;
 12,192; 10,372; 11,101; 10,369; 12,307; 10,370;
 10,422; 12,193; 15,437; 15,514; 15,514; 15,515;

Ленинград 6:10,415; 10,415; 10,417; 10,417;
 15,699; 15,698;
 ленинец 1:10,421;
 Ленинский 3:7,233; 11,100; 12,194;
 лермонтовский 1:12,250;
 Лес лукавых размышлений 1:13,41;
 Лесной Пономарь 2:10,287; 10,288;
 Лесные Были 1:11,87;
 лешанин 2:10,259; 10,260;
 Лешева Находка 1:10,239;
 Ливерпуль 3:8,71; 12,193; 12,231;
 ливерпульский 1:8,93;
 Ливны 1:15,509;
 Лидла 6:12,336; 12,337; 12,337; 12,335;
 12,336; 12,335;
 Лидла-град 1:12,335;
 Лик 2:5,111; 15,696;
 Литва 3:7,93; 12,165; 13,34;
 литовский 1:15,612;
 Лихо 3:10,340; 12,165; 12,170;
 Лихой Сокол 2:6,244; 6,245;
 Лихорадка 1:8,85;
 Лицо 1:12,315;
 Лодзь 1:12,236;
 Ломоносов 4:10,403; 8,32; 8,93; 8,93;
 Лонгфелло 1:12,183;
 Лопарев 1:13,42;
 лопарец 1:13,37;
 лопарий 1:12,151;
 лопарка 1:12,276;
 лопарский 14:8,32; 12,249; 12,322; 12,333;
 12,274; 11,112; 13,8; 13,13; 13,14; 11,100;
 13,35; 11,133; 13,32; 15,457;
 лопарь 1:12,275;
 Лопский погост 3:12,316; 12,316; 12,316;
 лопский 1:12,222;
 лопь 3:13,16; 10,260; 13,34;
 Лопь 3:13,42; 15,518; 15,620;
 Лука 1:12,33;
 Лукерья 6:7,200; 11,124; 12,182; 10,473; 13,32;
 15,247;

Лунные ворота 1:12,212;
Луч 1:11,107;
Лушин 1:12,245;
Лхаса 1:13,23;
Львиный Хлеб 4:8,35; 8,74; 8,85; 8,86;
Любаша 3:10,434; 10,433; 12,270;
Любовь 9:5,90; 7,91; 7,92; 7,116; 10,346;
10,361; 5,90; 15,383; 15,383;

Любовь-Свет 1:6,116;
Любы 1:8,86;
Люди 1:10,374;
Людмила 1:10,332;
Лютер-бог 1:6,251;
Люцифер 1:15,414;
Ля 1:8,22;
Ляксандр 2:12,154; 12,154;

М

«Марсельеза» 2:15,445;
«Мокробрядый Христос» 1:11,133;
«Мыслете» 1:10,168;
маврийский 1:6,220;
мавры 1:15,451;
Магдалина 1:10,141;
Магнит 1:12,192;
Магомет 2:10,403; 7,129;
Мадонна 2:10,392; 10,392;
Мадрид 1:7,128;
мадьярин 1:5,110;
Майна 1:15,504;
Макавей 1:6,252;
Макар 1:15,503;
Макарий 5:13,25; 13,24; 13,25; 12,251; 13,24;
Макарий на Желтых Водах 1:11,133;
Макоша-Морок 1:6,255;
Максим Грек 1:13,23;
малаец 1:8,64;
Маланьин 1:11,149;
Маланья 3:10,311; 10,431; 11,149;
малаянский 1:12,184;
Мама 1:12,148;
Мамасв 1:5,109;
Мамай 1:13,39;
Мамёлфа Тимофеевна 1:12,244;
Мамер 1:13,23;
мамка-История 1:11,100;
Манефа 1:12,157;
Марат 1:10,367;
Маргарита 2:12,242; 13,23;
Марингоф 1:10,400;
Марин (Богородица) 1:10,466;
Марининская система 1:15,438;
марийский 2:13,32; 13,32;
Мария (Богородица) 2:14,97; 13,19;
Мария (Вифанская) 2:10,322; 15,571;
Марк Аврелий 1:11,150;
Марк 1:11,150;
Маркони 3:10,394; 12,236; 15,437;
Маркс 2:15,504; 15,533;
Марокко 1:7,129;

Марс 2:15,453; 15,466;
Марсельеза 1:8,93;
Марсово поле 5:10,416; 5,110; 5,111; 7,221;
10,355;
Маруся 2:8,52; 7,127;
Марфа (Вифанская) 2:10,322; 10,433;
Марья 1:7,233;
Материк 1:10,129;
Материк желанной суши 1:10,97;
Материнский Лик 1:12,338;
Матерь 1:10,375;
Матерь-Русь 2:12,169; 6,220;
Матисс 1:11,220;
Матка 2:15,464; 15,464;
Маточкин Шар 2:11,134; 13,33;
Матфей 1:1,50;
Мать вод 1:8,32;
Мать 3:12,145; 12,250; 11,133;
Мать-глухомань 1:12,188;
Мать-земля 1:13,24;
Мать-Коммуна 1:15,438;
Мать-красота 1:8,52;
Мать-Планида 2:6,253; 6,253;
Мать-природа 1:10,120;
Мать-Суббота 2:10,457; 10,467;
Маховик 1:12,204;
Маша 1:10,282;
Маширов 1:15,464;
Машук 1:15,445;
Мая краса 1:10,417;
Маяковский 2:10,394; 12,205;
Мегра 1:13,4;
Медведев (Павел Медведев) 1:11,110;
Медина 1:10,403;
Медполюкий Будда 1:11,100;
Медные Киты 1:15,460;
Медост 7:6,143; 6,144; 6,173; 10,290; 10,458;
10,472; 11,176;
Медостов 1:10,275;
меевский 1:12,179;
Мезень 1:12,318;
Мей 1:10,329;

- Мекка 2:12,194; 10,359;
 Мелентьевна Василиса 1:12,255;
 Мельников-Печерский 1:12,157;
 Мельхиседек 1:10,462;
 Мемелфа 3:10,358; 10,464; 10,473;
 Мемфис 4:13,22; 12,251; 13,23; 11,159;
 Менделеев 3:10,394; 12,185; 12,228;
 Месопотамия 1:13,27;
 Месть 1:15,382;
 Месяц 4:6,251; 6,251; 12,147; 10,309;
 Месяц Скиний 1:7,129;
 Месячный Нож 1:10,310;
 Мехнецов 1:15,415;
 мехнецовский 1:15,438;
 мидийский 2:11,231; 13,40;
 Микитка 1:13,25;
 Микола (Святитель Николай) 9:5,110; 10,183;
 11,87; 12,321; 13,28; 12,315; 10,271; 12,320;
 13,19;
 Миколай (Святитель Николай) 1:12,320;
 Миколай (Клюев) 1:11,149;
 Миколай (крестьянин) 1:12,154;
 Миколашка-пигух 1:10,218;
 Миколушка 2:10,217; 14,96;
 Микула (Николай Клюев) 2:10,451; 10,377;
 Микула 2:8,64; 14,96;
 Микулов (Николай Клюев) 1:10,324;
 Микулов 3:10,309; 10,265; 10,431;
 Микулушка 1:10,342;
 Мильтон 1:12,237;
 Милшюков 1:11,118;
 мингрельцы 1:15,451;
 Миня 2:7,143; 15,459;
 Минувшее Земли 1:10,92;
 Мир 2:12,98; 5,107;
 мирликийский 1:13,26;
 Мирон-резчик 1:10,230;
 Мирская душа 1:10,310;
 Мирские Думы 1:11,87;
 Миры 1:12,148;
 Митрий (Угличский) 1:11,90;
 Митрий (дед Клюева) 1:13,22;
 Митрий Солунский 5:10,271; 6,220; 13,10;
 12,336; 12,337;
 Митя 2:12,154; 13,6;
 Митяй (Кудрявич Митяй) 1:12,154;
 Митяй 1:12,331;
 Митя-Кудрявич 1:12,154;
 Михаил 2:12,169; 11,117;
 Михаил Соколовский 1:11,117;
 Михайло 2:12,255; 6,232;
 Михайло Тверской 1:11,177;
 Михайлович (Валентин Михайлович Белого-
 родский) 1:12,304;
 Мишка-балагур 1:13,29;
 Млечный Путь 1:10,300;
 Могильный бык 1:12,156;
 Могушества Двери 1:10,303;
 Могушество 1:7,116;
 моздокский 9:10,348; 11,92; 12,332; 10,413;
 11,225; 13,26; 11,148; 13,11; 14,96;
 Моисей 1:7,86;
 Мойка 1:13,40;
 Мокробородый Спас 1:12,327;
 Мокрый Спас 1:12,212;
 Молога 1:12,244;
 Молодуха-Молотьба 1:15,438;
 Молотьба 2:15,438; 15,438;
 Молох 1:10,360;
 Монблан 3:10,346; 8,22; 7,232;
 монгол 1:15,699;
 монгольский 1:12,218;
 Мономах 3:12,261; 11,95; 13,15;
 мономаховый 1:13,38;
 Морава 1:10,417;
 мордовка 1:7,221;
 Море морей 1:10,304;
 Мороз 1:6,253;
 Морозова 1:12,255;
 Морозова Федосья 1:13,14;
 Морской (Царь Морской) 1:12,165;
 Моряна 2:14,99; 14,99;
 Москва 20:10,341; 10,372; 10,372; 11,231;
 12,329; 7,233; 7,233; 11,162; 11,165; 13,15;
 10,459; 11,230; 12,264; 13,31; 10,360; 6,252;
 15,571; 15,570; 15,611; 15,699;
 Москвич 1:10,344;
 Московская Русь 1:11,178;
 московский 9:7,200; 10,320; 6,252; 12,187;
 15,570; 15,696; 15,698; 11,178; 15,570;
 Мста 1:10,348;
 Мстёра 1:12,314;
 Мстислав 1:15,509;
 Мужичкине Веды 1:10,314;
 Мужичкий Спас 1:10,344;
 Музыка 1:10,324;
 Мурат 1:12,219;
 Мурка 2:12,227; 15,565;
 мурманский 1:10,413;
 Муром 1:11,229;
 Муромское плесо 1:10,259;
 муромский 1:6,243;
 Муромцы 1:6,234;
 Мухтарко 1:15,612;
 Муч (Дерево Муч) 1:15,451;

Н

«Накинув плащ с гитарой» 1:10,358;
 «Не рыдай мене Мати» 1:11,133;
 «Невозвратное» 1:10,312;
 Н. А. Клюев 1:12,282;
 Набоков 1:11,118;
 Надежда (Обухова Надежда) 1:10,433;
 Надежда 1:12,56;
 Надежда Андреевна Обухова 2:10,433;
 10,433;
 Надежда Ненадежных 1:13,28;
 Назарет 4:10,347; 12,80; 6,116; 7,145;
 Нарва 2:15,451; 15,450;
 Нарвский 1:15;
 Народный День 1:15,436;
 Народ-Святогор 1:10,343;
 народы-Христы 1:10,346;
 Нарцисс 1:11,143;
 Нарым 9:7,221; 11,147; 11,148; 12,282; 12,227;
 15,930; 15,612; 15,565; 15,430;
 Настасьин 1:12,317;
 Настенька 1:12,318;
 Настенька 8:12,244; 12,245; 12,318; 11,176;
 12,317; 13,32; 13,42; 13,24;
 Настенькин 1:13,42;
 Настин 1:12,244;
 Настя 1:13,42;
 Настя 2:12,314; 13,42;
 Нафанаил 4:13,15; 13,34; 13,17; 13,14;
 Начало 2:11,123; 10,311;
 Наш 1:10,374;
 Наядообразный 1:5,111;
 Небесные Столпы 1:15,226;
 Нева 2:11,179; 15,524;
 Невечерний свет 2:6,113; 6,113;
 Невидимка 1:15,509;
 Невидимый Учитель 1:12,68;
 Невка 1:13,40;
 Неволя 1:12,165;
 невский 4:10,415; 15,524; 15,525; 15,700;
 Невский страж 1:10,342;
 Незакатный Свет 1:12,98;
 Незнаю 1:12,234;
 Незримый 1:1,50;
 Некрасов 1:7,199;
 некрасовский 1:11,230;
 Немврод 1:10,347;
 немец 4:11,147; 12,198; 13,33; 15,375;
 немецкий 1:13,13;
 Невестная мать 1:10,392;

Ненила 1:10,327;
 Неопалимая Кунина 2:12,319; 14,95;
 Неофит 1:11,226;
 Непомерное 1:9,13;
 Непомерный 1:8,22;
 Нередица 1:15,545;
 Нерушимая Стена 3:12,249; 13,28; 12,250;
 несториане 1:13,23;
 Нетленное 1:8,70;
 Ниагара 2:12,186; 12,193;
 Нива 1:10,296;
 Нижняя Кудама 1:6,237;
 Низги 2:10,371; 10,371;
 Ни-Ка 1:7,244;
 никейский 1:13,24;
 Никита 6:6,143; 14,98; 14,98; 13,29; 12,306;
 10,236;
 Никитин (Гурий Никитин) 1:15,226;
 Никитин 1:10,329;
 Пикитушка 1:14,99;
 Николай (Святитель Николай) 3:13,31; 13,31;
 10,266;
 Николай Ильич Архипов 3:10,457; 11,124;
 9,8;
 Николай (Клюев) 1:12,327;
 Николай (царь) 1:13,30;
 Николецька (Клюев) 8:9,23; 13,23; 13,23;
 13,27; 13,29; 13,34; 13,35; 13,29;
 Николин придел 1:13,7;
 Никон 1:10,473;
 Никон 3:13,13; 13,29; 10,473;
 никонианец 3:13,16; 13,32; 13,32;
 Нил с Селигера 2:13,41; 13,38;
 Нил Столбенский 3:12,324; 12,325; 12,325;
 Нил Сорский 2:12,176; 13,41;
 Нил (река) 7:10,373; 13,23; 10,237; 10,439;
 11,133; 12,186; 10,328;
 нильский 2:12,184; 8,32;
 Ницца 2:12,214; 10,410;
 Новгород 4:4,29; 11,228; 12,329; 13,42;
 новгородский 5:10,402; 12,306; 13,23; 13,33;
 7,200;
 Новоладожский 1:11,122;
 Ной 3:7,85; 10,254; 10,357;
 Норвегия 5:11,142; 13,13; 12,320; 13,24; 13,42;
 норвежский 1:11,143;
 Ночь 1:12,68;
 Нубиц 1:12,194;
 нубийка 1:12,190;

нумидийский 4:10,383; 10,382; 9,20; 12,267;

нянюшка-Судьба 1:12,170;

О

«Одигитрия» 1:12,311;

«Он» 1:6,98;

«Орлиный» 1:10,437;

«Ответы» 2:11,226; 12,317;

Обида 1:7,200;

обитель Божия 1:6,246;

облако в штанах 1:10,395;

Обонежье 1:10,287;

Обрадованное Небо 1:12,319;

Обухова (Надежда Андреевна Обухова)
1:10,433;

Обухова Надежда 1:10,433;

Обь 3:11,162; 12,305; 13,24;

Огневой Царь 1:5,81;

Огнезачный 1:15,456;

Огненное древо 1:12,156;

Огненный Дух 1:10,331;

Огненный лик 1:11,100;

Огненный Талмуд 1:12,168;

Одигитрия 4:12,337; 13,10; 10,459; 12,336;

озеро Чад 1:8,35;

Ой-ра 1:11,123;

Ока 4:11,229; 13,40; 10,339; 12,275;

Океан 1:10,344;

Оксана 1:15,696;

Окофорд 1:11,220;

Октябрина 2:10,438; 14,97;

Октябрь 7:7,244; 7,245; 11,95; 10,417; 10,428;

15,526; 15,584;

Октябрьская гроза 1:7,233;

Олексий-пролужник 1:11,71;

Олень 1:15,514;

Оленьи Ноги 1:13,23;

Олѣха 6:12,314; 12,314; 12,318; 12,322;

12,323; 12,313;

Олимп 1:12,168;

Олимпий Печерский 1:15,226;

Олонь 1:6,236;

Олонец 7:10,381; 12,201; 8,34; 10,406; 8,98;

15,611; 15,439;

Олонецкий бор 1:5,91;

олонецкий 23:10,445; 12,183; 10,402; 12,184;

10,452; 11,124; 12,213; 12,214; 6,236; 6,250;

12,190; 12,332; 7,94; 12,282; 8,86; 13,26; 14,95;

15,415; 15,456; 15,518; 10,401; 10,449; 12,194;

олончане 1:12,308;

олончанин 1:10,344;

Ольга 3:13,34; 5,110; 5,110;

Он 1:6,98;

Онего 14:6,254; 8,22; 13,30; 7,143; 11,117;

8,86; 12,314; 12,324; 13,4; 7,93; 12,230; 6,256;

12,167; 13,34;

Онегушко 1:6,243;

Онежские пороги 1:10,261;

Оно 9:11,90; 12,145; 12,145; 12,145; 12,146;

12,146; 12,147; 12,148; 12,148;

Онорий 6:12,335; 12,336; 12,337; 12,335;

12,336; 12,337;

Оный День 1:12,282;

Опанас 1:11,227;

Опошня 1:11,150;

Опошня-село 1:12,315;

Орапта 1:12,250;

ордынский 4:4,20; 12,304; 12,255; 13,15;

Ордынщина 1:14,96;

Орел 1:7,143;

Орина 2:10,377; 12,182;

Орлёнок 1:7,157;

Орлиное Слово 1:15,383;

осетинский 1:10,367;

Осип 1:7,227;

Ослябя 3:10,342; 12,243; 13,28;

Оспа 1:7,116;

остров Соловецкий 1:10,224;

остяк 3:12,313; 13,25; 13,35;

Отвага 1:10,375;

Отец 7:10,120; 10,462; 1,56; 12,214; 13,19;

12,323; 10,297;

Оторопь 2:10,364; 15,459;

Отпуск 1:6,250;

Отче Свете 1:6,116;

Отчие обители 1:12,68;

Отчие сады 1:12,72;

Отчий дом 2:11,89; 11,124;

Отчий 1:6,116;

Очиститель 1:15,501;

Оять 1:13,37;

П

Параша 1:13,21;

«Песнослов» 1:10,401;

«Подснежник в бороде у старца» 1:11,155;

«Поморские ответы» 1:10,369;

Павел Васильев 1:12,274;
 Павел 5:12,314; 12,319; 12,322; 12,314; 12,315;
 Павел Медведев 1:11,110;
 Пай-я 2:15,566; 15,566;
 Палеолог (София Палеолог) 1:12,249;
 Палеолог София 1:13,15;
 Палеостров 3:10,465; 13,30; 6,236;
 палеостровский 1:13,4;
 Палермо 1:12,171;
 Палестина 2:10,300; 12,249;
 Памир 5:7,150; 10,403; 12,152; 13,25; 12,227;
 Пан 2:12,273; 15,571;
 Пантелей 1:12,169;
 Пантелеймон 1:10,458;
 Пантоха 1:9,20;
 Паня 4:13,16; 13,17; 13,20; 13,20;
 Парагвай 2:10,436; 12,250;
 Парамшин 1:12,321;
 Параня 2:13,17; 13,20;
 Параскева 1:13,19;
 Парасковия 5:13,19; 13,25; 11,220; 11,148;
 13,21;
 Парасковьян 2:13,20; 13,17;
 Парасковьяшка 2:13,15; 13,13;
 Парасковья 4:13,13; 13,17; 13,19;
 Парасковья-пятница 1:13,28;
 Параша 23:13,10; 13,10; 13,11; 13,12; 13,13;
 13,14; 13,15; 13,18; 13,20; 13,20; 13,22; 13,10;
 13,13; 13,13; 13,14; 13,20; 12,333; 13,13; 13,22;
 13,35; 13,12; 13,15; 13,16;
 Париж 3:10,332; 11,226; 10,386;
 парижский 1:8,32;
 Парка 1:15,560;
 Парсифаль 2:12,189; 11,100;
 Парфен 2:12,330; 13,36;
 Парфений 1:12,311;
 Паскарага 4:6,254; 6,254; 6,255; 11,133;
 Пастыр 1:6,110;
 пасха 1:8,32;
 Пасха 4:7,77; 6,92; 11,150; 12,242;
 Пафнютюшка 2:11,70; 11,70;
 Пахом 1:11,135;
 Пахомовна (Акулина Пахомовна) 1:4,20;
 Паша 6:13,15; 13,20; 13,20; 13,21; 13,15;
 13,19;
 Пашенька 5:12,333; 13,13; 13,13; 13,35; 13,13;
 певец-Китоврас 1:12,212;
 певун-Алконост 1:12,236;
 Песчий Фрегат 1:15,454;
 Пегас 3:12,265; 12,168; 12,237;
 Пегаска 1:12,168;
 Первое мая 1:10,416;
 Перекоп 2:11,154; 11,154;
 Пересвет 3:10,342; 12,243; 13,28;
 Переяславль 1:12,329;
 Пермский 1:13,25;
 Пермь 1:15,452;
 Пермь 2:10,423; 12,165;
 Перовская София 2:10,365; 12,239;
 перс 1:10,451;
 персидский 2:11,100; 12,186;
 персидско-тундровый 1:12,186;
 персиянка 1:12,221;
 Перская земля 1:13,34;
 Перу 1:15,514;
 Перунов 2:10,342; 12,329;
 перуны 1:12,266;
 Песнослов 2:8,86; 11,127;
 Петербург 1:13,40;
 Петр Великий 1:12,210;
 Петр 10:6,253; 10,466; 13,28; 11,112; 12,210;
 13,32; 13,32; 13,32; 12,229; 12,154;
 Петров 2:11,112; 12,155;
 Петровки 1:15,611;
 петровский 1:12,210;
 Петровские пути 1:13,24;
 Петроград 2:7,94; 5,111;
 петроградский 1:12,193;
 Петропавловский 2:7,145; 13,39;
 Печаль 1:11,123;
 Печенгский край 1:7,123;
 печенги 2:7,129; 12,268;
 Печень 1:7,128;
 Печеньга 1:13,41;
 Печерский (Олимпий Печерский) 1:15,226;
 печерский 3:11,229; 12,256; 15,133;
 Печора 8:10,360; 11,162; 13,32; 13,35; 8,93;
 10,373; 11,133; 15,504;
 Пиво Жизни 1:6,208;
 Пингеа 1:12,244;
 Пиринеи 1:8,33;
 Пирогоша 1:12,308;
 Пирогошая 1:15,509;
 Писание 1:12,45;
 Писк 1:7,125;
 Питер 2:7,145; 10,236;
 питерский 1:12,205;
 Питирим 1:13,13;
 Пламенной зрелости сад 1:7,226;
 Планида 6:6,254; 6,254; 6,255; 6,253; 6,253;
 6,250;
 Планидушка 1:6,253;
 Платов 1:11,88;
 Пляся Кровавых Времен 1:12,203;
 Победа 1:12,98;
 Повенец 4:10,410; 11,227; 15,533; 15,450;

поволжский 1:10,413;
 Поволжье 3:12,315; 10,198; 12,152;
 Погорельщина 1:13,18;
 Поддубный старец 1:6,250;
 Подкожница 1:11,179;
 Пододонница 1:6,238;
 Познания Скала 2:10,403; 10,403;
 Поклон 1:12,276;
 Покой 2:10,302; 11,128;
 Покров 4:13,12; 13,26; 13,23; 13,32;
 Покров у Лебязьих дорог 1:13,7;
 Покровки 1:10,247;
 Поле Марсово 1:10,355;
 Поликарпов 1:10,313;
 половецкий 3:8,93; 15,459; 12,225;
 половчанин 1:12,337;
 по-лопарски 1: 15,460;
 Полоцк 1:13,28;
 Полоцкая Ефросинья 1:12,305;
 Польша 1:15,254;
 Поморис(-се) 4:13,42; 11,228; 12,310; 15,459;
 Поморка 1:10,409;
 поморка-Русь 1:11,126;
 поморский 5:6,256; 10,471; 15,464; 13,24;
 10,369;
 поморянин 3:12,335; 13,32; 13,6;
 Помпея 1:15,446;
 Попов 1:10,325;
 Попраие врат 1:10,459;
 По-пушкински нар. 1:11,164;
 Порог 1:7,226;
 Порог Несказанного 1:7,226;
 Порок 1:15,443;
 Порфирный Брама 1:11,231;
 Посланец Сил 1:10,151;
 Пот 1:10,361;
 Потоки 1:6,234;
 по-французски нар. 1:11,147;
 Похитчик-Змей 1:10,192;
 похитчик-Кашей 1:12,177;
 Похоть 1:7,114;
 по-цыгански нар. 1:11,118;
 Почаев 2:5,109; 5,109;
 Пошехонье 2:10,376; 15,451;
 Поэт 1:12,273;
 Прага 2:11,133; 4,29;
 Прасковья 2:11,148; 11,148;
 Прасковья (Клюева Прасковья) 1:13,23;
 Прасковья 5:13,10; 13,11; 13,18; 13,19; 13,16;
 Предательство 1:13,41;
 Предвечное 1:12,202;
 Предвечность 4:10,310; 12,145; 12,147;
 12,147;
 Предсмертный Час 1:10,371;
 Преисподняя 1:7,143;
 Премудрость 1:10,346;
 Пресветлый 1:12,68;
 Пресня (Красная Пресня) 1:11,165;
 Пресня 3:10,399; 11,149; 15,522;
 Престол 1:10,311;
 Пречистая 1:14,96;
 Пречистый Спас 2:6,237; 6,250;
 Пржевальский 1:12,227;
 Привал Комедиантов 1:7,145;
 привратница-Родинка 1:12,146;
 Припять 3:8,97; 12,257; 13,41;
 Пришествие Льва 1:11,100;
 Пров 3:11,227; 13,36; 11,127;
 Проказа 1:15,403;
 Прокопьевна (Устинья Прокопьевна) 1:13,36;
 Пролеткульт 2:5,108; 12,194;
 Пролог 1:13,18;
 Проня 5:12,319; 12,323; 12,314; 12,323;
 12,330;
 Пророк Елисей 1:13,20;
 проспект Октября 1:15,526;
 Простой, как мычание 1:10,395;
 Протасий 1:12,337;
 Прохладный вертоград 1:13,23;
 Прохор 1:10,431;
 Псалтырь 1:15,465;
 Псков 4:7,60; 10,381; 12,329; 11,220;
 Псковская Ольга 1:5,110;
 Псковский 2:5,110; 15,460;
 Птица 1:2,25;
 Птица Фигос 1:6,239;
 птица-Удавица 1:11,179;
 пугачевский 1:12,167;
 Пуд 4:10,461; 11,127; 12,168; 7,233;
 Пудож 1:12,180;
 пудожане 3:10,259; 10,259; 10,260;
 пудожский 4:10,403; 11,100; 12,184; 12,227;
 Пулково 1:15,453;
 Пуришкевич 1:13,39;
 Пустозерск 5:12,177; 7,233; 13,24; 10,329;
 15,452;
 пустозерский 2:12,157; 13,24;
 Путивль 1:12,305;
 Пушкин 7:10,329; 10,330; 12,187; 12,249;
 12,265; 14,96; 11,128;
 пушкинский 2:12,257; 15,526;
 Пушторг 1:12,264;
 Пятенка-лева 1:6,253;
 Пятница 1:13,9;
 Пятничные зори 1:10,281;

- «Радельные песни» 1:15,414;
 «Расцветай мой сад» 1:12,172;
 Равенство 2:10,347; 12,198;
 Радий 1:12,192;
 Радонеж 4:6,235; 12,338; 14,95; 15,522;
 Радонежский 1:10,342;
 Радужный Всадник 1:5,108;
 Радужный Фрегат 1:6,95;
 Радунца 1:11,89;
 Разврат 1:10,157;
 Раздумье 1:8,38;
 Разин 4:11,100; 10,365; 11,134; 15,471;
 Размыка 1:10,197;
 Размыкушка-гусяр 1:10,197;
 Разум 1:7,157;
 Разумное окно 1:7,153;
 Распутин 8:7,150; 10,320; 10,365; 13,38; 13,39;
 13,40; 11,149; 12,167;
 распутинский 2:12,230; 15,414;
 Распятый Лебедь 1:10,460;
 Распятый 1:10,320;
 Рассвет 3:10,242; 10,243; 10,242;
 Рассея 12:11,132; 11,164; 12,282; 12,306;
 12,306; 12,308; 12,308; 12,306; 12,306; 12,308;
 13,38; 15,526;
 Рассея-матка 2:12,306; 12,306;
 Рассея-теща 1:12,308;
 Рассудок 1:15,443;
 Растегай 1:13,8;
 Резец 1:7,145;
 Рем 1:11,155;
 Ремизов 1:15,456;
 речка Смородина 1:13,38;
 Ржаной Град 1:12,165;
 Ржаной Назарет 1:7,145;
 Ржаной Хирам 1:15,504;
 Рига 1:12,152;
 Рим 7:10,417; 11,133; 11,226; 11,231; 14,97;
 9,8; 12,128;
 Робинзон 1:14,98;
 Ролина 1:1,39;
 Ролина-невеста 1:11,164;
 Рождество Богородично 1:13,42;
 Рождество 3: 12,312; 10,474; 10,474;
 Роза 1:10,460;
 Розка 1:15,450;
 Роман 1:13,27;
 Романов 1:12,168;
 Романовна 1:12,317;
 Романовский дом 3:9,19; 10,365; 10,371;
 Рона 1:11,138;
 российский 2:10,423; 12,267;
 Россиюшка 1:15,133;
 Россия 74:5,82; 5,111; 7,62; 7,93; 10,122;
 10,124; 10,346; 10,391; 10,395; 10,432; 10,438;
 10,449; 11,110; 11,110; 11,110; 11,110; 11,117;
 11,150; 11,227; 8,86; 12,188; 12,198; 12,210;
 12,222; 12,244; 13,23; 12,256; 11,122; 11,226;
 12,249; 7,150; 7,221; 10,365; 10,410; 10,452;
 10,466; 11,161; 9,14; 12,194; 12,212; 12,236;
 12,239; 12,243; 12,331; 14,95; 13,22; 13,25;
 13,27; 13,39; 13,40; 13,42; 12,167; 12,237;
 12,237; 12,323; 12,327; 14,96; 13,15; 13,37;
 10,365; 15,571; 15,459; 15,503; 15,415; 15,445;
 15,446; 15,439; 15,463; 15,253; 15,443; 15,466;
 15,461; 15,599; 15,561; 15,578;
 Ростов Великий 1:15,443;
 Ростов 3:12,329; 14,96; 12,310;
 Ростовский (князь Ростовский) 1:11,175;
 ростовский 1:13,40;
 Рублев (Андрей Рублев) 9:13,22; 15,226;
 5,111; 7,200; 11,117; 11,133; 12,321; 11,134;
 11,220;
 Рублевская Русь 1:10,347;
 рублевский 11:10,358; 10,386; 7,200; 10,347;
 12,334; 13,40; 9,10; 11,132; 13,29; 11,133;
 13,41;
 Рум 1:15,567;
 Руслан 1:10,332;
 Россия 1:6,220;
 русская земля 1:11,230;
 Русский виноград 1:13,23;
 Русский 6:6,234; 12,155; 10,365; 8,93; 12,154;
 10,353;
 Русский лебедь 1:12,262;
 русский 75:10,367; 10,426; 10,363; 10,392;
 10,434; 12,189; 12,255; 12,255; 12,205; 12,212;
 12,220; 12,225; 9,12; 12,216; 12,266; 12,334;
 7,63; 12,257; 12,214; 12,152; 12,265; 7,144;
 10,332; 11,229; 11,229; 8,93; 12,316; 13,22;
 13,24; 11,230; 10,399; 13,26; 13,34; 13,37;
 10,348; 8,74; 12,320; 13,25; 13,34; 13,23;
 12,262; 13,30; 11,89; 11,176; 11,229; 11,231;
 12,334; 13,5; 13,39; 12,304; 13,41; 13,42;
 10,139; 10,308; 10,339; 10,340; 10,433; 11,142;
 13,11; 13,21; 13,22; 13,24; 13,37; 10,433; 14,96;
 11,143; 10,327; 13,18; 13,34; 15,473; 15,504;
 15,525; 15,609; 15,523; 15,439;
 Русь (Московская Русь) 1:11,178;
 Русь 93:4,28; 4,29; 5,110; 6,234; 6,239; 6,253;
 6,253; 6,255; 7,200; 7,221; 10,112; 10,297;
 10,301; 10,317; 10,340; 10,474; 11,88; 11,88;

8,93; 12,154; 12,155; 12,155; 12,170; 12,176;
12,182; 12,184; 12,216; 12,234; 12,242; 13,7;
13,19; 13,25; 13,25; 13,26; 13,26; 13,28; 13,28;
13,29; 13,30; 13,31; 13,32; 13,34; 13,38; 13,41;
12,201; 12,169; 11,178; 10,347; 12,182; 12,221;
4,29; 12,328; 11,126; 5,108; 6,253; 6,256; 7,244;
10,294; 10,340; 10,341; 10,360; 10,370; 10,464;
11,119; 11,128; 11,133; 11,134; 8,52; 9,23;
12,37; 12,176; 12,214; 12,242; 12,250; 14,95;
13,6; 13,11; 13,18; 13,22; 13,23; 13,34; 7,127;
10,339; 10,343; 11,111; 12,179; 13,15; 13,24;
15,224; 15,224; 15,459; 15,226; 15,522;
Русь Червонная 1:4,29;
Русь-Китеж 1:12,182;

Русь-персиянка 1:12,221;
Рушук 1:15,223;
Рыбья Соль 1:11,227;
Рылов 15:15,544;
Рюрик 2:13,38; 8,42;
Рябинин 1:7,233;
Рязанская земля 1:10,400;
Рязанский край 1:10,434;
рязанский 11:15,437; 15,463; 15,547; 11,89;
12,268; 11,88; 8,93; 12,228; 13,24; 13,40;
15,547;
Рязань 7:10,433; 11,177; 11,229; 11,175; 13,40;
11,149; 15,620;
Рязань 2:10,197; 10,197;

С

«Со святыми упокой» 1:15,375;
«Свете» 1:7,77;
«Святой Боже, святой крепкий» 1:6,154;
«Се Жених грядет» 1:12,203;
«Сказание о Сифе» 1:11,133;
«Спас» 1:10,318;
«Судище Христово» 1:11,133;
«Счастливый Федя» 1:11,127;
«Соль» 1:11,118;
«Сосен перезвон» 1:15,414;
15,464;
Саваоф 5:10,152; 12,170; 10,303; 6,110;
15,437;
Саваофов 4:6,237; 12,151; 6,246; 10,309;
Саваофов Сын 1:6,237;
Саваофов ухват 1:12,151;
Саваофово подножие 1:6,246;
Савва 2:13,34; 13,33;
Савва Стародуб 1:13,33;
Савватий 8:12,311; 12,322; 13,29; 13,29; 13,29;
13,31; 13,29; 13,33;
Савелий 2:10,356; 10,236;
Савка 1:10,473;
Савский (Савва) 1:10,460;
Садко 16:7,111; 10,173; 10,173; 10,173;
10,182; 10,340; 10,340; 10,342; 10,347; 10,401;
8,70; 8,71; 12,189; 10,173; 7,77; 15,504;
Садко-народ 1:10,173;
Садко-овин 1:7,77;
Салофьев 1:15,464;
Салим 2:15,562; 15,563;
Саломея 1:11,164;
Саломия 1:15,445;
Салос 1:13,42;
Салтычиха 1:15,437;
Самара 1:12,338;

самоед 2:12,230; 13,27;
самоедина 1:11,149;
самоедский 5:12,152; 13,34; 7,123; 11,220;
12,319;
Сапега 1:13,34;
Сара 1:12,188;
Саратов 1:10,197;
саратовский 1:10,435;
Сарапины 1:12,337;
Саров 5:6,235; 7,143; 11,177; 14,95; 15,522;
Саровская пустыня 2:11,225; 13,26;
Саровский (Серафим Саровский) 2:5,109;
15,414;
саровский 3:10,344; 11,225; 13,26;
Сарон 1:13,25;
Саронские горы 1:12,338;
Сатана 1:12,169;
Саул 2:10,312; 11,91;
Сахалин 1:15,696;
сахалинский 1:12,332;
Сахара 4:10,322; 10,327; 10,410; 12,213;
Саяны 1:12,244;
Сварог 1:14,99;
Свет 8:6,116; 12,98; 14,97; 6,111; 6,116; 2,39;
10,153; 10,293;
Свет Незаходимый 1:12,320;
Свет Неприступный 2: 6,115; 6,115;
Свете тихий 2:10,395; 12,320;
Светик 1:6,111;
Светлана 5:12,261; 12,244; 12,274; 12,275;
12,276;
Светланин 2:12,274; 8,93;
Светлояр 7:11,147; 12,182; 13,23; 12,189;
13,22; 13,37; 11,158;
Светлый град 1:12,156;
Светлый Дед 1:15,225;

Светлый Иисус 1:11,87;
 Светлый Спас 2:12,119; 12,334;
 Свет-Солунский 1:6,220;
 Свобода 3:10,347; 12,198; 5,81;
 свят Господь Бог Саваоф 1:12,170;
 Святая Русь 2:12,328; 10,339;
 Святки 5:15,450; 15,449; 15,611; 15,449;
 15,450;
 Святогор 4:10,343; 12,304; 10,339; 15,414;
 Святогоров 1:10,344;
 Святогорье 1:15,526;
 Святой Петроград 1:5,111;
 Святополк 1:12,243;
 святорусский 4:12,98; 6,232; 6,245; 12,44;
 Сглаз 1:12,165;
 Себастьян 1:12,251;
 Себастьянов 1:12,252;
 Севастополь 1:12,220;
 Север 4:10,346; 11,225; 13,26; 7,152;
 Северянин 1:11,87;
 Седины 1:11,123;
 Седмица 1:10,183;
 Сезанн 3:12,205; 11,220; 11,221;
 Секира 1:13,24;
 Секир-гора 2:12,310; 6,236;
 Селиверст 3:12,316; 13,39; 13,40;
 Селигер 2:13,38; 13,38;
 Семёновский 1:13,22;
 Семик-день 1:6,251;
 Семиозерная 1:13,28;
 Семирамида 2:8,98; 12,176;
 Сентябрьский вечер 1:7,91;
 Сенька 2:10,473; 10,473;
 Серафим 5:11,122; 12,59; 5,111; 6,76; 12,81;
 Серафим Саровский 2:5,109; 15,414;
 Сербия 1:15,466;
 сербы 1:8,52;
 Сергей Есенин 5:9,9; 12,235; 11,175; 10,400;
 11,87;
 Сергсюшко 1:11,1926;
 Сергей 1:13,28;
 Сергунька 1:10,461;
 Сердце 1:10,459;
 Сердце-мыс 1:7,128;
 Сережа 1:11,89;
 Сереженькин 1:11,1926;
 Серис 1:7,143;
 Серко 1:10,254;
 Сермяжный Восток 1:7,200;
 Сермяжный чертор 1:15,437;
 Сесентий 1:11,71;
 Сесентий-калужник 1:11,71;
 Сжигающий Марокко 1:7,129;
 Си 1:11,127;
 Сиам 7:10,474; 10,474; 13,24; 13,25; 11,122;
 15,518; 15,522;
 сиамский 1:12,214;
 сибирский 5:11,134; 13,38; 9,20; 15,525;
 15,601;
 Сибирь 6:10,348; 12,306; 10,413; 12,308;
 15,465; 15,621;
 Сибиряк 1:10,344;
 Сива 1:13,25;
 Сиг 3:12,327; 12,331; 12,331;
 Сиговец 12:12,315; 12,320; 12,322; 12,323;
 12,330; 12,313; 12,313; 12,316; 12,317; 12,314;
 12,315; 12,321;
 Сиговый Лоб 2:12,313; 12,316;
 сидонский 3:11,228; 13,15; 8,43;
 Сила 1: 15,460;
 Силиверст 3:12,319; 12,324; 12,327;
 Сильверст 2:12,324; 12,325;
 Симеон 2:11,226; 13,26;
 Синай 1:7,86;
 Синайский глас 1:10,304;
 Синайский 1:10,304;
 Синеус 1:12,184;
 Сион 3:13,31; 13,31; 13,31;
 Сиракузы 1:15,533;
 Сирин 29:10,302; 10,305; 10,329; 10,329;
 10,348; 10,351; 10,358; 10,358; 10,433; 12,182;
 12,187; 12,266; 12,321; 12,322; 13,10; 13,10;
 13,10; 13,15; 13,18; 13,20; 13,25; 13,37; 13,6;
 13,18; 10,323; 10,332; 10,317; 15,376; 15,503;
 сириный 1:10,324;
 сиринов 1:7,77;
 Сириновый 1:12,249;
 Сирип-птица 2:10,323; 15,376;
 Сириус 1:15,453;
 Сиф 1:11,133;
 Сия 1:13,26;
 Скимен-град 1:11,127;
 скифский 1:12,184;
 Скопец-Секира 1:13,24;
 Скрыбин 2:11,99; 15,473;
 Скурагов 1:5,109;
 Слава 4:5,90; 5,111; 11,90; 15,383;
 Славы корабль 1:7,221;
 славянка 1:12,190;
 славянский 3:10,367; 8,86; 15,611;
 Сладкое Лобзание 2:12,319; 13,28;
 Словесное дерево 1:11,88;
 Слово 8:7,245; 7,245; 10,370; 10,371; 11,128;
 12,179; 10,371; 15,383;
 Смерти конь 1:10,143;

Смерть 5:10,102; 10,309; 12,130; 12,181; 10,310;
 Смерть-кладоискатель 1:6,256;
 Смольный 8:11,101; 12,192; 12,194; 10,370;
 11,100; 15,460; 15,504; 15,525;
 Снафид 3:13,36; 13,37; 13,36;
 Снафидин 1:11,179;
 Собор Успенский 1:11,90;
 Совесть 1:10,466;
 Советы 1:10,380;
 Совнархоз 1:15,533;
 Содом (Красный Содом) 1:15,445;
 Создатель 1:1,32;
 Сокол 4:6,244; 6,244; 6,243; 6,245;
 Соколиный 1:6,246;
 Соколовский (Михаил Соколовский) 1:11,117;
 Сократ 1:10,310;
 соликамский 1:10,339;
 Солнечный Глазис 1:15,460;
 Солнце 7:12,68; 12,147; 6,252; 10,309; 6,252; 15,376; 15,377;
 Солнце Ослепительного века 1:11,95;
 Солнце Осьмнадцатого года 1:11,95;
 Солнце Пламенного лета 1:11,95;
 Солнцевая баба 2:7,123; 7,123;
 Солнышко 1:6,251;
 Соловецкий остров 2: 12,310; 12,310;
 Соловецкий погост 1:13,11;
 соловецкий 8:12,227; 8,43; 9,19; 10,459; 11,133; 12,217; 12,230; 12,231; 15,133;
 Соловки 15:10,168; 10,465; 12,220; 12,310; 13,29; 13,30; 13,30; 13,33; 7,150; 10,311; 11,91; 8,93; 12,176; 13,14; 15,452;
 Словцы 1:12,323;
 Солодяжники 1:6,237;
 Соломонов 1:13,23;
 Солунский (Митрий Солунский) 2:10,271; 6,220;
 Солунь 1:13,10;
 Сольвычегодск 1:13,13;
 Сон 1:8,38;
 Сорога 1:6,254;
 Сорский Нил 2:13,41; 12,176;
 сосед-Скрип 1:7,125;
 Сосновый Звон 1:11,87;
 София (Палеолог София) 2:13,15; 12,249;
 София (Перовская София) 2:10,365; 12,239;
 София 16:10,432; 13,25; 13,26; 13,35; 13,15; 12,198; 12,249; 7,150; 10,459; 14,96; 13,34; 12,239; 12,167; 12,219; 12,327; 10,365;
 Спас (Виноградный Спас) 1:7,149;
 Спас (Пречистый Спас) 2:6,237; 6,250;

Спас 38:4,21; 7,142; 7,144; 10,403; 10,464; 11,122; 12,171; 12,323; 12,324; 12,325; 12,326; 13,9; 13,31; 5,110; 12,327; 6,237; 12,119; 13,15; 13,29; 5,109; 13,26; 7,60; 7,143; 10,332; 12,238; 12,316; 12,334; 14,97; 12,212; 6,250; 13,43; 12,334; 6,238; 10,275; 12,165; 10,344; 15,456; 15,437;
 Спас на Бору 1:13,26;
 Спас Ярославский 1:5,109;
 Спасение На Водах 1:13,28;
 Спаситель 2:12,176; 10,304;
 Спаситель Мира 2:12,176; 10,304;
 Спасов 9:10,305; 10,306; 10,112; 10,354; 7,143; 12,176; 6,237; 10,344; 12,316;
 Спасов рай 1:10,305;
 Спасова чаша 1:10,354;
 Спасово поморье 1:10,306;
 Список Вед 1:13,23;
 Спорительница 1:13,28;
 Споручница Грешных 2:12,319; 13,28;
 Среда 1:13,9;
 Средиземный 1:13,37;
 Срок 1:11,123;
 Сталь 1:9,18;
 Старик журавик 1:10,223;
 старик-Ведун 1:14,99;
 Стена Плача 1:12,177;
 Стенькин 4:11,134; 10,348; 6,252; 15,523;
 Стенькин курган 1:10,348;
 Стенькины псы 1:15,523;
 Стёпа 1:10,315;
 Степан 1:10,436;
 Степанида 1:12,314;
 Степанко 1:10,423;
 Степанко-бог 1:10,423;
 Степи Великих Бухар 1:10,348;
 Стих 1:7,145;
 Сто Племен в Едином 1:6,256;
 Столикий Пахом 1:11,135;
 Столпы (Небесные Столпы) 1:15,226;
 страна холмогорская 1:10,402;
 Страстотерпец 1:12,172;
 Страсть 1:7,116;
 Стратилат (Феодор Стратилат) 7:13,10; 13,13; 13,17; 13,18; 13,22; 13,10; 12,331;
 Стратилат 6:12,255; 13,9; 13,15; 13,35; 13,9; 13,10;
 Страх 1:10,157;
 Странный суд 1:10,365;
 Стрелец 1:15,453;
 Стрибог 1:14,99;
 Струны (остров Знамен и Струн) 1:15,419;
 Струны 1: 7,145;

Студеная Кола 1:12,315;
Суббота Живых 1:10,461;
Суббота Земли 1:10,464;
Суббота 4:10,461; 10,466; 10,466; 13,9;
Суд 1:12,315;
Суда 2:10,438; 10,439;
Судан 1:8,86;
Судьба 3:10,272; 10,300; 15,459;
Судьбина 1:5,110;
Судья 1:10,155;
Суздаль 1:12,258;
суздальский 2:10,474; 15,437;
Суламифь 1:10,447;

Супруг 1:15,351;
Суриков 1:13,37;
Сусанна 2:10,419; 10,419;
Суслов 2:11,220; 11,221;
Сутемки 2:6,253; 6,253;
Суший 1:10,304;
Сфинкс 2:12,213; 10,373;
Счастья-Царевна 1:3,50;
Сызрань 1:10,197;
Сын Бездны 1:12,156;
Сын Божий 1:7,153;
Сын 2:7,158; 7,157;
Сысой 1:13,36;

Т

«Трансваль» 1:10,416;
«Трерядница» 1:10,401;
«Тридневен во гробе» 1:11,134;
Таити 5:7,94; 10,399; 10,403; 15,430; 15,452;
Тайна 1:11,101;
Талмуд 1:12,168;
Тамерлан 1:15,437;
Тамерланов 1:12,221;
Тараканова 1:15,463;
татарва 1:13,31;
татарий 2:12,251; 5,108;
Татария 1:11,88;
татарка 2:12,225; 7,221;
татарский 17:10,340; 12,332; 12,178; 12,210;
12,304; 11,175; 12,263; 13,39; 12,261; 5,109;
12,264; 12,257; 13,18; 10,327; 13,34; 8,42;
15,508;
Татарский 1:12,242;
татарско-улыльй 1:10,370;
татарщина 2:10,451; 15,584;
тагары 1:15,459;
Татьянин 2:10,419; 11,153;
Тверской (Михаил Тверской) 1:11,177;
Тверской 1:11,177;
тверской 4:12,180; 12,250; 12,221; 12,266;
Тверь 2:12,255; 15,508;
Творец 2:11,88; 15,287,466.15;
Творец Всевидящий 1:12,47;
Темный Василько 1:10,342;
Теплый Николай 1:10,266;
Терновый лик 1:11,112;
тетушка-Мои́ла 1:12,281;
Техника 1:13,41;
Тибет 2:10,311; 10,327;
Тимофеевна (Мамелфа Тимофеевна) 1:12,244;
Тиган 1:15,225;
Тихвинская 1:12,236;

Тихвинская Богородица 1:12,236;
Тихий океан 1:5,108;
Тициан 2:12,251; 12,251;
тициановский 1:15,571;
Тишайший Алексей 1:13,23;
Тишина-богомать 1:10,307;
тобольский 1:13,40;
Товар 1:15,503;
Толгская 1:13,28;
Толокошники 1:6,237;
Толстой 4:10,310; 11,118; 12,145; 11,128;
Толя 5:11,221; 15,546; 15,560; 15,564; 15,611;
Толтыгин 4:5,109; 11,134; 12,236; 15,602;
Торон 1:6,239;
Тот 1:12,147;
Триоль 1:15,493;
Трифон 1:13,41;
Тросручица 1:11,110;
Троицын Дар 1:15,226;
Трубач Красоты 1:10,399;
Трувор 1:13,38;
Труд 4:10,346; 10,361; 8,38; 10,361;
тульский 1:12,243;
тунгуз 2:10,405; 8,42;
Тунис 2:11,143; 15,452;
туни́сский 1:10,409;
Тур 1:14,99;
Туран 1:11,133;
Тургенев 2:7,233; 8,74;
Турий Лоб 1:13,35;
Туркестан 1:10,377;
Туркмен 1:12,165;
турок 1:15;
тушинский 2:13,34; 13,41;
Ты 2:10,124; 6,113;
Тютчев 1:15,464;
тютчевский 2:15,473; 15,463;

У

«Украшенны вижу чертоги» 1:15,282;
 «Утоли моя печали» 1:12,312;
 «Утоли печали» 1:12,311;
 «Украшенный вижу чертог» 1:13,7;
 Убийство 1:10,157;
 Увечье 1:10,157;
 Углич 7:7,60; 11,90; 12,182; 14,96; 12,272;
 13,9; 10,341;
 Угорские плиты 1:6,257;
 Удавна 2:11,179; 11,179;
 Удгоф-барон (Утгоф) 1:15,423;
 Удилена 2:6,251,13,22; 6,251,13,21;
 Удрас 1:11,123;
 Узорешительница (Узорешительница)
 1:13,28;
 Украина 6:12,315; 11,150; 11,225; 11,225;
 13,26; 13,26;
 Украшенный чертог 1:10,361;
 Улита 1:6,143;
 Ум 1:10,465;
 Ум Зла 1:6,238;
 Ум Любви 1:6,238;
 умбрийский 1:13,15;
 Умбрия 1:10,373;
 Умягчение Злых Сердец 2:12,319; 13,28;
 Уньженский 1:12,327;

Упругость 1:8,38;
 Урал 6:10,343,142,6; 10,439,26,29;
 11,118,378,2; 14,96,127,180; 13,35,261,3187;
 15,430;
 Уральские граниты 1:6,257;
 Уральские хребты 1:4,28;
 уральский 1:12,183;
 Уран 2:13,25; 13,25;
 Урицкий 1:12,192;
 Успение 2:12,315; 12,327;
 Успенский (Собор Успенский) 1:11,90;
 Уста 1:10,311;
 Устеша 1:10,186;
 Устинья Прокопьевна 1:13,36;
 устьсысолец 1:12,316,280,118;
 устьсысольский 1:11,118;
 Устья пригожая 1:13,36;
 Устюг 2:5,111; 12,329;
 устюжский 2:13,9; 12,201;
 Устя 1:11,118;
 Утгоф (Удгоф) 1:12,199;
 Утоли 1:14,98;
 Утоли Моя Печали 4:12,319; 13,9; 13,24;
 13,35;
 Утоли Печали 1:13,19;

Ф

«Фа» 1:11,118;
 «Франции сердце» 1:15,460;
 Фа 1:8,22;
 Фавор 3:10,281; 12,216; 15,176;
 Фаина 1:14,96;
 Фарис 1:15,457;
 Фатима 1:7,125;
 Февраль 4:7,200; 12,164; 12,164; 12,170;
 Федор 5:13,13; 13,13; 13,17; 13,28; 13,28;
 Федор Калнстратыч 1:13,14;
 Федосья (Морозова Федосья) 1:13,14;
 Федосья (Федосья-колосовица) 3:10,472;
 10,472; 10,472;
 Федот 2:10,377; 10,462;
 Федька 2:13,15; 13,17;
 Федюша 7:13,20; 13,20; 13,16; 13,21; 13,21;
 13,17; 13,25;
 Федюшин 1:13,35;
 Федюшка 1:12,154;

Федя 9:13,14; 13,17; 13,20; 13,21; 13,21;
 11,127; 12,154; 13,17; 13,10;
 Федя Стратилат 1:13,10;
 Федя-Орленок 1:12,154;
 Фекла 1:11,227;
 Феклуша 1:13,11;
 Фелица 1:15,446;
 Феодор 10:13,11; 13,21; 13,41; 13,42; 12,311;
 Феодор Стратилат 5:13,10; 13,13; 13,17;
 13,18; 13,22;
 Феодоровский собор 2:13,37; 13,37;
 Феодосий 2:12,326; 13,34;
 Феофан (Грек Феофан) 1:11,228;
 ферганский 1:10,404;
 Фет 2:11,118; 8,74;
 Филаретовский 1:10,390;
 Филипп 1:11,100;
 Филиппов (Иван Филиппов) 1:12,317;
 Финикия 1:13,22;
 Финист 1:13,28;

Финист-Аввакум 1:13,34;
Финист-лель 1:13,8;
Финифтянный рай 1:11,101;
Фиюс (Птица-Фиюс) 1:6,239;
Флавий (Иосиф Флавий) 1:13,23;

Фомка 1:10,408;
Фрегат (Певчий Фрегат) 1:15,454;
Фрегат багряный 1:10,388;
Фрол 2:10,458; 10,472;

Х

«Христос воскрес» 1:13,34;
Халдей 1:13,24;
Хавронья 1:15,451;
Харан/Харран 7:12,194; 12,201; 12,215; 13,9;
10,409; 13,25; 15,461;
Хвалынский 1:10,434;
Хвалынское дно 1:10,434;
Хвалынщина 1:10,162;
Хвалынь 1:13,24;
Херувим 1:12,81;
Хива 1:7,124;
Хирам 1:7,221;
Хлеб 7:10,343; 10,344; 10,344; 10,345; 10,345;
10,461; 15,226;
Хлоя 1:15,550;
Хмеры 1:13,25;
Холмогорье 1:11,117;
Храбрый (Дедеря Храбрый) 1:10,260;
Храбрый Егорий 1:10,313;
Храм 1:6,75;
Хризопраз 1:15,437;
Христов 20:7,150; 10,302; 11,107; 10,310;
14,98; 13,6; 10,461; 12,312; 7,233; 13,40;

11,133; 13,31; 7,157; 13,24; 7,83; 7,158; 10,310;
12,316; 13,24; 15,176;
Христов Лазарет 1:11,107;
Христова Земля 1:10,461;
Христово Рождество 1:12,312;
Христос 45:7,111; 7,113; 7,130; 10,142; 10,321;
10,328; 10,364; 11,178; 12,282; 12,323; 13,7;
13,18; 13,21; 13,29; 13,29; 13,38; 11,133; 13,34;
10,475; 6,76; 7,110; 7,144; 7,149; 7,149; 10,109;
10,141; 11,88; 11,229; 12,234; 13,12; 12,312;
14,97; 12,146; 12,311; 13,24; 6,76; 10,258;
10,274; 10,386; 13,33; 10,346; 14,97; 15,229;
15,226; 15,226; 15,571;
Христос воскрес из мертвых 1:10,475;
Христофор 1:15,509;
Хугинь 1:13,19;
Хутынский 1:13,41;
Хутынский Варлаам 1:13,41;
хазарский 4:11,176; 12,263; 14,99; 13,26;
халдейский 3:10,404; 12,152; 8,97;
холмогорский 3:8,32; 10,402; 12,317;
христосоваться 1:10,401;

Ц

«Царская невеста» 1:10,433;
«Цветник» 1:12,336;
Цареград 4:13,35; 13,15; 13,19; 15,466;
Царица 2:2,25; 10,459;
Царский 1:13,39;
Царское Село 2:13,37; 13,38;
Царскосельский 2:10,371; 13,39;
Царь 4:10,297; 8,57; 7,199; 7,199;
Царь Кашей 1:10,351;
Царь Морской 1:12,165;
Царьград 7:10,316; 11,100; 12,167; 12,216;
13,18; 13,19; 5,109;

Царь-колокол 1:11,178;
Царьградский 1:11,229;
Цветник 2:13,5; 13,23;
Целебей 1:11,117;
Церковь Божия 1:6,75;
царевна София 1:12,198;
цареградский 3:12,242; 12,219; 12,329;
царь Давид 2:10,433; 10,434;
царь Лазарь 1:12,255;
цыган 1:10,208;
цыганка 2:14,95; 7,124;
цыганский 3:10,219; 13,38; 13,39;

Ч

«Чало желанное» 1:12,157;
Чало 2:7,157; 7,157;
Чалый 1:10,197;
Чанурин 1:12,244;

Чапугин 2:5,109; 12,236;
Чарджуй 2:8,64; 9,22;
Челмогорский 1:11,133;
Челмогорский Кирилл 1:11,133;

Червоный (Русь Червоная) 1:4,29;
 Черемисина 4:14,96; 11,149; 10,423; 13,28;
 Черемиска 1:12,263;
 Череп 1:15,437;
 Черная Неволя 1:10,369;
 Черная речка 1:13,40;
 Чернигов 2:11,117; 11,229;
 Черница-Калуга 1:5,111;
 Черный Агат 1:7,151;
 Чертова Гора 2:12,332; 12,333;
 Чертоги Духа 1:15,383;
 Чертоги Тепла 1:10,460;
 Четверг 1:13,9;
 Четвертый Рим 2:9,8; 15,520;
 Чикаго 4:7,121; 10,332; 10,359; 12,227;
 Чили 2:11,122; 15,450;
 Чиря 1:11,179;
 Чирин 1:12,321;
 Чугунка 1:10,287;

Чудище 1:6,238;
 Чудь 1:12,257;
 Чужое 1:12,234;
 Чума 1:10,157;
 Чума-потаскуха 1:12,147;
 Чурило 4:10,342; 13,37; 13,36; 13,37;
 черемис 3:12,264; 13,34; 14,99;
 черемисский 2:10,403; 12,201;
 чернавка (девушка-чернавка) 1:12,331;
 черниговский 1:6,252;
 черноморский 1:10,343;
 чеченец 1:15,439;
 чеченский 1:10,399;
 чечня 1:12,220;
 чилийский 1:8,97;
 чудь 1:10,423;
 чукча 1:11,149;
 чумацкий 3:10,400; 11,159; 12,271;
 чухонский 1:13,37;

Ш

«Ша» 1:11,124;
 Шамаим 1:7,143;
 Шамиль 1:15,223;
 Шар (Маточкин Шар) 2:11,134; 13,33;
 Шестикрылый Орел 1:7,143;
 Шестипалый (Иванко Шестипалый) 1:10,197;
 Шестоднев 1:13,7;

Шестокрыл 1:12,242;
 Шёлковая книга 1:13,23;
 Шиллер 1:10,361;
 Шираз 3:12,171; 13,25; 13,26;
 Шуя 1:12,230;
 шамаханский 4:10,331; 12,182; 8,98; 10,449;
 ширазский 1:15,451;

Э

Эдиссон 1:5,107;
 Электричество-вол 1:12,193;
 Эммануил 2:7,144; 7,145;
 Эреб 1:15,501;
 Эрзерум 1:10,359;
 Эрот 1:14,96;
 Эфиопский 2:8,35; 8,93;

эллинский 1:12,152;
 эскимос 2:7,113; 13,7;
 эскимоска 2:10,396; 13,27;
 эскимосский 4:10,372; 12,185; 13,32; 7,245;
 эскуриалы 1:12,214;
 этрусский 1:12,205;
 эфиоп 2:11,230; 12,214;

Ю

Юг 4:2,58; 6,41; 10,346; 7,152;
 Юдо 1:6,238;
 Южный Крест 1:15,514;

Юм 1:8,86;
 Юмала 1:14,99;

Я

Я 1:6,238;
 Ягрема (Красная Ягрема) 1:6,236;
 Яков 2:12,157; 15,451;
 Якутка 1:7,93;

Яр-Кравченко (А.П. Яр-Кравченко) 2:10,448;
 12,272;
 Яр (Анатолий Яр) 2:11,163; 11,166;
 Ярославль 2:11,229; 12,176;

Ярославна 6:10,359; 12,305; 12,228; 13,37;
13,28; 15,456;
Ярославский (Спас Ярославский) 1:5,109;
Ярость 1:6,256;
Ярые Очи 1:10,402;
Ясные Ляги 1:13,35;

Ястреб-дух 1:10,310;
Яссы 1:15,473;
янычар 2:11,113; 12,218;
ярославец 1:9,15;
ярославский 4:11,99; 12,333; 13,41; 5,109;
ярун 1:10,197;

Ө

Өита 1:10,304.

**Список имен собственных и их производных, повторяющихся
в поэзии Н. А. Клюева, по убыванию частоты**

Русь (93)	Алексей (9)	Стратилат (Феодор	Бомбей (5)
русский (75)	Воля (9)	Стратилат) (7)	Брама (5)
Россия (74)	Индия (9)	Углич (7)	Вася (5)
Бог (71)	купальский (9)	Федлоша (7)	Гавриил (5)
Божий (51)	Ладога (9)	Харан/Харран (7)	Гамсун (Кнут Гам-
Христос (45)	Любовь (9)	Хлеб (7)	сун) (5)
Господь (38)	Микола (9)	Царьград (7)	Гурий (5)
Спас (38)	моздокский (9)	Аким (Аким Зябле-	Давид (5)
Сирий (29)	московский (9)	цов) (6)	Димитрий Угличский
Егорий (28)	Нарым (9)	Аленушка (6)	(5)
Андрей Рублёв (25)	Оно (9)	араб (6)	Дух (5)
Волга (25)	Спасов (9)	беломорский (6)	Елпатея (5)
олонецкий (23)	Федя (9)	Борис (6)	Есенин (Сергей Есс-
Параша (23)	бухарский (8)	Валдай (6)	нин) (5)
Москва (20)	Васятка (8)	Владычица (6)	Ефрат (5)
Христов (20)	Влас (8)	господний (6)	зырянский (5)
Иван (19)	Заонежье (8)	Дарья (6)	Исус (5)
Земля (18)	Кольцов	Дон (6)	Каин (5)
карельский (17)	(А.В. Кольцов) (8)	Евстигней (6)	Кижи (5)
Ленин (17)	Коммуна (8)	Заозерье (6)	Кнут Гамсун (5)
татарский (17)	Настенька (8)	Илья (6)	костромской (5)
Богородица (16)	Николенька (8)	Калуга (6)	Крест (5)
Вятка (16)	Печора (8)	каргопольский (6)	Купало (5)
Садко (16)	Распутин (8)	керженский (6)	Лапландия (5)
София (16)	Савватий (8)	Китеж-град (6)	Макарий (5)
Китай (15)	Свет (8)	Коломна (6)	Марсово поле (5)
Рылов (15)	Слово (8)	Лазарь (6)	новгородский (5)
Соловки (15)	Смольный (8)	Лель (6)	Норвегия (5)
Алконост (14)	соловешкий (8)	Ленинград (6)	Павел (5)
Кама (14)	Байкал (7)	Лидда (6)	Памир (5)
лопарский (14)	Гималаи (7)	Лукерья (6)	Парасковия (5)
Онего (14)	Господний (7)	Никита (6)	Пашенька (5)
Аввакум (13)	Димитрий Солунский	Олёха (6)	поморский (5)
Гамаюн (13)	(7)	Онорий (6)	Прасковья (5)
индийский (13)	Европа (7)	Паша (6)	Проня (5)
Китеж (13)	Клюев (7)	Планида (6)	Пустозерск (5)
Вавила (12)	Кострома (7)	Русский (6)	Саваоф (5)
Есенин (12)	ладожский (7)	Сибирь (6)	самоедский (5)
Китоврас (12)	Медост (7)	Стратилат (6)	Саров (5)
Рассея (12)	Митрий (7)	Украина (6)	Светлана (5)
Сиговец (12)	Октябрь (7)	Урал (6)	Святки (5)
Адам (11)	Олонец (7)	Ярославна (6)	Серафим (5)
арабский (11)	Отец (7)	Алтай (5)	Сергей Есенин (5)
Нил (11)	Пушкин (7)	Ангел (5)	сибирский (5)
рублевский (11)	Рим (7)	аравийский (5)	Смерть (5)
рязанский (11)	Рублев (7)	Ариша (5)	Таити (5)
Аринушка (10)	Рязань (7)	Афон (5)	Толя (5)
Волюжский (10)	Светлояр (7)	Багдал (5)	Федор (5)
Петр (10)	Сиам (7)	Бах (5)	Феодор Стратилат (5)
Феодор (10)	Солнце (7)	Библия (5)	Абаз (4)

Анатолий (4)	Паня (4)	Бессмертье (3)	Кола (3)
Арал (4)	Парасковья (4)	Богородицын (3)	Коловратов (3)
Арарат (4)	Паскарага (4)	Боженька (3)	Кондратий (3)
Арина (4)	Пасха (4)	Вавилон (3)	Купава (3)
Будда (4)	Повенец (4)	Варлаам (3)	Куропь (3)
Бухара (4)	Покров (4)	Василиса (3)	«Люди» (3)
Вайгач (4)	Поморие(-ье) (4)	Василько (3)	лапландский (3)
валдайский (4)	Предвечность (4)	Васька (3)	Лаче (3)
Василий (4)	Псков (4)	Вашингтон (3)	Ленинский (3)
Василиста (4)	Пуд (4)	Велес (3)	Ливерпуль (3)
Васиха (4)	пудожский (4)	Византия (3)	Литва (3)
Верлен (4)	Радонеж (4)	Вихрь (3)	Лихо (3)
Вологда (4)	Разин (4)	Владыко (3)	Лопский погост (3)
вотяк (4)	Саваофов (4)	Вольга (3)	лопь (3)
Выга (4)	Сахара (4)	Восток (3)	Лопь (3)
Глеб (4)	Святогор (4)	Выго (3)	Любаша (3)
Данте (4)	святотурский (4)	Габучина (3)	Маланья (3)
Денисов (4)	Север (4)	Ганг (3)	Маркони (3)
Димитрий (4)	Слава (4)	Глинка (3)	Мать (3)
Египет (4)	Сокол (4)	гогофский (3)	Мемелфа (3)
Елисей (4)	Стенькин (4)	Горицы (3)	Менделеев (3)
Ермак (4)	Суббота (4)	Григорий (3)	Миколай (3)
Заонжский (4)	тверской (4)	дамасский (3)	Монблан (3)
Заря (4)	Толстой (4)	Данилово (3)	Мономах (3)
Звенигород (4)	Толтыгин (4)	дебренский (3)	Мы (3)
Змей (4)	Труд (4)	Денисов крест (3)	Нерушимая Стена (3)
Иисус (4)	Утоли Моя Печали (4)	Домна (3)	Никола (3)
Иисусов (4)	(4)	донской (3)	Николай Ильич Архипов (3)
Иона (4)	Февраль (4)	Достоевский (3)	Хипов (3)
Иртыш (4)	хазарский (4)	Дребезда (3)	Никон (3)
иудин (4)	Цареград (4)	Ева (3)	никонианец (3)
Калсвала (4)	Царь (4)	Егорьев (3)	Ной (3)
Киес (4)	Черемисина (4)	Еруслан (3)	Обь (3)
Коловрат (4)	Чикаго (4)	Жигули (3)	Ольга (3)
Куликово поле (4)	Чурило (4)	Зой (3)	Ослябя (3)
«Ленин» (4)	шамаханский (4)	Зороастр (3)	остяк (3)
Лебедь (4)	эскимосский (4)	Ильич (Николай Ильич Архипов) (3)	Палеостров (3)
Лев (4)	Юг (4)	Ипат (3)	Париж (3)
Ломоносов (4)	ярославский (4)	Кааба (3)	Пегас (3)
Львиный Хлеб (4)	Висла (3)	Кавказ (3)	Пересвет (3)
Мемфис (4)	Адамов (3)	Казбек (3)	нечерский (3)
Месяц (4)	Аз (3)	Каир (3)	Поволжье (3)
Микула (4)	Александрия (3)	Калистрат (3)	половецкий (3)
Микулов (4)	Алексий (3)	калужский (3)	поморянин (3)
Назарет (4)	Алеша (3)	Карела (3)	Пресня (3)
Нафанаил (4)	Анастасья (3)	Кашмир (3)	Принять (3)
невский (4)	Андрей (Рублев) (3)	Кашей (3)	Пров (3)
немец (4)	Анна (3)	Ксень (3)	пудожане (3)
Новгород (4)	Архангельский (3)	Керженец (3)	Рассвет (3)
нумидийский (4)	Архипов (Николай Ильич Архипов) (3)	киргиз (3)	Рождество (3)
Одигитрия (4)	багдадский (3)	китожский (3)	Романовский дом (3)
Ока (4)	Батый (3)	Клим (3)	Ростов (3)
ордынский (4)			саровский (3)

Свобода (3)	Блок (Александр	Добро (2)	китайчонок (2)
Сезанн (3)	Блок, А. Блок) (2)	Евдокия (2)	Коврига (2)
Селиверст (3)	Блудница (2)	Екатерина (2)	Кондрат (2)
Сиг (3)	Бог богов (2)	Елеазар (Анзерский	Коран (2)
сидонский (3)	Богомать (2)	Елеазар) (2)	корейцы (2)
Силивверст (3)	Буг (2)	Елена (2)	костромич (2)
Сион (3)	Буки (2)	Енисей (2)	Краков (2)
славянский (3)	Буян (2)	Ерема (2)	Красный Адам (2)
Снафида (3)	«Вставай, подымай-	Есть (2)	Креститель Иван (2)
Судьба (3)	ся» (2)	Ефросинья (2)	Крым (2)
Фавор (3)	вавилонский (2)	Жалость (2)	Кудеяр (2)
Федосья (Федосья-	Валаам (2)	Жених (2)	Купина (Неопалимая
колосовица) (3)	Ваня (2)	Жизнь (2)	Купина) (2)
халдейский (3)	Варвара (2)	заозерье (2)	Лаба (2)
холмогорский (3)	Варяг (2)	Звук (2)	Лада (2)
цареградский (3)	Васильев (2)	Зингер (2)	Левифан (2)
цыганский (3)	Васяткин (2)	Зиновьев (2)	лель (2)
чумацкий (3)	Велесов (2)	Золотая Орда (2)	Лесной Пономарь (2)
Шираз (3)	Великий Сиг (2)	Зосим (2)	лешанин (2)
Ава (2)	Великий Сфинкс (2)	зыряне (2)	Лик (2)
Аверкий (2)	веницейский (2)	Зяблецов (Аким Зяб-	Лихой Сокол (2)
Авось (2)	Верхарн (2)	лецов) (2)	Ляксандр (2)
агарянский (2)	Ветлуга (2)	Иван (Креститель	«Марсельеза» (2)
Агат (2)	вифанский (2)	Иван) (2)	Магомет (2)
Адамова трава (2)	Владимир Кириллов	Иван Великий (2)	Мадонна (2)
Акимушка (2)	(2)	Иван Калита (2)	Маргарита (2)
Акуля (2)	вогул (2)	Иван Третий (2)	марийский (2)
Алисафия (2)	Возмездье (2)	Изба (2)	Мария (2)
Альфа (2)	Волынь (2)	Изумруд (2)	Мария (Вифанская)
амстердамский (2)	Вороний бор (2)	Ильмень (2)	(2)
Анатолий Яр (2)	Врубель (2)	Ильюша (2)	Маркс (2)
Андома (2)	Всесвпшний (2)	Иоанн (2)	Марс (2)
Андрей Рублев (2)	Вселобящий (2)	Иоаннов (2)	Маруся (2)
антихрист (2)	всерусский (2)	иорданский (2)	Марфа (Вифанская)
Антроп (2)	всеславянский (2)	Иуда (2)	(2)
аракчеевский (2)	Выгов (2)	«Каин» (2)	Матерь-Русь (2)
Арапка (2)	вятич (2)	«Красная газета» (2)	Матка (2)
Архип (2)	вятский (2)	Калита (Иван Калита)	Маточкин Шар (2)
Архистратиг (2)	Гастев (2)	(2)	Мать-Гланида (2)
ассирийский (2)	Генисарет (2)	калуцкий (2)	Мать-Суббота (2)
Балтийский Лев (2)	Гогафа (2)	каропопы (2)	Маяковский (2)
Балтийское море (2)	Горыныч (2)	Карпаты (2)	Мекка (2)
баянов (2)	Господи Исусе (2)	Карфаген (2)	мидийский (2)
бедуинский (2)	Гостомысл (2)	Катерина (2)	Миколушка (2)
бедуины (2)	Гребешков (2)	Кашеев (2)	Миня (2)
Бездна (2)	Григорий Новых (2)	Кемский берег (2)	Мир (2)
Белая Индия (2)	Грицько (2)	Кереметь (2)	Митя (2)
Белое море (2)	Грузия (2)	Кирилл (Челмогор-	Михаил (2)
Белозерье (2)	Дамаск (2)	ский Кирилл) (2)	Михайло (2)
Белый брат (2)	Даниил (2)	Кириллов (Владимир	Мологьба (2)
Бессмертное (2)	Двина (2)	Кириллов) (2)	Моряна (2)
Бийск (2)	Дева-Любовь (2)	Кириллов (2)	Мурка (2)
	День (2)	китайский (2)	

Наджда Андреевна	Покой (2)	Скрябин (2)	Сердец (2)
Обухова (2)	Почаев (2)	Сладкое Лобзание (2)	Уран (2)
Нарва (2)	Пошехонье (2)	Солнцевая баба (2)	Успение (2)
Настя (2)	Прага (2)	Соловецкий остров	Устюг (2)
Начало (2)	Прасковьян (2)	(2)	устожский (2)
Нева (2)	Пречистый Спас (2)	Солунский (Митрий	Фелог (2)
Невечерний свет (2)	Пролеткульт (2)	Солунский) (2)	Фелька (2)
Неопалимая Купина	Псковский (2)	Сорский Нил (2)	Феодоровский собор
(2)	пустозерский (2)	София (Палеолог	(2)
Ниагара (2)	пушкинский (2)	София) (2)	Феодосий (2)
Низги (2)	Равенство (2)	София (Перовская	Фет (2)
Николай (2)	распутинский (2)	София) (2)	Фрол (2)
нильский (2)	Рассея-матка (2)	Спас (Пречистый	Царица (2)
Ницца (2)	российский (2)	Спас) (2)	Царское Село (2)
«Ответы» (2)	Рублев (Андрей Руб-	Спаситель (2)	Царскосельский (2)
Октябрина (2)	лев) (2)	Спаситель Мира (2)	Цвстник (2)
Омега (2)	Рюрик (2)	Споручница Грешных	царь Давид (2)
Орипа (2)	Рязь (2)	(2)	цыганка (2)
Оторопь (2)	Савва (2)	Суда (2)	Чадло (2)
Отчий дом (2)	Савелий (2)	суздальский (2)	Чапыгин (2)
Пай-я (2)	Салим (2)	Сусанна (2)	Чарлжуй (2)
Палестина (2)	самоед (2)	Суслов (2)	Чернигов (2)
Пан (2)	Саровская пустыня	Сутемки (2)	Чертова Гора (2)
Парагвай (2)	(2)	Сфинкс (2)	Четвертый Рим (2)
Параня (2)	Саровский (Серафим	Сын (2)	Чили (2)
Парасковьян (2)	Саровский) (2)	татарий (2)	черемисский (2)
Парасковьюшка (2)	Саул (2)	татарка (2)	черемисы (2)
Парсифаль (2)	Свет Неприступный 2	тагарщина (2)	Шар (Маточкин Шар)
Парфён (2)	«Свете тихий» (2)	Татьянин (2)	(2)
Пафнутьюшка (2)	Светланин (2)	Тверь (2)	Эммануил (2)
Перекоп (2)	Светлый Спас (2)	Творец (2)	Эфиопский (2)
Пермяк (2)	Святая Русь (2)	Тибет (2)	эскимос (2)
Перовская София (2)	Секир-гора (2)	Тициан (2)	эскимоска (2)
персидский (2)	Селигер (2)	тунгуз (2)	эфиоп (2)
Перунов (2)	Семирамида (2)	Тунис (2)	Яков (2)
Песнослов (2)	Сенька (2)	Тургенев (2)	Яр-Кравченко
Петров (2)	Серафим Саровский	тушинский (2)	(А.Н. Яр-Кравченко)
Петроград (2)	(2)	Ты (2)	(2)
Петропавловский (2)	Сиговый Лоб (2)	тютчевский (2)	Яр (Анатолий Яр) (2)
печенег (2)	Сильверст (2)	Удавна (2)	Ярославль (2)
Питер (2)	Симеон (2)	Удмлена (2)	янычар (2)
Познания Скала (2)	Сирий-птица (2)	Умягчение Злых	

[Издание]

С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич

НА ЗОЛОТОМ ПОРОГЕ НЕМЕРКНУЩИХ ВРЕМЕН
Поэтика имён собственных в произведениях Н. Клюева

Печатается в авторской редакции

Подп. к печати 21. 11. 2006 г. Формат 60х84 1/16. Бумага ксероксная. Печать – ризограф.
Уч.-изд. л. 18,1. Усл. печ. л. 15,2. Тираж 200 экз.

160035, Вологда, С. Орлова, 6, ВГПУ, изд-во «Русь»

Отпечатано: ООО «ИПЦ «Легия»,

160031, Вологда, Октябрьская, 19, к. 116.